

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 4 (32)

2014

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Андронов И. Е.</i> История для массового читателя в XVI в.: «Хроника» Христиана Эгенольфа	5
<i>Ставицкий В. В.</i> Волжские финны в эпоху Великого переселения народов: историографический обзор	17
<i>Карнишина Н. Г.</i> Реформа местного самоуправления в России во второй половине XIX в.: взгляд современников	25
<i>Ульянов А. Е., Тетерина Е. А.</i> Сравнительная обеспеченность угодьями бывших помещичьих, государственных и удельных крестьян Симбирской губернии в последней трети XIX – начале XX в.	35
<i>Лохова Т. В.</i> Сельское хозяйство Краснодарского края в 1941–1945 гг. (к вопросу об историографии проблемы)	47
<i>Зелёв М. В.</i> Сталинские инженеры и хозяйственники в зарубежной историографии 1950–1980-х гг.: от первых подходов до ревизионистской концепции	66
<i>Тимошина С. А.</i> Проблемы войны и мира на страницах советских газет в период начала «холодной войны» (1946–1953 гг.)	78
<i>Хромов Е. А.</i> Кадровый состав руководящих работников Советов народного хозяйства РСФСР в 1957–1964 гг.: просопографический анализ	88
<i>Дрякин А. Б.</i> Энергетическая дипломатия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: основные аспекты и направления	102

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Шарыпина Т. А., Меньщикова М. К., Полуяхтова И. К.</i> Миф и европейское литературное сознание XIX–XX вв. (проблемы мифопоэтики и мифотворчества в трудах нижегородских учёных)	111
<i>Рябова А. А., Жаткин Д. Н.</i> Кристофер Марло и русская литература второй половины XX – начала XXI в.	125

Тимашова О. В. Комедия «Раздел» (1853) в драматургической системе раннего А. Ф. Писемского и в контексте журнала «Современник».....	140
Киселева Е. А. Шопенгаурианские мотивы в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева	150
Сморчкова К. В., Кезина С. В. Психологизм лексики цвета в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим»	162
Данюк А. Н., Щеплыкин И. П. Основные этапы изучения публицистики В. Г. Короленко.....	175

ПЕДАГОГИКА

Викулина М. А. Гуманитарная сущность профессиональной подготовки современного учителя	186
Кулиева Е. К. Развитие универсальных учебных действий студентов на основе смыслообразующего изучения иностранного языка.....	196
Шайденко Н. А. Анализ зарубежного опыта подготовки педагогических кадров	204
Калязина Д. М., Соколов Н. Е., Федорова А. Е. Обоснование выбора платформы для обучения студентов экономических вузов основам Business Process Management	211
Пашин А. А., Васильева А. М., Мухамеджанова В. Ф. Потребности и мотивы здорового образа жизни студенческой молодежи	219
Родионов М. А., Макарова С. А. Методологические основы проектирования мотивационно ориентированной среды учреждения дополнительного образования.....	229
Сумин В. И., Чумакова В. В. Оптимизация процессов обучения с помощью модели Adstock	239
Голувишкина М. В., Воячек О. С. Нравственный аспект языкового образования будущих юристов (на материале английского языка).....	247
Миханова О. П. Общекультурные компетенции: диагностика (часть I).....	256

РЕЦЕНЗИИ

Карнишин В. Ю.	264
-----------------------------	-----

**UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION**

HUMANITIES

№ 4 (32)

2014

CONTENTS

HISTORY

<i>Andronov I. E.</i> History for XVI century mass readers: “Chronik” by Christian Egenolff.....	5
<i>Stawitsky V. V.</i> Volga river finns in the age of the Great migration: historiographic review.....	17
<i>Karnishina N. G.</i> The reform of local self-government in Russia in the second half of XIX century: views of contemporaries	25
<i>Ulyanov A. E., Teterina E. A.</i> Comparative degree of land possession of landowner’s, state’s and appanage peasants in Simbirsk province in the last third of XIX – early XX centuries	35
<i>Lohova T. V.</i> Agriculture of Krasnodar region in 1941–1945 (on the issue of historiography of the problem).....	47
<i>Zelev M. V.</i> Stalin’s engineers and economic executives in foreign historiography of 1950s–1980s: from first approaches to revisionist commission.....	66
<i>Timoshina S. A.</i> Problems of war and peace in Soviet newspapers in the beginning of the Cold War (1946–1953).....	78
<i>Khromov E. A.</i> Executives of the councils of national economy of the RSFSR in 1957–1964: prosopographic analysis	88
<i>Dryakin A. B.</i> Russia’s energy diplomacy in the Asia-Pacific: key aspects and trends	102

PHILOLOGY

<i>Sharypina T. A., Menshchikova M. K., Poluyakhtova I. K.</i> The myth and the european literary consciousness of the XIX–XX centuries (a problem of mythopoetics and mythmaking in the works by the Nizhny Novgorod scientists)	111
<i>Ryabova A. A., Zhatkin D. N.</i> Christopher Marlowe and the Russian literature in the second part of the XX – the beginning of the XXI century	125

<i>Timashova O. V.</i> The comedy “The division” (1853) in the dramaturgy system of early works by A. F. Pisemsky and in the context of “Sovremennik” journal	140
<i>Kiseleva E. A.</i> Schopenhauer theme in Turgenev’s prose poems	150
<i>Smorchkova K. V., Kezina S. V.</i> Color psychologism in the M. Yu. Lermontov’s novel “Vadim”	162
<i>Danyuk A. N., Scheblykin I. P.</i> Main stages of studying V. G. Korolenko’s social and political journalism	175

PEDAGOGY

<i>Vikulina M. A.</i> Humanitarian essence of the modern teacher professional training	186
<i>Kulieva E. N.</i> Development of universal educational actions based on semantic cohesion of students learning a foreign language	196
<i>Shaydenko N. A.</i> Analysis of foreign experience in teachers training	204
<i>Kalyazina D. M., Sokolov N. E., Fedorova A. E.</i> Substantiation of the choice of educational software to teach basic Business Process Management to students of economic universities	211
<i>Pashin A. A., Vasilyeva A. M., Mukhamedzhanova V. F.</i> Needs and motives of a healthy lifestyle of student youth	219
<i>Rodionov M. A., Makarova S. A.</i> Methodological basis of designing a motivation-oriented medium at an additional education institution	229
<i>Sumin V. I., Chumakova V. V.</i> Optimizing the learning process using the Adstock model	239
<i>Golovushkina M. V., Voyachek O. S.</i> Moral aspect of future lawyers’ linguistic education (on the basis of the English language material)	247
<i>Mikhanova O. P.</i> Common cultural (basic/key) competences: assessment (part I)	256

CRITICAL REVIEWS

<i>Karnishin V. Yu.</i>	264
-------------------------------	-----

УДК 930.1(4-011)

И. Е. Андронов

ИСТОРИЯ ДЛЯ МАССОВОГО ЧИТАТЕЛЯ В XVI в.: «ХРОНИКА» ХРИСТИАНА ЭГЕНОЛЬФА

Аннотация.

Актуальность и цели. «Хроника» Христиана Эгенольфа (1535) – одна из самых популярных немецкоязычных книг по истории, практически не известная исследователям за пределами германского мира. Анализ её содержания позволяет описать наиболее расхожую среди непрофессионалов общеисторическую концепцию, определить симпатии читающей публики, условия коммерческого успеха сочинения по истории.

Материалы и методы. Анализ текста «Хроники» должен сопровождаться сравнением её с наиболее популярными в Европе 1530-х гг. историческими сочинениями, особенно написанными на латинском и немецком языках. Методологическим новшеством является привлечение для исследования в качестве объекта не учёного сочинения, а книги для массового читателя как отражения общераспространённых взглядов.

Результаты. Исследование опровергает распространённый взгляд на вторичный характер этой книги по отношению к работам предшественников – Штайнхёвеля и Шеделя. Историческая концепция «Хроники» исследована в статье как отражение общераспространённых сведений из истории и географии; полученная таким образом картина гуманитарного кругозора массового читателя является репрезентативной для Германии и в целом для Западной Европы середины XVI в. Такие результаты имеют ценность для более комплексных исследований по историографии эпохи Реформации и Контрреформации.

Выводы. Полученные результаты имеют особую ценность для изучения различных сюжетов историографии XVI в., поскольку позволяют сопоставить картину изменений в историческом знании, вызванных теми или иными проявлениями научного прогресса, с картиной кругозора широких читательских масс, неизбежно накладывающей отпечаток на восприятие обществом передовых идей. Рыночные факторы, коммерческий успех «Хроники» являются важным свидетельством того, что современное ей общество разделяло её основные концептуальные установки.

Ключевые слова: раннее Новое время, массовая литература, немецкая историография, перенос империи, история чтения, историография XVI в., книжное дело.

I. E. Andronov

HISTORY FOR XVI CENTURY MASS READERS: “CHRONIK” BY CHRISTIAN EGENOLFF

Abstract.

Background. The Christian Egenolff’s Chronik (1535) is one of the most popular historical books in German language, which is nevertheless virtually ignored by historians outside of the German-speaking lands. Its analysis allows to describe the

most stereotyped general historical concept, to identify likings of the reading public and conditions of commercial success of the book on history.

Materials and methods. The analysis of Egenolff's "Chronik" must be conducted in constant comparison to other popular historical texts of that epoche, especially those written in Latin or German. The methodological novelty is represented by using not the scholarly composition, but a mass reader's book as the reflection of the common knowledge.

Results. The research refutes the prevailing view to this book as a secondary one to Steinhöwel's or Schedel's Chronicles. The historical conception of the "Chronik" was considered mainly as an echo of the most common knowledge in historical and geographical matters. The obtained picture of the humanitarian mass reader's horizons is quite representative of the XVIth century Germany and of West Europe as well.

Conclusions. The results of this research are valuable practically for any study of the XVIth century historiography since they allow comparing the new tendencies caused by the most prominent works of other manifestations of the scientific progress with the views of broad masses of readers, which inevitably impacts the way the society interprets the most advanced ideas.

Key words: Early Modern History, Mass Literature, German Historiography, translatio Imperii, History of reading, Historiography of the XVIth century, book production.

В первой половине XVI в., в эпоху особенно активного формирования европейского книжного рынка, появление исторической литературы для массового читателя играло особенно важную роль в приготовлении почвы для межконфессионального конфликта. Среди тех, кто внимал Лютеру и его последователям, было немало тех людей, которые приобщились к чтению благодаря появлению в ярмарках и в лавках посвящённых истории недорогих книжек. Интересно отметить, что, хотя информация религиозного содержания присутствовала в этой «массовой» литературе довольно широко, её количество с течением времени заметно увеличивается, что является, в свою очередь, значимым маркером роста общественного интереса к религиозной тематике.

Ярким примером для изучения этой тенденции может стать творчество известного страсбургского издателя Христиана Эгенольфа¹ (1502–1555). В 1516 г. Эгенольф начал учёбу в университете Майнца; там же – на родине книгопечатания – он обучился ряду ремёсел, связанных с книжным производством. Самым технологически сложным было литьё шрифтов из различных сплавов; для того чтобы овладеть им в совершенстве, Эгенольф отправился (видимо, в 1524 г.) в Страсбург, к издателю Вольфгангу Кёпфелю. В 1528 г. молодому мастеру удалось открыть собственную мастерскую, но уже в конце 1530 г. он был вынужден покинуть признанный европейский центр книжного производства и переехать во Франкфурт-на-Майне. Во Франкфурте конкуренция отсутствовала, а спрос на книжную продукцию был велик.

¹ Литературы об этом интереснейшем представителе позднего немецкого Возрождения, человеке различных интересов, по основному роду занятий – книгоиздатель, совсем немного. Недавняя публикация (Christian Egenolff. 1502–1555. Ein Frankfurter Meister des frühen Buchdrucks aus Hadamar. Limburg, 2002) посвящена главным образом краеведческому материалу и библиографической информации [1]. Не утратила научного значения статья Йозефа Бенцинга из Neue Deutsche Biographie [2], а также справочные издания [3, 4].

Переезд и получение патента на книгоиздательскую деятельность были беспроблемным ходом: в городе, знаменитом своей книжной ярмаркой, отсутствовало собственное стабильное книжное производство! После открытия издательства Эгенольфа книжное производство во Франкфурте уже никогда не прерывалось. Кроме того, на протяжении нескольких лет работали филиалы в Аугсбурге и Марбурге, где Эгенольф был даже официальным университетским издателем. Йозеф Бенцинг насчитал 45 наименований книг, выпущенных этим издательством в Страсбурге, около 90 – в Марбурге и свыше 430 – во Франкфурте, отмечая, что эти данные скорее всего не полны [2, s. 325]. В искусстве изготовления шрифтов Эгенольф также достиг небывалых высот: большинство современных ему германских типографий заказывало шрифты у него [5, s. 467–468].

Как и другие издатели той эпохи, Эгенольф имел свои выраженные тематические предпочтения. Особенно охотно (и коммерчески успешно) он издавал книги по ботанике, медицине, в меньшей мере – по богословию; популярны были справочники франкфуртских законов, вышедшие в типографии Эгенольфа в более позднюю эпоху. Больше всего это издательство прославилось своими нотными публикациями, для чего авторы модифицировали заимствованные из Франции стандарты печатной нотной грамоты, что внесло значительный вклад в формирование современного нотного письма.

Приобретший широкий гуманистический кругозор в одном из лучших европейских университетов, Христиан Эгенольф и сам изредка выступал в роли автора. За основу своего самого известного исторического сочинения Эгенольф взял весьма популярную в предшествующем столетии «Немецкую хронику» Генриха Штайнхёвеля¹ [6], сыгравшую в своё время (1473 г.) важную роль в становлении общегерманской исторической перспективы. Хроника Штайнхёвеля, дополненная и доведённая до эпохи императора Карла V «опытным» летописцем Якобом Кёбелем, была переиздана Христианом Эгенольфом во Франкфурте в 1531 г. [7]. Некоторое время спустя Эгенольф пожелал развить коммерческий успех, издав в 1535 г. под собственным именем глубоко переработанный и существенно расширенный текст [8].

Текст рассматриваемой книги Эгенольфа состоит из нескольких субстратов, каждый из которых может быть изучен и отдельно от других. Прежде всего это текст Штайнхёвеля. Он является композиционной основой, от него отгалкивается Эгенольф для создания собственной исторической концепции. Следы текста Штайнхёвеля заметны повсеместно; для основной части текста они составляют хронологическую канву. И всё же этого недостаточно, чтобы вместе с некоторыми современными немецкими учёными рассматривать данную книгу как очередную публикацию «Немецкой хроники». Так было сделано, к примеру, при подготовке в Марбурге масштабной интернет-публикации немецкоязычной литературы Возрождения [9].

Написанное Эгенольфом краткое вступительное слово следует всем традиционным канонам такого рода текстов. Следует подчеркнуть, пожалуй,

¹ Генрих Штайнхёвель (1412–1480) – немецкий гуманист, известный своими переводами (в первую очередь – авторов итальянского Ренессанса). «Немецкая хроника» – первый печатный текст такого рода, опубликованный в качестве приложения к сборнику переводов. Распространённая в Интернете версия, согласно которой сочинение Эгенольфа представляет собой редакцию «Нюрнбергской хроники» Хартмана Шедела, является несостоятельной.

лишь настойчивость автора в утверждении: весь изложенный далее в книге материал демонстрирует волю Господа. Типичный для гуманистической историографии топос практической пользы для читателя определяется двояко – как возможность на основании чтения разобраться в том, что есть Добро, а что Зло, а также как возможность определения своего положения по отношению к этим категориям. Отметим этот момент: необходимость «определить свою позицию» автор выставляет в качестве важного приоритета для своего читателя.

А ещё подлинные истории обнаруживают, что они никогда не бывают настолько дурны, чтобы не принести какую-либо пользу добросердечному читателю. Дурные покажут, какого примера следует избегать; хорошие нужны для того, чтобы он их примерял на себя, подражал им, а из иных ситуаций учился их избегать и поступать так, чтобы они не случались. Ибо богобоязненному человеку проповедают все твари, как у Иова в 12 Книге: «спроси у скота, и научит тебя, у птицы небесной, и возвестит тебе. Или побеседуй с землею, и наставит тебя, и скажут тебе птицы морские», как учит нас и Иисус в Матф. 6 взглянуть на птиц и смотреть на полевые цветы. И у этих созданий и творений Божьих учится благочестивый человек больше, чем все безбожники из всех Библий и Писаний.

Поэтому «Истории» пишутся не для того, чтобы в них находить только события и дивиться им, а для того, чтобы видеть в них Промысел Божий и воспринять его в тиши, со словами Давидовыми из 8 Псалма на устах, чтобы каждый на Земле с чистыми чувствами непредвзято рассмотрит язычников и еретиков, с тем, чтобы отделить золото от нечистот, чтобы не дать смешать истину с ложью, чтобы почитать эту истину больше, чем чистое золото, и чтобы любить Господа даже в (деяниях) язычников, иудеев и еретиков. Так и следует это читать, и тогда польза от этого будет немалой [...] Здесь ты увидишь грех и искупление его, и наказание за него, справедливость и воздаяние за неё, и начало и того, и другого, и возмездие, и результаты, и средства, и конец его, и снова начало. Кто беден, найдёт здесь своё утешение, кто богат и высокомерен, найдёт здесь окончательное о себе суждение и печальный исход, Кто высоко, тот увидит, как он падёт, кто низко, – как воспрянет [8, f. ij].

Очевидно, эта риторика предназначена не для состоятельных и не для власть имущих. Классовая ориентация на среднего грамотного горожанина подтверждается, к слову, и скромностью оформления издания. Книга вышла на совсем не дорогой, хотя довольно прочной бумаге, её небольшой объём при богатом тематическом разнообразии повествования предполагает не особо искушённую аудиторию, падкую на всякого рода сенсации, легковёрную и не требующую особенных доказательств. Будущий читатель обязательно заметит при выборе книги крупный шрифт и подчёркнуто простой язык (разумеется, книга написана на немецком – о латыни не может быть и речи), обильные портретные иллюстрации (подчас довольно схематические). Итак, перед нами здание для простолюдинов, для хранения дома и назидательного чтения, возможно, с семьёй. Главная декларируемая цель автора – показать, что поскольку мир есть реализация божьей воли, то наблюдение за всем произошедшим столь же полезно для праведника, как и «наблюдение за небесами», т.е. знакомство с истинами религии.

Собственно «Хроника» начинается с рассказа о сотворении мира, за которым следует краткое географическое описание известных автору земель. Помимо германских земель, хорошо ему знакомых, в описание попадают также Восточная Европа, Прибалтика и другие части европейского континента; чем дальше они расположены от Германии, тем более крупными частями земли описываются. Африка описывается целиком, в ней различаются только Египет и Эфиопия, где «живут удивительные звери и люди» [8, f. 3v]. Среди африканских народов встречаются, например, ихтиофаги – питающиеся исключительно рыбой племена. Автору известен город Каир, а также то, что по величине он «примерно равен Ульму или половине Нюрнберга». В понятие «Германия» входят, помимо привычных для нас земель, также Голландия (со всеми историческими землями), прибалтийские страны, Богемия, Дакия и «полуостров», т.е. Дания. Конечно, к Германии относятся и Австрия со всеми историческими землями, и Швейцария, и Эльзас.

Хотя с помощью заголовка Эгенольф позиционирует свою книгу как «Хронику», т.е. текст, имеющий отношение к прошлому в его хронологическом разрезе, её открывает материал географического характера. Историческая информация внедрена в него несистематически и непредсказуемо, искать её там было бы невозможно (её присутствие ничем внешне не обозначено) и бессмысленно. Географическое описание известных автору земель следует распространённой схеме многочисленных «хорографий», бывших одним из популярнейших книжных жанров на протяжении всего XVI в.

Первым идёт географическое описание различных германских земель, помещённых, таким образом, в своеобразный идейный «центр повествования», культурно-географический «пуп Земли». Сначала даётся географическое описание знакомых автору (и представляющих интерес для читателя) земель [8, s. 4v–11v], включающее некоторые нетривиальные подробности (например, отмечено круглосуточное пьянство немцев). Затем, вопреки логике, помещён краткий рассказ о семи мудрецах Греции с характеристикой каждого из них и приписываемыми им высказываниями. Далее следует пространное описание «Татарии» и турецкой державы [8, s. 15r–17v]. Этот поворот обнаруживает стремление Эгенольфа угодить острому читательскому интересу к Турции и связанным с нею проблемам. Актуальность турецкой темы объясняется, конечно, обострившимся военным противостоянием, в частности недавней осадой Вены. Турция описана очень познавательно, материал собран из различных источников. Нечего и говорить о том, что у Штайнхёвеля ничего подобного не было (и в его эпоху и быть, видимо, не могло). Отметим к слову, что в итальянской литературе, более замкнутой на барочные модели, на классическую гуманистическую тематику, такого интереса не слишком образованной читающей публики к заморским чудесам, к иноверцам и вообще к «врагам христианского рода» отметить нельзя. И это при том, что папство играло ведущую роль в организации сопротивления христианской Европы турецкой угрозе, а католическая церковь – в определении политико-культурных ориентиров позднего Возрождения! Турецкая тема развита рассказом о Магомете и пересказом некоторых мест из Корана [8, s. 20r–22v]. Эгенольф знает, что Коран – это «свод законов и веры»¹

¹ Gesetz, Artikel und glaub.

[8, s. 21v], однако основное внимание он уделил всё-таки упоминаниям в нём христиан, иудеев, их святых и их священных книг. Соразмерно подробен также рассказ об иудеях, их религиозных праздниках и обычаях, о традициях, церемониях и проч. [8, s. 23r–26v].

Географические познания Эгенольфа выглядят весьма характерно. Целевая аудитория данной книги – это, очевидно, читатель-немец, житель огромной территории в центре Европы. Соседние страны этому читателю чужды, но знакомы и потому неинтересны. Страны подальше вновь обнаруживают свою привлекательность, поскольку сочетают в себе фактор отчасти известного и малопонятного (например, Московия). Очень интересна Турция: она сильна, опасна, но живёт с точки зрения германского (европейского) обывателя середины XVI в. «неправильно». Как при более развёрнутых описаниях турецких реалий, так и часто при кратких упоминаниях упор делается на различия, а не на сходства; отличия от христианского мира – это «странно», это неправильно, это вызывает интерес, смешанный со страхом. Такая подача информации подогревает интерес к ней; успокаивает только то, что христиан «больше»: помимо папского Рима, есть ещё два десятка христианских конфессий. Среди этих конфессий встречаются не только реально существовавшие, но и вымышленные, вроде последователей Пресвитера Иоанна.

Об уровне тогдашних географических представлений говорит тот факт, что среди населения Земли упомянуты люди с собачьими головами, рогами, одноногие бегуны из Эфиопии, которые в жаркий день закрываются своей единственной, но очень широкой ступнёй от Солнца, и прочие подобные народы¹ [8, s. 3r]. Топоним *Rusia*, *Reussen* или *Ruthenia* зарезервирован за территорией, граничащей на западе с Пруссией, а на севере – с Польшей. Восточным соседом её является Московия. Среди совсем немногих сведений о ней говорится, что это большое княжество в 400 миль в длину и ширину, и что её жители согреваются напитком, который готовится «из овса и мёда с водой». Этот напиток настолько крепок, что горит, если его поджечь. «Два или три раза в году, – сообщает Эгенольф, – пьянство без ограничений дозволится, а в другие моменты карается смертной казнью». Сообщается также, что московиты «продают своих детей и самих себя только ради того, чтобы выручить достаточное количество грубой пищи, ибо они часто страдают от жестокого голода» [8, s. 8v]. Тема пьянства – отнюдь не только применительно к московитам – вообще заметна в сочинении Эгенольфа, в отличие от «Немецкой хроники» Штайнхёвеля. Перед нами – пример действия новых ценностей, получивших распространение вследствие проповеди Лютера. По мере дальнейшего отдаления от германской ойкумены знания становятся всё более отрывочными, а попытки дать объяснение известным фактам – всё менее серьёзные. Например, Эгенольф считает, что название «Сирия» произошло от Ассирии, а армяне называются так из-за своей бедности (*arm* – по-немецки «бедный»).

Собственно, историческая концепция опирается на «Хронику Кариона» – первую протестантскую хронику, переведённую на латинский язык и переработанную Меланхтоном [10]. В частности, отсюда заимствована пе-

¹ Дается абсолютно серьёзная сноска на Плиния, Исидора Севильского и Августина.

риодизация истории на семь «эпох», принятая «для наибольшей пользы читателя». Семь традиционных эпох – общее место историографии второй половины XV и начала XVI в. Эгенольф повторяет расхожую схему, причём отмечает, что в первоисточнике этой периодизации – у Евсевия – этих эпох шесть (четвёртая эпоха, по Евсевию, – «Царство Давидово» – соответствует четвёртой и пятой «по Библии и Иудеям» – «Исходу из Египта» и «строительству Храма»). Представления обо всех эпохах, за исключением последней, сложены по Ветхому Завету¹; собственно, история (более или менее самостоятельная работа автора) начинается с рассмотрения последней. Тезис о 6000-летнем существовании мира подхвачен, без сомнения, из «Хроники Кариона». Сообщается, что первые два тысячелетия – это время «пустыни», вторые – «закона» (под этими красочными эпитетами имеется в виду время до и после Закона Моисеева), и, наконец, последние две тысячи лет станут «эпохой Христа». Когда они подойдут к концу, мир рухнет [8, s. 32г].

Вся хроника, как это было заведено, была «нанизана» сначала на библейскую историю, к которой добавлялись рассказы о римских царях, а затем – на перечень римских императоров от Юлия Цезаря вплоть до ныне правящего Карла V. Перечень императоров был главным фактором, обеспечивавшим континуитет истории последней эпохи от Иисуса Христа к современности. Поворотным моментом всей истории является «перенос империи» (*translatio imperii*). Отметим, что в тексте Штайнхёвеля этого нет, хотя череда пап и императоров (описываемых попеременно) также является фактором континуитета и обеспечивает цельность концепции² [6, f. 63]. У Штайнхёвеля папство описывается как нечто структурно единое, имеющее чёткую последовательность и очерёдность. История Эгенольфа многовекторна, гораздо более сложна композиционно.

Уникально оформление Эгенольфом «переноса империи», представленного как нечто само собой разумеющееся, как продолжение прежней линии, а не разрыв с прошлым. В упомянутом выше перечне императоров после Никифора и Михаила следующим номером идёт сразу Карл Великий, и никаких особенных комментариев не делается.

В течение двух лет после правления его шурина Ставракия этот император (Михаил I Рангаве – И. А.) правил мирно, хотя ему и приходилось сражаться против болгар. Наконец, он был побеждён, потеряв не только своё войско, но и мужество, и сердце, и тогда он в сомнении отступился от императорской власти (Keyserthumb), ушёл в монастырь и жил там до самой смерти.

Карл Великий был коронован папой Львом III как римский император; он доблестно сражался с оружием в руках против всего мира. И тогда всему миру явились его пригодность (для того чтобы стать следующим императором – И. А.), и любовь к нему многих, и он вновь подчинил себе своей добродетелью и силой Римскую Империю, и правил 14 лет [8, s. 88г].

Далее кратко описываются отдельные походы Карла и династическая политика. При этом медальоны с изображением Михаила I и Карла помещены рядом, как это делалось выше при описании соправителей. В другом

¹ Крайне редко встречаются упоминания других источников, например Плиния и Иосифа Флавия.

² *Temporum descriptio secundum Ysidorum* (SIC!).

месте «Хроники» Эгенольф составил перечень римских императоров¹ [8, s. CXXIX (sed 123r)], в котором принята иная нумерация (очевидно, не включавшая на сей раз 7 царей древнейшего Рима). Здесь после номера 73 (Никифор, правил 9 лет) идёт сразу Карл (номер 74, правил 14 лет), и для читателя этого исторического сочинения переход императорского достоинства от византийских правителей к Карлу проходит совершенно безболезненно.

После описания всех заслуживающих внимание событий всемирной истории того периода автор знакомит читателя с событиями недавнего прошлого, имеющими труднооценимые, но однозначно необыкновенные, последствия. Главным из событий «новой истории» являются географические открытия, среди которых – открытие Америки, совершённое в 1497 г. Америго Веспуччи. Приблизительно в том же регионе Земли были недавно открыты Сенегал и Канарские острова, Острова Зелёного Мыса, Будомель и другие земли. Открытия Колумба тоже известны, но считалось, что открытые им очень странные острова к «четвертой части света» (а именно так называли Америку) не относились. Автор хроники понимал, что Эспаньола и Куба расположены очень далеко, но типологически он приравнял их и другие открытые Колумбом земли к Канарским островам. Подробно и красочно описано «чудесное морское путешествие Фердинанда Кортесия» – походы Фернана Кортеса [8, s. 107v–108r]. Из событий, ещё более близких по времени, выделены ахенская коронация Карла V (1520), осада Родоса турками в 1522 г., битва при Павии 1525 г. и взятие Рима в 1527 г. Отмечено произошедшее в 1525 г. «по всей Европе» (на проверку – только в южно-немецких и пограничных с ними землях, а также на Сицилии) «всеобщее и очень опасное восстание против Бога». Выступление «капитана Йорга Трухсеса» началось во Франконии и быстро охватило соседние земли. Восстание было направлено против Бога, «ибо мы должны знать, что Богу никогда не нравились никакие восстания, а Евангелие учит нас терпеть насилие, но никогда не восставать» [8, s. 116r]. Из самых последних событий отмечено появление турка в Венгрии, известия о том, что в Богемии по небу летали свиньи, а в Преттенбурге какая-то беременная женщина с удовольствием съела своего супруга. 1535 годом датируются победа над турецким войском (разумеется, окончательная) и поход Карла V против неверных. Наконец, большой рассказ посвящён восстанию анабаптистов в Мюнстере [8, s. 120r–122v]. Описание этих событий может представлять источниковедческую ценность для изучающего эти сюжеты, поскольку содержит обильную конкретную информацию.

Собранный автором исторический материал был подвергнут разнообразной классификации за пределами характерной для «Хроник» хронологической последовательности. Например, книга содержит алфавитный справочник ересей, составленный только по классическим книгам по церковной истории – «Церковной истории» Евсевия и «Трёхчастной истории» Созомена, Сократа Схоластика и Феодорита. Этот список обогащён сведениями о внутрицерковных конфликтах Средневековья, а также об антицерковной борьбе некоторых светских правителей. В частности, в нём можно обнаружить катаров, фра Дольчино, Иеронима Пражского и Яна Гуса, Джона Виклефа, вальденсов и других. К XVI в. относятся совсем немногие. 1502 годом датируется сожжение «со многими книгами» голландского (зеландского) еретика Герма-

¹ Summa aller Römischen Keyser und Pabst.

на Риссвика. Имеется также краткое сообщение о выступлении и казни Томаса Мюнцера [8, s. 126–129].

По окончании этих ересей приводится перечень основных католических монашеских Орденов с данными об их основании, а также сведения о различных формах христианства. Ориентированный на самую массовую аудиторию Эгенольф избегает давать отрицательные характеристики и создаёт панораму нарождающихся ветвей христианства, причём не обозначает открыто и своих собственных симпатий. В 1535 г. автор совершенно не стремится к обострению конфликтов, не хочет рисковать и не готов высказываться по поводу истинности или ложности той или иной религии. По этой причине он старается максимально нейтрально представить все известные ему формы веры в Единого Христа¹ [8, s. 132v]. Нарождающийся межконфессиональный конфликт ощущается в книжной полемике всё больше и больше. Попытка Эгенольфа соблюсти непредвзятость, корректность, уход от вынесения суждений – тоже своего рода позиционирование. Хотя перечень и начинается с «латинян, или римской веры», но здесь можно встретить и «Греческую веру или орден», и «Якобитов» (Александрийский патриархат), и армянскую церковь (которую автор считает принадлежащей к Антиохийскому патриархату и рассказывает о них много интересного). Отдельная глава посвящается «Московитам и вере Белой Руси» [8, s. 133r], в которой даётся лестная характеристика царя Василия. При этом автор допустил довольно много неточностей, в том числе и грубых. Например, он сообщает о состоявшейся «в 29 году» битве войск Василия с Турком под Веной в Австрии, коверкает элементы царской титулатуры. Характерно, что в 1535 г. во Франкфурте Эгенольфу ещё не было известно, что двумя годами ранее Василий уже умер. Другой в высшей степени интересной главкой является рассказ об «Индийской вере», повествующий о Пресвитере Иоанне. Пресвитер Иоанн представляется своего рода дублёром папства, его зеркальным отражением в зеркально отражённом мире. Возможно, в этом рассказе содержатся отголоски тех скудных известий об абиссинских христианах, которые были известны германским гуманистам по рассказам португальских миссионеров. Возможно также, что Эгенольф находился под влиянием сообщений Марко Поло об апостоле Фоме как основателе христианской конфессии в Азии. Текст Эгенольфа, увы, не оставляет нам никакой возможности более определённо об этом судить.

Индийский орден, или вера индийцев.

Ещё один орден, вера и секта христиан называются «индийские христиане» из Индии. Их папа – это священник Иоанн, и власть его превосходит власть всех христиан. Ибо ему подчиняются 72 короля со своими королевствами. И когда этот священник едет куда-нибудь верхом, перед ним несут деревянный крест, и, если он отправляется в военный поход, перед ним вместо знамени несут двенадцать золотых крестов, роскошно отделанных драгоценными камнями. В этих местах в большом почёте содержат мощи

¹ Встречающееся здесь и далее слово «секта» употребляется в латинском смысле и не носит никакого оценочного характера, поскольку применяется в равной степени по отношению к Лютеру, римской церкви, «грекам» и даже Пресвитеру Иоанну.

Св. Фомы. Они крестят огнём, иногда водой, и, как и папство, тоже разделены между собой на множество сект [8, s. 132г].

По этому описанию можно определённо судить, что ситуация с дроблением христианства в «посюстороннем» мире представляется Эгенольфу типовой и не удивительной. Разделение на «секты» ему кажется тоже вполне нормальным, но тем не менее он видит в христианах всех направлений много общего, что позволяет ему рассматривать их совокупно как представителей собственного лагеря. Конфликты между «сектами» освещаются им крайне редко, только при описании армянского или грузинского сопротивления «Солдану» и различной политики этих двух церквей по отношению к турецким завоеваниям. Эгенольф, преуспевающий книгоиздатель, обеспеченный ремесленник с гуманистическим образованием и кругозором, считает существование различных христианских конфессий естественным и не заслуживающим столкновения делом. Скажем больше: его взгляд представляется нам вполне современным, если мы сравним его с идеологией сегодняшних лютеран или сторонников многих других протестантских конфессий, отвергающих идею «единства по необходимости». Очевидно, в 1535 г., задолго до Тридентского Собора и последующего определения позиций, задолго до доктринального конституирования протестантского лагеря, до споров вокруг интеримов и адиафоры, в самом сердце Европы религиозная ситуация казалась нормальной, не требующей экстренных мер. Если принять допущение, что автор данной Хроники выражал мнение грамотной части тогдашнего европейского общества к северу от Альп, то напрашивается вывод о том, что именно в это время инструментализация истории претерпевает существенные изменения. Историческое сочинение этой эпохи посвящено описанию тех, кто в том или ином отношении отличается от автора или представляемой им группы. Вплоть до эпохи Просвещения, делающей ставку на поиск общего, а не единичного, книги по истории и по географии основаны на «удивительном», воспринимаемом и изображаемом как «чуждом».

В книге Эгенольфа, в которой автор не претендует на новизну концепции и вообще на свою роль в познании (а не описании) реальности, инструментализация истории является минимальной. Стремление доказать что-либо новое традиционно опирается на изображение действительности. Автор, напротив, стремится «доказать старое», т.е. продемонстрировать преимущества, которыми обладает *modus vivendi* его читателей перед соседними народами и даже перед более отдалёнными, чуждыми цивилизациями.

Список литературы

1. Christian Egenolff. 1502–1555. Ein Frankfurter Meister des frühen Buchdrucks aus Hadamar. – Limburg : Glaukos, 2002. – 100 s.
2. Neue Deutsche Biographie. – Berlin : Duncker & Humblot, 1959. – Bd. 4. – 784 s.
3. **Benzing, J.** Die Buchdrucker des 16. und 17. Jahrhunderts im deutschen Sprachgebiet / J. Benzing. – Wiesbaden : Harrassowitz, 1963. – XI-528 s.
4. **Reske, Ch.** Die Buchdrucker des 16. und 17. Jahrhunderts im deutschen Sprachgebiet: auf der Grundlage des gleichnamigen Werkes von Josef Benzing / Ch. Reske. – Wiesbaden : Harrassowitz, 2007. – XXXI-1059 s.
5. Allgemeine Deutsche Biographie. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1877. – Bd. 6. – 796 s.

6. **(Steinhöwel, H.)** *Tütsche Cronica von anfang der welt vncz vff keiser fridrich* / (H. Steinhöwel). – Ulm : Zainer, 1473. – 72 s.
7. **(Steinhöwel, H.)** *Beschreibunge einer Chronic, Von anfang der Welt Biß auff Keyser Friderich den Dritten kurtz Sumirt vor Jarn durch den Hochgelerten Hern Heinricen Steinhowel Doctorn Stattartz zu Ulm Ausgezogen vnnd gemacht. Vnnd ietzo durch Erfarnen H. Jacob Köbeln Stattschreiber zu Oppenheim an etlichen Ortenn gemeret vnd auff Keyser Carlen den V. erstreckt. Mit anhang beschreibung der zeit Isidori* / (H. Steinhöwel). – Zu Franckfurt am Meyn bei Christian Egenolph, 1531. – 102 s.
8. **(Egenolff, Ch.)** *Chronica Beschreibung und gemeyne anzeyge Vonn aller Wellt herkommen Fürnamen Lannden Stande Eygenschafften Historien wesen manier sitten an und abgang. Auss den glaubwürdigsten Historie On all Glose und Zusatz Nach Historischer Warheit beschriben* / (Ch. Egenolff). – Franckenfort am Meyn, Egenolff, 1535. – 274 s.
9. *Marburger Repertorium zur Übersetzungsliteratur im deutschen Frühhumanismus*. – URL: <http://www.mrfh.de>.
10. **(Carion, I.)** *Chronica durch Magistrum Johan Carion vleissig zusammen gezogen meniglich nützlich zu lesen* / (I. Carion). – Wittenberg : Rhaw, 1532. – 476 s.

References

1. *Christian Egenolff. 1502–1555. Ein Frankfurter Meister des frühen Buchdrucks aus Hadamar* [Frankfurt master of early book printing from Hadamar]. Limburg: Glaukos, 2002, 100 p.
2. *Neue Deutsche Biographie* [New German biography]. Berlin: Duncker & Humblot, 1959, vol. 4, 784 p.
3. Benzing J. *Die Buchdrucker des 16. und 17. Jahrhunderts im deutschen Sprachgebiet* [German language book printers of 16th and 17th centuries]. Wiesbaden: Harrassowitz, 1963, XI-528 p.
4. Reske Ch. *Die Buchdrucker des 16. und 17. Jahrhunderts im deutschen Sprachgebiet: auf der Grundlage des gleichnamigen Werkes von Josef Benzing* [German language book printers of 16th and 17th centuries: based on the same work by Josef Benzing]. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007, XXXI-1059 p.
5. *Allgemeine Deutsche Biographie* [General German biography]. Leipzig: Duncker & Humblot, 1877, vol. 6, 796 p.
6. (Steinhöwel H.) *Tütsche Cronica von anfang der welt vncz vff keiser fridrich* [Chronicle from the beginning of the world up to Keiser Fridrich]. Ulm: Zainer, 1473, 72 p.
7. (Steinhöwel H.) *Beschreibunge einer Chronic, Von anfang der Welt Biß auff Keyser Friderich den Dritten kurtz Sumirt vor Jarn durch den Hochgelerten Hern Heinricen Steinhowel Doctorn Stattartz zu Ulm Ausgezogen vnnd gemacht. Vnnd ietzo durch Erfarnen H. Jacob Köbeln Stattschreiber zu Oppenheim an etlichen Ortenn gemeret vnd auff Keyser Carlen den V. erstreckt. Mit anhang beschreibung der zeit Isidori* [Description of the Chronicle from the beginning of the world up to Keiser Fridrich the Third...]. Zu Franckfurt am Meyn bei Christian Egenolph, 1531, 102 p.
8. (Egenolff Ch.) *Chronica Beschreibung und gemeyne anzeyge Vonn aller Wellt herkommen Fürnamen Lannden Stande Eygenschafften Historien wesen manier sitten an und abgang. Auss den glaubwürdigsten Historie On all Glose und Zusatz Nach Historischer Warheit beschriben*. Franckenfort am Meyn, Egenolff, 1535, 274 p.
9. *Marburger Repertorium zur Übersetzungsliteratur im deutschen Frühhumanismus* [Marburger Repertorium on translation literature in German humanism]. Available at: <http://www.mrfh.de>.
10. (Carion I.) *Chronica durch Magistrum Johan Carion vleissig zusammen gezogen meniglich nützlich zu lesen*. Wittenberg: Rhaw, 1532, 476 p.

Андронов Илья Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра итальянского языка,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, г. Москва, Ломоносовский
проспект, 31, корп. 1)

E-mail: orgizomenos@gmail.com

Andronov Ilya Evgen'evich

Candidate of historical sciences, associate
professor, the department of the Italian
language, Lomonosov Moscow State
University
(building 1, 31 Lomonosovsky avenue,
Moscow, Russia)

УДК 930.1(4-011)

Андронов, И. Е.

**История для массового читателя в XVI в.: «Хроника» Христиана
Эгенольфа / И. Е. Андронов // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 5–16.**

ВОЛЖСКИЕ ФИННЫ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация.

Актуальность и цели. Эпоха Великого переселения народов в периодизации истории занимает промежуточное положение между ранним железным веком и средневековьем. Эта эпоха характеризуется массовыми миграциями, итогом которых стало формирование ряда народов, ранее не известных историкам. Среди них были и волжские финны. Цель работы – проанализировать степень соответствия обоснованности современных гипотез содержанию письменных и археологических источников.

Результаты. Эпохой Великого переселения датируется первое упоминание в письменных источниках финских народов Поволжья: мордвы и мери, археологические памятники которых представлены позднедыяковской и древнемордовской культурами. К поволжским финнам также относят культуру рязано-окских могильников, конкретная этническая принадлежность которых остается дискуссионной. Культура муромы и мари была сформирована только в эпоху средневековья. В советской историографии достоверность письменных источников по данной проблеме подвергалась сомнению из идеологических соображений. В науке преобладали автохтонные взгляды, сторонники которых приуменьшали роль миграций в истории волжских финнов. Археологические исследования памятников II–V вв. подтвердили достоверность письменных источников и позволили уточнить роль и место волжских финнов в событиях данной эпохи.

Выводы. На раннем [германском] этапе эпохи Великого переселения волжские финны принимали активное участие в ряде миграций, в ходе которых происходит формирование мордвы и мери. Гуннское нашествие, по мнению большинства исследователей, не оказало существенного влияния на народы Западного Поволжья.

Ключевые слова: волжские финны, мордва, меря, эпоха Великого переселения народов, культура рязано-окских могильников, готы, гунны, Германарих.

V. V. Stawitsky

VOLGA RIVER FINNS IN THE AGE OF THE GREAT MIGRATION: HISTORIOGRAPHIC REVIEW

Abstract.

Background. The period of the Great Migration in the periodization of history occupies an intermediate position between the early Iron Age and the Middle Ages. This era is characterized by mass migration, which resulted in formation of a number of peoples previously unknown to historians. Among such were the Volga river Finns. The aim of this article is to examine the extent to which the modern hypotheses correspond to the written and archaeological sources.

Results. The first mention of the Finnish peoples of the Volga river – the Mordovians and Mary – in written sources is dated in the era of the Great Migration. Their archaeological sites are represented by the late Dyakovo and ancient Mordovian cultures. The culture of the Ryazan-Oka cemeteries, particular ethnicity of which remains controversial, also belongs to the Volga river Finns. The culture of Muroms

and Mari was formed only in the Middle Ages. In the Soviet historiography the accuracy of the written sources on this issue was questioned by ideological reasons. Autochthonous views dominated in the science, their supporters diminished the role of migration in the history of the Volga river Finns. The archaeological researches of the monuments of the II–V centuries confirmed the accuracy of the written sources and allowed to clarify the role and place of the Volga river Finns in the events of this era.

Conclusions. In the early [German] stage of the era of the Great Migration the Volga river Finns took an active part in the migration, during which the formation of Mordovians and Mari took place. Hun invasion, according to the most researchers, had no significant effect on the peoples of the West Volga.

Key words: Volga Finns Mordovians, Meria, the era of the Great Migration, culture of Ryazan-Oka cemeteries, Goths, Huns, Hermanaric.

В советской историографии проблема участия волжских финнов в событиях эпохи Великого переселения народов долгое время не относилась к числу актуальных, поскольку считалось, что в первой половине I тыс. до н.э. в развитии данных народов целиком и полностью господствовали автохтонные тенденции [1, с. 261]. При этом игнорировалось даже прямое сообщение готского историка Иордана о северных походах короля остроготов Германириха, где в числе покоренных народов упоминались мордва (Mordens) и меря (Merens). По мнению советских историков, эти сведения нельзя считать достоверными, поскольку главной целью готов являлся грабеж римских провинций, и лесные племена волжских финнов, не вышедшие из состояния первобытности, не могли представлять для них интереса [2, с. 21]. Подобные высказывания во многом были обусловлены господствовавшей в советской археологии концепцией Б. А. Рыбакова, которая отрицала принадлежность к готам черняховской культуры [3, с. 319–337], что в конечном итоге ставил под сомнение сам факт существования в Северном Причерноморье государства остроготов [4, с. 14–21].

В 1966 г. принцип безусловного преобладания автохтонных традиций в развитии волжских финнов был подвергнут аргументированной критике П. Н. Третьяковым. Им было выдвинуто предположение, что скотоводческая направленность хозяйства обитателей поречья Оки и наличие значительного числа хорошо вооруженных всадников, о чем свидетельствуют материалы рязано-окских могильников, служили катализатором военно-политической активности местного населения [5, с. 288]. Кроме того, по мнению П. Н. Третьякова, в первые века нашей эры, в результате давления славянского населения зарубинецкой культуры, приходят в движение восточнобалтские племена, значительная часть которых переселяется на территорию Верхнего Поволжья, где смешивается с местным финноязычным населением дьяковской культуры. Это существенно меняет лингвистическую карту данного региона, и во второй–третьей четверти I тыс. до н.э. территория к западу от линии Ярославль – Плещеево озеро – Коломна становится областью балтского этнического приоритета [5, с. 234–239, 286–287].

По мнению В. В. Седова, миграции балтских племен, сместившихся с Верхней Оки на ее среднее течение, оказали существенное влияние на процесс сложения культуры рязано-окских могильников, которую он считал синкретической финско-балтской. Однако при аргументации данной гипоте-

зы хронологические отличия им были ошибочно приняты за этнические. Это наглядно иллюстрируют рисунки в его публикации, где среди артефактов, характерных для балтских традиций, в основном представлены украшения IV–V вв., а для финских – VI–VII вв. [6, с. 89–100]. По мнению большинства исследователей, балтское влияние на культуру рязано-окских могильников имело место, и это нашло отражение в распространении здесь обряда трупосожжения, подлощенных сосудов тюльпановидной формы, ряда украшений женского костюма, однако не было определяющим [7, с. 13–14; 8, с. 104–105; 9, с. 37–43]. При этом в наиболее раннем могильнике у с. Кошибеево трупосожжения отсутствуют, а в его керамике, по мнению О. С. Румянцевой, проявляются не балтские, а позднескифские традиции [10, с. 252], с чем отчасти согласен и А. М. Воронцов [11, с. 68]. По его наблюдениям те традиции, которые В. В. Седов считает балтскими, на территории Верхнего Поочья формируются не ранее конца III в. [12, с. 15]. При этом причиной миграции балтов на земли волжских финнов могли послужить события, непосредственно связанные с военными походами готов Германариха в районы Волго-Донского водораздела, где на городищах середины IV в. фиксируется горизонт пожаров и разрушений [12, с. 15].

При картографировании распространения артефактов, характерных для черняховской культуры, М. М. Казанским было установлено, что сфера политической активности Германариха в бассейне Оки простиралась до центральных районов Сурско-Окского междуречья [13, р. 75–122, fig. 17], что нуждается в определенной корректировке, поскольку массовое проникновение подобных изделий в бассейн Оки восточнее течения р. Цны не имело места быть [14, с. 36–37; 15, с. 116–123].

Возможные мотивы деятельности Германариха еще раз были переосмыслены в последней монографии М. Б. Щукина, где он связал экспансию Германариха с его желанием установить контроль над меховой торговлей финских народов лесной зоны с Ираном и Константинополем [16, с. 200, 209, 215]. Впрочем, тезис о возможной посреднической роли готов в меховой торговле был оспорен М. М. Казанским. В частности, им было отмечено, что в данное время главным потенциальным потребителем меха являлась Римская империя, а до V в. римляне особого интереса к меховой одежде не проявляли, поскольку ее ношение считалось признаком бедности и дикости [17, с. 19–20]. По мнению М. Б. Щукина, северо-восточное направление готской экспансии в это время было обусловлено еще и тем, что после ряда набегов на римские провинции готами был заключен мир, по которому они получили выгодный для них статус федератов. Это лишало их возможности нарушения римских границ, которые готы теперь должны были защищать от других варваров [16, с. 200, 209, 215].

На наш взгляд, походы Германариха могли быть организованы и против их бывших союзников по набегам, которые не стали федератами Рима, и поэтому их ничего не сдерживало от организации новых вторжений. В пользу этого предположения свидетельствуют следы пожаров и разрушений на памятниках Окско-Донского водораздела, население которых ранее поддерживало достаточно тесные, возможно, союзнические, связи с готами, что подтверждается многочисленными находками черняховского импорта в слоях предшествующего времени и их резким сокращением в местных ком-

плексах второй половины IV в. [12, с. 15]. По мнению И. Р. Ахмедова и И. В. Белоцерковской, в походах Германариха могли принимать участие и представители культуры рязано-окских могильников, в погребениях которых фиксируется как ряд черняховских импортов, так и целые комплексы вещей западного происхождения, которые могли попасть на Оку в виде трофеев [18, с. 273].

Основную территорию расселения волжских финнов готские походы, видимо, не затронули, тем не менее они оказали давление на население Верхней Оки, часть которого смещается в северо-восточном направлении. В частности, массовый приток населения с традициями совершения трупосожжений фиксируется на 3-м хронологическом участке Абрамовского могильника, относящимся ко второй половине IV в. [19, с. 146; 20, с. 261]. Примерно в это же время, по мнению В. В. Гришакова, группа носителей восточнобалтских традиций внедряется в древнемордовскую среду Верхнего Примокшанья. Причем с их приходом перестают использоваться мордовские могильники Верхнего Посурья, что он связывает с территориальным перераспределением населения в пределах местной ойкумены [21, с. 102]. Следует отметить, что причиной подобного перераспределения вполне могли послужить северные походы Германариха.

Дискуссионный характер до сих пор носит проблема миграции восточных финнов на территорию Сурско-Окского междуречья, где в первые века нашей эры происходило формирование древнемордовских племен. Первооткрывателем раннемордовских могильников III–IV вв. М. Р. Полесских в 1960-х гг. была выдвинута гипотеза, впоследствии поддержанная А. Х. Халиковым [22, с. 287–296], о том, что культура мордовских племен сформировалась в результате миграции финского прикамского населения, которое смешалось на территории Верхнего Посурья с родственным городецким населением [23, с. 146]. Однако данная гипотеза не получила признания у археологов Мордовии, по мнению которых, непосредственной миграции финского населения с территории Прикамья не было, поскольку на Суре и Мокше отсутствуют погребальные комплексы с круглодонной керамикой пьяноборской культуры [24, с. 140–147]. Впоследствии С. Э. Зубовым для объяснения этого факта была разработана гипотеза «военного выплеска», участниками которого была сравнительно небольшая группа мужчин, сами посуду не производившие, а пользовавшиеся местными образцами [25, с. 44–51]. Однако подобная точка зрения противоречит массовому характеру миграции, участниками которой не только освоили значительную часть территории Сурско-Окского междуречья, но и проникли на реки Шексну и Мологу, где А. Н. Башенькиным обнаружены материалы, близкие памятникам андреевско-писеральского типа [26, с. 119–131].

Недавно автором статьи было высказано мнение, что для мордвы эпоха Великого переселения началась раньше, чем для остальных народов Восточной Европы, поскольку массовые миграции, которые в конечном итоге и привели к сложению мордовского этноса, имели место во второй половине I в., когда в результате импульса, полученного из-за Зауралья, в движение приходит пьянобоское и кара-абызское население бассейна р. Белой, значительная часть которого перемещается на территорию Сурско-Окского междуречья, что и положило начало формированию древней мордвы [27, с. 137–138]. Судя

по высокой степени милитаризации и широкому размаху связей, в этот период исторического развития сурско-окское население являлось не только объектом, но и активным инициатором «воинских миграций» [28, с. 126].

По мнению большинства исследователей, на следующем, гуннском, этапе Великого переселения народов волжские финны непосредственными участниками масштабных миграций не являлись. В конце IV – первой половине V в. в материалах этих могильников, по мнению О. С. Румянцевой, начинают проявляться последствия, связанные с гуннским нашествием. Прежде всего это отражается на нарушении прежних торговых связей, из-за чего к мордве и окским финнам перестает поступать золото-стеклянный бисер, источником которого были производственные мастерские Римской империи [10, с. 232]. В это же время в материалах Абрамовского могильника наблюдается некоторый всплеск милитаризации, положивший начало распространению метательного вооружения [20, с. 262–263]. С последствиями гуннского нашествия, видимо, связано и появление на Абрамовском могильнике новой волны мигрантов с территории Поочья, в погребениях которых В. В. Гришаковым зафиксирована подлощенная керамика, характерная для населения мощинской и зарубинецкой культур [8, с. 105].

По мнению И. Р. Ахмедова и И. В. Белоцерковской [18, с. 274], в начале гуннского времени носители культуры рязано-окских могильников испытывают на себе воздействие со стороны населения Верхнего Подонья, местная культура которого впитала в себя отдельные гуннские элементы. Инокультурные изделия на Среднюю Оку поступают в виде опосредованных импортов по донскому торговому пути.

Важные события, связанные с заключительной фазой Эпохи Великого переселения фиксируются И. Р. Ахмедовым и И. В. Белоцерковской в Поочье в середине – третьей четверти V в., когда здесь появляется целый комплекс вещей, характерных для памятников Прибалтики и Среднего Подунавья. В отдельных случаях погребения с этими изделиями принадлежат погибшим мужчинам, женщинам и даже детям, что свидетельствует о ведении боевых действий на Средней Оке [18, с. 274].

Таким образом, можно констатировать, что волжские финны принимали активное участие в первой (германской) фазе эпохи Великого переселения народов и в меньшей степени оказались затронуты последствиями гуннского нашествия.

Список литературы

1. **Ставицкий, В. В.** Основные концепции этногенеза древней мордвы (историографический обзор) / В. В. Ставицкий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11, № 6. – С. 261–266.
2. **Смирнов, А. П.** Этногенез мордовского народа по данным археологии I–XV вв. н.э. / А. П. Смирнов // Этногенез мордовского народа : материалы науч. сессии (8–10 декабря 1964 г.). – Саранск : Морд. кн. изд-во, 1965. – С. 18–28.
3. **Рыбаков, Б. А.** Анты и Киевская Русь / Б. А. Рыбаков // Вестник древней истории. – 1939. – № 1. – С. 319–337.
4. **Рыбаков, Б. А.** Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 784 с.
5. **Третьяков, П. Н.** Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге / П. Н. Третьяков. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 308 с.

6. **Седов, В. В.** Рязанско-Окские могильники / В. В. Седов. // Советская археология. – 1966. – № 4. – С. 86–104.
7. **Шитов, В. Н.** Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.) / В. Н. Шитов // Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1988. – Вып. 93. – С. 4–43.
8. **Гришаков, В. В.** Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья / В. В. Гришаков. – Йошкар-Ола : МарГУ, 1993. – 204 с.
9. **Белоцерковская, И. В.** Верхнеокские элементы в культуре рязанско-окских могильников / И. В. Белоцерковская // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. – Саранск : Историко-социологический институт, 1999. – С. 37–43.
10. **Румянцева, О. С.** Культура рязано-окских могильников / О. С. Румянцева // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. – М. : ИА РАН, 2007. – С. 133–275.
11. **Воронцов, А. М.** Памятники типа Ново-Клейменово в первой четверти I тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела / А. М. Воронцов // Российская археология. – 2007. – № 3. – С. 80–93.
12. **Воронцов, А. М.** Этнокультурная ситуация на Окско-Донском водоразделе в позднеримское время : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Воронцов А. М. – М., 2008. – 22 с.
13. **Kazanski, M.** Les arctoi gentes et «l'empire» d'Hermandaric / M. Kazanski // Germania. – 1992. – № 70/1. – S. 75–122.
14. **Ставицкий, В. В.** Изделия с выемчатыми эмальями с древнемордовских и рязанско-окских памятников / В. В. Ставицкий // Центр и периферия. – 2012. – № 3. – С. 30–38.
15. **Ставицкий, В. В.** О датировке ранних погребений Абрамовского могильника / В. В. Ставицкий, О. В. Мясникова, А. Н. Сомкина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2012. – Т. 23, № 3. – С. 106–123.
16. **Щукин, М. Б.** Готский путь: готы, Рим и черняховская культура / М. Б. Щукин. – СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского ун-та, 2005. – 592 с.
17. **Казанский, М. М.** Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов / М. М. Казанский // Stratum plus. – 2010. – № 4. – С. 17–127.
18. **Ахмедов, И. Р.** Культура рязано-окских могильников / И. Р. Ахмедов, И. В. Белоцерковская // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. – М. : ИА РАН, 2007. – С. 133–275.
19. **Ставицкий, В. В.** Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III–VII вв. / В. В. Ставицкий // Поволжская археология. – 2013. – № 2 (4). – С. 143–150.
20. **Ставицкий, В. В.** Планиграфия и хронология Абрамовского могильника / В. В. Ставицкий, В. Н. Шитов // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2013. – Вып. 3. – С. 255–278.
21. **Гришаков, В. В.** Условия и факторы формирования локальных традиций в мордовской культуре / В. В. Гришаков // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2008. – Т. 2, вып. 2. – С. 99–105.
22. **Халиков, А. Х.** Этническая принадлежность ананьинской общности / А. Х. Халиков // Вопросы финноугроведения. – Йошкар-Ола, 1970. – Вып. 5. – С. 287–296.
23. **Полесских, М. Р.** Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши / М. Р. Полесских // Этногенез мордовского народа : материалы науч. сессии (8–10 декабря 1964 г.). – Саранск : Морд. кн. изд-во, 1965. – С. 144–148.
24. **Вихляев, В. И.** О генезисе культуры южномордовских племен / В. И. Вихляев // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. – Саранск, 1979. – С. 140–147.

25. **Зубов, С. Э.** К проблеме культурной интерпретации памятников андреевско-писеральского типа / С. Э. Зубов // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. – Саранск : Историко-социологический институт, 1999. – С. 44–51.
26. **Башенькин, А. Н.** Финны, угры, балты, славяне и скандинавы в Молого-Шекнинском междуречье / А. Н. Башенькин // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. – Вологда, 2007. – С. 119–131.
27. **Ставицкий, В. В.** Западный компонент в материалах Андреевского кургана / В. В. Ставицкий // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2013. – № 3. – С. 126–140.
28. **Ставицкий, В. В.** Об уровне социальной дифференциации волжских финнов в эпоху раннего железа / В. В. Ставицкий, А. В. Ставицкий // П. А. Столыпин: становление и реформирование российской государственности. – Пенза, 2012. – С. 119–130.

References

1. Stavitskiy V. V. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences]. 2009, vol. 11, no. 6, pp. 261–266.
2. Smirnov A. P. *Etnogenez mordovskogo naroda: materialy nauch. sessii (8–10 dekabrya 1964 g.)* [Ethnogenesis of Mordovian people: proceedings of the scientific session (8–10 December 1964)]. Saransk: Mord. kn. izd-vo, 1965, pp. 18–28.
3. Rybakov B. A. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of ancient history]. 1939, no. 1, pp. 319–337.
4. Rybakov B. A. *Yazychestvo Drevney Rusi* [Paganism of the Ancient Rus]. Moscow: Nauka, 1987, 784 p.
5. Tret'yakov P. N. *Finno-ugry, balty i slavyane na Dnepre i Volge* [Finns-Ugrians, Balts and Slavs on the Dnieper and Volga rivers]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966, 308 p.
6. Sedov V. V. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology]. 1966, no. 4, pp. 86–104.
7. Shitov V. N. *Trudy MNIYaLIE* [Proceedings of Mordovian Research Institute of Language, Literature, History, Economics]. Saransk, 1988, iss. 93, pp. 4–43.
8. Grishakov V. V. *Keramika finno-ugorskikh plemen pravoberezh'ya Volgi v epokhu ranego srednevekov'ya* [Ceramics of Finnish-Ugrian tribes of the right bank of the Volga river in the early Middle Ages]. Yoshkar-Ola: MarGU, 1993, 204 p.
9. Belotserkovskaya I. V. *Issledovaniya P. D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy drevnosti i sovremennosti* [Research by P. D. Stepanov and ethnocultural processes in ancient and modern times]. Saransk: Istoriko-sotsiologicheskii institut, 1999, pp. 37–43.
10. Romyantseva O. S. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e.* [Eastern Europe in the middle of the first millennium A.D.]. Moscow: IA RAN, 2007, pp. 133–275.
11. Vorontsov A. M. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archeology]. 2007, no. 3, pp. 80–93.
12. Vorontsov A. M. *Etnokul'turnaya situatsiya na Oksko-Donskom vodorazdele v pozdnerimskoe vremya: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Ethnocultural situation on the Oka-Don watershed in the late Rome times: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 2008, 22 p.
13. Kazanski M. *Les arctoi gentes et «l'empire» d'Hermanaric* [Northern peoples and “the Hermanaric empire”]. Germany, 1992, no. 70/1, pp. 75–122.
14. Stavitskiy V. V. *Tsentr i periferiya* [Center and provinces]. 2012, no. 3, pp. 30–38.
15. Stavitskiy V. V., Myasnikova O. V., Somkina A. N. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]. 2012, vol. 23, no. 3, pp. 106–123.

16. Shchukin M. B. *Gotskiy put': goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura* [Gothic route: Goths, Rome and the Chernyakhov culture]. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2005, 592 p.
17. Kazanskiy M. M. *Stratum plus*. 2010, no. 4, pp. 17–127.
18. Akhmedov I. R., Belotserkovskaya I. V. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e.* [Eastern Europe in the middle of the first millennium A.D.]. Moscow: IA RAN, 2007, pp. 133–275.
19. Stavitskiy V. V. *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga region archeology]. 2013, no. 2 (4), pp. 143–150.
20. Stavitskiy V. V., Shitov V. N. *Arkheologiya Vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archeology of the East European forest-steppe]. Penza, 2013, iss. 3, pp. 255–278.
21. Grishakov V. V. *Arkheologiya Vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archeology of the East European forest-steppe]. Penza, 2008, vol. 2, iss. 2, pp. 99–105.
22. Khalikov A. X. *Voprosy finnougrovedeniya* [Problems of Finnish-Ugrian studies]. Yoshkar-Ola, 1970, iss. 5, pp. 287–296.
23. Polesskikh M. R. *Etnogenez mordovskogo naroda: materialy nauch. sessii (8–10 dekabrya 1964 g.)* [Ethnogenesis of Mordovian people: proceedings of the scientific session (8–10 December 1964)]. Saransk: Mord. kn. izd-vo, 1965, pp. 144–148.
24. Vikhlyaev V. I. *Arkheologicheskie pamyatniki mordvy pervogo tysyacheletiya nashey ery* [Archeological monuments of Mordva of the first millennium A.D.]. Saransk, 1979, pp. 140–147.
25. Zubov S. E. *Issledovaniya P. D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy drevnosti i sovremennosti* [Research by P. D. Stepanov and ethnocultural processes in ancient and modern times]. Saransk: Istoriko-sotsiologicheskii institut, 1999, pp. 44–51.
26. Bashen'kin A. N. *Russkaya kul'tura novogo stoletiya: Problemy izucheniya, sokhraneniya i ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya* [Russian culture of the new century: Problems of studying, preserving and exploiting historical-cultural heritage]. Vologda, 2007, pp. 119–131.
27. Stavitskiy V. V. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]. Saransk, 2013, no. 3, pp. 126–140.
28. Stavitskiy V. V., Stavitskiy A. V. *P. A. Stolypin: stanovlenie i reformirovanie rossiyskoy gosudarstvennosti* [P. A. Stolypin and reformation of the Russian statehood]. Penza, 2012, pp. 119–130.

Ставицкий Владимир Вячеславович
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей истории,
историографии и археологии,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Stawitsky Vladimir Vyacheslavovich
Doctor of historical sciences, associate
professor, professor of sub-department
of general history, historiography
and archaeology, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 930.1[09]

Ставицкий, В. В.

Волжские финны в эпоху Великого переселения народов: историографический обзор / В. В. Ставицкий // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 17–24.

Н. Г. Карнишина

РЕФОРМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОКОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. Анализируется состояние системы управления в Российской империи во второй половине XIX в. Исследование проведения реформ местного самоуправления в России через призму восприятия их бюрократией и учеными-правоведами дает возможность проанализировать критерии успешности таких преобразований в современной России.

Материалы и методы. Исследование проблемы проведено на базе архивных источников, материалов периодической печати, опубликованных воспоминаний современников. Опираясь на оценки теоретиков и практиков того времени, автор проводит сравнительно-историческое исследование теоретического и практического аспектов реформ местного самоуправления.

Результаты. Основная задача автора – оценить результативность земской и городской реформ через призму взглядов как теоретиков – авторов проектов преобразований, так и путем изучения оценок верхушки бюрократии, непосредственно занимавшейся подготовкой и проведением данных структурных изменений. Обобщены и систематизированы подходы к оценке эффективности работы органов местного самоуправления в России.

Выводы. Рассматриваются взгляды высших сановников Российской империи, ученых-правоведов на проблему местного самоуправления на примере опыта проведения земской и городской реформ во второй половине XIX в. Особое внимание уделено изучению возможностей децентрализации управления в унитарном государстве.

Ключевые слова: земства, городская реформа, бюрократия, местное самоуправление, проекты реформ.

N. G. Karnishina

THE REFORM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY: VIEWS OF CONTEMPORARIES

Abstract.

Background. The article analyzes the state of the government system in the second half of XIX century in the Russian Empire. The investigation of reforms of the local self-government in Russia gives an opportunity to analyze the criterions of success of such transformations in modern Russia through the prism of perception by the bureaucracy and scientists-lawyers.

Materials and methods. The problem was investigated on the basis of archive sources, materials of periodic press and public memoirs of contemporaries. The author conducted the comparative-historical investigation of theoretical and practical aspects of reforms of the local self-government on the basis of estimations by theoreticians and practitioners of that time.

Results. The main aim of the author is to estimate the results of zemstvo and state reforms through the prism of opinions of the theoreticians–authors of projects of transformations and through the way of investigation of estimates of the bureau-

cracy which prepared and made these structural changes. The approaches to estimation of performance efficiency of the local self-government bodies in Russia were generalized and systematized.

Conclusions. The opinions of higher dignitaries of the Russian Empire and the scientists-lawyers on the problem of the local self-government by the example of the experience of zemstvo and state reforms in the second half of XIX century were considered. Special attention was given to the study of opportunities of decentralization of administration in the unitary state.

Key words: zemstvo, state reform, bureaucracy, local self-government, projects of reforms.

Вопросы местного управления, народного представительства и самоуправления получили свое развитие в России во второй половине XIX в. В научных работах, публицистических статьях, конституционных проектах, в официальных записках и выступлениях государственных и общественных деятелей предлагались проекты создания структуры местного управления в России как системы представительных учреждений.

Переход от теоретических построений к практическим разработкам теорий самоуправления начал происходить в России с середины XIX в. на фоне подготовки и проведения реформ Александра II. Одним из первых этой проблемой занялся А. И. Васильчиков. Исходный тезис его проекта был следующий: «Самоуправлением называется такой порядок внутреннего управления, при коем местные дела и должности заведываются и замещаются местными жителями – земскими обывателями... Самоуправление – это участие народа в местном внутреннем управлении своего отечества [1, с. 1].

Органы самоуправления подразделялись автором на две категории – «общественные союзы» и «территориальные или административные округа». К первым относились сельские общества, волости, магистраты и городские думы, к числу вторых – уездные и губернские земские учреждения. Органами самоуправления «эти территориальные округа становятся лишь тогда, когда к участию в их управлении приглашаются представители местного общества» [2, с. 211].

А. И. Васильчиков, как и авторы земской и городской реформ в России, являлся сторонником хозяйственной теории самоуправления. В ее основе лежали взгляды авторов теории свободной общины, которые считали, что община – это самостоятельный субъект, независимый от центральной власти. Права общины являются столь же естественными и неотчуждаемыми, как естественные права человека. Н. М. Коркунов по этому поводу отмечал: «Общественная теория видит сущность самоуправления в предоставлении обществу самому ведать свои общественные интересы и в сохранении за правительственными органами заведования одними только государственными делами. Общественная теория исходит, следовательно, из противоположения местного общества государственному, общественных интересов – политическим, требуя, чтобы общество и государство, каждое ведало только свои собственные интересы» [3, с. 67].

Н. И. Лазаревский справедливо писал: «Представители хозяйственной теории тщетно стремились установить, какие именно дела общинного управления должны быть признаны чисто хозяйственными, не заключающими

в себе элемента власти. Но таких дел в чистом виде не было, так как земское самоуправление имело принудительный характер. Сторонники данной теории постоянно стремились дать список таких дел, подведомственных органам самоуправления, которые, по существу своему, отличались бы от дел государственного управления. При этом оказывалось, что делами негосударственного характера приходилось признавать местную полицию, раскладку казенных налогов, установление местных налогов и т.д., государственное значение которых очевидно для всякого человека без предвзятых мнений. Но самое слабое место в этой теории состояло не столько в том, что ее сторонникам не удавалось составить достаточно просторного списка негосударственных публично-правовых дел, предоставленных органам самоуправления, сколько в том, что таких дел вовсе и не может быть» [4, с. 12].

Применительно к реформам, проводимым в Российской империи, Б. Н. Чичерин в 1866 г. в статье «О земских учреждениях» подчеркивал: «Потребность в большей самостоятельности местного управления чувствуется давно. Куда ни обратиться, везде слышны возгласы против централизации и бюрократии, со всех сторон жалобы на то, что у нас отнята всякая возможность действовать, что чиновничество парализует всякую энергию и инициативу. Эти жалобы указывают на существенный пробел в нашем законодательстве. В земском управлении к местному интересу присоединяется интерес государственный. Оба находятся в неразрывной связи. Поэтому во главе местного управления должно стоять то сословие, которому государственный интерес ближе всего, а это и есть дворянство, по самому его значению» [5, с. 191, 197, 198].

Поддерживая создание земских учреждений в России, Б. Н. Чичерин исходил из убеждения в необходимости учета российской специфики. В частности, он писал: «В местном управлении, как и во всяком государственном учреждении, имеется в виду не один интерес, а также и способность управлять общими делами. Наконец, в устройстве земского управления едва ли не самый важный вопрос состоит в отношении местного представительства к губернской власти и к центральному правительству» [5, с. 199].

Многие сомнения Б. Н. Чичерина впоследствии подтвердились. В частности, в записках высших сановников пореформенного периода содержались следующие критические замечания о ходе реформы местного управления.

П. А. Валуев в «Очерке положения о губернских и уездных земских учреждениях» (1862 г.) особо подчеркивал: «Земские учреждения не могут выходить из вышеуказанных им пределов рассмотрения, обсуждения и распоряжения по делам собственно земско-хозяйственным, касающимся хозяйственных нужд и пользы подведомственных им местностей. Они не могут вмешиваться в дела, принадлежащие округу действия правительственных, сословных и общественных властей, ни в дела, другим местным земским учреждениям подведомственные». На полях рукописи министр внутренних дел еще раз особо выделил: «Всякое определение их, в противность сему подведомственное, признается недействительным» [6, л. 2, 39, 40].

Д. А. Милютин, подводя первые итоги земской реформы в России, писал: «С самого открытия земских учреждений возникали недоразумения, повредившие в самом корне развитие у нас местного самоуправления. С одной стороны, выразилось явное недоверие правительства, которое поставило себе

задачей – ревниво ограждать свое самодержавие от всякой возможной попытки земства присвоить себе самостоятельное значение. С другой стороны – земство оказалось неудовлетворенным предоставленным ему кругом действий и с первых же своих шагов уже выказало неосторожно желание выйти из предназначенных ему рамок. Так, мы видели, что в заседаниях Петербургского земства прямо были поставлены и обсуждались, при рукоплесканиях публики, вопросы об отмене ограничительных статей Положения о земских учреждениях и даже о центральном земском учреждении. Между местной властью, т.е. губернаторами, и земством возник прискорбный антагонизм, который не только затормозил в самом начале развитие у нас местного самоуправления, но подточил эту важную государственную реформу в самом корне ее. Точно такое же недоверие выражало правительство и в отношении своих к новому городскому управлению. Всякое со стороны последнего проявление самостоятельности, всякое пререкание между ним и административными властями вызывало в высших сферах тревожные опасения» [7, л. 13–13 об.].

Негативное отношение к земствам в среде высших сановников преобладало. Для подавляющего большинства государственных служащих любого ранга введение в любой, даже самой консервативной, форме представительных учреждений ознаменовало бы первый шаг по направлению к конституционному правлению, за первым неминуемо последовали бы и другие. Поэтому проблема взаимоотношений земства и администрации неминуемо вышла на первый план на всей территории страны. Отношение к земствам со стороны столичных правительственных органов достаточно наглядно иллюстрирует тот факт, что в 1874–1879 гг. из 235 ходатайств, поданных земством и поступивших на окончательное разрешение Комитета министров, было отклонено 208, что составляет 88,5 %, и лишь 27 ходатайств были удовлетворены или отклонены «небезусловно» [8, л. 51, 52].

Безусловно, ключевой фигурой в постановке этой проблемы выступали начальники губерний. Неприятие большинством губернаторов на их территории организаций, претендующих на некоторую самостоятельность и независимость в своей деятельности от местных властей, свидетельствует о неуверенности губернатора в возможности вести диалог с местным обществом.

Характеристики, которыми обменивались земские деятели и начальники губерний, редко носили похвальный характер. Земцы были недовольны засилием бюрократии всех рангов, что обрекало их на бессилие даже в тесных рамках местного благоустройства.

Могилевский губернатор А. П. Беклемишев в записке, адресованной П. А. Валуеву, подводя первые итоги, констатировал: «В настоящее время в России существует несколько разрядов трибун, с которых публично и громко можно высказывать чувства недоброжелательства к правительству, потрясать авторитет современных властей, возбуждать страсти, одним словом, произносить антиправительственную пропаганду. Это – земские, дворянские, городские собрания, судебные места, общества и клубы». По мнению А. П. Беклемишева, земства – это своего рода клапан парового котла, трибуна, созданная для того, чтобы недовольные могли «выпустить лишний пар», покритиковать всех и вся. В этой роли земства необходимы, но за ними должен быть жесткий контроль со стороны администрации, в «малоразвитом еще обществе» [9, л. 8].

Представители верхушки бюрократии, подвергая критике администрацию всех уровней, однако, не признавали за земством права на параллельную власть, считая, что русское общество не готово к таким нововведениям.

Псковским губернатор Б. П. Обухов в конце 1860-х гг., подводя первые итоги работы земских учреждений в Псковской и Самарской губерниях, констатировал, что с введением представительных учреждений «заботы администрации нисколько не облегчились, напротив, задача ее становится еще труднее в тех случаях, когда бездействие или ошибочные действия этих учреждений вызывают необходимость прямого их вмешательства» [10, л. 14].

В отношении городской реформы и особенностей ее проведения в таких городах, как Псков и Самара, Б. П. Обухов отметил «совершенное равнодушие городских обывателей общим пользам и нуждам городов», что, по мнению автора, составляло «главный отличительный признак городского общества», члены которого уклоняются от «занятий в городских собраниях, усиленно избегает общественных должностей, на которые поэтому попадают люди, далеко не лучшие и не способнейшие».

Нарекания в адрес земств и городских дум со стороны честной администрации и землевладельцев на протяжении 1870–1880-х гг. не только не ослабевали, а в некоторых губерниях становились все более частыми. Причем понимание надуманности и предвзятости высших провинциальных чиновников и представителей дворянской корпорации было очевидным и для чиновников МВД, и для самого императора. Так, во всеподданнейшем отчете петербургского градоначальника от 1887 г. встречается тезис, вызвавший отклик Александра III: «К сожалению, это исключение!» Столичный градоначальник писал: «Данные, содержащиеся в отчете, свидетельствуют о том, что в соответствии с законом, вверяющим дела городского благоустройства самостоятельному ведению городского управления под надзором административной власти, более или менее успешное направление и разрешение таких дел находится в прямой зависимости от совокупного и согласного образа действий обеих властей, и административной, и общественной, и что если в указанном отношении замечается, хотя медленный, но постоянный поступательный ход вперед, то именно благодаря установившемуся единодушию обеих властей, и административной, и общественной, направляющих свои усилия к достижению одной, общей им цели» [11, л. 38, 41].

Реплика на полях отчета, сделанная Александром III, на наш взгляд, достаточно красноречиво свидетельствует об остроте проблемы взаимоотношений административной власти и сословных учреждений на местах.

Земские учреждения были введены лишь в половине губерний Российской империи. На специфику земских учреждений оказывали влияние местные условия (региональные особенности географического, социально-экономического, демографического, этнического плана). Играли роль и ситуативные факторы (состав гласных, фигура губернатора, его политические взгляды, отношение к нововведениям, сложившиеся взаимоотношения среди землевладельцев и т.д.). Основанные на выборном сословном представительстве, земства не стали и не могли стать частью самодержавно-бюрократического аппарата.

Следует, на наш взгляд, согласиться с мнением С. А. Котляревского, который писал: «И по распределению бюджета между центральной властью

и органами местного самоуправления, и по зависимости этих последних от первой она должна быть отнесена к государствам строго централистического типа, но нельзя забывать, что распределение власти здесь сложилось в эпоху, когда в центре не было никакого представительства, когда грань, разделяющая область правительственной и земско-городской компетенций, являлась в то же время гранью между сферой бюрократического полновластия и сферой, где до известной степени осуществлялась общественная самодеятельность. В настоящее время России предстоит широкая реформа местного самоуправления в смысле решительного перемещения и власти, и материальных средств из центра на места. Это вытекает уже из размеров империи, а также из ее экономического, географического и племенного разнообразия» [12, с. 63].

В. П. Безобразов считал, что местное самоуправление не должно быть отделено от государственной власти, поскольку это неизбежно приведет к конфликтам, что чревато самыми неблагоприятными последствиями для государственности, вплоть до распада государства. Характеризуя самоуправление, он писал: «Учреждения самоуправления совокупно с бюрократическими учреждениями суть двойные органы одного и того же государственно-го организма, различные формы одной и той же власти» [13, с. 8].

Относительно земских учреждений в России В. П. Безобразов считал, что «это отдельные государственно-общественные тела, не имеющие никаких органических связей с системой государственного управления» [14, с. 38].

К сторонникам данной теории можно также отнести А. Д. Градовского, Н. М. Коркунова, М. И. Свешникова [3, 15, 16]. Признавая государственную природу органов местного самоуправления, эти авторы считали, что у местных органов нет своей особой компетенции, все полномочия они получают от государства, т.е. эти полномочия являются государственными.

Проблема самоуправления, народного представительства является одной из немногих в России, имевших возможность, выйдя из министерских проектов и записок, учебников по государственному праву и научных статей в ходе реформ пореформенного периода, пройти проверку практикой. Многие государствоведы и общественно-политические деятели второй половины XIX – начала XX в. при анализе проектов и первых результатов земской и городской реформ прошли путь от традиционного увлечения немецким правом и западным опытом к учету российской специфики и созданию конкретных проектов функционирования местного управления в России [17, с. 49–54].

Так, псковский губернатор Б. П. Обухов в конце 1860-х гг. констатировал: «К весьма неутешительным явлениям в земской деятельности, собственно в Псковской губернии, должно отнести тот факт, что более развитые и дельные люди, принимающие вначале живое участие в земстве, впоследствии совершенно от него устранились, значительно ослабляя, таким образом, умственные силы земства» [10, л. 14]. Анализируя работу мировых посредников, псковский губернатор сделал вывод, что они «относятся к делу только с внешней, формальной стороны и то лишь настолько, насколько нужно, чтобы избежать ответственности. Земские и мировые судебные учреждения отвлекли от этого института лучших людей, заменить которых лицами одинакового с ними достоинства было иногда совершенно невозможно вследствие ограниченного числа дворян, проживающих в поместьях» [18, л. 1–14].

Б. П. Обухов строил свои выводы на основе уверенности в непонимании большинством населения сущности происходивших изменений в стране, «не успевшего уяснить себе сущности происходящих перемен». Вывод для губернатора очевиден – усиление роли и значения местной администрации. Как и большинство современников, Б. П. Обухов сетовал на нехватку в провинции «лучших людей», способных справиться с возникающими проблемами. Децентрализация бюрократического аппарата была невозможна без проведения широких политических реформ. Узкие, половинчатые реформы местного управления, не покушавшиеся на резкое сокращение полномочий администрации, однако, вызвали негативный отклик со стороны чиновничества, сетовавшего прежде всего на неготовность населения к изменениям в структуре управления.

Другие губернаторы на общем доминирующем фоне недовольства деятельностью новых учреждений иногда поднимали вопросы, касавшиеся их подведомственных территорий. Так, курский губернатор в отчете за 1887 г. подверг критике дворянское сословие своей губернии за малоэффективность работы в органах местного управления: «Происходившие в отчетном году дворянские выборы указали на полный разлад, существующий в среде дворянства по вопросам местного представительства; объяснение этого прискорбного факта следует искать в том, что значительное число дворян Курской губернии, входя в состав местного земского управления, усвоило себе такие взгляды, которые не всегда уживаются с понятиями о высокой доблести, присущей представителям высшего сословия». Подводя итог, губернатор Курска писал: «Многочисленные протесты губернского начальства по делам земских и городских учреждений и жалобы частных лиц на действия и распоряжения их обнаруживают недостаток установленного за ними правительственного контроля, проистекающий главным образом от неточного определения отношений этих учреждений к установленной власти» [19, л. 114–118].

Раздражение части правительственных чиновников против выборных органов связано с тем, что хоть и в малой степени, но земская и городская реформы освободили сферу местного управления от всевластия коронной бюрократии. Независимость земской деятельности имела четко обозначенные пределы: административно они подчинялись Министерству внутренних дел, где был создан для руководства ими Земский отдел, а на местах – губернаторам как представителям того же МВД. Стремление представителей различных сословий получить избирательные права входило в противоречие с авторитарными импульсами правительства. Однако, существуя в узких рамках ограничений и надзора, земские деятели прошли сложный путь: от совещательных планов 1860-х гг. на уровень требований Учредительного собрания к началу 1880-х гг. Тактика земской деятельности к этому времени стала допускать проведение полуправильных и нелегальных общеземских съездов, которые не были разрешены официально. Земства не решили вопроса о создании новых управленческих элит. Однако судебная, городская и земская реформы способствовали очевидному сдвигу общественного мнения в сторону осознания необходимости создания представительного органа.

Наряду с этим подходом в частной переписке провинциального дворянства встречаются частые жалобы на «уездный сепаратизм». Так, в коррес-

понденции М. Н. Каткова, редактора «Московских ведомостей», встречаются письма, датированные концом 1860-х гг., в которых проводился анализ первых результатов земской реформы. В письме из Тамбова местный землевладелец писал: «Уездные управы, видимо, стали мягче и откровеннее, но теперь они опять выказывают следы направления к сепаратизму, несмотря на мягкую методу действий Губернской Управы, только предлагающей к разрешению, но не навязывающей своих мнений. Количество входящих опять увеличивается, хотя суть вопроса оставляется по преимуществу без ответов, а периодическая пресса помогла бы нам в установлении этой гармонии. Я говорил вам, что не литература, а земство должно выработать основания конституции, но этой выработке мешают апатия и привычка общества к безучастности в общественных делах и к легкому взгляду на вещи, основанному на кратком приятельстве. Земские учреждения, очевидно, замрут так же, как замерло право дворян в своих собраниях обсуждать неудобство существующих законов, и тогда главный результат земской деятельности, работающей для будущего, не осуществится никогда, и следовательно – весь труд теперешних более энергических земских деятелей пропадет даром» [20, л. 2].

По мнению князя Д. Шаховского, введение земства создало возможность живого общения различных элементов русской провинции, и этим внесено было в русскую жизнь совершенно новое начало. Созданы были совсем новые по форме виды общественных мероприятий, появились своеобразные общественные работники, образовался новый круг отношений и культурных навыков, и все это внесло в облик русской жизни совсем новые интересы, возможности и факты. Последствия земской работы коснулись при этом далеко не одной только деревни. Создалась новая атмосфера общественности, которой новыми началами окрасились и проявления жизни провинциальных центров. Д. Шаховской, не отрицая узкую сферу возможностей земских губернских и уездных учреждений, подчеркнул, что они были «хорошей школой политического реализма и трезвой оценки действительности» [21, л. 3–9].

Динамика развития позиции к земскому движению со стороны правительственных чиновников всех уровней характеризуется, с одной стороны, сохранением достаточно негативного отношения к этому «институту без крыши и основания», но, с другой стороны, с конца 1870 – начала 1880-х гг., по мере развития земского движения в плане хозяйственно-экономической, культурно-просветительной, статистической деятельности, часть чиновников приходит к пониманию роли просветительской работы земств при сохранении в то же время резко отрицательного отношения к земству как параллельной власти.

Создание новых финансовых и судебных учреждений, органов земского и городского внесловного управления, на наш взгляд, мало изменили структуру центрального и местного управления. Главой губернии остался губернатор, официальный «хозяин губернии», чье влияние на фоне общественного подъема 1860-х гг. было упрочено. Реакцией правительства на «пробуждение» провинциального общества было усиление власти начальника губернии на протяжении 1870–1880-х гг. После реформ в стране сохранились основные дореформенные учреждения с дворянским чиновничьим большинством, а также основы дореформенного права.

Список литературы

1. **Васильчиков, А.** О самоуправлении / А. Васильчиков. – СПб., 1869. – 218 с.
2. **Васильчиков, А.** О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений / А. Васильчиков. – Изд. 3-е. – СПб., 1872. – Т. I. – 198 с.
3. **Коркунов, Н. М.** Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – 6-е изд. – СПб., 1909. – Т. II.
4. **Лазаревский, Н. И.** Самоуправление / Н. И. Лазаревский // Мелкая земская единица : сб. ст. – СПб., 1903. – 294 с.
5. **Чичерин, Б. Н.** О земских учреждениях / Б. Н. Чичерин // Несколько современных вопросов. – М. : СПАРК, 2002. – С. 112–127.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3. Д. 165.
7. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 169. К. 15. Д. 3.
8. Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ЦГИА г. Москвы). Ф. 17. Оп. 50. Д. 138.
9. ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 617.
10. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 3237.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 67.
12. **Котляревский, С. А.** Конституционное государство: Опыт политико-морфологического обзора / С. А. Котляревский. – СПб., 1907. – 348 с.
13. **Безобразов, В. П.** Государство и общество. Управление и самоуправление и судебная власть / В. П. Безобразов. – СПб., 1882. – 218 с.
14. **Безобразов, В. П.** Земские учреждения и самоуправление / В. П. Безобразов. – М., 1874. – 224 с.
15. **Градовский, А. Д.** Начала русского государственного права / А. Д. Градовский // Собрание сочинений. – СПб., 1904. – Т. IX. – 325 с.
16. **Свешников, М. И.** Основы и пределы самоуправления / М. И. Свешников. – СПб., 1892. – Ч. 2. – 367 с.
17. **Карнишина, Н. Г.** Теория суверенитета в дореволюционном русском государствоведении / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 49–54.
18. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 682. Оп. 1. Д. 664.
19. РГИА. Библиотека. Ф. 1. Отд. 1. Д. 48.
20. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 2230.
21. **Шаховской, Д.** Пятидесятилетие земства / Д. Шаховской // Очерки экономической деятельности земства : сб. – М., 1914. – 112 с.

References

1. Vasil'chikov A. *O samoupravlenii* [On self-government]. Saint-Petersburg, 1869, 218 p.
2. Vasil'chikov A. *O samoupravlenii. Sravnitel'nyy obzor russkikh i inostrannykh zemskikh i obshchestvennykh uchrezhdeniy. Izd. 3-e.* [On self-government. Comparative review of Russian and foreign zemstvo and public institutions. Issue 3]. Saint-Petersburg, 1872, vol. I, 198 p.
3. Korkunov N. M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. 6-e izd.* [Russian state law. Issue 6]. Saint-Petersburg, 1909, vol. II.
4. Lazarevskiy N. I. *Melkaya zemskaya edinitsa: sb. st.* [Small zemstvo unit: collected articles]. Saint-Petersburg, 1903, 294 p.
5. Chicherin B. N. *Neskol'ko sovremennykh voprosov* [Some modern problems]. Moscow: SPARK, 2002, pp. 112–127.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. 109. Op. 3. D. 165.

7. *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (NIOR RGB)* [Research department of manuscripts of the Russian State Library (NIOR RGB)]. F. 169. K. 15. D. 3.
8. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv g. Moskvy (TsGIA g. Moskvy)* [Central State Historical Archive of Moscow]. F. 17. Op. 50. D. 138.
9. *GARF*. F. 722. Op. 1. D. 617.
10. *GARF*. F. 109. Op. 3. D. 3237.
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). [Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 1263. Op. 1. D. 67.
12. Kotlyarevskiy S. A. *Konstitutsionnoe gosudarstvo: Opyt politiko-morfologicheskogo obzora* [Constitutional state: experience of political-morphological review]. Saint-Petersburg, 1907, 348 p.
13. Bezobrazov V. P. *Gosudarstvo i obshchestvo. Upravlenie i samoupravlenie i sudebnaya vlast'* [State and society. Government and self-government and judicial authority]. Saint-Petersburg, 1882, 218 p.
14. Bezobrazov V. P. *Zemskie uchrezhdeniya i samoupravlenie* [Zemstvo institutions and self-government]. Moscow, 1874, 224 p.
15. Gradovskiy A. D. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Saint-Petersburg, 1904, vol. IX, 325 p.
16. Sveshnikov M. I. *Osnovy i predely samoupravleniya* [Fundamentals and limits of self-government]. Saint-Petersburg, 1892, part 2, 367 p.
17. Karnishina N. G. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2010, no. 4 (16), pp. 49–54.
18. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Department of manuscripts of the Russian National Library]. F. 682. Op. 1. D. 664.
19. *RGIA*. Library. F. 1. Otd. 1. D. 48.
20. *GARF*. F. 109. Op. 3. D. 2230.
21. Shakhovskoy D. *Ocherki ekonomicheskoy deyatel'nosti zemstva: sb.* [Essays on economic activity of zemstvos: collection]. Moscow, 1914, 112 p.

Карнишина Наталья Геннадьевна
доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой государственно-
правовых дисциплин, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: karnishins@mail.ru

Karnishina Natalia Gennadievna
Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of state-legal
disciplinies, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 94(47)

Карнишина, Н. Г.

Реформа местного самоуправления в России во второй половине XIX в.: взгляд современников / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 25–34.

А. Е. Ульянов, Е. А. Тетерина

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ УГОДЬЯМИ БЫВШИХ ПОМЕЩИЧЬИХ, ГОСУДАРСТВЕННЫХ И УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX В.¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Рассматриваются общие данные о распределении сельскохозяйственных земель региона между различными категориями владельцев, в целом крестьянского населения, а также отдельных его групп. Вопрос этот крайне важен, поскольку земельные ресурсы в последней трети XIX – начале XX в. являлись главным средством производства, особенно в аграрных губерниях России. Изучение подобных вопросов имеет важное теоретическое и практическое значение в связи с проведением в стране аграрной реформы, развитием фермерства и поиском наиболее эффективных способов хозяйствования на земле в современных условиях. Целью исследования является рассмотрение динамики землевладения главных групп крестьянского населения на территории одного из регионов Европейской России – Симбирской губернии.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе изучения правительственной статистики последней трети XIX – начала XX столетия. Данные сведения отвечают требованиям их сопоставимости, так как приемы регистрации собираемых данных в целом оставались неизменными, что позволяет выявить основные тенденции движения крестьянского землевладения. Методологическая основа работы – сравнительно-исторический метод, с помощью которого возможно сравнение движения землевладения различных категорий крестьянства.

Результаты. Работа содержит сведения об обеспеченности землей всех трех категорий крестьян Симбирской губернии: бывших помещичьих, бывших государственных и бывших удельных. Соответствующие данные приводятся в абсолютных цифрах и процентах. Землевладение всех трех категорий постепенно сокращалось. Наиболее обеспечены земельными ресурсами были бывшие удельные крестьяне, наименее – бывшие помещичьи.

Выводы. Сокращение размеров наделов у различных групп домовладельцев препятствовало построению в деревне крепких крестьянских хозяйств, ориентированных на рынок. Недостаточное землеобеспечение крестьянства затрудняло модернизацию местного сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: бывшие удельные крестьяне, бывшие помещичьи крестьяне, бывшие государственные крестьяне, крестьянское хозяйство, крестьянский двор, наделное землевладение, аграрные отношения.

А. Е. Ulyanov, E. A. Teterina

COMPARATIVE DEGREE OF LAND POSSESSION OF LANDOWNER'S, STATE'S AND APPANAGE PEASANTS IN SIMBIRSK PROVINCE IN THE LAST THIRD OF XIX – EARLY XX CENTURIES

Abstract.

Background. The article considers general data on distribution of agricultural lands among various groups of owners, peasantry in whole, as well as separate

¹ Статья опубликована в рамках выполнения гранта РГНФ № 14-31-01241/14.

groups thereof. The problem is especially important due to the fact that in the last third of XIX – early XX centuries land resources were the main means of production, particularly in agricultural provinces of Russian. Investigation of such problems is of great theoretical and practical importance due to the contemporary agrarian reformation in the country, development of farming and search for the most effective ways of economic land management in modern conditions. The aim of the research is to consider the dynamics of landownership of main groups of peasantry on the territory of one region of European Russia – Simbirsk province.

Materials and methods. The research was based on examination of the government statistics of the last third of XIX – early XX centuries. The given data meet the requirements of their comparability as the methods of registration of the collected data remained unchanged, allowing to reveal the main trends of peasants' landownership development. Methodologically the work was based of the comparative-historical method, enabling to compare development of landownership of various groups of peasants.

Results. The work contains the data on land possession of all 3 groups of peasants in Simbirsk province: former landowner's, former state's and former appanage peasants. The corresponding data are presented in absolute figures and percentage. Landownership of all 3 groups was gradually decreasing. The peasants with most lands in possession were appanage ones, with least lands – former landowner's peasants.

Conclusions. Decrease of land plot sizes of various groups of peasants interfered with development of strong market-oriented peasant farms in villages. Insufficient land supply to peasantry impeded modernization of local agricultural production.

Key words: former appanage peasants, former landowner's peasants, former state's peasants, peasant farm, peasant farmstead, allotment ownership, agrarian relations.

На протяжении всего периода своего существования российская историческая наука проявляет неизменный интерес к различным вопросам истории крестьянства, аграрного развития России. Интерес этот касается как всего государства в целом, так и отдельно взятых его территорий и регионов [1]. С конца XX в. постоянно появляются все новые и новые монографии и статьи на эту тему, защищаются кандидатские и докторские диссертации [2–6]. Особую актуальность вопросы исторического прошлого российской деревни приобрели в последние десятилетия в связи с проведением в нашей стране аграрной реформы, поиском наиболее эффективных способов хозяйствования на земле в современных условиях.

Значительное внимание исследователи проявляют к изучению земельных отношений второй половины XIX – начала XX в. Подобный интерес следует признать совершенно оправданным и закономерным, поскольку в России пореформенного времени не было вопроса, стоящего более остро, чем аграрный. Преобразования 60-х гг. XIX в. самым коренным образом изменили социально-экономическую и политическую ситуацию в стране. Кардинальной системной перестройке было подвергнуто как помещичье, так и крестьянское хозяйство государства [7].

В быстро менявшихся условиях одним из самых животрепещущих вопросов социально-экономического развития по-прежнему оставался вопрос о землевладении основных производителей сельскохозяйственной продукции. Последнее обстоятельство вполне объяснимо: земля традиционно являлась главным средством производства, и вопрос о ее владельце в конечном

итоге становился вопросом об основном поставщике продуктов сельского хозяйства, о субъекте, в руках которого формировались капиталы, о классе, от которого зависело будущее пореформенной России [8]. Кроме того, именно в сельском хозяйстве была занята основная часть жителей государства и именно оно давало около половины национального дохода страны [9, с. 227]. Не случайно в связи с этим один из ведущих исследователей российского пореформенного крестьянства А. М. Анфимов писал, что аграрно-крестьянской вопрос на рубеже XIX–XX столетий «приобрел общенациональное значение, стал стержнем, “гвоздем” назревавшей революции» [10, с. 22].

Все вышесказанное в полной мере касалось Симбирской губернии (которая статистиками того времени традиционно относилась к черноземным губерниям [11, с. XV]) как составной части Российской империи. Главную материальную основу крестьянского хозяйства этого региона в последней трети XIX – начале XX в., как известно, составляло наделное землевладение. В этом плане Симбирский край не представлял собой никакого исключения из этого общероссийского правила. Если обратиться к статистическим данным, то мы увидим, что в начале XX в. наделная земля занимала здесь немногим менее половины всей площади, а именно 41,5 %. В это же время в частной собственности числилось 27,3 % всей территории губернии, а земель, принадлежавших государству, церкви и учреждениям, было 31,2 % [12, с. 10]. Кроме того, необходимо помнить, что крестьянское землепользование не ограничивалось только наделными землями, так как в разряде «частные собственники», помимо помещичьих, фигурировало также некоторое количество крестьянских угодий.

Общие вопросы крестьянского землевладения в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. уже являлись предметом рассмотрения целого ряда исследователей российской аграрной истории. При этом Симбирский регион изучался и как составная часть Поволжья, и как отдельно взятая губерния. Авторы затрагивали общие вопросы владения землей, купленных крестьянами угодий, деятельности Крестьянского земельного банка в Симбирской губернии, дробления крестьянских наделов, вклада крестьянства в обеспечение региона продовольствием и некоторые другие серьезные аспекты проблемы [13–16]. При этом более детальные вопросы наделного землевладения – и это следует признать вполне закономерным – оставались в стороне. В частности, не получили должного внимания проблемы обеспечения земельными угодьями основных групп симбирских крестьян – бывших помещичьих, бывших государственных и бывших удельных.

Подробные сведения об обеспеченности крестьян Симбирской губернии наделными землями приводятся в правительственной статистике начала XX столетия. Основной причиной, по которой исследователи, как правило, вынуждены обращаться к государственной документации того времени, является отсутствие в их распоряжении иных источников, по которым можно было бы сопоставить данные о землевладении бывших государственных, бывших помещичьих и бывших удельных крестьян региона. Надо отметить, что эти данные, как, впрочем, и любые другие статистические сведения, нельзя назвать совершенно точными по причине того, что специального межевого обследования губернии перед их публикацией не проводилось. Собирались они преимущественно по уже существовавшим окладным книгам

и некоторым иным источникам. Кроме того, как отмечал А. М. Анфимов, при их сборе «оказались не распределенными по дворам 2539,5 тысяч десятин» [17, с. 88]. Впрочем, последнее обстоятельство не представляется нам существенным, поскольку даже в масштабах всей страны приведенная цифра не составляет даже 2 % площади всех учтенных земель. Нельзя не отметить и того факта, что материалы, собираемые Центральным статистическим комитетом, в полной мере отвечают требованиям их сопоставимости, так как приемы регистрации собираемых сведений, как отмечали его составители, в главных чертах оставались неизменными. Учитывая данный факт, можно с уверенностью предположить, что, если даже статистика землевладения и содержит некоторые фактические ошибки и неточности, неизбежные при сборе любого статистического материала и использовании любых приемов его обработки, основные тенденции движения крестьянского землевладения ею представлены вполне точно.

Прежде чем обратиться к сведениям отдельно по бывшим помещичьим, бывшим государственным и бывшим удельным крестьянам, приведем общие цифры, отражающие обеспеченность всех категорий крестьян Симбирской губернии надельными землями. Так, в 1877 г. на 2400 крестьянских общин в составе 180 467 дворов приходилось 1 691 421 десятина надельной земли [12, с. 10, 11]. Несложный расчет показывает, что в среднем один двор располагал 9,4 десятины.

К началу XX в. общая площадь надельных земель в губернии несколько сократилась, составив 1 658 265 десятин [12, с. 10]. Это уменьшение, на первый взгляд, выглядит совершенно мизерным. Однако на самом деле подворное обеспечение крестьян угодьями сократилось на более значительные величины, поскольку за 28 пореформенных лет в Симбирской губернии имел место серьезный прирост сельского населения, значительно опережавший и без того, как мы видели, сокращающееся надельное землевладение: в начале XX в. регион насчитывал уже 244 870 дворов (хотя количество общин уменьшилось до 2111) [12, с. 10, 11]. Таким образом, к началу столетия на отдельно взятый среднестатистический крестьянский двор приходилось всего 6,8 десятины, т.е. имело место серьезное (почти на 28 %) сокращение обеспеченности крестьян сельскохозяйственными угодьями.

Для сравнения: по всей России на 1877 г. на один крестьянский двор приходилось приблизительно 12,2 десятины земли, а на 1905 г. – 9,6 десятины, т.е. «общая тенденция состояла в неуклонном уменьшении среднего надела на двор у всех разрядов крестьян» [17, с. 67]. Понятно, что при этом, как и в рассматриваемой нами Симбирской губернии, сохранялись различия в размерах наделов у различных категорий сельских жителей. Увеличение площади земли, приходившейся на крестьянский двор, имело место только в двух европейских губерниях России – Эстляндской и Лифляндской (за счет угодий, которые местные помещики должны были продать крестьянам).

Дав общую картину динамики обеспеченности крестьян надельными землями, перейдем к аналогичным характеристикам отдельно бывших помещичьих, бывших государственных и бывших удельных крестьян.

Все три категории сельских жителей были внутренне неоднородны, дробились на различные группы сообразно размерам их владений. К сожалению, сведения, которыми мы располагаем, относятся только к 1905 г. Тем не менее и они дают весьма выразительную картину (табл. 1).

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
40–50	Общ. Подв.	–	–	–	2	13	591	–	–	–	2	13	591
50–100	Общ. Подв.	–	–	–	1	21	1417	2	11	793	2	11	793
100–200	Общ. Подв.	1	10	1148	–	–	–	–	–	–	1	10	1148
200–300	Общ. Подв.	–	–	–	–	–	–	1	8	1734	1	8	1734
300–400	Общ. Подв.	1	2	707	–	–	–	–	–	–	1	2	707
Итого	Общ. Подв.	1216 24	92 137 3122	513 762 16 165	200 18	22 561 255	144 637 3 489	652 1	126 518 259	976 028 4184	2068 43	241 234 3636	1 634 427 23 838
Всего		1240	95 259	529 927	218	22 816	148 126	653	126 777	980 212	2111	244 870	1 658 265

Примечание. * В строке «Итого» для «Числа дворов» источник ошибочно указывает цифру 216 536, а в строке «Всего» – цифру 216 795.

Первой по числу общин и занимаемым территориям категорией симбирских крестьян были бывшие удельные крестьяне. Именно они оказались в наиболее выгодном положении по сравнению с жителями в прошлом помещичьих и государственных деревень. В изучаемом регионе имелось 126 777 дворов бывших удельных крестьян, что составляло более половины их общего количества (51,7 %). Этой категории принадлежала и львиная доля всех наделных земель – 980 212 десятин (59,1 %). Уже из приведенных процентных данных предварительно видно, что обеспеченность землей средне-статистического двора бывшей удельной деревни была лучшей. И, действительно, небольшой расчет это подтверждает – на один крестьянский двор в этой категории приходилось по 7,7 десятины.

Второе место (как по числу общин, так и по наличной территории) занимали бывшие помещичьи крестьяне. Они располагали 529 927 десятинами земли (32 % от их общего количества), которые приходились на 95 259 дворов (или 38,9 % всех дворов губернии), т.е. в среднем крестьянском семействе этой категории имелось 5,6 десятины угодий.

Жители бывшей государственной деревни по числу дворов и площади, которой эти дворы располагали, занимали третье место в регионе. Всего у этой категории крестьянства имелось 148 126 десятин угодий (8,9 % от их общего количества), делившихся между 22 816 дворами (9,3 % всех дворов губернии). Однако в среднем один двор бывших государственных крестьян располагал 6,5 десятины, а это значило, что в смысле средних показателей землеобеспечения они занимали вторую после бывших помещичьих крестьян позицию.

Приведенные выше общие цифры, безусловно, интересные сами по себе, не дают нам информации относительно обеспечения землей отдельных групп крестьян внутри каждой из трех упомянутых категорий. Этот момент представляется нам очень важным, поскольку хозяйства и бывших удельных, и бывших помещичьих, и бывших государственных крестьян не только относительно друг друга, но и внутри самих «себя» были обеспечены угодьями крайне неравномерно.

Если условно разбить все крестьянские дворы бывших удельных крестьян на три группы с количеством земли в первой группе до 5 десятин, во второй – от 5 до 10 десятин и в третьей – свыше 10 десятин, то мы обнаружим, что 15 202 двора этой категории сельских жителей (или 12 % от их общего количества) были малоземельными и имели до 5 десятин. Затем шла наиболее многочисленная группа хозяйств – 91 507 (или 72,2 % от их общего количества), располагавших землей в количестве от 5 до 10 десятин. Последняя группа в количестве 20 068 дворов имела более чем 10 десятин угодий. В отношении ко всем дворам эта группа составляла у бывших удельных крестьян 15,8 % (подсчитано по: [12, с. 29]).

У бывших помещичьих крестьян мы наблюдаем совершенно иную картину. Известно, что по итогам реформы 1861 г. меньше всего земли получили именно помещичьи крестьяне. По прошествии сорока с лишним лет ситуация кардинально не изменилась. В Симбирской губернии почти половина дворов бывших помещичьих крестьян (39 610, или 41,6 % от их общего количества) была малоземельной и имела до 5 десятин. Затем, так же как и у бывших удельных крестьян, шла наиболее многочисленная группа хозяйств, распола-

гавших земель в количестве от 5 до 10 десятин. Однако, в отличие от бывших удельных, у бывших помещичьих крестьян таких хозяйств насчитывалось 50 519 (или 53 % от их общего количества). Самая малочисленная группа дворов (5135) имела более чем 10 десятин угодий. В отношении ко всем дворам эта группа составляла у бывших помещичьих крестьян всего-навсего 5,4 % (подсчитано по: [12, с. 29]).

Бывшие государственные крестьяне занимали средние позиции: их землеобеспечение и в целом, и по анализируемым нами группам было на порядок лучше, нежели у бывших помещичьих крестьян, но хуже, чем у бывших государственных. Так, группа малоземельных дворов составляла здесь 29 % их общего количества (занимая 6627 десятин), средняя группа – 63 % (или 14 375 десятин), и группа с количеством земли более 10 десятин составляла 8 % (располагая угодьями на площади в 1795 десятин) (подсчитано по: [12, с. 29]).

В табл. 2 для удобства анализа сведены данные об обеспеченности бывших удельных, бывших помещичьих и бывших государственных крестьян Симбирской губернии земельными угодьями в 1905 г. по отдельным группам владельцев.

Таблица 2

Надельные земли бывших удельных, помещичьих и государственных крестьян Симбирской губернии в 1905 г. (составлено по: [12, с. 29])

Категории крестьян	До 5 дес.		От 5 до 10 дес.		Более 10 дес.		В среднем на двор
	Количество дворов	% в губернии	Количество дворов	% в губернии	Количество дворов	% в губернии	
Удельные	15 202	12 %	91 507	72,2 %	20 068	15,8 %	7,7 дес.
Помещичьи	39 610	41,6 %	50 519	53 %	5135	5,4 %	5,6 дес.
Государственные	6627	29 %	14 375	63 %	1795	8 %	6,5 дес.

В заключение следует заметить, что в Симбирской губернии в начале XX в. максимальное количество наделной земли относительно ее общей площади у бывших удельных крестьян приходилось на дворы, имевшие от 5 до 15 десятин, у бывших помещичьих – на дворы, имевшие от 5 до 9 десятин, а у бывших государственных (как и у бывших удельных) – на дворы, имевшие от 5 до 15 десятин. Хозяйств, владеющих значительным количеством угодий, в регионе было мало. Так, дворов с наделом свыше 15 десятин имелось всего 4273 единицы (подсчитано по: [12, с. 29]) (для сравнения: в соседней Пензенской губернии – 6122 [18]). Понятно, что большинство из них – 2911 – принадлежало бывшим удельным крестьянам. С другой стороны, в Симбирской губернии были хозяйства с наделом в 50 и более десятин, т.е. хозяйства, которые, по сути, уже выходили за рамки крестьянских [17, с. 68]. Таковых, впрочем, насчитывалось всего 52 (в Пензенской губернии – 72 [18]), причем 40 из них принадлежали бывшим государственным и бывшим удельным крестьянам (подсчитано по: [12, с. 29]). Имелись в гу-

бернии и крестьянские хозяйства-гиганты размером от 200 до 400 десятин: 2 хозяйства бывших помещичьих и 8 хозяйств бывших удельных крестьян [12, с. 29].

Таким образом, обеспеченность крестьян землей в расчете на двор в Симбирской губернии с 1870-х гг. до начала XX в. за счет прироста сельского населения сократилось более чем на четверть. К 1905 г. наибольшим количеством угодий на одно хозяйство располагали бывшие удельные крестьяне, за которыми по ниспадающей шли бывшие государственные и бывшие помещичьи крестьяне. Подобный характер землеобеспечения домохозяйств симбирской деревни во многом объясняется итогами проведения крестьянской реформы 1861 г. Размеры участков у различных групп сельских жителей значительно различались, однако общая тенденция сводилась к тому, что наибольший процент крестьянских хозяйств губернии пользовался наделом от 5 до 10 десятин, и процент этот был наименьшим у помещичьих крестьян, а наибольшим – у удельных крестьян. Сокращение размеров наделов у различных групп домовладельцев препятствовало построению в деревне крепких, ориентированных на рынок хозяйств, а недостаточное землеобеспечение крестьянства затрудняло модернизацию местного сельскохозяйственного производства.

Список литературы

1. **Ульянов, А. Е.** Советская историография 1960–1980-х гг. помещичьего хозяйства Пензенской, Саратовской, Самарской и Симбирской губерний в конце XIX – начале XX века / А. Е. Ульянов // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2011. – № 23. – С. 595–600.
2. **Безгин, В. Б.** Модернизация аграрного сектора и состояние крестьянских хозяйств в начале XX в. / В. Б. Безгин // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность : материалы III Всерос. (XI Межрег.) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. – Ижевск : Изд-во Ижевского ун-та, 2010. – С. 52–58.
3. **Карнишина, Н. Г.** Российская провинция в период модернизации: вторая половина XIX – начало XX вв. / Н. Г. Карнишина, В. Ю. Карнишин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7-3. – С. 223–225.
4. **Марискин, О. И.** Государево тягло: налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья) / О. И. Марискин. – Саранск : Изд-во Саранского ун-та, 2004. – 239 с.
5. **Яковлев, С. А.** История регионов как путь к познанию истории России / С. А. Яковлев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 4-1. – С. 217–221.
6. **Перепелицин, А. В.** Особенности земельных отношений крестьян Центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX века / А. В. Перепелицин, В. Н. Фурсов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – 2008. – Т. 10, № 8. – С. 94–100.
7. **Ульянов, А. Е.** Крупное частное землевладение в Пензенской губернии в последней трети XIX – начале XX вв. / А. Е. Ульянов // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2012. – № 27. – С. 1061–1069.
8. **Ульянов, А. Е.** Крестьянское землевладение в Симбирской губернии в конце XIX – начале XX века / А. Е. Ульянов // Известия Пензенского государственного

- педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2010. – № 15 (19). – С. 102–106.
9. **Хромов, П. А.** Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России / П. А. Хромов. – М. : Наука, 1982. – 358 с.
 10. **Анфимов, А. М.** Крупное помещичье хозяйство в Европейской России (конец XIX – начало XX вв.) / А. М. Анфимов. – М. : Наука, 1969. – 395 с.
 11. Погубернские итоги мобилизации земель и средние земельные цены за 40-летие 1863–1902 гг. – СПб. : Тип. Мин-ва путей сообщения, 1907. – 18 с.
 12. Статистика землевладения 1905 года. Симбирская губерния. – СПб. : Центральный статистический комитет МВД, тип. АО «Слово», 1906. – 50 с.
 13. **Кабытов, П. С.** Аграрные отношения в Поволжье в эпоху империализма (1900–1917) / П. С. Кабытов. – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1982. – 199 с.
 14. **Савельев, П. И.** Пути аграрного капитализма в России. XIX век. (По материалам Поволжья) / П. И. Савельев. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 1994. – 365 с.
 15. **Смыков, Ю. И.** Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (социально-экономическое исследование) / Ю. И. Смыков. – М. : Наука, 1984. – 231 с.
 16. **Тетерина, Е. А.** К вопросу о продовольственном положении в Среднем Поволжье в конце XIX – начале XX в. / Е. А. Тетерина, А. Е. Ульянов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 26–34.
 17. **Анфимов, А. М.** Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904 гг. / А. М. Анфимов. – М. : Наука, 1980. – 298 с.
 18. **Ульянов, А. Е.** Обеспеченность сельскохозяйственными землями бывших помещичьих и государственных крестьян Пензенской губернии в конце XIX – начале XX веков / А. Е. Ульянов // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2011. – № 23. – С. 591–594.

References

1. Ulyanov A. E. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. Humanities]. 2011, no. 23, pp. 595–600.
2. Bezgin V. B. *Krest'yanstvo v Rossiyskikh transformatsiyakh: istoricheskiy opyt i sovremenost': materialy III Vseros. (XI Mezhhreg.) konf. istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya* [Peasantry in Russian transformations: historical experience and modern times: proceedings of III All-Russian (XI International) conference of historians-agrarians of the West Volga region]. Izhevsk: Izd-vo Izhevskogo un-ta, 2010, pp. 52–58.
3. Karnishina N. G., Karnishin V. Yu. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophic, political and juridical sciences, culture science and art studies. Problems of theory and practice]. 2011, no. 7-3, pp. 223–225.
4. Mariskin O. I. *Gosudarevo tyaglo: nalogooblozhenie krest'yanstva Rossii vo vtoroy polovine XIX – pervoy treti XX veka (po materialam Srednego Povolzh'ya)* [State tax: taxation of peasantry in Russia in the second part of XIX – first third of XX centuries (by the materials of Middle Volga region)]. Saransk: Izd-vo Saranskogo un-ta, 2004, 239 p.
5. Yakovlev S. A. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophic, political and juridical sciences, culture science and art studies. Problems of theory and practice]. 2012, no. 4-1, pp. 217–221.
6. Perepelitsin A. V., Fursov V. N. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika»* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Series “History. Political science. Economics. Computer science”]. 2008, vol. 10, no. 8, pp. 94–100.

7. Ul'yanov A. E. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. Humanities]. 2012, no. 27, pp. 1061–1069.
8. Ul'yanov A. E. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. Humanities]. 2010, no. 15 (19), pp. 102–106.
9. Khromov P. A. *Ekonomicheskaya istoriya SSSR. Period promyshlennogo i monopolisticheskogo kapitalizma v Rossii* [Economic history of the USSR. The period of industrial and monopolistic capitalism in Russia]. Moscow: Nauka, 1982, 358 p.
10. Anfimov A. M. *Krupnoe pomeshchich'e khozyaystvo v Evropeyskoy Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Large landowner farms in European Russia (late XIX – early XX centuries)]. Moscow: Nauka, 1969, 395 p.
11. *Pogubernskie itogi mobilizatsii zemel' i srednie zemel'nye tseny za 40-letie 1863–1902 gg.* [Results of land mobilization in each province and average land prices for 40 years 1863–1902]. Saint-Petersburg: Tip. Min-va putey soobshcheniya, 1907, 18 p.
12. *Statistika zemlevladieniya 1905 goda. Simbirskaya guberniya* [Landownership statistics in 1905. Simbirsk province]. Saint-Petersburg: Tsentral'nyy statisticheskiy komitet MVD, tip. AO «Slovo», 1906, 50 p.
13. Kabytov P. S. *Agrarnye otnosheniya v Povolzh'e v epokhu imperializma (1900–1917)* [Agrarian relations in Volga region in the age of imperialism (1900–1917)]. Saratov: Izd-vo Saratovsk. un-ta, 1982, 199 p.
14. Savel'ev P. I. *Puti agrarnogo kapitalizma v Rossii. XIX vek. (Po materialam Povolzh'ya)* [Paths of agrarian capitalism in Russia. XIX century. (By the materials of Volga region)]. Samara: Izd-vo Samar. un-ta, 1994, 365 p.
15. Smykov Yu. I. *Krest'yane Srednego Povolzh'ya v period kapitalizma (sotsial'no-ekonomicheskoe issledovanie)* [Peasants of Middle Volga region in the period of capitalism (socioeconomic research)]. Moscow: Nauka, 1984, 231 p.
16. Teterina E. A., Ul'yanov A. E. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2010, no. 4 (16), pp. 26–34.
17. Anfimov A. M. *Krest'yanskoe khozyaystvo Evropeyskoy Rossii 1881–1904 gg.* [Peasant farms in European Russia in 1881–1904]. Moscow: Nauka, 1980, 298 p.
18. Ul'yanov A. E. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. Humanities]. 2011, no. 23, pp. 591–594.

Ульянов Антон Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории, права и методики
правового обучения, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: uae79@list.ru

Ulyanov Anton Evgenyevich

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of history, law
and legal education technique, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Тетерина Евгения Александровна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра коммуникационного
менеджмента, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: evgenia_t@bk.ru

Teterina Evgeniya Aleksandrovna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department
of communication management,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 94 (470.43)

Ульянов, А. Е.

Сравнительная обеспеченность угодьями бывших помещичьих, государственных и удельных крестьян Симбирской губернии в последней трети XIX – начале XX в. / А. Е. Ульянов, Е. А. Тетерина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 35–46.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В 1941–1945 гг. (К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблемы изучения Великой Отечественной войны являются дискуссионными и представлены в широком корпусе исторических исследований разного уровня на протяжении почти 70-летнего периода. Изучение проблем социальной истории в локальном представлении вызывает интерес для установления специфики развития региона в экстремальных условиях военного времени. Цель работы – проанализировать степень изученности положения аграрного сектора экономики, положения сельского населения в годы Великой Отечественной войны на материалах Краснодарского края и Адыгейской автономной области в 1941–1945 гг.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе всестороннего анализа научных, публицистических, мемуарных, статистических и других исследований. Методологическую основу работы составили современные представления о гносеологических возможностях применения принципов и методов проведения исторического исследования. Основополагающее значение имело следование принципу *научности*, реализовать который стало возможным за счет привлечения обширной многоплановой источниковой базы и специально организованного исследовательского процесса. Наиболее сложным для автора стало следование принципу *объективности* при учете того факта, что наряду с имеющимися историческими источниками, как опубликованными, так и неопубликованными, остается невозможным сделать полный анализ всех работ по теме, поскольку не все архивные дела являются доступными в связи с существованием грифа «секретности» на некоторых архивных материалах периода оккупации региона. Важное значение для организации структуры исследования имел принцип *историзма*, позволивший рассмотреть социально-экономическое положение и развитие сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны как явление, вписанное в конкретную среду, обусловленную социально-политическими, экономическими и культурными особенностями региона. Комплексное применение методов позволило адекватно отразить общую направленность и региональные особенности и закономерности функционирования сельскохозяйственного производства и обеспечившей его силы – сельских тружеников в период радикальных трансформаций предвоенного периода и в военные годы.

Результаты. Обобщены научные исследования по изучению положения и проблем военной экономики СССР в годы Великой Отечественной войны на материалах изучения аграрной отрасли и положения сельского населения Краснодарского края и Адыгеи. Научные исследования, анализируемые автором в статье, выделены в отдельные группы по проблемно-хронологическому принципу.

Выводы. История Великой Отечественной войны и Победы в коллективной исторической памяти остается одним из краеугольных камней национальной идентичности, символом единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп. Осознание этого обстоятельства вызывает необходимость обращения к историческому опыту того трагического и героического периода.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Краснодарский край, экономический потенциал, сельское хозяйство, аграрный сектор экономики, колхоз.

AGRICULTURE OF KRASNODAR REGION IN 1941–1945 (ON THE ISSUE OF HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM)

Abstract.

Background. The problems of studying the Great Patriotic War are debatable and presented in a great number of historic researches of different level for about 70 years. Studying of the social history problem at a local scale provokes interest for setting the peculiarity of regional developing in extreme conditions during war time. The aim of this work is to analyze the degree of exploration of the agrarian sector of economy, the situation of rural population during the Great Patriotic War based on the materials of Krasnodar region and Adygei autonomous region in 1941–1945.

Materials and methods. Realization of the research objectives was achieved on basis of a comprehensive analysis of scientific, publicistic, memoir, statistics and other researches. The methodology of this work is based on the modern conception of gnoseological possibilities of application of principles and methods of historic research. The essential meaning followed the principle of science and its realization became possible by the means of attracting a vast multi-aspect source base and implementing a specially organized research process. The hardest thing for the author was to follow the principle of objectiveness considering the fact that along with available historic sources (both published and unpublished) it's impossible to perform a comprehensive analysis of all sources as not all archival files are available for the author due to confidentiality thereof.

Results. The author attempts to summarize scientific researches of the condition and problems of war time economy of the USSR during the Great Patriotic War by the materials of examination of the agrarian sector and rural population condition in Krasnodar region and Adygei. The researches analyzed by the author are allocated into separate groups by the problem-chronological principle.

Conclusions. The history of the Great Patriotic War and Victory in common historical memory remains one of the cornerstones of the national identity, a symbol of unity of people of various ethnic origin, social and age groups. Realization of the present circumstance causes a necessity to address the historical experience of that tragic and heroic period.

Key words: the Great Patriotic War, Krasnodar territory, economic potential, agriculture, agrarian economical sector, kolkhoz (collective farm).

В основе развития современного российского общества лежит гражданская солидарность, базирующаяся на стремлении сохранить собственную неповторимую самобытную историю. Разрушение позитивного образа исторического прошлого в 1980-х – начале 1990-х гг. стало одной из ключевых предпосылок распада СССР, повлекшего за собой девальвацию общественных аксиологических ценностей. История Великой Отечественной войны и Победы в коллективной исторической памяти остается одним из краеугольных камней национальной идентичности, символом единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп. Осознание этого обстоятельства вызывает необходимость обращения к историческому опыту того трагического и героического периода.

Исследование истории народа в годы Великой Отечественной войны по сей день остается актуальным для исторической науки. Трудовая доблесть, героизм и самоотверженность всех категорий населения в условиях противо-

стояния вооруженным силам нацистской Германии и ее союзников, оккупации и постоккупационного восстановления заслуживают пристального внимания исследователей, объективного и детального освещения. Перед историками стоит задача – противопоставить объективные исследования повторяющимся попыткам искажения и пересмотра сложившихся представлений о поколении победителей, их отношения к труду, ответственности и выносливости, обстоятельств жизни и условий труда в условиях Великой Отечественной войны.

Для такой огромной страны, как Россия, с разнообразием ее природных, демографических, экономических условий, социокультурных и исторических традиций, региональный срез истории Великой Отечественной войны имеет особое значение. Исследование социальной истории в условиях близости фронта и боевых действий, оккупационной политики, движения Сопротивления, операций по освобождению, восстановлению и т.д. представляет актуальную задачу. На современном этапе развития федеративных отношений в России особое значение приобретает регионалистика. Это обстоятельство ставит задачу – освоение исторического опыта регионов, особенно в переломные периоды истории, к которым относится Великая Отечественная война. Актуальность темы исследования определяется важностью изучения исторического опыта деятельности сельских тружеников в условиях организации целой отрасли народного хозяйства для работы в экстремальных условиях. Изучение чрезвычайных форм и методов деятельности региональных органов власти по решению неимоверно сложных и важных задач оборонного характера в области сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны – это бесценный капитал, который может быть использован органами власти Российской Федерации в кризисных условиях современного этапа.

За семь десятилетий, прошедших с начала Великой Отечественной войны, создана обширная документальная база, написано огромное количество исторических работ, посвященных трудовому подвигу крестьянства.

До недавнего времени в литературе доминировала точка зрения о трех периодах историографии войны: к первому относились годы войны, ко второму – первое послевоенное десятилетие, начало третьего связывалось с 1956 г. Наряду с общепринятой позицией в дискуссиях 1960–1980-х гг. высказывалась идея о принципиальной общности литературы военных лет и первого послевоенного десятилетия [1, с. 203; 2, т. 6, с. 403], предлагалось начинать историографический отсчет с появления первых исследовательских работ, обосновывалось все более дробное деление историографических этапов (послевоенных лет – буквально по десятилетиям) [3, с. 93; 4, с. 8].

Эти же тенденции проявились в работах начала 1990-х гг. [5; 6, с. 16; 7, с. 4–6]. В. М. Кулиш предложил всю советскую историографию войны разделить на четыре периода: первый период – 1941 г. – середина 1950-х гг.; второй – середина 1950-х гг. – середина 1960-х гг., третий – середина 1960-х гг. – середина 1980-х гг. и четвертый период – середина 1980-х гг. – 1990-е гг. [8]. Аналогичную периодизацию предлагает и Б. А. Томан, который четвертый период датирует концом 90-х гг. XX в. [9]. В историографических трудах справедливо подчеркивалось, что историки должны учитывать весь комплекс вопросов, характеризующих ступени в изучении тех или иных проблем [10, с. 10; 11, с. 42]. Но на практике за основные вехи периодизации брались

события в жизни КПСС: съезды, пленумы ЦК, так как именно их решения способствовали или ослаблению политического режима в стране, или его ужесточению.

Наряду с традиционными в современной литературе имеются предложения рассматривать в историографии истории войны два периода: первый период – с 1941 г. до середины 80-х гг. XX в., второй период – со второй половины 1980-х гг. и по настоящее время, когда уменьшилась зависимость научного знания от идеологического диктата, стали формироваться альтернативные концепции [12; 13, с. 4].

Автор статьи вслед за другими историками полагает, что в настоящее время в истории исследований Великой Отечественной войны правомерно различать два качественно разных периода. Первый, длившийся с 1941 г. до рубежа 1980–1990-х гг. – советский период историографии войны. В его рамках возможно выделение тех или иных этапов, но их количество и границы для характеристики концептуальной направленности исследований принципиального значения не имеют, поскольку на всем протяжении названного периода научный поиск осуществлялся в русле единой методологической модели, в исследованиях господствовала официальная концепция.

Второй период, начавшийся с рубежа 1980–1990-х гг., может быть определен как переходный. Изменилась политическая и социально-экономическая ситуация в стране, ушел прежний политико-идеологический диктат, что не могло не отразиться на исследовательских акцентах в оценках событий Великой Отечественной войны. Комплекс ведущихся исследований по истории войны с точки зрения концептуальных подходов, обобщающих оценок уже не представляет собой монолита. Но было бы преждевременно говорить о наличии в историографии истории Великой Отечественной войны методологического плюрализма. Идет сложный процесс идейно-политического самоопределения исследователей, новой, на этот раз разноплановой, политизации исторической науки [14, с. 10–11; 15, с. 24].

В первом периоде советской историографии автор выделяет три этапа: первый – от начала Великой Отечественной войны и до середины 1950-х гг.; второй – с середины 1950-х гг. и до середины 1960-х гг. и третий – с середины 1960-х гг. и до конца 1980-х гг.

Для первого этапа была характерна идеализация советской действительности, так как в то время культ личности Сталина, приняв безудержный характер и достигнув своего апогея, довлел над творческими силами интеллигенции, не давал возможности им раскрыться. Самые общие высказывания и замечания Сталина, с одной стороны, декретировались, а с другой – воспринимались историками как откровения, высшие достижения научной мысли и не подвергались сомнению или критике. Они становились непререкаемыми постулатами в написании истории Великой Отечественной войны. Для их подтверждения ученые подбирали факты, документы и другие материалы, а нередко подгоняли их. Прежде всего это были приказы, выступления, интервью и доклады И. В. Сталина, изданные огромными тиражами. Среди них главное место занимала брошюра «О Великой Отечественной войне Советского Союза» [16].

Литература военных лет – это в основном материалы пропагандистской и патриотической направленности, в которых отмечались факты массового

трудового героизма, проявленного тружениками колхозов и совхозов. Она была лишена описания каких-либо недостатков в развитии сельского хозяйства, примеров тяжелого материального положения колхозников. Более того, в работах Н. И. Анисимова, И. А. Бенедиктова, Э. Бурджалова, И. Лаптева, О. В. Лоде, И. Малышева подчеркивались преимущества социалистического сельского хозяйства, основой которого был колхозный строй [17–22]. Авторы указывали на наличие кризисных явлений в капиталистическом сельском хозяйстве фашистской Германии и на этой основе делали вывод о неизмеримо большей эффективности и жизнеспособности коллективных форм хозяйствования по сравнению с частнособственническими. В отмеченных работах рассказывалось о последовательной борьбе тружеников сельского хозяйства за увеличение производства продовольствия для Красной Армии и трудящихся городов. Ценность работ исследователей военного периода состояла в том, что они открыли конкретные направления изучения состояния сельского хозяйства в суровых условиях войны, продолженные и расширенные последующими поколениями ученых.

Вместе с тем, наряду с этими положительными аспектами, в работах военного времени практически отсутствовали сводные данные о развитии сельского хозяйства Советского Союза и отдельных регионов, присутствовали ошибочные утверждения и выводы. По причинам политического характера авторы не говорили об уменьшении, по сравнению с предвоенным временем, валового сбора зерна, о сокращении в стране земель, занятых под различные сельскохозяйственные культуры, о тяжелом положении в животноводстве. Положительные факторы, якобы сопровождавшие развитие сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны, на долгие десятилетия стали своеобразным клише для советских историков, изучавших эту проблему.

С окончанием войны изучение развития сельского хозяйства страны в период военного времени было продолжено. Большое внимание исследователи уделяли тем изменениям, которые произошли в сельскохозяйственной отрасли в результате ущерба, нанесенного ей немецко-фашистскими оккупантами. На конкретных примерах, с привлечением многочисленных статистических данных приводились картина огромных по своим масштабам потерь и разрушений, которые характеризовали состояние сельского хозяйства в первые послевоенные месяцы и в годы четвертой пятилетки, меры по возрождению колхозно-совхозного строя [23–26].

В послевоенное десятилетие состояние сельского хозяйства в 1941–1945 гг. исследовалось углубленнее, с использованием архивных материалов. Однако уровень анализа оставался невысоким. Не случайно из трудов этого времени выделяются работы экономистов, а не историков, среди которых особо видное место занимает труд заместителя председателя СНК СССР, председателя Госплана Н. А. Вознесенского [24, 27–29]. В этой первой обобщающей работе о военной экономике СССР был сделан крупный шаг вперед в разработке рассматриваемых проблем, вводилось в оборот много новых сведений, в том числе и по сельскому хозяйству, которые до настоящего времени находятся на вооружении исследователей. Автор на основе огромного фактического материала и своего опыта как председателя Госплана СССР в годы войны впервые показал величие трудового подвига советского народа, рассказал о деятельности высших государственных органов по созданию во-

енного хозяйства страны и управлению им, ввел в научный оборот большое количество статистических данных, которые давали всестороннюю картину положения сельского хозяйства Советского Союза в разные годы Великой Отечественной войны, его состояния в тылу и в районах, освобожденных от оккупантов.

Несмотря на спорность некоторых положений автора (например, Н. А. Вознесенский считал, что сельское хозяйство и в годы войны развивалось как расширенное воспроизводство, что перелом в работе сельского хозяйства произошел в 1943 г., как и в промышленности), данный научный труд дал своеобразное начало для последующих углубленных исследований.

Существенным недостатком историографии послевоенного десятилетия была недоступность архивных материалов для отечественных исследователей. Ввиду этого главным источником стала периодическая печать. Понятно, что данное обстоятельство вело к поверхностному изучению истории развития сельского хозяйства в военные годы, появлению оценок и выводов, далеких от реальной действительности.

Период с 1956 по 1985 г. был характерен существенным увеличением количества различных по объему, содержанию и тематике исследований по истории сельского хозяйства как Советского Союза в целом, так и отдельных регионов в частности. В значительной степени такой положительной тенденции способствовал тот факт, что в данный период историки получили, наконец, пусть и ограниченный, доступ к архивным документам. Прежде всего это относится ко времени «хрущевской оттепели» – 1956–1964 гг. Именно в эти годы в СССР выходит в свет первое солидное многотомное исследование по истории Великой Отечественной войны – «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945» [2] (в шести томах), заметно выделявшееся не только огромным фактическим материалом, в основной массе впервые введенным в научный оборот, но и комплексным подходом к важнейшим проблемам истории. Одно из главных достижений авторского коллектива заключалось в том, что были предприняты первые попытки аналитического подхода к истории Великой Отечественной войны.

В этом многотомном исследовании, в частности, в ряде томов, анализировалось состояние сельского хозяйства в стране в годы войны, прослеживались изменения, происходившие в нем, отмечались факты трудового героизма и самоотверженности тружеников сельскохозяйственной отрасли, проявленные ими на рабочих местах. Недостатком данной фундаментальной работы стало отсутствие на ее страницах, вследствие существования в те годы соответствующего режима политической власти, критического осмысления состояния сельского хозяйства, материального и финансового положения колхозников и рабочих совхозов. Хотя в ряде томов авторы обращали внимание на отдельные недостатки, связанные с нехваткой тракторов и машин, квалифицированной рабочей силы, горючего и масел. Однако, тем не менее, следовал положительный по своей логической заданности вывод, что «...в это напряженное для страны время с новой силой проявились преимущества колхозного строя, высокая политическая сознательность советского крестьянства» [2, т. 3, с. 182]. В третьем томе исследования была дана оценка трудовым усилиям колхозников Краснодарского края по выполнению работ в начале 1943 г.: «Государственный план весеннего сева был выполнен, а по ряду

культур – кукурузе, просу, подсолнечнику, картофелю – значительно перевыполнен. Успешное проведение сева явилось крупной победой Краснодарской партийной организации, всех тружеников Кубани» [2, т. 3, с. 183–184].

Наметился очевидный прогресс и в разработке аграрной тематики периода войны. На богатом документальном и статистическом материале построил свою работу Ю. В. Арутюнян [30]. По сути, это был первый в советской историографии специальный научный труд, в котором основательно исследовалось состояние сельского хозяйства СССР в годы Великой Отечественной войны и те изменения, которые происходили в этой отрасли народного хозяйства на протяжении всех четырех военных лет. Автор, в частности, подробно изучил негативное влияние немецко-фашистской оккупации на развитие отрасли и показал, что только в 1944 г. наступил перелом в сельском хозяйстве, отмеченный нарастанием отдельных положительных тенденций. В научный оборот был введен такой ценный источник, как годовые отчеты колхозов, содержащие громадный фактический материал. Так, Ю. В. Арутюнян дал объективную картину колхозной действительности, правдиво показал огромные трудности в сельском хозяйстве, порожденные войной. Это позволило преодолеть имевшуюся в литературе тех лет ошибочную концепцию об успешном развитии сельского хозяйства СССР в военное время. Впервые показано, что 1943 г. для сельского хозяйства страны не был переломным, как в промышленности, а был самым сложным и тяжелым из всех военных лет.

В 1970-е гг. вышло в свет сразу несколько многотомных трудов, на страницах которых в той или иной степени получило освещение состояния сельскохозяйственной отрасли страны в период Великой Отечественной войны [31–33]. Однако и в них каких-либо новых концептуальных идей, характеризующих сельскохозяйственную отрасль в годы войны, не содержалось. Положительные факторы в ее развитии по-прежнему преобладали в характеристиках и выводах коллективов авторов данных работ.

Руководящая роль Коммунистической партии, местных партийных организаций по перестройке сельского хозяйства в годы войны, практическая деятельность сельских коммунистов, стоявших в первых рядах тружеников колхозов и совхозов, раскрыта в шестом томе «Истории Коммунистической партии Советского Союза» [34]. Основное внимание авторы труда уделили мероприятиям партийных организаций по перестройке сельскохозяйственного производства в соответствии с требованиями военного времени и мобилизации сельского населения на восстановление колхозов и помощь колхозников фронту после освобождения страны от врага.

Ценные сведения по истории развития сельского хозяйства Советского Союза в годы Великой Отечественной войны содержатся в монографиях В. Т. Анискова, Н. Н. Шушкина и С. Д. Улитина [35–37]. Исследовательский интерес авторов проявился в пристальном освещении таких вопросов, как организаторская работа партийных организаций по подъему трудовой активности сельского населения, укрепление союза колхозного крестьянства с рабочим классом, обеспечение Красной Армии необходимым количеством и перечнем сельскохозяйственной продукции.

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. в развитии исторической мысли в Советском Союзе, а затем и в суверенной России наступил новый этап.

Перестройка и последующая трансформация общества послужили своеобразным сигналом к более раскрепощенному осмыслению многих событий советской истории, к числу которых относится и Великая Отечественная война. Выходившие в свет работы были построены на новых архивных материалах и, главное, с использованием новых концептуальных подходов, свободных от идеологической заданности и политического диктата.

Наиболее значимым в этом отношении научным исследованием, в котором нашли отражение практически все события минувшей войны, стал четырехтомник «Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки» [38]. Необходимо отметить, что в очерке Г. А. Куманева, опубликованном во втором томе, с позиций объективности и исторической правды довольно обстоятельно проанализировано состояние сельского хозяйства Советского Союза в 1943 г. Автор отмечает, что именно этот год был наиболее тяжелым для отрасли за весь период войны. Далее следует вывод: «Часть оккупированной врагом территории была уже освобождена, но там сельское хозяйство оказалось настолько опустошенным и разрушенным, что о каком-то значительном увеличении продовольственного баланса страны в том году не могло быть и речи» [38, кн. 2, с. 362–363]. В полной мере эти слова Г. А. Куманева могут быть отнесены к состоянию сельского хозяйства Кубани и Адыгеи после освобождения региона от оккупантов в 1943 г.

В монографиях Е. М. Малышевой, М. Х. Шебзухова исследованы вопросы перестройки сельского хозяйства Северного Кавказа в условиях начавшейся войны, трудовые усилия сельских тружеников в деле оказания всесторонней продовольственной и материальной помощи действующей армии [39, 40]. Отдельные фрагменты в этих работах построены на материалах Краснодарского края. Сельское хозяйство края представлено богатыми статистическими данными, характеризующими его состояние в последние предвоенные годы и в период всей Великой Отечественной войны. Так, Е. М. Малышева приводит цифры, характеризующие размах подготовки и переподготовки кадров механизаторов на Кубани, прежде всего из числа женщин-колхозниц. Только в 1941–1942 гг. их общее число составило почти 105 тыс. человек, благодаря чему была снята проблема, связанная с нехваткой кадров трактористов, механизаторов и шоферов [39, с. 112–113].

Интерес к изучению истории войны существенно возрос накануне очередной «круглой» даты – 50-летия Победы советского народа над гитлеровской Германией – вышло большое число книг, статей, брошюр. В 1995 г. известный профессор-аграрник М. А. Вылцан издал научный доклад «Крестьянство России в годы большой войны 1941–1945. Пиррова победа» [41]. Автор его всю свою жизнь посвятил изучению преимуществ крупного коллективного сельского хозяйства и выдающейся роли колхозов в экономической и политической победе над фашизмом [42–47]. В своем докладе М. А. Вылцан предпринял попытку «нового подхода к целому ряду вопросов истории крестьянства в годы войны, и прежде всего к вопросу о роли колхозной системы в войне, была ли она фактором силы страны или, наоборот, фактором ее слабости» [41, с. 3]. Он полностью отрицает «массовый трудовой героизм» и «вдохновенный труд колхозников в годы войны», считая их надуманными, и уверяет, что в «поведенческой структуре крестьянства не последнее место занимало и ощущение страха, неотвратимости наказания за

неисполнение своего гражданского долга, приказа высших и местных властей» [41, с. 17]. Автор не рассматривает деятельность коммунистов колхозов, совхозов и МТС во время войны и вместе с тем пишет, что «партийные организации всех уровней в годы войны так и не смогли найти эффективных форм партийно-политической работы в деревне. По существу, чуть ли не вся «политическая работа» сводилась к трем главным направлениям: партийные взыскания, снятие с работы, отдача под суд» [41, с. 11].

М. А. Вылцан уверяет: «Полукрепостническая колхозная система» «оказалась на грани развала. Укоренившиеся в исторической литературе недавнего прошлого пассажи, типа: «война доказала жизненность колхозного строя», «сельское хозяйство одержало экономическую победу» – ничего общего не имеют с исторической правдой». И далее: «Если по отношению к производству военной техники и вооружений можно и нужно говорить об экономической победе, то сельское хозяйство в «экономическую победу» явно не «вписывается». Для него больше подошло бы определение «Пиррова победа». Крупный аграрник В. Т. Анисков, критикуя М. А. Вылцана, пишет: «А по поводу “Пирровой победы” в академическом словаре русского языка сказано: “Победа, стоившая громадных жертв, а потому равносильна поражению”. Да, громадных, но это не значит бессмысленных и напрасных!» [48, с. 177]. Далее В. Т. Анисков отмечает, что «казалось бы, сама логика событий и повествования должна была подвести автора к многослойному и объективному анализу причин российского патриотизма, в числе которых не последнюю роль играла и сама реальная жизнь тех озаренных лет. Пусть романтических, пусть утопических, а быть может, и вовсе нет (здесь допустимы суждения на любой вкус)» [48, с. 177].

В этот период выработка новой картины военных событий в историографии приобрела более завершенный и непротиворечивый характер. Это касается и освещения истории Северо-Кавказского региона в годы Великой Отечественной войны, изучение которой сопровождалось дальнейшим расширением круга рассматриваемых вопросов, и постановки проблематики и используемых исследователями источников.

В 1980–1990-е гг. защитили докторские диссертации по различным вопросам рассматриваемой проблемы С. Н. Якаев и Н. А. Чугунцова (Краснодар), Е. М. Малышева, М. Х. Шебзухов и Е. Ф. Кринко (Майкоп), В. А. Селюнин (Таганрог), А. М. Гонов (Нальчик), М. М. Ибрагимов (Москва), А. Д. Койчув (Черкесск), П. Д. Тепун и О. В. Дружба (Ростов-на-Дону), В. П. Сидоренко (Санкт-Петербург), С. И. Линец (Пятигорск), Т. М. Баликоев (Владикавказ) и др. [40, 49–59]. Большинство исследований продолжает традиции советской историографии, переосмысливая на новой источниковой базе ряд ее прежних положений.

В новых монографиях и статьях 1990-х – начала 2000-х гг. историко-демографические сюжеты заняли достойное место, а анализ и авторское толкование в них подкреплялись свежим фактическим материалом, почерпнутым из бывших секретных архивных фондов. Статистическая информация о сельском населении позволила по-новому оценить как аграрную политику государства в целом, так и важнейшие события и явления тех лет, в том числе и непростую демографическую ситуацию в РСФСР, сложившуюся в военные и первые послевоенные годы, характер и масштабы сельской миграции и т.п.

Новым направлением в отечественной историографии также стали историко-демографические публикации [60–64]. Введение в научный оборот демографической статистики позволило выяснить количественные и качественные изменения в структуре населения региона, имевшие долговременное влияние; показать изменения и факторы, влиявшие на рождаемость, смертность, естественное движение; исследовать потоки и формы миграционного движения, в том числе и эвакуации, и их воздействие на население. Большой интерес представляют работы Е. М. Малышевой и Н. А. Гаража, которые в своих исследованиях дают источниковый анализ материалам по изучению проблем истории Великой Отечественной войны [65–68].

Следует также отметить таких исследователей военной истории Северного Кавказа, в том числе Краснодарского края и Адыгейской автономной области, указанного временного периода, как В. А. Бондарева, С. И. Линца, Е. О. Медоева, Д. А. Панарина [69–74], а также Е. В. Никулину, А. Ю. Озова и И. З. Хатуева, Н. Ю. Климову, А. В. Малышеву и др.

Характерной особенностью нового этапа явилось проведение военно-исторических конференций Академией военных наук в Министерстве обороны РФ, Академией военно-исторических наук в Санкт-Петербурге и регионах Сибири, юга России, а также международных научно-практических конференций, посвященных 50-, 55-, 60-, 65-летию Великой Победы и ее важнейшим битвам [78–82]. Участие в работе этих конференций специалистов-историков Института военной истории Министерства обороны РФ, Центрального архива Министерства обороны РФ, военно-учебных заведений и учреждений значительно повысило их научный уровень, способствовало большей эффективности и практической значимости проводимых военно-исторических исследований.

Большой вклад в изучение опыта Великой Отечественной войны, ее уроков и выводов внесли международные, всероссийские и региональные научно-практические конференции 2005, 2010 гг., посвященные 60- и 65-летию Победы, проведенные на базе исследовательских научных центров высших учебных заведений, а также по инициативе Советов ветеранов Великой Отечественной войны таких городов, как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Оренбург, Нижний Новгород, Волгоград, Ростов-на-Дону, Улан-Удэ, Грозный, Краснодар, Майкоп и др.

Для зарубежной историографии Второй мировой войны не характерны специальные обращения к рассматриваемым нами проблемам. В работах общего плана Н. Верта, Дж. Боффа, Дж. Хоскинга затрагивается в оценочном плане стиль руководства экономикой в целом, а также сельскохозяйственным производством СССР [83–85].

Таким образом, отечественной историографией накоплен и обобщен обширный материал по истории Великой Отечественной войны, но его осмысление ограничивалось тематическими, территориальными, хронологическими рамками и недоступностью многих архивных документов. Наиболее изученными оказались вопросы военно-мобилизационной деятельности партийных и государственных органов, руководящей роли партии, показанной идеологически выверено, без негативных проявлений и издержек для общества в целом, и в первую очередь сельских тружеников.

В целом для историографии Великой Отечественной войны, несмотря на достигнутые результаты, характерно отсутствие специального научного

исследования, в котором всесторонне раскрывался бы вклад сельских труженников региона с полиэтноконфессиональным составом, каковым являлся и сегодня остается один из крупнейших регионов Северного Кавказа – Краснодарский край и Адыгейская автономная область, в Победу советского народа в Великой Отечественной войне. Комплексных исследований, посвященных положению сельского хозяйства Краснодарского края и Адыгейской автономной области в годы войны нет. Поэтому необходимы исторические исследования, в которых бы рассматривались проблемы сельского хозяйства в годы войны на региональном уровне. Автором данной статьи предпринята попытка восполнить этот пробел.

Список литературы

1. **Беляков, А. П.** Историография трудового подвига советского рабочего класса в период Великой Отечественной войны / А. П. Беляков // Некоторые проблемы истории советского общества (Историография). – М., 1964.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 : в 6 т. / под ред. П. М. Поспелова и др. – М., 1961–1965.
3. **Васильев, Л. Ф.** Обеспечение партией экономических предпосылок для победы Советского Союза в Отечественной войне: К историографии вопроса / Л. Ф. Васильев // Вопросы истории КПСС. – 1967. – № 7.
4. **Козыбаев, М. К.** Казахстан – арсенал фронта / М. К. Козыбаев. – Алма-Ата, 1970.
5. **Томан, Б. А.** Великая Отечественная: Известное и неизвестное / Б. А. Томан // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 9. – С. 85–93.
6. **Савушкин, Л. М.** Идеология советского тыла: Проблемы и противоречия. 1941–1945 / Л. М. Савушкин. – Воронеж, 1990.
7. **Дементьев, Б. П.** Исторический опыт идеологической работы коммунистов в годы Великой Отечественной войны (на материалах партийных организаций Урала) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Дементьев Б. П. – Л., 1990.
8. **Кулиш, В. М.** Советская историография Великой Отечественной войны / В. М. Кулиш // Россия. XX век. Советская историография. – М., 1996. – С. 274–315.
9. **Томан, Б. А.** Новое фундаментальное издание по истории Великой Отечественной войны / Б. А. Томан // Новая и новейшая история. – 2000. – № 6.
10. **Анисков, В. Т.** Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне: Историографический очерк / В. Т. Анисков. – М., 1979.
11. **Евланова, М. Н.** Некоторые вопросы историографии советского тыла периода Великой Отечественной войны / М. Н. Евланова // Вклад Урала в победу над фашистской Германией. – Свердловск, 1986.
12. **Барсенков, А. С.** Основные этапы изучения советского общества в исторической науке / А. С. Барсенков // Вестник МГУ. Сер. 8, История. – 1990. – № 2. – С. 17–22.
13. **Потемкина, М. Н.** Проблемы эвакуации и эвакуированного населения на Урале в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Потемкина М. Н. – Челябинск, 1994.
14. **Палецких, Н. П.** Социальная политика Советского государства на Урале в период Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Палецких Н. П. – Челябинск, 1996.
15. **Корнилов, Г. Е.** Историография истории Урала в годы Великой Отечественной войны / Г. Е. Корнилов // Урал в стратегии Второй мировой войны : материалы Всерос. науч. конф. – Екатеринбург, 2000.
16. **Сталин, И. В.** О Великой Отечественной войне Советского Союза / И. В. Сталин. – Изд. третье. – М., 1942.

17. **Анисимов, Н. И.** Колхозы работают по-военному / Н. И. Анисимов. – М., 1941.
18. **Бенедиктов, И. А.** Колхозная весна 1942 года / И. А. Бенедиктов. – М., 1942.
19. **Бурджалов, Э.** Тыл помогает фронту / Э. Бурджалов. – М., 1942.
20. **Лаптев, И.** Колхозный строй в условиях Отечественной войны / И. Лаптев. – М., 1943.
21. **Лоде, О. В.** Возрождение колхозов / О. В. Лоде. – М., 1943.
22. **Малышев, И.** Колхозный строй и Отечественная война / И. Малышев // Плановое хозяйство. – 1944. – № 1. – С. 49–58.
23. **Гатовский, Л. М.** Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне / Л. М. Гатовский. – М., 1946.
24. **Карнаухова, Е. С.** Колхозное производство в годы Великой Отечественной войны / Е. С. Карнаухова. – М., 1947.
25. **Тельпуховский, Б. С.** Великая Отечественная война (1941–1945) / Б. С. Тельпуховский. – М., 1952.
26. **Солдатенко, Е. И.** Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне / Е. И. Солдатенко. – М., 1954.
27. **Вознесенский, Н. А.** Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны / Н. А. Вознесенский. – М., 1947.
28. **Кантышев, И. Г.** Совхозы в условиях Великой Отечественной войны / И. Г. Кантышев. – М., 1946.
29. **Теряева, А. И.** Труд в колхозах в годы Великой Отечественной войны / А. И. Теряева. – М., 1947.
30. **Арутюнян, Ю. В.** Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю. В. Арутюнян. – М., 1963.
31. История СССР с древнейших времен до наших дней. – М., 1973. – Т. 10.
32. История Второй мировой войны. 1939–1945 : в 12 т. – М., 1975–1980.
33. История социалистической экономики СССР : в 7 т. – М., 1978. – Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны (1938–1945).
34. История Коммунистической партии Советского Союза : в 6 т. – М., 1974. – Т. 6, кн. 1.
35. **Шушкин, Н. Н.** Во имя Победы / Н. Н. Шушкин // Организаторская работа партии в деревне в годы Великой Отечественной войны. – Петрозаводск, 1970.
36. **Шушкин, Н. Н.** Союз рабочих и крестьян в Великой Отечественной войне / Н. Н. Шушкин, С. Д. Улитин. – Горький, 1975.
37. **Анисков, В. Т.** Подвиг советского крестьянства в годы Великой Отечественной войны / В. Т. Анисков. – М., 1979.
38. Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. – М., 1998–1999.
39. **Малышева, Е. М.** В борьбе за победу (Социальные отношения и экономическое сотрудничество рабочих и крестьян в годы войны 1941–1945) / Е. М. Малышева. – Майкоп, 1992.
40. **Шебзухов, Х. М.** Тыл – фронту (Тыл Северо-Западного Кавказа в годы войны 1941–1945): опыт, уроки / Х. М. Шебзухов. – Майкоп, 1993.
41. **Вылцан, М. А.** Крестьянство России в годы большой войны, 1941–1945. Пиррова победа / М. А. Вылцан. – М., 1995.
42. **Вылцан, М. А.** Советская деревня накануне Великой Отечественной войны / М. А. Вылцан. – М., 1970.
43. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. 1945–1958. – М., 1976.
44. Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937 гг.). – М., 1978.
45. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. – М., 1982.

46. История советского крестьянства : в 5 т. Т. 3. Крестьянство СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. / В. Т. Анисков и др. – М., 1987.
47. **Вылцан, М. А.** Патриотизм крестьянства / М. А. Вылцан, В. В. Кондрашин // Война и общество, 1941–1945 : в 2 кн. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – М., 2004. – Кн. 2. – С. 50–77.
48. **Анисков, В. Т.** О бедной деревне замолвите слово... 1941–1945–19???: Социальная жертвенность и судьба крестьянства: Научная публицистика / В. Т. Анисков. – Вологда ; Ярославль, 1996.
49. **Тепун, П. Д.** Деятельность Коммунистической партии по укреплению дружбы народов СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах парторганизаций Северного Кавказа) : дис. ... д-ра ист. наук / Тепун П. Д. – Ростов н/Д, 1985.
50. **Якаев, С. Н.** Партийное руководство комсомолом Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны / С. Н. Якаев. – Ростов н/Д, 1988.
51. **Малышева, Е. М.** Социальные отношения и экономическое сотрудничество рабочих и крестьян Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны : дис. ... д-ра ист. наук / Е. М. Малышева. – М., 1993.
52. **Дружба, О. В.** Великая Отечественная война: проблемы современной историографии / О. В. Дружба // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – 1995. – № 1.
53. **Чугунцова, Н. А.** Местная власть и война / Н. А. Чугунцова. – Краснодар, 1996.
54. **Селюнин, В. А.** Промышленность и транспорт Юга России в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук / Селюнин В. А. – Ростов н/Д, 1997.
55. **Гонов, А. М.** Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы) / А. М. Гонов. – М., 1998.
56. **Ибрагимов, М. М.** Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: на примере национальных республик Северного Кавказа / М. М. Ибрагимов. – М., 1998.
57. **Койчуев, А. Д.** Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. Д. Койчуев. – Ростов н/Д, 1998.
58. **Баликоев, Т. М.** Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Т. М. Баликоев. – Владикавказ, 2000.
59. **Кринко, Е. Ф.** Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.) / Е. Ф. Кринко. – Майкоп, 2000.
60. Население России и СССР: Новые источники и методы исследования. – Екатеринбург, 1993.
61. Население Урала. XX век. История демографического развития. – Екатеринбург, 1996.
62. **Корнилов, Г. Е.** Уральское село и война. Проблемы демографического развития / Г. Е. Корнилов. – Екатеринбург, 1993.
63. **Корнилов, Г. Е.** Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны / Г. Е. Корнилов // Отечественная история. – 1993. – № 3.
64. **Мотревич, В. П.** Сельскохозяйственное переселение на Урал в 40–50-е гг. / В. П. Мотревич // Современные концепции проблем истории советского Урала. – Свердловск, 1990.
65. **Гаража, Н. А.** Некоторые социально-экономические последствия оккупации Краснодарского края и их личностное переживание населением. 1943–1945 гг. / Н. А. Гаража, Е. М. Малышева // Белые пятна российской и мировой истории. – 2014. – № 1–2. – С. 56–69.
66. **Гаража, Н. А.** Исторические источники по оккупации сельской местности Краснодарского края и депортации населения в Германию. 1941–1945 гг. / Н. А. Гаража, Т. В. Лохова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 11-1. – С. 178–182.

67. **Гаража, Н. А.** Повседневный дискурс фронтовых писем периода Второй мировой войны (на материалах Краснодарского края) / Н. А. Гаража // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. – 2014. – Т. 3, № 7. – С. 46–49.
68. **Малышева, Е. М.** Интерпретация социальной истории периода Великой Отечественной войны: источниковедческие подходы / Е. М. Малышева, Н. А. Гаража // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. – 2013. – № 3. – С. 80–86.
69. **Бондарев, В. А.** Селяне в годы Великой Отечественной войны: Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев) / В. А. Бондарев. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2005.
70. **Линец, С. И.** История организации партизанского движения на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: состояние и перспективы исследования проблемы / С. И. Линец // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. – 2000. – № 2. – С. 28–31.
71. **Линец, С. И.** К вопросу об эффективности боевых действий партизан Ставрополья против немецко-фашистских оккупантов (сентябрь 1942 г. – январь 1943 г.) / С. И. Линец, А. С. Линец // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. – 2002. – № 1. – С. 88–92.
72. **Линец, А. С.** Партизанское движение на Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации края (август 1942 г. – январь 1943 г.) / А. С. Линец, С. И. Линец. – Пятигорск, 2005.
73. **Медоев, Е. О.** Крестьянство Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и проблема заселения присоединенных районов / Е. О. Медоев. – Владикавказ : Литера, 2012.
74. **Панарин, Д. А.** Роль совхозов Кубани и Ставрополья в решении продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Д. А. Панарин // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2014. – № 1.
75. 60-летие начала Великой Отечественной войны: уроки и выводы по предупреждению войн и поддержанию должной боевой готовности Вооруженных сил в современных условиях : материалы воен.-истор. конф. в Министерстве обороны РФ (20 июня 2001 г.) // *Красная звезда*. – 2001. – 20–21 июня.
76. Великая Победа. Итоги и уроки : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) (23–24 апреля 2005 г., 16 сентября 2005 г.). – СПб., 2006.
77. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Вклад народов Якутии в победу над фашизмом : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Нерюнгри, 25 апреля 1995 г.). – Нерюнгри, 1995.
78. Ратный и трудовой подвиг народа Бурятии : тез. и материалы докл. респ. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Победы советского народа над немецким фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Улан-Удэ, 1995.
79. Сибиряки-красноярцы в Великой Отечественной войне : материалы рег. науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Красноярск, 2000.
80. Сибирь: Вклад в Победу в Великой Отечественной войне : материалы II Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы. – Омск, 2000.
81. Великая Победа: духовная преемственность поколений : материалы межрег. науч.-практ. конф. (г. Барнаул, 21 апреля 2005 г.). – Барнаул, 2005.
82. 65-летие Сталинградской битвы и Кемеровской области : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Кемерово, 21 февраля 2008 г.). – Кемерово, 2008.
83. **Верг, Н.** История советского государства. 1900–1991 / Н. Верг. – М., 1995.

84. **Боффа, Дж.** История Советского Союза : в 2 т. / Дж. Боффа. – М., 1994. – Т. 1.
 85. **Хоскинг, Дж.** История Советского Союза (1917–1991) / Дж. Хоскинг. – Смоленск, 2001.

References

1. Belyakov A. P. *Nekotorye problemy istorii sovetskogo obshchestva (Istoriografiya)* [Some problems of soviet society history (Historiography)]. Moscow, 1964.
2. *Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuz, 1941–1945: v 6 t.* [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945: in 6 volumes]. Eds. P. M. Pospelov et al. Moscow, 1961–1965.
3. Vasil'ev L. F. *Voprosy istorii KPSS* [Problems of CPSU history]. 1967, no. 7.
4. Kozybaev M. K. *Kazakhstan – arsenal fronta* [Kazakhstan – battlefront arsenal]. Alma-Ata, 1970.
5. Toman B. A. *Voprosy istorii KPSS* [Problems of CPSU history]. 1990, no. 9, pp. 85–93.
6. Savushkin L. M. *Ideologiya sovetskogo tyla: Problemy i protivorechiya. 1941–1945* [Ideology of the Soviet home front]. Voronezh, 1990.
7. Dement'ev B. P. *Istoricheskiy opyt ideologicheskoy raboty kommunistov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh partiynykh organizatsiy Urala): avtoref. dis. d-ra ist. nauk* [Historical experience of ideological work of communists during the Great Patriotic War (by the materials of Ural party organizations): author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Leningrad, 1990.
8. Kulish V. M. *Rossiya. XX vek. Sovetskaya istoriografiya* [Russia. XX century. Soviet historiography]. Moscow, 1996, pp. 274–315.
9. Toman B. A. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and contemporary history]. 2000, no. 6.
10. Aniskov V. T. *Podvig sovetskogo krest'yanstva v Velikoy Otechestvennoy voyne: Istoriograficheskiy ocherk* [The feat of the soviet peasantry in the Great Patriotic War: Historiographic essay]. Moscow, 1979.
11. Evlanova M. N. *Vklad Urala v pobedu nad fashistskoy Germaniyei* [Ural's contribution in the victory over fascist Germany]. Sverdlovsk, 1986.
12. Barsenkov A. S. *Vestnik MGU. Ser. 8, Istoriya* [Bulletin of MSU. Series 8, History]. 1990, no. 2, pp. 17–22.
13. Potemkina M. N. *Problemy evakuatsii i evakuirovannogo naseleniya na Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Problems of evacuation and evacuated population in Ural during the Great Patriotic War. 1941–1945: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Chelyabinsk, 1994.
14. Paletskikh N. P. *Sotsial'naya politika Sovetskogo gosudarstva na Urale v period Velikoy Otechestvennoy voyny: avtoref. dis. d-ra ist. nauk* [Social policy of the Soviet State in Ural during the Great Patriotic War: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Chelyabinsk, 1996.
15. Kornilov G. E. *Ural v strategii Vtoroy mirovoy voyny: materialy Vseros. nauch. konf.* [Ural in the strategy of WWII: proceedings of the All-Russian scientific conference]. Ekaterinburg, 2000.
16. Stalin I. V. *O Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuz* [On the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Izd. tret'e. Moscow, 1942.
17. Anisimov N. I. *Kolkhozy rabotayut po-voennomu* [Collective farms work soldierlike]. Moscow, 1941.
18. Benediktov I. A. *Kolkhoznaya vesna 1942 goda* [Collective farms' spring of 1942]. Moscow, 1942.
19. Burdzhhalov E. *Tyl pomogaet frontu* [Home front helps battlefield]. Moscow, 1942.
20. Laptev I. *Kolkhoznyy sroy v usloviyakh Otechestvennoy voyny* [The system of collective farms in conditions of the Patriotic War]. Moscow, 1943.

21. Lode O. V. *Vozrozhdenie kolkhozov* [Rebirth of collective farms]. Moscow, 1943.
22. Malyshev I. *Planovoe khozyaystvo* [Planned economy]. 1944, no. 1, pp. 49–58.
23. Gatovskiy L. M. *Ekonomicheskaya pobeda Sovetskogo Soyuz v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Economic victory of the Soviet Union in the Great Patriotic War]. Moscow, 1946.
24. Karnaukhova E. S. *Kolkhoznoe proizvodstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Collective farm production during the Great Patriotic War]. Moscow, 1947.
25. Tel'pukhovskiy B. S. *Velikaya Otechestvennaya vojna (1941–1945)* [The Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow, 1952.
26. Soldatenko E. I. *Trudovoy podvig sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Labor feat of the soviet people in The Great Patriotic War]. Moscow, 1954.
27. Voznesenskiy N. A. *Voennaya ekonomika SSSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Military economy of the USSR during The Great Patriotic War]. Moscow, 1947.
28. Kantyshev I. G. *Sovkhozy v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny* [State farms in conditions of The Great Patriotic War]. Moscow, 1946.
29. Teryaeva A. I. *Trud v kolkhozakh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Labor in collective farms during the Great Patriotic War]. Moscow, 1947.
30. Arutyunyan Yu. V. *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet peasantry during the Great Patriotic War]. Moscow, 1963.
31. *Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of the USSR from the ancient times till present]. Moscow, 1973, vol. 10.
32. *Istoriya Vtoroy mirovoy voyny 1939–1945: v 12 t.* [History of WWII 1939–1945: in 12 volumes]. Moscow, 1975–1980.
33. *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR: v 7 t.* [History of socialistic economy of the USSR: in 7 volumes]. Moscow, 1978, vol. 5. Soviet economy on the eve of the Great Patriotic War (1938–1945).
34. *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz: v 6 t* [History of the Communist party of the Soviet Union: in 6 volumes]. Moscow, 1974, vol. 6, bk. 1.
35. Shushkin N. N. *Organizatorskaya rabota partii v derevne v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Organizational work of the party in rural area during the Great Patriotic War]. Petrozavodsk, 1970.
36. Shushkin N. N., Ulitin S. D. *Soyuz rabochikh i krest'yan v Velikoy Otechestvennoy voyne* [The union of workers and peasants in the Great Patriotic War]. Gorkiy, 1975.
37. Aniskov V. T. *Podvig sovetskogo krest'yanstva v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The feat of peasantry during The Great Patriotic War]. Moscow, 1979.
38. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945. Voенно-istoricheskie ocherki: v 4 kn.* [The Great Patriotic War 1941–1945. Military-historical essays: in 4 books]. Moscow, 1998–1999.
39. Malysheva E. M. *V bor'be za pobedu (Sotsial'nye otnosheniya i ekonomicheskoe sotrudnichestvo rabochikh i krest'yan v gody voyny 1941–1945)* [In struggle for victory (Social relations and economic cooperation of workers and peasants during the war of 1941–1945)]. Maykop, 1992.
40. Shebzukhov X. M. *Tyl – frontu (Tyl Severo-Zapadnogo Kavkaza v gody voyny 1941–1945): opyt, uroki* [Home front to battlefront (Home front of the North-East Caucasus during the war of 1941–1945): experience, lessons]. Maykop, 1993.
41. Vyltsan M. A. *Krest'yanstvo Rossii v gody bol'shoy voyny, 1941–1945. Pirrova pobeda* [Peasantry of Russia during the great war, 1941–1945. Pyrrhic victory]. Moscow, 1995.
42. Vyltsan M. A. *Sovetskaya derevnya nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny* [The soviet village on the eve of the Great Patriotic War]. Moscow, 1970.
43. *Vosstanovlenie i razvitie material'no-tekhnicheskoy bazy kolkhoznogo stroya 1945–1958* [Restoration and development of the material and technical base of the collective farm system in 1945–1958]. Moscow, 1976.
44. *Zavershayushchiy etap sozdaniya kolkhoznogo stroya (1935–1937 gg.)* [Final stage of the collective farm system establishment (1935–1937)]. Moscow, 1978.

45. *Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaystva v SSSR: puti, formy, dostizheniya* [Collectivization of agriculture in the USSR: paths, forms, achievements]. Moscow, 1982.
46. *Istoriya sovetskogo krest'yanstva: v 5 t. T. 3. Krest'yanstvo SSSR nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1938–1945 gg.* [Peasantry in the USSR on the eve and during the Great Patriotic War]. Eds. V. T. Aniskov et al. Moscow, 1987.
47. Vyltsan M. A., Kondrashin V. V. *Voyna i obshchestvo, 1941–1945: v 2 kn.* [War and society, 1941–1945: in 2 books]. Moscow, 2004, bk. 2, pp. 50–77.
48. Aniskov V. T. *O bednoy derevne zamolvite slovo... 1941–1945–19???: Sotsial'naya zhertvennost' i sud'ba krest'yanstva: Nauchnaya publitsistika* [Drop a word for a poor village... 1941–1945–19???: Social sacrifice and fate of peasantry]. Vologda; Yaroslavl, 1996.
49. Tepun P. D. *Deyatel'nost' Kommunisticheskoy partii po ukrepleniyu druzhby narodov SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh partorganizatsiy Severnogo Kavkaza): dis. d-ra ist. nauk* [Activity of the Communist party in soviet peoples' friendship consolidation during the Great Patriotic War (by the materials of party organizations of the North Caucasus): dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Rostov-on-Don, 1985.
50. Yakaev S. N. *Partiynoe rukovodstvo komsomolom Severnogo Kavkaza v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Party management of YCL in the North Caucasus during the Great Patriotic War]. Rostov-on-Don, 1988.
51. Malysheva E. M. *Sotsial'nye otnosheniya i ekonomicheskoe sotrudnichestvo rabochikh i krest'yan Severnogo Kavkaza v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: dis. d-ra ist. nauk* [Social relations and economic cooperation of workers and peasants in the North Caucasus during the Great Patriotic War: dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Moscow, 1993.
52. Druzhiba O. V. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region* [University proceedings. North Caucasus region]. 1995, no. 1.
53. Chuguntsova N. A. *Mestnaya vlast' i voyna* [Local authority and war]. Krasnodar, 1996.
54. Selyunin V. A. *Promyshlennost' i transport Yuga Rossii v Velikoy Otechestvennoy voynе (1941–1945 gg.): dis. d-ra ist. nauk* [Industry and transport in the South of Russia during the Great Patriotic War (1941–1945): dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Rostov-on-Don, 1997.
55. Gonov A. M. *Kavkaz: narody v eshelonakh (20–60-e gody)* [Caucasus: peoples in echelons (20s – 60s)]. Moscow, 1998.
56. Ibragimov M. M. *Vlast' i obshchestvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: na primere natsional'nykh respublik Severnogo Kavkaza* [Authority and society during the Great Patriotic War: by the example of national republics of the North Caucasus]. Moscow, 1998.
57. Koychuev A. D. *Karachaevskaya avtonomnaya oblast' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945* [Karachai autonomous region during the Great Patriotic War 1941–1945]. Rostov-on-Don, 1998.
58. Balikoev T. M. *Narody Severnogo Kavkaza v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Peoples of the North Caucasus during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Vladikavkaz, 2000.
59. Krinko E. F. *Zhizn' za liniey fronta: Kuban' v okkupatsii (1942–1943 gg.)* [Life behind the battlefield: Kuban in occupation (1942–1943)]. Maykop, 2000.
60. *Naselenie Rossii i SSSR: Noveye istochniki i metody issledovaniya* [Population of Russia and USSR: New sources and methods of research]. Ekaterinburg, 1993.
61. *Naselenie Urala. XX vek. Istoriya demograficheskogo razvitiya* [Population of Ural. XX century. History of demographic development]. Ekaterinburg, 1996.
62. Kornilov G. E. *Ural'skoe selo i voyna. Problemy demograficheskogo razvitiya* [Ural country side and war. Problems of demographic development]. Ekaterinburg, 1993.
63. Kornilov G. E. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history]. 1993, no. 3.

64. Motrevich V. P. *Sovremennye kontseptsii problem istorii sovetskogo Urala* [Modern concepts of the problems of soviet Ural history]. Sverdlovsk, 1990.
65. Garazha N. A., Malysheva E. M. *Belye pyatna rossiyskoy i mirovoy istorii* [Blank spots of Russian and world history]. 2014, no. 1–2, pp. 56–69.
66. Garazha N. A., Lokhova T. V. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki* [Humanities, socioeconomic and social sciences]. 2014, no. 11-1, pp. 178–182.
67. Garazha N. A. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire* [Fundamental and applied research in the modern world]. 2014, vol. 3, no. 7, pp. 46–49.
68. Malysheva E. M., Garazha N. A. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of Kalmyk institute of humanitarian research of the Russian Academy of Sciences]. 2013, no. 3, pp. 80–86.
69. Bondarev V. A. *Selyane v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: Rossiyskoe krest'yanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Rostovskoy oblasti, Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev)* [Country people during the Great Patriotic War: Russian peasantry during the Great Patriotic War (by the materials of Rostov region, Krasnodar and Stavropol regions)]. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNTs VSh, 2005.
70. Linets S. I. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University]. 2000, no. 2, pp. 28–31.
71. Linets S. I., Linets A. S. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University]. 2002, no. 1, pp. 88–92.
72. Linets A. S., Linets S. I. *Partizanskoe dvizhenie na Stavropol'e v period nemetsko-fashistskoy okkupatsii kraya (avgust 1942 g. – yanvar' 1943 g.)* [Guerrilla movement in Stavropol region during German fascist occupation (August 1942 – January 1943)]. Pyatigorsk, 2005.
73. Medoev E. O. *Krest'yanstvo Severnoy Osetii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. i problema zaseleniya prisoedinennykh rayonov* [Peasantry of North Ossetia during the Great Patriotic War 1941–1945 and the problem of peopling the joined regions]. Vladikavkaz: Litera, 2012.
74. Panarin D. A. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational idea]. 2014, no. 1.
75. *Krasnaya zvezda* [Red star]. 2001, 20–21 June.
76. *Velikaya Pobeda. Itogi i uroki: materialy nauch.-prakt. konf., posvyashch. 60-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945 gg.) (23–24 aprelya 2005 g., 16 sentyabrya 2005 g.)* [The Great Victory. Results and lessons: materials of the scientific and practical conference commemorating 60 anniversary of the Victory of the soviet people in the Great Patriotic War (1941–1945) (23–24 April 2005, 16 September 2005)]. Saint-Petersburg, 2006.
77. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg. Vklad narodov Yakutii v pobedu nad fashizmom: materialy nauch.-prakt. konf., posvyashch. 50-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne (g. Neryungri, 25 aprelya 1995 g.)* [The Great Patriotic War 1941–1945. Contribution of Yakutia peoples into the victory over fascism: proceedings of the scientific and practical conference commemorating 50th anniversary in the Great Patriotic War (Neryungri, 25 April 1995)]. Neryungri, 1995.
78. *Ratnyy i trudovoy podvig naroda Buryatii: tez. i materialy dokl. resp. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 50-letiyu Pobedy sovetskogo naroda nad nemetskim fashizmom v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [Military and labor feat of Buryatia people: report theses and proceedings of the republican scientific and practical conference commemorating 50th anniversary of the Victory of the soviet people over German fascism in the Great Patriotic War 1941–1945]. Ulan-Ude, 1995.
79. *Sibiryaki-krasnoyartsy v Velikoy Otechestvennoy voyne: materialy reg. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 55-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [Siberians-Krasnoyarsk people in the Great Patriotic War: proceedings

- of the regional scientific and practical conference commemorating 55th anniversary of the Victory of the soviet people in the Great Patriotic War 1941–1945]. Krasnoyarsk, 2000.
80. *Sibir': Vklad v Pobedu v Velikoy Otechestvennoy voyne: materialy II Vseros. nauch. konf., posvyashch. 55-letiyu Pobedy* [Siberia: Contribution into the Victory in the Great Patriotic War: proceedings of II All-Russian scientific conference commemorating 55th anniversary of the Victory]. Omsk, 2000.
 81. *Velikaya Pobeda: dukhovnaya preemstvennost' pokoleniy: materialy mezhtreg. nauch.-prakt. konf. (g. Barnaul, 21 aprelya 2005 g.)* [The Great Victory: spiritual generational continuity: proceedings of the interregional scientific and practical conference (Barnaul, 21 April 2005)]. Barnaul, 2005.
 82. *65-letie Stalingradskoy bitvy i Kemerovskoy oblasti: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Kemerovo, 21 fevralya 2008 g.)* [65th anniversary of the Stalingrad battle and Kemerovo region: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Kemerovo, 21 February 2008)]. Kemerovo, 2008.
 83. Vert N. *Istoriya sovetskogo gosudarstva 1900–1991* [History of the soviet state 1900–1991]. Moscow, 1995.
 84. Boffa Dzh. *Istoriya Sovetskogo Soyuz: v 2 t.* [History of the Soviet Union: in 2 volumes]. Moscow, 1994, vol. 1.
 85. Khosking Dzh. *Istoriya Sovetskogo Soyuz (1917–1991)* [History of the Soviet Union (1917–1991)]. Smolensk, 2001.

Лохова Татьяна Владимировна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра философии, истории и права,
заместитель директора по науке,
Новороссийский филиал Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации
(Россия, г. Новороссийск, ул. Видова, 56)

E-mail: 324548@mail.ru

Lohova Tatiana Vladimirovna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of philosophy,
history and law, deputy director
for research, Novorossiysk branch
of the Financial University under
the Government of the Russian Federation
(56 Vidova street, Novorossiysk, Russia)

УДК 94

Лохова, Т. В.

Сельское хозяйство Краснодарского края в 1941–1945 гг. (к вопросу об историографии проблемы) / Т. В. Лохова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 47–65.

СТАЛИНСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ И ХОЗЯЙСТВЕННИКИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1950–1980-х гг.: ОТ ПЕРВЫХ ПОДХОДОВ ДО РЕВИЗИОНИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Сегодняшнее широкое обращение отечественных исследователей к изучению социальной политики советских властей в эпоху сталинизма породило особый интерес к достижениям зарубежной историографии в этой сфере. Парадоксальным образом в советский период именно зарубежные исследователи сталинизма шли в авангарде научного поиска, именно там возникали наиболее адекватные изучаемому материалу историографические концепции. Цель работы – проанализировать трансформацию историографических подходов зарубежных историков в 1950–1980-е гг. к вопросам социальной политики советских властей в отношении инженеров и промышленников в 1930-е гг., а также в целом к эволюции этих социальных групп.

Материалы и методы. Реализация указанных целей была достигнута на основе изучения всех основных работ американских, английских и австралийских историков по указанным проблемам за период с момента начала специализированных исследований в этой сфере в 1950-е гг. до расцвета ревизионистской историографии в 1980-е. При подготовке работы использовался весь набор основных методов историографических исследований: классификация и типологизация, построение идеальных типов, периодизация, историко-генетический и сравнительно-исторический методы.

Результаты. Исследовано развитие историографических концепций зарубежных историков, изучавших вопросы социальной трансформации таких слоёв советского общества 1930-х гг., как инженеры и директора промышленных предприятий, а также политики сталинских властей в этой сфере.

Выводы. Исследование показало, что именно в сфере истории советских инженеров и промышленников наиболее отчётливо прослеживается переход зарубежной историографии сталинизма от тоталитаристской к ревизионистской концепции. Иностранным исследователям, вопреки отсутствию сколько-нибудь широкого доступа в советские архивы, удалось создать чёткую и непротиворечивую картину развития данных социальных групп, на которую и по сей день опираются новые поколения историков.

Ключевые слова: сталинизм, историография, инженеры, директорский корпус, ревизионизм, индустриализация.

М. В. Zelev

STALIN'S ENGINEERS AND ECONOMIC EXECUTIVES IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF 1950s–1980s: FROM FIRST APPROACHES TO REVISIONIST COMMISSION

Abstract.

Background. Nowadays, Russian researchers are paying increased attention to studying the social policy of soviet authorities during the Stalin's period, causing a special interest to achievements of the foreign historiography in the given field. It was the foreign researchers of Stalinism who ironically were the vanguard of

scientific search in the soviet period, they created historiographic concepts being the most adequate to the material under investigation. The aim of the article is to analyze the transformation of historiographic approaches of foreign historians in 1950s–1980s to the problems of the social policy of soviet authorities regarding engineers and industrialists in 1930s, as well as to evolution of the given social groups.

Materials and methods. Realization of the stated goals was achieved through studying of main works by American, English and Australian historians on the given problems for the period since the beginning of the specific research in the given field in 1950s till the rise of the revisionist historiography in 1980s. In preparation of the work the author used a set of basic methods of historiographic research: classification and typologization, formation of ideal types, periodization, historical-genetic and comparative-historical methods.

Results. The authors researched the development of the historiographic concepts, created by foreign historians, who studied the problems of social transformation of such groups of the soviet society of 1930s, as engineers and directors of industrial enterprises, as well as the policy of Stalin's authorities in the given field.

Conclusions. The research shows that it is the field of soviet engineers' and economic executives' history that most clearly indicates the transformation of the foreign historiography of Stalinism from totalitarian one to the revisionist concept. Foreign researchers, in defiance of the lack of somewhat open access to the soviet archives, managed to create a clear and consistent pattern of social groups' development, that still remains the base for new generations of historians.

Key words: stalinism, historical studies, revisionism, industrialization, engineers, managers.

Проблемы, связанные с положением и ролью в советском обществе 1930-х гг. технических специалистов и директоров промышленных предприятий, являются одними из наиболее хорошо разработанных тем в зарубежной русистике. Внимание к ним неслучайно. Само положение этих профессиональных групп в обществе, переживающем форсированную индустриализацию, было во многом уникальным. Соответственно, и исследование связанных с ними вопросов нередко оказывалось ключом к разрешению основных проблем и парадоксов советской истории 1930-х гг. В самом деле, оказавшись в центре общественного внимания в марте 1928 г. в связи с объявлением о раскрытии «шахтинского дела», технические специалисты и управленцы-промышленники на протяжении всего последующего десятилетия оставались в самой гуще сложнейших социально-экономических, политических и культурных процессов, так или иначе порождённых сталинской промышленной и социальной политикой. При этом эти профессиональные группы одновременно испытывали воздействие трудно совместимых, противоположных, противоречивых тенденций правительственной политики – от широких жестоких репрессий до стремительного и столь же широкого выдвижения их представителей в ряды правящей элиты. Вспомним, что, начиная с эпохи «большого террора» 1937–1938 гг., именно инженеры стали основным источником пополнения рядов советской номенклатуры.

Почему на всем протяжении 1930-х гг. положение технических специалистов и хозяйственников оставалось столь противоречивым? Почему репрессии обрушились на инженеров и техников в годы «великого перелома», когда промышленность крайне нуждалась в квалифицированных административно-технических кадрах, когда на счету был, без преувеличения, каждый

мало-мальски технически грамотный человек? Почему в одно и то же время инженеры и директора страдали под гнётом политических репрессий и получали всё новые материальные и символические привилегии? Почему, наконец, начиная с 1937 г., пополнение номенклатуры именно из числа инженеров стало одной из самых устойчивых традиций кадровой политики советского руководства? Ответы на эти вопросы позволяли многое прояснить в динамике экономического и социально-политического развития советского общества 1930-х гг. Да и с точки зрения изучения генезиса брежневской партийно-хозяйственной номенклатуры, на 2/3 состоявшей из выходцев из инженерной среды, данная тема представлялась чрезвычайно актуальной, что и предопределило к ней давний интерес иностранных историков.

От официальной советской историографии сложно было ожидать получения ответов на эти вопросы. Постоянный контроль со стороны правящих кругов за развитием исторической науки во многом сдерживал совершенствование её теоретико-методологического инструментария, способствовал ограничению тематики исследований, преобладанию статистических подсчётов над качественным анализом, известной предопределённости выводов. Практически не исследованным оставалось влияние на развитие специалистов и хозяйственников «большого террора» 1936–1938 гг. За гранью научного анализа остался целый комплекс проблем, связанных с репрессивной политикой государства в отношении специалистов, её зависимостью от внутренних противоречий советской экономической системы, от динамики экономического развития. Не получили должного освещения многие важные стороны жизнедеятельности этих социальных групп. Не удивительно поэтому, что именно в зарубежной русистике начали оформляться основные методологические подходы и концепции в области истории технических специалистов и управленцев в советской промышленности, которые впоследствии стали активно заимствоваться и развиваться уже в отечественной постсоветской историографии.

В первом приближении. Уже первые исследования в этой области оказались новаторскими благодаря предлагаемым в них подходам к анализу изучаемых профессиональных групп. В 1950-е гг. в США выходят две важные работы, посвящённые директорскому корпусу и инженерно-техническому персоналу советских предприятий [1, 2]. Их авторы указали на существование скрытого сопротивления советского директорского корпуса экономической политике правительства в 1930-е гг., выразившегося в занижении производственных мощностей, противодействии повышению эффективности производства, сокрытию брака и т.п. Д. Граник, в частности, обратил внимание на значительную степень самостоятельности советских директоров, на создание ими на предприятиях собственных маленьких империй. Он подчёркивал, что в советских условиях директору приходилось быть прежде всего предпринимателем, руководствоваться собственными инициативой и здравым смыслом, чтобы выполнять противоречивые требования, приказы и ожидания сверху, срезать углы и нарушать различные правила ради поддержания работы своего завода [1]. Эту тему развил Дж. Берлинер. Он отмечал, что массовое использование директорами предприятий незаконных приёмов (увеличение различного рода резервов на предприятии, стремление занижить плановые показатели, симулирование выполнения планов, использование

личных связей) вызвано значительными трудностями выполнения завышенных плановых заданий и неудовлетворительным снабжением всеми производственными ресурсами. Государство было вынуждено мириться с подобной неформальной практикой, лишь удерживая её в приемлемых границах, для того чтобы не разрушить всю экономическую систему [2, с. 318–329]. Примечательно, что исследования Д. Граника и Дж. Берлинера появились в то время, когда господство тоталитарной концепции в зарубежной русистике достигло своего пика. Своими выводами, основанными на анализе реальной практики производственных отношений в СССР, они подрывали многие из господствовавших на Западе в тот период представлений о советской экономической и политической системе, как и многие из положений тоталитарной схемы.

Более близким к классическому тоталитарному подходу к анализу советской довоенной действительности оказалось исследование Дж. Эзрейела «Власть менеджеров и советская политика» (1966). Анализируя динамику смены поколений административно-технического персонала советских предприятий, Дж. Эзрейел делал вывод в духе тоталитарного подхода о полной лояльности и пассивности сталинских выдвиженцев 1937–1938 гг. на ведущие посты в промышленности, ставших самой влиятельной группировкой в советской элите. Более интересен его анализ поведения поколения «красных директоров», уничтоженного в годы «большого террора», которому была свойственна известная степень оппозиционности политике форсированной индустриализации и вмешательству в управление партийных и профсоюзных организаций [3].

Напротив, работа В. Андрле возвращалась к прежним выводам Д. Граника и Дж. Берлинера о широкой, но нелегальной автономии директоров предприятий. При этом всегда существующая угроза ужесточения политики государства в хозяйственной сфере делала необходимым для директоров в целях самозащиты налаживание неформальных личных связей с партийными и государственными чиновниками. В. Андрле делал вывод о складывании в советской промышленности «объединённых межинституциональных клик», участники которых гибко пользовались соответствующими официальными привилегиями ко взаимной выгоде [4, с. 145].

Ревизионистская волна. Однако настоящий всплеск исследований по этой теме произошёл в иностранной историографии с появлением в ней в 1970-х гг. нового ревизионистского направления, ставшего мощной реакцией на неспособность тоталитарной концепции удовлетворительно объяснить советскую историю. Историки-ревизионисты подошли к предмету своего исследования как социальные историки, стремясь к пониманию исторического процесса как результата взаимодействия социальных сил, решительно отвергая концепцию всемогущего государства, делающего с обществом всё, что захочет. Именно в этом заключалось коренное отличие ревизионистской концепции от тоталитарной модели. Соответственно менялся и угол зрения, под которым рассматривалось историками советское общество. Их внимание оказалось сосредоточено не только и не столько на действиях государства, сколько на динамике отношений между различными социальными классами и слоями. Это позволило им показать социально-экономическую подоплёку действий правительства, которые рассматривались теперь не как беспричин-

ные проявления абсолютной власти, а как ответ на проблемы социального порядка. Социально-политическая ситуация в России 1930-х гг. предстаёт в работах ревизионистских историков как борьба государства против множества частных интересов, саботирующих государственный курс на форсированную индустриализацию. Причём это был не только конфликт между государством и обществом, но и между различными органами и уровнями государственной власти, лишней раз подчёркивающий отсутствие в полном смысле тотального контроля не только за обществом, но и за государственным аппаратом¹.

Уже во второй половине 1970-х гг. выходят три крупные монографии, посвящённые этому вопросу: «Технология и общество при Ленине и Сталине: Происхождение советской технической интеллигенции, 1917–1941» (1978) американского историка Кендэлла Бейлса, «Техническая интеллигенция и Советское государство: Исследование советских хозяйственников и техников, 1928–1935» (1979) английского учёного Николаса Ламперта и «Образовательная и общественная мобильность в Советском Союзе, 1921–1934» (1979) американской исследовательницы Шейлы Фицпатрик [5–7]. В них в наиболее развёрнутом виде была представлена новая концепция истории технических специалистов и директорского корпуса в годы сталинской догоняющей индустриализации.

В центре внимания монографии Ш. Фицпатрик оказались вопросы массового выдвижения рабочих в ряды технических специалистов, прежде всего путём значительного облегчения получения ими высшего и среднего специального образования в годы «культурной революции» 1928–1931 гг. Ш. Фицпатрик рассматривает культурную революцию как сложный социально-политический феномен, вызванный кризисом нэпа. Её основное содержание – открытие возможностей для широкого проникновения в административную и профессиональную элиту молодых коммунистов, прежде всего из числа рабочих. Государство пыталось «использовать восходящую мобильность рабочего класса, чтобы создать лояльную элиту, способную руководить индустриализирующимся государством» [6, с. 14]. Рабочие были единственным социальным классом, на который могли опереться большевики. Ни старая интеллигенция, ни крестьяне, ни служащие не вызывали доверия у правящих кругов [6, с. 15]. Острая потребность политического режима в инженерно-технических кадрах совпала с растущим стремлением рабочих улучшить своё социальное положение. В период нэпа возможности подобного улучшения были сильно ограничены, несмотря на определённые льготы для поступления в вузы, существовавшие для выходцев из рабочей среды. Ограничение воз-

¹ О значении и методологии ревизионистской историографии см., например, дискуссию на страницах журнала «Отечественная история»: Отечественная история. 1998. № 5. С. 107–121 ; 1999. № 3. С. 121–141. См. также: Розенберг У. Г. История России конца XIX – начала XX в. в зеркале американской историографии // Россия XIX – XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 8–28 ; Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001 ; Мионов Б. Н. Пришёл ли постмодернизм в Россию? Заметки об антологии «Американская русистика» // Отечественная история. 2003. № 3. С. 135–146. См. также полемику М. Малии и Дж. А. Гетти на страницах журнала “The Russian Review”: Russian Review. 2002. V. 61, № 3. P. 477–478 ; № 4. P. 664.

возможностей рабочих на получение образования и повышение своего социального статуса было одной из главных причин их недовольства нэпом, породившего радикальные антиинтеллигентские и антибюрократические настроения в рабочей среде [6, с. 16]. Именно эти настроения стали основой «революции снизу», т.е. мощного давления рабочих на власти в пользу более радикальной социальной политики [6, с. 6–7].

В результате культурной революции в 1928–1931 гг. были открыты широкие возможности для социального выдвижения тех слоев населения, которые не имели их в период нэпа. По подсчётам Фицпатрик, в 1932/33 учебном году 2/3 студентов относились к тем, кто не смог бы поступить в вузы в годы нэпа, в том числе половина из них была выдвиженцами из числа молодых рабочих и коммунистов [6, с. 187–189].

Кризис культурной революции чётко обозначился в 1931 г. К этому времени были исчерпаны ресурсы выдвижения, резко снизился уровень образования. Хозяйственники всё настойчивее стали требовать укрепления своей власти на производстве, прекращения репрессий против старых специалистов. Власти начинают проводить политику «восстановления порядка». Однако и после 1931 г. реального ограничения доступа к высшему образованию, а следовательно, и возможностей повышения своего социального статуса рабочими, не произошло [6, с. 209–239].

Главным же итогом культурной революции 1928–1931 гг. стало, по мнению учёного, появление в среде технических специалистов мощной генерации выдвиженцев из рабочей среды. Именно эту прослойку сталинское руководство стало всё более рассматривать как основной резерв для обновления рядов номенклатуры. Но почему именно их? Почему с началом форсированной индустриализации происходит постепенный пересмотр кадровой политики советского руководства? Ведь ещё в период нэпа в качестве будущей смены руководящих кадров рассматривались коммунисты с гуманитарным образованием. Попытка разобраться в этом вопросе и проследить постепенное изменение приоритетов кадровой политики является одним из главных достоинств работы. Ш. Фицпатрик отнесла начало этого процесса ещё к 1923–1924 гг., когда в ходе внутрипартийной дискуссии значительная часть студентов-гуманитариев поддержала позицию Л. Д. Троцкого. Именно тогда, по мнению автора, советское руководство разочаровалось в этом сильно политизированном, склонном к самостоятельному политическому мышлению слое партийной молодёжи. Именно тогда правящие круги обращают свои взоры на техническое образование как на более достойную среду для подготовки своей смены [6, с. 92–100]. Поколение инженеров-выдвиженцев первой пятилетки обладало столь ценными в глазах правящей верхушки качествами, как политическая надёжность, прагматизм, благополучное социальное происхождение, столь нужные обществу технические знания, преданность руководству и лично Сталину, обеспечившим им столь стремительную карьеру. Именно они заняли место репрессированных в годы «кадровой революции» [6, с. 242–245; 8, с. 149–180].

Глубокий анализ положения инженерно-технической интеллигенции и хозяйственников в конце 1920-х – середине 1930-х гг. представил в своей монографии Н. Ламперт. Главная цель его работы – выяснить причины той волны репрессий, что обрушилась на старых технических специалистов

в 1928–1931 гг. после периода её сближения с правящими кругами в годы нэпа. По мнению Н. Ламперта, сближение коммунистов со старыми специалистами в годы нэпа объяснялось преобладанием в этой среде аполитичных настроений. С технической интеллигенцией в силу отсутствия у неё политических амбиций было достаточно легко достигнуть взаимопонимания. Правящий режим успешно использовал особенности профессионального самосознания и патриотические чувства русских инженеров, стремившихся активно работать ради развития производительных сил России [7, с. 25–28].

В годы «великого перелома» подобная ситуация была уже невозможна. Форсированная индустриализация потребовала от инженеров иного, более высокого уровня мотивации трудовой деятельности. Следовало искоренить вполне глубокий и вполне обоснованный скептицизм специалистов в отношении пятилетнего плана, заставить инженеров в большей степени считаться с интересами государства. Поэтому главным императивом развернувшейся кампании стало решительное утверждение приоритета политических требований над профессиональными знаниями. Борьба с политическим нейтраллизмом ИТР, как подчёркивает Н. Ламперт, была отражением реальной борьбы между частными и общественными интересами. Скептицизму, аполитизму и обывательским настроениям в интеллигентской среде были противопоставлены большевистская воля и энтузиазм, духу кастовости и профессиональной солидарности инженеров – общественный дух. И в известной степени правительство добилось своего [7, с. 25–28]. Этими же задачами объясняется и намерение правительства создать новую интеллигенцию из выходцев из пролетарской среды, которая по своему социальному происхождению и своим социальным обязательствам в большей степени отождествляла бы себя с государственными интересами [7, с. 38–55].

Большое внимание в работе было уделено разработке вопросов взаимоотношений специалистов с рабочими и директорами предприятий. Автор отметил тенденции к сращиванию интересов ИТР и директорского корпуса предприятий как в период нэпа, так и в первой половине 1930-х гг. Ещё в 1920-х гг. отношения между специалистами и «красными директорами» складывались достаточно гармонично. В 1928 г. основную массу директорского корпуса составляли бывшие рабочие (63 %), члены ВКП(б) (89 %), не имевшие высшего специального образования (72 %). Их техническая малограмотность делала их дальнейшую карьеру заложницей успешного технического руководства предприятием со стороны старых специалистов. Именно успешная или, наоборот, неудачная работа вверенного ему предприятия служила основным критерием оценки деятельности директора вышестоящим руководством. Это заставляло директоров отказываться от чрезмерных контроля и вмешательства в действия главных инженеров по руководству предприятиями, налаживать с ними тесное взаимодействие. В свою очередь специалисты искали у директоров покровительства и защиты от нападков рабочих, партийных и профсоюзных организаций. И директора, и инженерно-технические работники предприятий были заинтересованы в том, чтобы выставить работу предприятия перед вышестоящими органами в выгодном для себя свете, скрыть недостатки и просчёты в своей производственной деятельности. Итогом развития этих тенденций стало начало складывания на государственных предприятиях хозяйственно-бюрократических кланов, объеди-

нявших директоров и верхушку технического персонала. После волны репрессий, прокатившейся по промышленности в 1928–1931 гг. и разрушившей многие из подобных кланов, эта тенденция не исчезла, но лишь усилилась, отражая присущее административно управляемой экономике стремление к формированию системы вертикальных сделок. Н. Ламперт отмечает включение в подобную практику взаимоотношений региональных органов управления и заводских партийных комитетов [7, с. 22–24, 30, 83–86, 105].

Описывая взаимоотношение административно-технического персонала промышленных предприятий и рабочих в условиях форсированной индустриализации в 1930-е гг., Н. Ламперт отметил усиление позиций заводской администрации, опиравшейся на поддержку карательных органов, партийных и профсоюзных организаций. С 1931 г. власти перестали поощрять давление со стороны рабочих на специалистов. Резко ослабили позиции профсоюзов, ранее нередко поддерживавших требования рабочих к администрации, что, наряду с атмосферой подозрительности вокруг специалистов после шахтинского дела (1928 г.), создавало благоприятные условия для производственных конфликтов и способствовало всплеску *спецедействия*. Теперь власти перестали выдавать враждебность рабочих к техническому персоналу за целительную критику. Открытые проявления конфликтов между рабочими и ИТР ушли в прошлое. Правительство провозгласило курс на укрепление единоначалия. В то же время заинтересованность хозяйственников в сохранении на предприятии рабочей силы заставляла их сочетать грубый нажим на рабочих с определённым потаканием им. Директора и линейные менеджеры стремились нередко противопоставить себя в глазах рабочих нормировщикам, вышестоящим управленческим звеньям, закрывали глаза на прогулы, брак, превышали лимиты на заработную плату [7, с. 108–134].

К. Бейлс предложил рассмотреть проблему взаимоотношений Советской власти и технических специалистов в духе пользовавшейся в 1920-е гг. значительной популярностью в интеллектуальных кругах технократической концепции. Автор отмечает постепенное и неуклонное развитие технократических тенденций, означавших утверждение в обществе власти инженеров и учёных, приведшее к глубокой интеграции инженеров и власти уже к концу 1930-х гг. К. Бейлс отмечает, что уже вскоре после революции начали складываться рабочие взаимоотношения между правящим режимом и специалистами-инженерами. Их сближали присущие и тем, и другим технократизм, вера в развитие производительных сил и возможность управления природой. Их разделяло отношение к вопросам собственности, профессиональной автономии и политического устройства [5, с. 409–410].

Кризис в их взаимоотношениях в 1928–1931 гг. был вызван, по мнению К. Бейлса, стремлением правящих кругов предупредить претензии технической интеллигенции на большую роль в обществе, а также преодолеть оппозицию планам форсированной индустриализации. Он считал, что потенциальный союз между технической интеллигенцией и представителями «правого уклона» в правящей партии мог бы представлять очень серьёзную угрозу для политики сталинского руководства. Стремясь подкрепить своё предположение, автор подробно рассматривает все известные ему проекты общественного устройства, вышедшие из инженерной среды в до- и послереволюционной России и предлагавшие значительно усилить роль инженеров в управ-

лении государством. Основным носителем подобных тенденций в 1920-е гг. К. Бейлс считает членов Всероссийской ассоциации инженеров – узко профессиональной и подчёркнуто политически нейтральной организации [5, с. 97–120].

Кампания репрессий против старых специалистов в сочетании с ускоренным выдвижением новой группы «красных» специалистов стала ответом И. В. Сталина на эту угрозу [5, с. 119–120]. К 1931 г. с разгромом правого уклона, установлением жёсткого контроля над старыми специалистами, появлением нового поколения преданных режиму специалистов угроза со стороны технических специалистов была устранена [5, с. 154–156], вновь возобладало стремление к сотрудничеству и сближению между властями и инженерством. Но теперь уже технократические тенденции стали развиваться прежде всего в рамках самой партии [5, с. 140].

Учёный подчёркивает тесную связь между репрессиями 1928–1931 и 1936–1938 гг. Обе кампании были направлены против потенциальной угрозы альянса хозяйственников и технических специалистов, оппозиционного проводимому политическим руководством экономическому курсу. К. Бейлс отмечает установление тесных связей между ИТР и хозяйственниками, объединёнными общими интересами снижения плановых заданий [5, с. 267–270]. Выдвижение же инженеров в ряды правящего класса в 1937–1938 гг. привело к новой, ещё более мощной технократической волне. Стоит отметить, что уже в 1990-е гг. использованный Бейлсом «технократический» подход завоевал широкое признание среди отечественных историков, исследующих процессы формирования правящей элиты в России [9, 10].

Тема положения советской технической интеллигенции была затронута уже в 1980-е гг. американским историком-ревизионистом Льюисом Зигельбаумом. Его важнейшее исследование было посвящено истории стахановского движения [11]. Л. Зигельбаум рассматривает «кадровую революцию» 1937–1938 гг. в производственной сфере как результат стремления центра разрушить семейные гнёзда администрации предприятий и местных партийных чиновников, ставших основными носителями застойных явлений на производстве [11, с. 121]. Стахановское движение предстаёт, таким образом, последней перед «большим террором» попыткой сравнительно мирным, ненасильственным образом встряхнуть внутреннюю структуру предприятий, опираясь на мощное материальное стимулирование передовых рабочих, попыткой интенсификации производства без реального расширения автономии предприятий [11, с. 295–299]. Хозяйственники и ИТР оказались зажатыми между растущим давлением сверху и провоцируемыми подозрениями в саботаже снизу. На непродолжительное время власть мастеров, начальников цехов, отделов действительно была ослаблена. От административно-технического персонала теперь требовалась значительная политическая ловкость, чтобы удовлетворить резко возросшим требованиям к ним. Однако глубокие внутренние пороки советской экономики вкупе с растущей истерией борьбы с саботажем ИТР и хозяйственников привели к нарастающему разрушительному воздействию стахановского движения на экономику. Это заставило правительство свернуть в июне 1936 г. кампанию политических обвинений хозяйственников [11, с. 113, 119, 141–142, 301–302]. Тем не менее стахановское движение сыграло важную роль в подготовке преследований хозяйственников в годы «большого террора».

Л. Зигельбаум является также автором единственной в своём роде работы, посвящённой такому отряду административно-технического персонала советской промышленности, как фабричные мастера [12, с. 127–156]. Автор попытался выяснить причины сохранения советскими мастерами в 1930-е гг. значительной роли на производстве, что так отличало их от коллег в развитых индустриальных странах. Л. Зигельбаум приходит к выводу, что это связано с целым рядом обстоятельств. Во-первых, с особенностями формирования рабочего класса в 1930-е гг., когда именно мастерам принадлежала главная роль в обучении огромной армии новых рабочих, совершенно не имевших какого-либо опыта работы в промышленности. Во-вторых, с мощным сопротивлением хозяйственников и рабочих попыткам введения научно обоснованных норм, с отсутствием развитой системы защиты прав рабочих на производстве, что объективно упрочивало положение мастеров. Наконец, в-третьих, практические и идеологические потребности правящего режима требовали найти опору в выходцах из рабочего класса в среде технических специалистов [12, с. 150–151].

В 1990 г. Х. Бальцер выступил с обобщающей статьёй по истории русской технической интеллигенции [13, с. 141–167]. Он, в частности, отметил, что в Советском Союзе высшее техническое образование превратилось прежде всего в механизм социальной мобильности, позволявший занять административную должность вне производства, избежав связанных с ним рисков и давления. Производство оставалось уделом преимущественно практиков и техников. Бегство инженеров с производства, наряду с низким качеством технического образования, не только способствовало снижению качества менеджмента, но и положило начало долгосрочной тенденции падения престижа инженерного труда и размывания профессиональной идентичности инженеров. Успехи в социальной инженерии в годы «культурной революции» обернулись высокими долгосрочными издержками [13, с. 151–166].

К концу 1980-х гг. иностранные историки, особенно представители ревизионистской школы, достигли значительных успехов в исследованиях по истории советской технической интеллигенции, разработав ряд весьма продуктивных подходов к этой теме, которые, впрочем, практически не использовались советскими историками. Вместе с тем их исследования сдерживались недоступностью основной массы советских архивных источников.

Список литературы

1. **Granick, D.** The Management of the Industrial Firm in the USSR / D. Granick. – New York, 1954.
2. **Berliner, J. S.** Factory and Manager in the USSR / J. S. Berliner. – Cambridge (Mass.), 1957.
3. **Azrael, J.** Managerial Power and Soviet Politics / J. Azrael. – Cambridge (Mass.), 1966.
4. **Andrle, V.** Managerial Power in the Soviet Union / V. Andrle. – Farnborough (Westmead.) & Lexington (Mass.), 1976.
5. **Bailes, K. E.** Technology and Society under Lenin and Stalin: Original of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941 / K. E. Bailes. – Princeton (N. J.), 1978.
6. **Fitzpatrick, Sh.** Educational and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934 / Sh. Fitzpatrick. – Cambridge (Mass.), 1979.
7. **Lampert, N.** The Technical Intelligentsia and the Soviet State: A Study of Soviet Managers and Technicians, 1928–1935 / N. Lampert. – London & Basingstoke (Hamp.), 1979.

8. **Fitzpatrick, Sh.** *Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia* / Sh. Fitzpatrick. – Ithaca (N. Y.), 1992.
9. **Николаев, А. Н.** Исторические аспекты становления российской технократической элиты (1921–1996 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук / Николаев А. Н. – Саратов, 1996.
10. **Абрамов, В. Н.** Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921 – конец 30-х гг.) / В. Н. Абрамов. – СПб., 1997.
11. **Siegelbaum, L.** *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941* / L. Siegelbaum. – Cambridge (Mass.), 1988.
12. **Siegelbaum, L.** *Masters of the Shop Floor: Foremen and Soviet Industrialization* / L. Siegelbaum // *Stalinism: Its Nature and Aftermath*. – Basingstoke (Hamp.) & London, 1992. – P. 127–156.
13. **Balzer, H.** *Engineers: The Rise and Decline of a Social Myth* / H. Balzer // *Science and the Soviet Social Order*. – Cambridge (Mass.) & London, 1990.

References

1. Granick D. *The Management of the Industrial Firm in the USSR*. New York, 1954.
2. Berliner J. S. *Factory and Manager in the USSR*. Cambridge (Mass.), 1957.
3. Azrael J. *Managerial Power and Soviet Politics*. Cambridge (Mass.), 1966.
4. Andrieu V. *Managerial Power in the Soviet Union*. Farnborough (Westmead.) & Lexington (Mass.), 1976.
5. Bailes K. E. *Technology and Society under Lenin and Stalin: Original of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941*. Princeton (N. J.), 1978.
6. Fitzpatrick Sh. *Educational and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge (Mass.), 1979.
7. Lampert N. *The Technical Intelligentsia and the Soviet State: A Study of Soviet Managers and Technicians, 1928–1935*. London & Basingstoke (Hamp.), 1979.
8. Fitzpatrick Sh. *Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca (N. Y.), 1992.
9. Nikolaev A. N. *Istoricheskie aspekty stanovleniya rossiyskoy tekhnokraticeskoy elity (1921–1996 gg.): dis. d-ra ist. nauk* [Historical aspect of formation of the Russian technocratic elite (1921–1996): dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Saratov, 1996.
10. Abramov V. N. *Tekhnicheskaya intelligentsiya Rossii v usloviyakh formirovaniya bolshevistskogo politicheskogo rezhima (1921 – konets 30-kh gg.)* [Technical intelligentsia of Russia in conditions of the bolshevist political regime formation (1921 – late 30s)]. Saint-Petersburg, 1997.
11. Siegelbaum L. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941*. Cambridge (Mass.), 1988.
12. Siegelbaum L. *Stalinism: Its Nature and Aftermath*. Basingstoke (Hamp.) & London, 1992, pp. 127–156.
13. Balzer H. *Science and the Soviet Social Order*. Cambridge (Mass.) & London, 1990.

Зелёв Михаил Владимирович
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
фундаментальных и прикладных
исследований, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: mzelyov@mail.ru

Zelev Mikhail Vladimirovich
Candidate of historical sciences, senior
staff scientist, Research Institute
of Fundamental and Applied Research,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 94 (470) «928/1941»

Зелёв, М. В.

Сталинские инженеры и хозяйственники в зарубежной историографии 1950–1980-х гг.: от первых подходов до ревизионистской концепции / М. В. Зелёв // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 66–77.

**ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА
НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКИХ ГАЗЕТ
В ПЕРИОД НАЧАЛА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (1946–1953 гг.)**

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблематика качественной подачи информации о жизни за рубежом вызывала интерес у отечественных исследователей, однако в плане исторической эволюции в рамках 1946–1953 гг. она ни разу не освещалась. Основная цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть и проанализировать схему распространения информации о жизни за рубежом в СССР в 1921–1953 гг.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы различные научные подходы и методы изучения социально-исторической реальности. Основными послужили исторический, историко-сравнительный и историко-системный методы. В процессе исследования использовался принцип историзма, позволяющий рассматривать все явления и факты в их закономерном развитии и предполагающий анализ объекта исследования в связи с конкретно-историческими условиями его существования.

Результаты. Проанализирована деятельность советских центральных и региональных периодических изданий по освещению событий за рубежом в 1946–1953 гг. Для того чтобы понять механизмы влияния и оценить эффект воздействия тех или иных материалов на массовое сознание населения и, следовательно, для обоснования выбора стратегий информирования советской прессы также были изучены работы отечественных и зарубежных исследователей в области социальной психологии и медиавоздействия. Помимо газетных публикаций в ходе исследования были изучены документы из Отдела фондов общественно-политических организаций при Государственном архиве Пензенской области и Российского государственного архива социально-политической истории, непосредственно относящиеся к проблематике исследования.

Выводы. Анализ архивных материалов и газетных публикации 1946–1953 гг. позволяет прийти к выводу, что системе информирования советских граждан о жизни за рубежом была свойственна крайняя степень централизации. Советские СМИ в своем арсенале использовали методы влияния на массовое сознание, применяемые в мировой практике, причем вся система СМИ являлась эффективным средством пропаганды.

Ключевые слова: информирование о жизни за рубежом, СМИ, советская пресса, пропаганда, информация, холодная война, советское общество, массовое сознание.

S. A. Timoshina

**PROBLEMS OF WAR AND PEACE IN SOVIET NEWSPAPERS
IN THE BEGINNING OF THE COLD WAR (1946–1953)**

Abstract.

Background. The issue of presentation of information about life abroad aroused an interest among Russian researchers. However, the historical evolution of the main strategies in the process of informing about foreign events in 1946–1953 has never been covered. The main objective of the study is to examine and analyze the algorithm of distribution of information about life abroad in the USSR in 1921–1953.

Materials and methods. The author used a variety of research approaches and methods for studying the sociohistorical reality. The main methods were historical or historical-comparative, historical and systematic. Besides, the study used the principle of historicism, which allows considering all the facts and phenomena in the development and involves the analysis of the object of investigation in connection with the specific historical conditions of its existence.

Results. The activity of Soviet central and regional periodicals covering events abroad in 1946–1953 was analyzed. In order to understand the mechanisms and to assess the impact of the effect of various newspaper articles on the mass consciousness, and, therefore, to justify the selection of the Soviet press strategies of informing the papers of domestic and foreign researchers in the field of social psychology and media impacts were also studied. In addition to newspaper articles the documents from the Department of socio-political organizations funds from the state archives of the Penza region and the Russian State Archive of Socio-Political History were examined in the study.

Conclusions. The analysis of archival materials and newspaper publications of 1946–1953 allows to conclude that the system of informing of Soviet citizens about life abroad was extremely centralized. Soviet media used the methods of influence on mass consciousness which were applied widely in the world; the whole media system was an effective means of propaganda.

Key words: information about life abroad, media, Soviet press, propaganda, information, Cold War, Soviet society, mass consciousness.

Проблемы взаимодействия государств на международном уровне в период «холодной войны» открыли широкое поле для исследований в отечественной науке. Весь массив исследований, посвященных деятельности советской прессы во времена «холодной войны», можно условно разделить на два периода: советский и постсоветский, в соответствии с содержательным компонентом работ. Проанализировав содержание научных трудов так называемого «советского» периода, приходится отметить, что авторы были вынуждены рассматривать объект исследования на материале критики деятельности западных СМИ, оперируя теми понятиями и категориями, которые санкционировались господствовавшей идеологией [1–6]. По мнению исследователей, основной задачей советской прессы являлось «последовательное разоблачение антисоциалистической сущности империалистической пропаганды» [1, с. 3], «агрессивности империализма в печати» [6, с. 102]. В 2000-х гг. проблематика международных отношений в период «холодной войны» является одним из приоритетных направлений в отечественной науке [7–18].

Период «холодной войны» является знаковым для развития системы советской прессы, так как в это время применялись основные принципы деятельности советских СМИ, использовавшиеся потом в информировании граждан о жизни за рубежом долгие годы, вплоть до «перестройки». Именно в это время советскими СМИ были запущены в употребление выражения, ставшие потом газетно-журнальными клише из-за частого использования на страницах прессы. В 1946 г. из переведенной речи Уинстона Черчилля советские люди узнали о существовании «железного занавеса». Вначале, по версии советских переводчиков, вынужденных в то время работать в рамках «идеологически выдержанного перевода» [19, с. 27], это выражение было переведено как «железная завеса» [20]. В 1947 г. «Правда» ввела в оборот выражение «гонка вооружений» [20, 21], не исчезавшее потом со страниц газет дол-

гие годы. Следует отметить, что полностью текст выступления Черчилля советские газеты того периода не печатали, ограничиваясь лишь подборкой цитат и применяя прием, называемый «методом фрагментации» [22]. Эту методику СМИ использовали ещё во время Первой мировой войны. Согласно А. Понсонби, в то время при освещении событий, происходивших на фронте, намеренно «пропускались абзацы официальных документов, из которых представлялось только несколько примеров» [23, р. 21].

Характеризуя алгоритм государственного управления прессой в указанный период, можно сказать о том, что, как и в предыдущие годы, руководство информированием о жизни за рубежом было крайне централизованным. Например, журналисты-международники могли быть откомандированы редакцией издания в какую-либо страну только с личного разрешения самого высокого руководства, например В. М. Молотова [24, л. 78]. Сообщения ТАСС о зарубежных событиях тоже подавались на правку Молотову [25]. Здесь необходимо добавить, что отклики зарубежных корреспондентов о событиях в СССР перед их публикацией просматривались и правились им же лично [26, л. 43, л. 100–126].

Содержание публикаций корреспондентов «Правды», пребывавших за границей, инспектировалось также и Л. П. Берией. Например, указания редакции «Правды», содержащие критические замечания по поводу nepозволенных выпадов корреспондентов газеты в сторону правительств иностранных государств [27, л. 72] от 28 июня 1952 г., были не только отредактированы Молотовым, но и исправлены рукой Берии, который внес свои предложения по проекту письма [27, л. 75].

В проведении политики информирования о жизни за рубежом советские СМИ в 1946–1953-х гг. вновь, как и в предыдущие годы, использовали основные методики, применяемые в практике международной пропаганды. Как отмечает М. В. Киселёв, «пропаганда тяготеет к упрощению и созданию двухмерной картины мира, не допуская, кроме чёрного и белого, других цветов, оттенков и полутонов» [28]. Подобной стратегии придерживались советские СМИ в изображении картины зарубежной действительности и описании событий, происходивших в СССР. Все, что происходило в капиталистических странах, рисовалось исключительно черными красками, события внутри страны описывались крайне оптимистично. В капиталистических странах люди влачили жалкое существование [21]: «В некоторых районах Глазго крыс больше, чем людей. Во многих домах крысы гнездятся под полом или между стенами. Дома кишат клопами, а детям постоянно угрожает опасность быть искусанными крысами. На Марр-стрите, в районе самых жутких трущоб Гувена, семья, состоящая из отца, матери и шести детей, живет в одной комнате. В другой части Гувена, на Вэнлок-стрите, в одной комнате живет семья из семи человек. Недавно двое из этой семьи умерли, один от туберкулеза. Такие случаи не являются исключением» [21]. То есть капиталистические страны во время экономического кризиса 1948 г. находились в тяжелом экономическом положении, а экономика и народное хозяйство в СССР развивались успешно и динамично: «В настоящее время, когда капиталистический мир продолжает вползать в период нового экономического кризиса, ведущего к падению уровня производства, росту безработицы, голода и нищеты трудящихся масс, – Советский Союз, несмотря на огромный ущерб, причинен-

ный войной, успешно решает задачи послевоенного развития народного хозяйства, роста материального благосостояния и культуры советского народа» [29, л. 7]. Советские граждане не ощущали дефицита товаров народного потребления: «...Полки магазинов блещут всеми красками радуги. Сукно и шерсть, батист и ситец... Утром полки ломаются от товара. К вечеру кипы тканей рдеют. И так по всей нашей стране» [21]. В иностранных откликах на события в Югославии в 1948 г. можно было прочитать о том, что в Румынии «все члены партии с энтузиазмом выражают свою безграничную любовь к Советскому Союзу – гарантии национальной независимости и построения социализма на нашей родине, к славной Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) и к товарищу Сталину – великому гениальному учителю трудящихся всего мира» [21].

Иногда в своем стремлении очернить зарубежные страны, создав яркий образ врага, советские журналисты перегибали палку, опускаясь до грубостей и оскорблений, но, так как содержание статей о жизни за рубежом тщательно проверялось первыми лицами государства, подобные публикации подвергались резкой критике сверху. Во избежание повторения ошибок, способных повлечь за собой обострение международной обстановки, руководство страны в сотрудничестве с редакциями центральных газет разрабатывало директивные документы о характере освещения событий за границей. Например, 28 июня 1952 г. редакция газеты «Правда» отправила на имя Молотова указания, содержащие критическую оценку деятельности ряда корреспондентов: «Редакция “Правды” считает необходимым отметить, что характер и тон ряда статей и заметок корреспондентов “Правды”, находящихся в капиталистических странах, не отвечают политическим требованиям партии и правительства. Это выражается в том, что многие корреспонденции носят поверхностный характер, написаны в крикливо-агитационном стиле, бедны фактическими данными об экономическом и политическом положении страны и ее внешней политике. При этом корреспонденты допускают зачастую грубые и оскорбительные выпады в отношении правительства и официальных лиц страны пребывания. Это относится, прежде всего, к корреспонденциям товарищей Борзенко, Кожина, Четкиной, Маевского, а также к ряду корреспонденций Жукова... В целях устранения отмеченных недостатков и правильной постановки работы корреспондентов редакция “Правды” обязывает корреспондентов руководствоваться следующим: 1. Свою работу корреспонденты должны строить на основе изучения фактов, относящихся к экономическому и политическому положению страны, ее культуре, положению отдельных классов населения, а также к внутренней и внешней политике государства. Они обязаны следить за событиями в стране, за ее взаимоотношениями с другими странами, за тем, как на эти события реагируют различные общественные и правительственные круги... 3. Критикуя политику и условия жизни в капиталистических странах, корреспонденты не должны допускать выражений, которые могли бы быть использованы как подстрекательство к выступлению против правительства, как оскорбление национального достоинства или как вмешательство во внутренние дела страны пребывания» [27, л. 72].

Для того чтобы сформировать чувство симпатии населения СССР к дружественным и нейтральным странам, советская пресса продолжала рисовать картину безграничной любви граждан других государств к стране.

Благодаря специфическому содержанию публикаций в советской прессе у советских граждан создавалось ощущение того, что весь мир следил, затаив дыхание, за развитием событий в нашей стране. Все памятные для советских граждан даты, праздники, по сообщениям советских газет, широко отмечались за рубежом [21]. Из газет люди узнавали о том, что «сегодня вечером в рабочем районе Дели на перекрестке двух улиц состоялся многолюдный митинг по случаю 28-й годовщины со дня смерти В. И. Ленина» [21], а праздник 1 мая отмечали трудящиеся не только стран Восточной Европы, но и практически всего мира [21].

В 1947 г. в СССР была осуществлена денежная реформа и также отменена карточная система. Советская пресса размещала на своих страницах отзывы зарубежных изданий, комментирующих данные события. Если судить по материалам советской печати, то они вызвали бурную реакцию и в капиталистических странах. Причем оценки действий советского правительства западной прессой были напечатаны, естественно, только положительные [20]. Если верить откликам зарубежной прессы, а именно публикациям в австрийских СМИ, размещенным на страницах наших газет, то денежную реформу в СССР ждал несомненный успех, так как «совокупность всех мероприятий, проводимых советским правительством, принесет рабочим и служащим страны существенное увеличение их реальной заработной платы и тем самым повышение их жизненного уровня» [20]. Но были и другие, критические публикации, касающиеся действий правительства СССР и лично Сталина. Они попадали на стол Молотову под грифом «Секретно». Например, 28 февраля 1949 г. была получена докладная записка с критикой монетарной политики Сталина на международном рынке: «Воскресная газета «Пипл» под заголовком “Сталин по демпинговым ценам выбрасывает на рынок запасы золота для того, чтобы сорвать восстановление Европы” публикует провокационную и клеветническую статью, в которой говорится: “Сталин решил выбросить огромные запасы русского золота на европейский рынок в новой попытке побороть превосходство Америки в международной торговле. Тайнственные крупные операции на парижской бирже на прошлой неделе по продаже золота, которые снизили цену его на 10 процентов, были первым признаком новой политики русских диктаторов... После окончания войны Америка поддерживала цену золота на уровне 8 фунтов 15 шиллингов за унцию с тем, чтобы укрепить Международный валютный фонд и план Маршалла. Однако все это время сотни тысяч рабочих-рабов упорно добывали для Сталина золото на уральских золотых приисках... Международные финансовые эксперты полагают, что Сталин намеревается выбросить большую часть этого золота по пониженным ценам на европейский рынок с тем, чтобы нарушить и без того шаткое равновесие международной торговли. Это мероприятие будет иметь три главных последствия: во-первых, страны Западной Европы будут продавать свои товары для того, чтобы получить дешевое золото; во-вторых, вместо отправки своих товаров в Америку в счет уплаты за американские товары они будут переправлять в США дешевое золото, это в скором времени приведет к инфляции в Америке; в-третьих, Международный валютный фонд, финансирующий межъевропейскую торговлю, потерпит крах. Поток товаров, направляемых в Европу в порядке помощи по плану Маршалла, прекратится, и вся Европа внезапно окажется в зависимости от России”» [26, л. 19–20].

Итак, в 1946–1953 гг., как и в предыдущие годы, советские СМИ продолжали выполнять пропагандистскую функцию, о чем они открыто сообщали на страницах газет. Например, газета «Правда» писала о том, что основной задачей советской прессы в то время являлось «идейное воспитание масс в духе советского патриотизма, в духе социалистической сознательности» [22], т.е., иными словами, сами газеты позиционировали себя не как источник информации о новостях из той или иной страны, они брали на себя роль интерпретатора всех событий, происходивших за рубежом. При чтении газетных публикаций гражданам СССР не нужно было прилагать усилия для того, чтобы прийти к каким-либо выводам, все выводы уже были сделаны заранее, так как «информация в советской газете – это не беспристрастное фотографирование, а направленный, целеустремленный подбор таких фактов, с помощью которых читатель воспитывается в духе беззаветной преданности Коммунистической партии и Советскому правительству, в духе любви к советской Родине» [30, с. 5].

В итоге, проанализировав материалы советской прессы о жизни за границей, можно прийти к следующим выводам:

1) как и в предыдущие годы, система информирования граждан о жизни населения за рубежом отличалась крайней централизованностью;

2) советские СМИ в своей пропагандистской деятельности в освещении зарубежных событий не использовали каких-либо уникальных приемов, они прибегали к методам влияния на массовое сознание, распространенным в мировой практике. Тем не менее их деятельность в формировании искаженной картины зарубежного мира в условиях «железного занавеса» была крайне эффективной, так как у советских людей отсутствовала возможность сравнивать поступающую к ним информацию и сопоставлять факты;

3) в послевоенные годы, как и в предыдущий период, советская пресса занималась деятельностью, весьма далекой от информирования граждан о реальных событиях, происходивших за рубежом, выполняя первоочередные задачи, поставленные перед ней государством. В силу ряда объективных причин, заключающихся в специфичности международной обстановки того времени, СМИ сознательно уходили от достоверного освещения событий за рубежом, создавая настроения в обществе, необходимые для существования страны в условиях «холодной войны». Вся система советской печати в послевоенный период служила мощным средством пропаганды, вооружая советских граждан «правильным пониманием происходящих событий».

Список литературы

1. **Гусейнов, Р. Д.** Деятельность комсомольской периодической печати по выполнению решений КПСС об усилении борьбы с империалистической пропагандой в условиях развитого социализма (1976–1981 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Гусейнов Р. Д. – М., 1985. – 173 с.
2. **Коняхин, Г. Е.** Контрпропагандистская деятельность центральных газет в условиях обострения идеологической борьбы : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Коняхин Г. Е. – М., 1985. – 204 с.
3. **Усмонов, И. К.** Роль СМПП в развитии дружественных отношений стран с различным политическим строем: (На примере печати СССР и Афганистана 1978–1987 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Усмонов И. К. – Душанбе, 1990. – 312 с.

4. **Хахаева, В. Н.** Журнал «Америка» в контексте американо-советских отношений (сороковые-восемидесятые годы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Хахаева В. Н. – М., 1989. – 251 с.
5. **Шерковин, Д. Ю.** Средства массовой информации англоязычных государств Карибского бассейна в условиях информационно-пропагандистского и культурного влияния США, 1970–1980 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Шерковин Д. Ю. – М., 1991. – 231 с.
6. **Яковенко, В. П.** Роль и значение советской военной печати в борьбе с буржуазной идеологией: (На опыте деятельности окружных газет за 1981–1987 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.10 / Яковенко В. П. – Киев, 1988. – 200 с.
7. **Белоконева, А. С.** Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны»: 1946–1953 гг. : дис. ... канд. социол. наук : 23.00.02 / Белоконева А. С. – М., 2004. – 175 с.
8. **Волковский, Н. Л.** Журналистика в информационных войнах: Исторические истоки и современные тенденции : дис. ... д-ра филол. наук / Волковский Н. Л. – СПб., 2003. – 641 с.
9. **Гребенникова, Н. И.** Пропаганда в периодической печати в 1965 – начале 1980-х годов : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Гребенникова Н. И. – Великий Новгород, 2010. – 178 с.
10. **Зубкова, Е. Ю.** Общественные настроения в послевоенной России, 1945–1953 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Зубкова Е. Ю. – М., 2000. – 508 с.
11. **Ивашев, А. А.** Американская стратегия психологической войны против СССР на начальном этапе холодной войны: 1946–1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Ивашев А. А. – Краснодар, 2007. – 224 с.
12. **Колесникова, А. Г.** Формирование и эволюция образа врага периода «холодной войны» в советском кинематографе (середина 1950-х – середина 1980-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Колесникова А. Г. – М., 2010. – 226 с.
13. **Кольцов, М. В.** Великобритания в информационной политике советского руководства: 1945–1951 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Кольцов М. В. – Ярославль, 2004. – 334 с.
14. **Николаева, Н. И.** Формирование мифологизированного образа Соединенных Штатов Америки в советском обществе в первые годы «холодной войны», 1945–1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Николаева Н. И. – Саратов, 2001. – 194 с.
15. **Тарасов, Д. А.** СССР в условиях военно-политического противостояния на начальном этапе «холодной войны»: 1946–1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Тарасов Д. А. – М., 2006. – 201 с.
16. **Тетерин, П. В.** Отечественная историография о роли США в развязывании «холодной войны» : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00, 07.00.09 / Тетерин П. В. – М., 2011. – 239 с.
17. **Шнайден, И. И.** Идеологические аспекты работы с иностранными туристами в СССР: вторая половина 1950-х – первая половина 1980-х гг.: По материалам «Интуриста» : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Шнайден И. И. – Пенза, 2004. – 237 с.
18. **Щеглов, Ю. Н.** Власть и формирование массового сознания на региональном уровне в середине 1960-х – начале 1980-х гг.: На примере Пензенской области : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Щеглов Ю. Н. – Пенза, 2005. – 201 с.
19. **Алексеева, И. С.** Введение в переводоведение : учеб. пособие / И. С. Алексеева. – М. : Академия, 2006. – 352 с.
20. Сталинское Знамя. – Пенза, 1946–1953.
21. Правда. – М., 1946–1953.
22. Манипуляция массовым сознанием // Википедия – свободная энциклопедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org>

23. **Ponsonby, A.** "Falsehood" in War-Time: Propaganda Lies of the First World War / A. Ponsonby. – N. Y. : E. P. Dutton and Co., Inc., 1929. – 192 p.
24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 981. Л. 85.
25. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 913. Л. 196.
26. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 914. Л. 154.
27. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 983. Л. 116.
28. **Киселёв, М. В.** Психологические аспекты пропаганды / М. В. Киселёв. – URL: <http://psyfactor.org/propaganda5.htm>
29. ГАПО ОФОПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1876. Л. 165.
30. **Богданов, Н. Г.** Информация в газете / Н. Г. Богданов, Б. А. Вяземский. – Л. : Лениздат, 1955.

References

1. Guseynov R. D. *Deyatel'nost' komsomol'skoy periodicheskoy pechati po vypolneniyu resheniy KPSS ob usilenii bor'by s imperialisticheskoy propagandoy v usloviyakh razvitiya sotsializma (1976–1981 gg.): dis. kand. ist. nauk: 07.00.01* [Activity of YCL periodic press in implementing the CPSU resolutions on intensification of struggle against imperialistic propaganda in conditions of the developed socialism (1976–1981): dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 1985, 173 p.
2. Konyakhin G. E. *Kontrpropagandistskaya deyatel'nost' tsentral'nykh gazet v usloviyakh obostreniya ideologicheskoy bor'by: dis. kand. ist. nauk: 07.00.01* [Counterpropaganda activity of central newspapers in conditions of ideological struggle aggravation: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 1985, 204 p.
3. Usmonov I. K. *Rol' SMIP v razvitiy druzhestvennykh otnosheniy stran s razlichnym politicheskim stroem: (Na primere pechati SSSR i Afganistana 1978–1987 gg.): dis. d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Role of mass media and propaganda in development of friendly relations of countries with different political regime: (by the example of press of USSR and Afganistan in 1978–1987): dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Dushanbe, 1990, 312 p.
4. Khakhaeva V. N. *Zhurnal «Amerika» v kontekste amerikano-sovetskikh otnosheniy (sorokovye-vos'midesyatye gody): dis. kand. filol. nauk: 10.01.10* [The "America" journal in the context of American-soviet relations (1940s–1980s): dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Moscow, 1989, 251 p.
5. Sherkovin D. Yu. *Sredstva massovoy informatsii angloyazychnykh gosudarstv Karibskogo basseyna v usloviyakh informatsionno-propagandistskogo i kul'turnogo vliyaniya SShA, 1970–1980 gg.: dis. kand. filol. nauk: 10.01.10* [Mass media of English-speaking Caribbean countries in conditions of information-propaganda and cultural influence of the USA, 1970–1980: dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Moscow, 1991, 231 p.
6. Yakovenko V. P. *Rol' i znachenie sovetskoy voennoy pechati v bor'be s burzhuznoy ideologiyey: (Na opyte deyatel'nosti okruzhnykh gazet za 1981–1987 gg.): dis. kand. ist. nauk: 07.00.10* [Role and importance of soviet military press in the struggle against bourgeois ideology: (by the functioning experience of regional newspapers in 1981–1987): dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Kiev, 1988, 200 p.
7. Belokoneva A. S. *Konstruirovaniye obraza vneshnego vruga: issledovanie sovetskikh SMI i ofitsial'nykh dokumentov nachala «kholodnoy voyny»: 1946–1953 gg.: dis. kand. sotsiol. nauk: 23.00.02* [Construction of the external foe image: research of soviet mass media and official documents of the beginning of the Cold War: 1946–1953: dissertation to apply for the degree of the candidate of sociological sciences]. Moscow, 2004, 175 p.

8. Volkovskiy N. L. *Zhurnalistika v informatsionnykh voynakh: Istoricheskie istoki i sovremennye tendentsii: dis. d-ra filol. nauk* [Journalism in information wars: Historical origins and modern trends: dissertation to apply for the degree of the doctor of philological sciences]. Saint-Petersburg, 2003, 641 p.
9. Grebennikova N. I. *Propaganda v periodicheskoy pechati v 1965 – nachale 1980-kh godov: dis. kand. ist. nauk: 07.00.02* [Propaganda in periodic press in 1965 – early 1980s: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Velikiy Novgorod, 2010, 178 p.
10. Zubkova E. Yu. *Obshchestvennye nastroyeniya v poslevoennoy Rossii, 1945–1953 gg.: dis. d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Public sentiments in post-war Russia, 1945–1953: dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Moscow, 2000, 508 p.
11. Ivashev A. A. *Amerikanskaya strategiya psikhologicheskoy voyny protiv SSSR na nachal'nom etape kholodnoy voyny: 1946–1953 gg.: dis. kand. ist. nauk: 07.00.03* [American strategy of psychological war against the USSR at the early stage of the Cold War: 1946–1953: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Krasnodar, 2007, 224 p.
12. Kolesnikova A. G. *Formirovanie i evolyutsiya obraza vraga perioda «kholodnoy voyny» v sovetskom kinematografe (seredina 1950-kh – seredina 1980-kh gg.): dis. kand. ist. nauk: 07.00.02* [Formation and evolution of the foe image in the Cold War period in the soviet cinema (middle 1950s – middle 1980s): dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 2010, 226 p.
13. Kol'tsov M. V. *Velikobritaniya v informatsionnoy politike sovetskogo rukovodstva: 1945–1951 gg.: dis. kand. ist. nauk: 07.00.03* [Great Britain in the information policy of the soviet leaders: 1945–1951: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Yaroslavl, 2004, 334 p.
14. Nikolaeva N. I. *Formirovanie mifologizirovannogo obraza Soedinennykh Shtatov Ameriki v sovetskom obshchestve v pervye gody «kholodnoy voyny», 1945–1953 gg.: dis. kand. ist. nauk: 07.00.02* [Formation of the mythologized image of the United States of America in the soviet society during the first years of the Cold War, 1945–1953: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Saratov, 2001, 194 p.
15. Tarasov D. A. *SSSR v usloviyakh voenno-politicheskogo protivostoyaniya na nachal'nom etape «kholodnoy voyny»: 1946–1953 gg.: dis. kand. ist. nauk: 07.00.02* [The USSR in conditions of military-political confrontation at the initial stage of the Cold War: 1946–1953: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 2006, 201 p.
16. Teterin P. V. *Otechestvennaya istoriografiya o roli SShA v razvyazyvanii «kholodnoy voyny»: dis. kand. ist. nauk: 07.00.00, 07.00.09* [Russian historiography on the role of the USA in unleashing the Cold War: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 2011, 239 p.
17. Shnaydgen I. I. *Ideologicheskie aspekty raboty s inostrannymi turistami v SSSR: vtoraya polovina 1950-kh – pervaya polovina 1980-kh gg.: Po materialam «Inturista»: dis. kand. ist. nauk: 07.00.02* [Ideological aspect of work with foreign tourists in the USSR: second half of 1950s – first half of 1980s: by the materials of “Intourist”]: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Penza, 2004, 237 p.
18. Shcheglov Yu. N. *Vlast' i formirovanie massovogo soznaniya na regional'nom urovne v seredine 1960-kh – nachale 1980-kh gg.: Na primere Penzenskoy oblasti: dis. kand. ist. nauk: 07.00.02* [Authority and formation of mass consciousness at the regional level in the middle of 1960s – early 1980s: by the example of Penza region: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Penza, 2005, 201 p.
19. Alekseeva I. S. *Vvedenie v perevodovedenie: ucheb. posobie* [Introduction into translation science: tutorial]. Moscow: Akademiya, 2006, 352 p.
20. *Stalinskoe Znamya* [Stalin's banner]. Penza, 1946–1953.

21. *Pravda* [Truth]. Moscow, 1946–1953.
22. *Vikipediya – svobodnaya entsiklopediya* [Wikipedia – free encyclopedia]. Available at: <http://ru.wikipedia.org>
23. Ponsoyby A. “*Falsehood*” in *War-Time: Propaganda Lies of the First World War*. New York: E. P. Dutton and Co., Inc., 1929, 192 p.
24. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Sociopolitical History (RGASPI)]. F. 82. Op. 2. D. 981. L. 85.
25. *RGASPI*. F. 82. Op. 2. D. 913. L. 196.
26. *RGASPI*. F. 82. Op. 2. D. 914. L. 154.
27. *RGASPI*. F. 82. Op. 2. D. 983. L. 116.
28. Kiselev M. V. *Psikhologicheskie aspekty propagandy* [Psychological aspects of propaganda]. Available at: [//psyfactor.org/propaganda5.htm](http://psyfactor.org/propaganda5.htm)
29. *GAPU OFOPO*. F. 148. Op. 1. D. 1876. L. 165.
30. Bogdanov N. G., Vyazemskiy B. A. *Informatsiya v gazete* [Information in newspapers]. Leningrad: Lenizdat, 1955.

Тимошина Светлана Анатольевна

доцент, кафедра перевода
и переводоведения, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: timoshina_svetla@mail.ru

Timoshina Svetlana Anatol'evna

Associate professor, sub-department
of interpretation and translation science,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 94 (470) “1946/1953”

Тимошина, С. А.

Проблемы войны и мира на страницах советских газет в период начала «холодной войны» (1946–1953 гг.) / С. А. Тимошина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 78–87.

КАДРОВЫЙ СОСТАВ РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ СОВЕТОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА РСФСР В 1957–1964 гг.: ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. При образовании и укрупнении совнархозов в 1957–1962 гг. возникли системные проблемы в кадровом корпусе руководителей новых хозяйственных структур, которые негативно сказались на процессе руководства промышленностью в регионах. Возникла необходимость изучения процесса комплектования кадрами совнархозов. Цель работы – рассмотреть качественный состав руководящих кадров Советов народного хозяйства РСФСР в 1957–1964 гг.

Материалы и методы. Исследование основано на анализе документов из фондов Государственного архива Российской Федерации. Статистические отчеты и докладные записки, находящиеся в фондах, дали необходимые сведения о качественном составе работников СНХ РСФСР и кадровой политике центральных министерств в период формирования совнархозов в республике. Основными в исследовании являются количественный и качественный методы, метод просопографического анализа, проводимый на основе информации, содержащейся в электронной базе данных «Состав работников Советов народного хозяйства экономических районов РСФСР в 1957–1964 гг.».

Результаты. Исследованы кадровые проблемы формирования аппаратов управления совнархозов РСФСР. Проанализированы половой, возрастной, партийный составы и сменяемость руководящих работников отдельных групп совнархозов, уровень укомплектованности их штатов, стаж работы на должностях в 1957–1964 гг.

Выводы. Руководящий состав совнархозов обладал достаточным хозяйственным опытом, высоким уровнем образования и хорошим возрастным ресурсом для эффективного исполнения функций по управлению совнархозами. Проблемы в кадровой сфере руководящего состава совнархозов были связаны с неэффективной кадровой политикой центральных министерств и ведомств. Усугубляло ситуацию отсутствие местных квалифицированных кадров. Возник дефицит квалифицированных кадров высокого ранга и низестоящих управленческих групп. Происходило замещение вакантных должностей работниками с более низким уровнем образования. Совнархозы слабо использовали имеющиеся резервы по выдвижению на руководящие посты местных высококвалифицированных специалистов.

Ключевые слова: кадры, просопографический анализ, регионы, совнархозы.

Е. А. Khromov

EXECUTIVES OF THE COUNCILS OF NATIONAL ECONOMY OF THE RSFSR IN 1957–1964: PROSOPOGRAPHIC ANALYSIS

Abstract.

Background. In the process of formation and consolidation of the economic councils in 1957–1962 system problems arose concerning the managing personnel

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Госплан СССР и практики планирования советской экономики (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): реформы, институты, стратегические игроки» № 14-31-01295/14.

of new economic structures. These problems had a negative impact on the process of production management in the regions. There is a need to study the process of staffing the economic councils. The purpose of the article is to examine the qualitative composition of the leading cadres of the councils of national economy of the RSFSR in 1957–1964.

Materials and methods. The study is based on the analysis of documents from the State Archive of the Russian Federation. Statistical reports and memoranda, extracted from the funds of the archive, provided the necessary information on the qualitative composition of workers of the CNE and personnel policies of the central ministries during formation of the economic councils in the country. Basic research methods were quantitative and qualitative, the method of prosopographic analysis carried out on the basis of the information containing in the electronic database «Staff of the Councils of national economic regions of the RSFSR in 1957–1964».

Results. The author investigated staffing problems of management apparatus formation of the economic councils of the RSFSR. The article analyzes gender, age, party affiliation and fluidity of certain groups of managers of the economic councils, the level of staffing, work experience in positions in 1957–1964.

Conclusions. Leaders of the national councils had a good business experience, high level of education, acceptable age for effective performance of functions of the economic councils. Problems in the field of human resources of managers of the economic councils were associated with the inefficient personnel policy of the central ministries and departments. The situation was aggravated due to the lack of local skilled personnel. There were shortages of qualified personnel of high rank and lower rank managers. The vacant positions of high rank were staffed by workers with low levels of education. The councils of national economy poorly used candidates in reserve, consisting of local high-qualified specialists, to be promoted to senior positions.

Key words: personnel, prosopographic analysis, regions, councils of national economy.

При формировании совнархозов, как в 1957 г., так и в процессе их укрупнения в 1962–1963 гг., появился ряд проблемных моментов, которые свидетельствовали об отсутствии детальной проработки всех аспектов формирования и функционирования новых хозяйственных структур. В частности, системные проблемы возникли в кадровом корпусе руководителей. Естественно, они создавали напряженную ситуацию в работе промышленной сферы регионов РСФСР.

В этой связи целью исследовательской работы является рассмотрение качественного состава руководящих кадров Советов народного хозяйства РСФСР в 1957–1964 гг. В результате должен сформироваться коллективный «портрет» руководящих работников отдельных групп совнархозов РСФСР в период их образования в 1957 г. и укрупнения в 1962 г.

Для решения поставленной цели была создана электронная база данных «Состав работников Советов народного хозяйства экономических районов РСФСР в 1957–1964 гг.». Основными источниками информации для ее наполнения послужили годовые статистические отчеты о составе и сменяемости кадров совнархозов РСФСР, хранящиеся в фонде А-259 Совета Министров РСФСР [1; 2, л. 1–13 об.; 3, л. 1–18 об.]. Источником всех статистических данных, представленных в статье, является указанная выше авторская база данных.

В отечественной историографии не имеется специальных работ, посвященных рассмотрению кадрового состава формировавшихся в конце 1950-х гг. Советов народного хозяйства. В историографии проблемы можно выдвинуть на первый план работы А. Г. Осипова, О. А. Смолкина, В. И. Мерцалова, А. В. Чухно, Н. Г. Ломшина, С. И. Подольского [4–8]. В исследованиях выделим два основных подхода. Первый заключается в количественном анализе кадрового корпуса совнархоза (количество местных и приезжих кадров, уровень образования и т.д.). Второй подход включает в себя качественную характеристику руководящего кадрового состава совнархоза (председателя и заместителей). Следует сделать вывод, что проблема кадрового состава совнархозов в недостаточной степени исследована. Кадровый вопрос если и рассматривается, то как небольшой сюжет в рамках общих работ по функционированию совнархозов. При этом на сегодняшний момент уже имеются хорошие источниковые возможности детального изучения данной темы.

В ходе проведения исследования были изучены материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Хранящиеся в фонде Совета Министров РСФСР (Ф. А-259) статистические отчеты и докладные записки дали необходимые сведения о качественном составе работников СНХ РСФСР. Документы фонда Совета Министров СССР (Ф. Р-5446) содержат отчеты центральных ведомств о кадровой политике центральных министерств в период формирования совнархозов в республике. Проанализированные сведения двух фондов позволяют провести количественный и качественный анализ руководящего состава совнархозов РСФСР.

В начальный период образования Советов народного хозяйства перед Советом Министров СССР и советами министров союзных республик были поставлены задачи оперативного трудоустройства (до 1 июля 1957 г.) высвобождаемых работников ликвидируемых министерств и ведомств [9]. Новые хозяйственные структуры на региональном уровне должны были уже летом закончить формирование аппарата управления и приступить к решению поставленных перед ними социально-экономических задач. В итоге совнархозы смогли приступить к полноценной деятельности по управлению промышленностью с большим опозданием. Это объяснялось неэффективными и запоздалыми мерами центральных министерств и ведомств по укомплектованию штатов не только организаций и предприятий совнархозов, но и основных руководящих работников отдельных групп совнархозов [10, л. 134].

Усугубляло ситуацию отсутствие юридической основы перехода работников из штатов ликвидируемых министерств и ведомств в аппараты совнархозов и на региональные предприятия. В результате многие руководители отказывались переезжать на новое место работы, так как зачастую теряли привычный уровень заработка (в регионах он был меньше), а также понимали, что будут проживать в заведомо худших социально-бытовых условиях. В итоге на центральном уровне не была создана продуманная система обеспечения совнархозов РСФСР квалифицированными кадрами, как руководящих работников, так и исполнительного кадрового состава низшего уровня. Проявившиеся кадровые проблемы центральные власти пытались устранить уже в ходе функционирования совнархозов, что самым негативным образом сказалось на результатах их хозяйственной деятельности.

С созданием СНХ РСФСР, которому подчинялись совнархозы республики, и укрупнением этих хозяйственных структур в конце 1962 г.¹ проблемы в кадровой сфере руководящего состава СНХ стали не столь остро проявляться, хотя и не исчезли полностью.

Необходимо более подробно рассмотреть основные особенности, тенденции развития руководящего корпуса Советов народного хозяйства РСФСР и определить его качественный состав в период создания совнархозов в 1957 г. и их укрупнения в 1962 г.

В приведенных в тексте таблицах статистические данные, характеризующие руководящих работников отдельных групп совнархозов в 1957–1962 гг., даны на 1 января 1962 г., а данные на руководящих работников объединенных совнархозов РСФСР – на 1 января 1964 г.

Анализируя кадровый корпус руководящего состава совнархозов РСФСР можно отметить, что половой состав был сугубо мужским. Количество женщин незначительно увеличивалось в составе нижестоящих руководящих работников групп совнархозов: членов Советов народного хозяйства, начальников функциональных и отраслевых управлений совнархозов (табл. 1). На 1 января 1962 г. и 1 января 1964 г. среди председателей совнархозов РСФСР, их первых заместителей (по общим вопросам и оборонной промышленности) и заместителей не было ни одной женщины-руководителя. На 1 января 1962 г. среди членов СНХ женщины-руководители составляли 1,7 %, среди начальников функциональных подразделений лишь – 2,7 %. На 1 января 1964 г. среди членов СНХ женщины отсутствовали. Среди начальников функциональных подразделений и отраслевых управлений СНХ женщины составляли 2,8 и 4,3 % от всего кадрового состава соответственно.

Таблица 1

Половой состав руководящих работников отдельных групп совнархозов на 1 января 1962 г. / 1 января 1964 г., чел. (%)²

Категория работников	Пол работников 1962 г. / 1964 г.	
	муж.	жен.
Председатели СНХ	100/100	0/0
Первые заместители председателей СНХ (по общим вопросам)	100/100	0/0
Первые заместители председателей СНХ (по оборонной промышленности)	100/100	0/0
Заместители председателей СНХ	100/100	0/0
Члены СНХ	98,6/100	1,4/0
Начальники функциональных подразделений СНХ	97,9/97,2	2,7/2,8
Начальники отраслевых управлений СНХ	–/95,7	–/4,3

Итак, обращает на себя внимание незначительное число женщин, которые находились на руководящих постах в аппарате совнархозов. Среди пред-

¹ Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 декабря 1962 г. на территории РСФСР вместо 67 образовалось 24 совнархоза.

² Все таблицы рассчитаны по электронной базе данных «Состав работников Советов народного хозяйства экономических районов РСФСР в 1957–1964 гг.».

седателей совнархозов, их заместителей не было ни одной женщины, а из 855 начальников управлений их было лишь 28 (3,3 %). При этом резерв для выдвижения женщин на руководящие должности в совнархозах был большой, так как женщин среди ответственных работников совнархозов насчитывалось более 12 тыс.

Анализ возрастной структуры свидетельствует, что средний возраст председателей совнархозов на начало 1962 г. был меньше, чем у председателей укрупненных совнархозов на начало 1963 г. (табл. 2). В 1962 г. на председателей СНХ в возрасте от 41 до 50 лет приходилось 37 %, 51–55 лет – 48 %, 56–60 лет – 9 % и старше 60 лет – 6 %, т.е. 4 человека. В укрупненных совнархозах в возрастной категории от 41 до 50 лет было 16,6 % председателей, от 51 до 55 лет – 67 % и старше 55 лет – 12,4 %, в том числе председатель Северо-Восточного совнархоза К. В. Воробьев был старше 60 лет. Подобная возрастная структура имела и в категории заместителей председателей совнархозов РСФСР в 1962 и 1964 гг. Единственным отличием являлось отсутствие руководящих работников старше 60 лет на январь 1962 г. и 1 % – на январь 1964 г., т.е. два человека (А. С. Попов – Нижне-Волжский СНХ, В. Ф. Рудаков – Южно-Уральский СНХ) (см. табл. 2). Противоположная ситуация наблюдалась в возрастной структуре первых заместителей председателей совнархозов по общим вопросам. В совнархозах, образованных в 1957 г., на состав этих работников возрастной категории от 41 до 55 лет приходилось около 88 %, а в укрупненных совнархозах – лишь 75 %. Возрастная структура первых заместителей председателей первоначальных и укрупненных совнархозов по оборонной промышленности не имела сильных различий (см. табл. 2).

Наиболее молодая возрастная группа руководителей от 31 до 40 лет отсутствовала среди председателей обеих групп совнархозов, являлась незначительной в возрастном составе первых заместителей председателей совнархозов. Процент этой возрастной категории среди руководящих работников отдельных групп совнархозов начинает возрастать только с категории заместителей председателей, достигая своего максимума в категории начальников функциональных подразделений СНХ. Если в 1962 г. заместителей председателей СНХ в категории от 31 до 40 лет насчитывалось 4 %, в 1964 г. 6,5 %, то начальников функциональных подразделений уже 12,8 % и 11,5 % соответственно.

В целом в сравнении с центральным аппаратом министерств и ведомств РСФСР состав ответственных работников совнархозов был более молодой по возрасту [3, л. 1]. Если на начало 1964 г. в республиканских организациях ответственных работников в возрасте до 40 лет насчитывалось 38,3 %, то в совнархозах их было 46 %. Соответственно от 41 до 50 лет – 24 и 28 %. Старше 60 лет насчитывалось 2,5 % ответственных работников, а в министерствах и ведомствах – 4,1 %. Но все же на должности начальников управлений мало выдвигали молодых по возрасту работников. Из 855 начальников отраслевых и функциональных управлений в возрасте до 40 лет только 84 человека (10 %), в то время как в возрасте старше 55 лет их было 183 человека, в том числе старше 60 лет – 35 человек. Резерв для выдвижения молодых работников был, но не задействовался. Так, в аппарате совнархозов работало 10 тыс. инженерно-технических работников в возрасте до 40 лет.

Таблица 2

Возрастной состав руководящих работников отдельных групп совнархозов на 1 января 1962 г. / 1 января 1964 г., чел. (%)

Категория работников	Состав работников по возрасту в 1962 г. / 1964 г.					
	до 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–55 лет	56–60 лет	старше 60 лет
Председатели СНХ	–	–	37/16,6	48/67	9/12,4	6/4
Первые заместители председателей СНХ (по общим вопросам)	–	1,76/0	47,4/37,5	40,44/37,5	10,46/25	–
Первые заместители председателей СНХ (по оборонной промышленности)	–	0/5	40/20	40/55	20/15	20/5
Заместители председателей СНХ	–	4/6,5	44/22	40/45,5	12/25	0/1
Члены СНХ	0,2/0	6/7	47,4/30	28,8/39	16,2/21	1,4/3
Начальники функциональных подразделений СНХ	0,7/0,6	12,8/11,5	39,9/35,9	29,2/33,2	14,3/15,9	3,1/2,9
Начальники отраслевых управлений СНХ	–/7,5	–/34,7	–/34,4	–/19,9	–/3,5	–

Рассматривая партийный состав руководящих групп кадров совнархозов, можно отметить, что беспартийные выше руководителей функциональных подразделений не поднимались (табл. 3). Лишь среди начальников функциональных подразделений на начало 1962 г. насчитывалось 6,8 % беспартийных, на начало 1964 г. – 1,4 %. При этом среди начальников отраслевых управлений на 1 января 1964 г. беспартийные отсутствовали. Принцип партийности в укрупненных совнархозах среди руководящего состава был усилен по сравнению с первоначально образованными совнархозами. Таким образом, принцип партийности был наиболее значимым в системе управления совнархозов, обеспечивая ее целостность. Партийность являлась залогом карьерного роста, давая необходимые рычаги влияния и отстаивания своей позиции в высших партийных органах власти, которые, как известно, имели большое значение при решении хозяйственных задач.

Наиболее важным показателем компетентности руководящего состава является его образовательный уровень. Перед новыми хозяйственными структурами в конце 1950-х – середине 1960-х гг. встали крупные хозяйственные задачи, решить которые требовалось не просто образованным людям, а специалистам с высшим инженерно-техническим и экономическим образованием.

Анализ образовательного уровня руководящих кадров различных групп совнархозов свидетельствует об их хорошем уровне образования в рассматриваемый период. На начало 1962 г. в составе председателей совнархозов

высшее образование имели 94,4 %, незаконченное высшее – 1,4 %, среднее специальное – 2,8 %, среднее – 1,4 %, степень кандидата наук – всего 2,8 %. На начало 1964 г. среди председателей СНХ высшее образование было у 87 %, незаконченное высшее – у 4,3 %, т.е. у одного человека (К. В. Воробьев – председатель Северо-Восточного совнархоза), среднее специальное – у 8,7 %, т.е. у двух человек (Г. В. Захаров – председатель Дальневосточного совнархоза, В. И. Чеботаревский – председатель Приволжского совнархоза), среднее – у 0 %, ученую степень не имел ни один руководитель.

Таблица 3

Партийность руководящих работников отдельных групп совнархозов на 1 января 1962 г. / 1 января 1964 г., чел. (%)

Категория работников	Члены КПСС
Председатели СНХ	100/100
Первые заместители председателей СНХ (по общим вопросам)	100/100
Первые заместители председателей СНХ (по оборонной промышленности)	100/100
Заместители председателей СНХ	100/100
Члены СНХ	100/100
Начальники функциональных подразделений СНХ	93,2/98,6
Начальники отраслевых управлений СНХ	–/100

Наблюдался перевес руководителей с высшим (в том числе и со средним специальным) инженерно-техническим образованием. На 1 января 1962 г. таких насчитывалось 84 % (58 инженеров, 2 техника). С экономическим, партийным образованием, т.е. закончивших Высшую партийную школу при ЦК КПСС, приравненную к полноценному высшему образованию, – по 2,8 %; с сельскохозяйственным – 1,4 %. На руководителей, имевших другие специальности основного образования (высшее и среднее специальное), приходилось 2,8 %. В укрупненных совнархозах на начало 1964 г. было 87 председателей, имевших инженерно-техническое образование (19 инженеров, 2 техника), экономическое – 8,7 %. На руководителей с другими специальностями основного образования (высшее и среднее специальное) приходилось 4,3 %.

Наиболее качественным образовательным составом отличались руководящие работники таких групп совнархозов, как первые заместители и заместители председателей СНХ. В первоначально образованных совнархозах руководящие кадры первых заместителей (по общим вопросам) с высшим образованием составляли 96,5 %, со средним специальным – 3,5 %. Из них инженерно-техническое образование имели 92,9 % (51 инженер, 2 техника), партийное и экономическое – по 3,2 %. В укрупненных СНХ процент первых заместителей председателей составил 100: инженеров – 21 человек, экономистов – 2, юристов – 1. Среди первых заместителей председателей совнархозов по оборонной промышленности на начало 1962 г. и начало 1964 г. руководителей с высшим образованием было 100 %, из них 90 % составляли инженеры, а 10 % – экономисты-плановики.

В совнархозах, созданных в 1957 г., из 100 % заместителей председателей СНХ высшее образование было у 88,5 %, в том числе у инженеров и тех-

ников – 81 %; незаконченное высшее – у 2 %, среднее специальное – у 6,5 % (из них 14 техников) и общее среднее – у 2,5 %. В укрупненных совнархозах из 100 % заместителей председателей СНХ высшее образование имели 91 %, в том числе инженеры и техники составляли 86,5 %; незаконченное высшее – 1 %, среднее специальное – 6,5 % (из них 5 техников) и общее среднее – 1,5 %.

В первоначально образованных совнархозах в числе 483 членов Советов народного хозяйства на начало 1962 г. высшее образование имел 401 человек, или 82,2 %, со средним техническим было 48 человек (9,8 %), с незаконченным высшим – 17 человек, или 3,4 %, с общим средним – 12 человек (2,4 %) и неполным средним – 1 %, или 5 человек. В числе 194 членов Советов народного хозяйства на начало 1964 г. высшее образование имели 169 человек, или 85 %, со средним техническим было 17 человек (9,5 %), с незаконченным высшим – 4 человека, или 2 %, с общим средним – 3 человека и неполным средним – 0,5 %, или 1 человек.

Следовательно, можно отметить, что высшие руководящие группы совнархозов (председатели, первые заместители и заместители) имели достаточно высокий уровень образования, что создавало основу для успешно осуществления ими выработки и принятия управленческих решений и выполнения соответствующих руководящих функций. В то же время в более низших группах руководящих работников СНХ ситуация с обеспечением квалифицированными кадрами имела тенденцию к ухудшению. Так, если на начало 1962 и 1964 гг. количество председателей СНХ с высшим образованием было 94,4 и 87 %, то членов СНХ – 82,2 и 85 %, а начальников функциональных подразделений – 68,7 и 70,4 % соответственно. Естественно, количество работников с инженерно-техническим образованием снизилось до 54,62 % в 1962 г. и 52,3 % – в 1964 г., специалистов с экономическим образованием насчитывалось 20,2 и 14,5 %, а юристов, педагогов, специалистов с сельскохозяйственным, партийным образованием и других специальностей – 25 и 13,3 % соответственно. Количество руководителей со средним образованием и неполным средним составило 14,8 % в 1962 г. и 14 % в 1964 г.

Наличие среди начальников отраслевых управлений в 1963 г. работников со средним общим (4,3 %) и с незаконченным средним общим образованием (0,5 %) свидетельствовало о наличии кадрового дефицита среди руководящих работников совнархозов. Этот кадровый дефицит особенно остро ощущался в наименее развитых регионах восточной части страны. Об этом говорит тот факт, что в Сибири и на Дальнем Востоке данные цифры составляли 13,8 и 3,7 %.

Фактически укрупнение экономических районов в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 декабря 1962 г. дало возможность укрепить квалифицированными и опытными кадрами руководящие группы совнархозов. До укрупнения экономических районов в составе начальников отраслевых и функциональных управлений совнархозов высшее образование имели 71,7 %, а на 1 января 1964 г. это число увеличилось до 76 %. Уменьшилось число начальников с неполным средним образованием – с 55 до 20 человек.

В целом на 1 января 1964 г. из 855 должностей начальников отраслевых и функциональных управлений высшее образование имели 76 %, среднее техническое – 9,5 %, незаконченное высшее – 4,7 %, общее среднее – 7,4 %

и неполное среднее – 2,3 % [3, л. 5]. Инженеров среди начальников управлений было 57 % от общего числа; экономистов, плановиков и финансистов – 10,6 %, техников – 9,1 %. Таким образом, можно утверждать, что среди этой категории работников имелось большое количество лиц, не имеющих специального образования. Очень мало в составе начальников управлений было специалистов высокой квалификации. Ученое звание кандидатов наук на 1962 г. не имел ни один специалист. На 1964 г. среди начальников функциональных подразделений СНХ степень кандидата наук имели 2 человека, в отраслевых отделах – всего 20 человек.

Рассматривая состав председателей совнархозов по стажу работы в занимаемой должности и их сменяемость можно отметить ряд особенностей. В созданные в 1957 г. совнархозы РСФСР в качестве председателей первоначально было утверждено 70 человек. Бывшие министры составили 20 %, их первые заместители – 40 %, начальники главков и управлений министерств – 21,4 %. Из местных кадров было назначено 18,6 % председателей. Освещая кадровый корпус совнархозов, В. И. Мерцалов отмечал, что удельный вес местных кадров среди председателей совнархозов Сибири и Дальнего Востока был выше, чем в целом по РСФСР, и составил 23,5 % [5, с. 36]. Это свидетельствовало не только о слаборазвитой промышленной базе восточных регионов страны, но и о кадровом дефиците крупных хозяйственных руководителей на центральном уровне.

Исследуя проблему укомплектования кадрами различных руководящих групп совнархозов, нельзя не отметить ряд негативных моментов кадрового дефицита. Только руководящие группы председателей совнархозов и первых заместителей председателей по оборонной промышленности полностью были укомплектованы в соответствии со штатным расписанием, остальные группы испытывали дефицит персонала. На начало 1962 г. из 62 должностей первых заместителей СНХ по общим вопросам было замещено 57, из 212 заместителей председателей СНХ замещено было 202 должности, из 559 членов СНХ – 483 должности. На начало 1964 г. в укрупненных совнархозах на должность первого заместителя СНХ было назначено 24 человека из 25 по штату, из 105 заместителей председателей СНХ было замещено 102 должности (вакантными оставались по одному заместителю председателя в Западно-Сибирском, Красноярском, Мурманском совнархозах), из 201 члена СНХ – 194 должности (в Западно-Сибирском, Коми, Красноярском, Московском, Приокском, Северо-Кавказском имелось по одной, а в Средне-Волжском – по две вакантные должности членов совнархозов), из 400 начальников отраслевых управлений замещено 397, а из 462 начальников функциональных отделов – 458. Отсюда следует, что в сравнении с совнархозами образца 1957 г. укрупненные совнархозы смогли сократить кадровый дефицит, хотя и не избавились от него полностью.

Архивные источники подтверждают гипотезу о наличии дефицита руководящих кадров этой управленческой группы и непроработанности реализуемой реформы на центральном уровне [3, л. 3]. Следовательно, дефицит кадров возникал вследствие того, что при формировании новых укрупненных совнархозов СНХ РСФСР не решил одновременно вопрос о создании резерва.

В то же время Совет народного хозяйства РСФСР, стараясь сократить кадровый дефицит, допускал ошибки в подборе кандидатур на должности

членов совнархоза. Естественно, это отрицательно сказывалось на реализации не только локальных хозяйственных задач, но и народнохозяйственного плана в целом [3, л. 4].

Изучив состав председателей совнархозов, образованных в 1957 г., можно отметить, что 18 % занимали должность менее года, 30 % – от 1 года до 3 лет и 52 % – от 3 до 5 лет (табл. 4). За отчетный период сменилось работников 18,2 %, в основном за счет выдвижения на большую работу, по болезни и другим причинам. При этом из общего числа сменившихся председателей 18,7 % были замещены как не справившиеся с работой или как скомпрометировавшие себя, 25 % – по другим причинам, что говорит о недостаточном качественном составе первоначально утвержденного списка кандидатур и поспешности принятых управленческих решений.

Согласно данным за 1963 г., в укрупненных совнархозах сменилось 4 председателя. Из них три (С. А. Степанов – председатель Средне-Уральского СНХ, Н. К. Байбаков – председатель Северо-Кавказского СНХ, В. Ф. Жигалин – председатель Московского городского СНХ) были перемещены на большую работу. Председатель Западно-Сибирского СНХ В. И. Смирнов был отправлен на пенсию. Нельзя не заметить, что все замещенные председатели проработали на своей должности менее года. В целом 42 % состава председателей СНХ занимали должность менее года, 58 % – от 1 до 3 лет (см. табл. 4).

Анализ состава первых заместителей председателей совнархозов (по общим вопросам) по стажу работы в занимаемой должности и их сменяемость показали, что на начало 1962 г. 28 % первых заместителей председателей СНХ занимали должность менее года, 40 % – от 1 до 3 лет и 31 % – от 3 до 5 лет. За отчетный период сменилось работников 31 %, в основном за счет выдвижения на большую работу, по болезни и другим причинам. При этом из общего числа сменившихся председателей 42 % были выдвинуты на большую работу, 10,5 % направлены на аналогичную по должности работу, 10,5 % освобождены по болезни или в связи с переходом на пенсию, но 10,5 % были замещены как не справившиеся с работой или как скомпрометировавшие себя, 21 % – по другим причинам.

Анализируя состав первых заместителей председателей совнархозов (по общим вопросам) по стажу работы в занимаемой должности и их сменяемость на начало 1964 г., можно сказать, что этот состав был стабильным и достаточно качественным. В нем 9 человек ранее работали председателями СНХ экономических административных районов. За 1963 г. сменилось два первых заместителя председателя совнархозов. При этом В. А. Иванов был выдвинут на пост председателя Северо-Кавказского совнархоза.

Состав первых заместителей председателей совнархозов по оборонной промышленности характеризовался стабильностью и отсутствием кадровых перемещений. На начало 1962 г. 60 % работников этой категории занимали должность от 3 до 5 лет.

На начало 1962 г. сменяемость заместителей председателей совнархозов характеризовалась следующим: на начало 1962 г. 24 % занимали должность менее года, 41 % – от 1 до 3 лет и 35 % – от 3 до 5 лет. За отчетный период сменилось работников 22 %. Из общего числа сменившихся 38,6 % бы-

ли перемещены на большую работу, 2,3 % направлены на аналогичную работу, 16 % были замещены как не справившиеся с работой или как скомпрометировавшие себя, 23 % – по болезни, 21 % – по другим причинам.

Таблица 4
Сменяемость руководящих работников отдельных групп совнархозов на 1 января 1962 г. / 1 января 1964 г., чел. (%)

Категория работников	Сменилось работников за отчетный период	Из общего числа сменившихся работников пребывали в должности менее одного года	Причины сменяемости работников				
			Выдвинуты на большую работу	Направлены на аналогичную по должности работу	Освобождены как не справившиеся с работой и как скомпрометировавшие себя	Освобождены по болезни, в связи с переходом на пенсию	Освобождены по другим причинам
Председатели СНХ	18,2/16,8	18,7/100	25/90		18,7/0	12,6/10	25/0
Первые заместители председателей СНХ (по общим вопросам)	31,68/8,4	5,2/100	42,3/100	10,5/0	10,5/0	10,5/0	21,1/0
Первые заместители председателей СНХ (по оборонной промышленности)	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0
Заместители председателей СНХ	22/6,6	–/100	38,6/50	2,3/16,7	16/0	23/0	21/33,3
Члены СНХ	14,6/5,5	1,3/100	30,1/60	–/0	10,4/0	19,1/0	39,1/40
Начальники функциональных подразделений СНХ	33/14	–/20	27,9/16	11,9/16	5,1/3	9,3/8	45,8/22
Начальники отраслевых управлений СНХ	–/15	–/24,7	–/25,4	–/20,3	–/3,3	–/18,7	–/32,3

За 1963 г. сменилось 6 заместителей председателей СНХ, в том числе 3 (Задов, Берабаш, Воробьев) были выдвинуты на большую работу и 3 человека освобождены по другим причинам. 98 % руководителей проработали в занимаемой должности менее года.

На начало 1962 г. сменилось 14,6 % членов СНХ. Менее года проработали в должности всего 1,3 % от сменившихся работников. Из общего числа сменившихся 30 % были перемещены на большую работу, 10,4 % замещены как не справившиеся с работой или как скомпрометировавшие себя, 19,1 % – по болезни, 39,1 % – по другим причинам. В занимаемой должности от 1 до 3 лет проработало 60 % членов СНХ, 26 % – от 3 до 5 лет. На начало 1963 г.

из 194 человек сменилось лишь 11, т.е. 5,5 %, 60 % были выдвинуты на большую работу, 40 % освобождены по другим причинам.

В группе начальников функциональных подразделений СНХ на 1962 г. основная масса проработала в должности от 3 до 5 лет – 51,3 %. Имелись работники, проработавшие в должности от 5 до 10 лет, – 7 человек, свыше 10 лет – 3 человека. Наблюдалась большая сменяемость кадров в этой группе – 33 % за отчетный период. Из них выдвинуты на большую работу были 27,9 %, освобождены по другим причинам – 57,7 %. В укрупненных совнархозах сменяемость кадров была в два раза меньше и составляла на начало 1963 г. лишь 14 %. Данный показатель сменяемости больше других показателей руководящих групп совнархозов примерно в два раза. Подобные же тенденции наблюдались в составе начальников отраслевых управлений СНХ.

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение статистических данных руководящих работников отдельных групп совнархозов показывает, что в период образования Советов народного хозяйства РСФСР как в 1957 г., так и в 1962 г. проявились проблемы в кадровой сфере их руководящего состава. С одной стороны, они были связаны с неэффективной политикой центральных министерств и ведомств по разработке и реализации комплекса мероприятий, призванных создать благоприятные условия для перехода работников из ликвидируемых министерств в аппарат совнархозов; с другой стороны, с отсутствием достаточного количества местных квалифицированных кадров, способных заместить имевшиеся штатные вакансии. В итоге во многих СНХ возникал дефицит квалифицированных кадров самого высокого ранга и нижестоящих управленческих групп, что приводило к замещению вакантных должностей работниками с более низким уровнем образования. Во многих случаях этим объяснялось замещение местными кадрами должностей председателя, первых заместителей и заместителей Совета народного хозяйства в наименее развитых административных экономических районах. В то же время сами совнархозы слабо использовали резервы по выдвижению на руководящие посты имеющихся высококвалифицированных ответственных работников (директоров предприятий, главных инженеров и т.д.).

В целом, если брать всю совокупность рассмотренных статистических данных, руководящий состав обладал достаточным хозяйственным опытом, высоким уровнем образования и хорошим возрастным ресурсом для эффективного исполнения функций по управлению совнархозами.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-259. Оп. 42. Д. 6487–6495.
2. ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 8121.
3. ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 1443.
4. **Ломшин, Н. Г.** Мордовский совнархоз: промышленная и кадровая политика (1957–1962 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ломшин Н. Г. – Чебоксары, 2010. – 22 с.
5. **Мерцалов, В. И.** Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. (на материалах Восточной Сибири) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Мерцалов В. И. – Иркутск, 2001. – 49 с.
6. **Осипов, А. Г.** Сибирь и НТР: Исторический аспект / А. Г. Осипов. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 212 с.

7. **Подольский, С. И.** Ленинградский совет народного хозяйства: организация, методы деятельности; отношения с партийными и советскими структурами (1957–1966) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Подольский С. И. – СПб., 2011. – 25 с.
8. **Смолкин, О. А.** Реформирование местных органов власти и управления в 1953–1964 гг. (На материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Смолкин О. А. – Томск, 1997. – 19 с.
9. Закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» от 10 мая 1957 г. Ст. 16 // Известия. – 1957. – 11 мая.
10. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 91. Д. 738.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF)* [State Archive of the Russian Federation (GA RF)]. F. A-259. Op. 42. D. 6487–6495.
2. *GA RF*. F. A-259. Op. 42. D. 8121.
3. *GA RF*. F. A-259. Op. 45. D. 1443.
4. Lomshin N. G. *Mordovskiy sovmarkhoz: promyshlennaya i kadrovaya politika (1957–1962 gg.): avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Mordovia council of national economy: industrial and personnel policy (1957–1962): author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Cheboksary, 2010, 22 p.
5. Mertsalov V. I. *Reforma upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom 1957–1965 gg. (na materialakh Vostochnoy Sibiri): avtoref. dis. d-ra ist. nauk* [Reform of industry and construction management of 1957–1965 (by the materials of East Siberia): author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Irkutsk, 2001, 49 p.
6. Osipov A. G. *Sibir' i NTR: Istoricheskiy aspekt* [Siberia and scientific-technical revolution: Historical aspect]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1989, 212 p.
7. Podol'skiy S. I. *Leningradskiy soviet narodnogo khozyaystva: organizatsiya, metody deyatel'nosti; otnosheniya s partiynymi i sovetskimi strukturami (1957–1966): avtoref. dis. d-ra ist. nauk* [Leningrad council of national economy: organization, methods of functioning; relations with party and soviet structures (1957–1966): author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Saint-Petersburg, 2011, 25 p.
8. Smolkin O. A. *Reformirovanie mestnykh organov vlasti i upravleniya v 1953–1964 gg. (Na materialakh Kemerovskoy, Novosibirskoy i Tomskoy oblastey): avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Reformation of local authority and management bodies in 1953–1964 (by the material of Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk regions): author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Tomsk, 1997, 19 p.
9. *Zakon «O dal'neyshem sovershenstvovanii organizatsii upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom» ot 10 maya 1957 g. St. 16* [The law “on further improvement of industry and construction management organization” from 10 May 1957. Point 16]. Proceedings. 1957, 11 May.
10. *GA RF*. F. R-5446. Op. 91. D. 738.

Хромов Евгений Александрович

кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра экономики и права, Сургутский государственный педагогический университет (Россия, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2)

E-mail: eah01@bk.ru

Khromov Evgeniy Aleksandrovich

Candidate of historical sciences, senior lecturer, sub-department of economics and law, Surgut State Pedagogical University (10/2 50 let VLKSM street, Surgut, Russia)

УДК 94 (47+57)

Хромов, Е. А.

Кадровый состав руководящих работников Советов народного хозяйства РСФСР в 1957–1964 гг.: просопографический анализ / Е. А. Хромов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 88–101.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Разработка правильной и эффективной стратегии участия России на мировых энергетических рынках является приоритетным направлением энергетической политики страны. Важность энергетической сферы для российской экономики нашла свое отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Одним из наиболее важных направлений развития российской энергетической политики в настоящее время становится эффективное взаимодействие со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Целью исследования является выявление основных направлений энергетической политики России в АТР и оценка их перспективности.

Материалы и методы. Исследование строится преимущественно на анализе основных нормативно-правовых документов Российской Федерации, регламентирующих внешнеполитические аспекты в целом и энергетическую политику в частности. Особое внимание уделяется выступлениям официальных лиц по теме исследуемой проблемы, а также документам переговоров и конференций, проводимых энергетическими корпорациями России со странами Востока. Интенсивность проведения переговоров, конференций и встреч, а также растущее число подписанных контрактов и договоренностей позволяют говорить о повышении интереса к региону со стороны российских энергопроизводителей.

Результаты. Исследованы основные направления энергетической дипломатии Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, эволюция интересов российских компаний в регионе и перспективы сотрудничества.

Выводы. Сотрудничество в сфере энергетики со странами Востока – направление энергетической политики страны, активно развивающееся в последнее десятилетие. Несмотря на существующие преграды, исследуемое направление энергетической дипломатии, безусловно, имеет огромный потенциал, что нашло отражение не только в официальных заявлениях, но и в растущем числе сделок в сфере энергетики.

Ключевые слова: энергетическая сфера, энергетическая политика, Стратегия национальной безопасности РФ, Азиатско-Тихоокеанский регион.

А. В. Dryakin

RUSSIA'S ENERGY DIPLOMACY IN THE ASIA-PACIFIC: KEY ASPECTS AND TRENDS

Abstract.

Background. Development of a good and effective strategy for Russia's participation in the global energy markets is a priority of the energy policy of the country. The importance of the energy sector of the Russian economy is reflected in the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020. At the present time one of the most important trends in development of the Russia's energy policy is effective development of interaction with the Asia-Pacific region. The aim of the

study is to identify the main directions of the Russian energy policy in the Asia-Pacific and evaluate the prospects.

Materials and methods. The research was mainly based on the analysis of basic legal documents of the Russian Federation regulating the foreign policy aspects in general and the energy policy in particular. Special attention is paid to official statements on the problem, as well as documents of negotiations and conferences held by Russian energy corporations and the countries of the East. The intensity of the meetings, conferences and meetings, as well as a growing number of signed contracts and agreements reflect an increasing interest in the region from Russian energy producers.

Results. The author investigated basic directions of the energy diplomacy of the Russian Federation in the Asia-Pacific region, the evolution of the interests of Russian companies in the region and prospects for cooperation.

Conclusions. Energy cooperation with the countries of the East is a developing energy policy, especially in the last decade. Despite the existing obstacles, the studied aspect of the energy diplomacy, of course, has a huge potential, which is reflected not only in the official statements, but also in a growing number of transactions in the energy sector.

Key words: energy sector, energy policy, Strategy of National Security of the Russian Federation, Asia-Pacific region.

Разработка правильной и эффективной стратегии участия России на мировых энергетических рынках является приоритетным направлением энергетической политики страны. Важность данной сферы для российской экономики нашла свое отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2010 г., утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. Энергетическая безопасность характеризуется как одно из «главных направлений обеспечения национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу» [1]. В качестве основных условий обеспечения национальной и глобальной энергетической безопасности выделяются многостороннее взаимодействие в интересах формирования отвечающих принципам Всемирной торговой организации рынков энергоресурсов, разработка и международный обмен перспективными энергосберегающими технологиями, а также использование экологически чистых, альтернативных источников энергии [1].

В Стратегии также выделяются основные элементы энергетической безопасности, а именно: «устойчивое обеспечение спроса достаточным количеством энергоносителей стандартного качества, эффективное использование энергоресурсов путем повышения конкурентоспособности отечественных производителей, предотвращение возможного дефицита топливно-энергетических ресурсов, создание стратегических запасов топлива, резервных мощностей и комплектующего оборудования, обеспечение стабильности функционирования систем энерго- и теплоснабжения» [1].

В конце 2009 г. Правительство РФ утвердило Энергетическую стратегию России на период до 2030 г., в которой подтверждалась адекватность большинства ее важнейших положений реальному процессу развития энергетического сектора страны даже в условиях резких изменений внешних и внутренних факторов, определяющих основные параметры функционирования топливно-энергетического комплекса России. В качестве одной из задач, решение которой необходимо для достижения стратегической цели внешней

энергетической политики, является содействие формированию единого европейско-российско-азиатского энергетического пространства [2].

С 2012 г. Энергетическая стратегия Российской Федерации предусматривает увеличение доли государств Азиатско-Тихоокеанского региона в структуре экспорта энергоресурсов вплоть до 30 %.

Рассматривая проблему обеспечения энергетической безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, следует отметить, что три ведущие региональные державы – Китай, Япония и Индия – являются ключевыми акторами на азиатской политической арене. Если ранее модель их взаимодействия могла быть охарактеризована скорее как конкурентная, в последние годы явно прослеживается тенденция на выработку коллективной стратегии по обеспечению региональной энергетической безопасности.

Еще в 2007 г. на форуме в Давосе «Формирование глобальной повестки дня: баланс сил» были отмечены кардинальные структурные изменения мировой экономики, что не могло не оказать влияния на сложившуюся систему международных отношений [3]. Действительно, активный рост азиатских экономик, в сторону которых сдвигается центр роста мировой экономики, затрагивает и мировой рынок энергоресурсов. Фактически азиатские державы перекраивают карту мирового рынка энергетики. Согласно Международному энергетическому обзору (2006), темпы экономического роста в Азии будут иметь важнейшее значение для темпов роста на нефтяных рынках и во многом их определять. Темпы экономического роста Китая, Индии и других стран региона, не входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), будут достигать 5,5 % в промежутке с 2003 по 2030 г., что является самым высоким показателем в мире [4].

В Международном энергетическом обзоре (2014) прогнозируется, что мировое потребление энергии вырастет на 56 % в период между 2010 и 2040 г., а общий уровень потребления энергии будет расти примерно на 1,6 % в год, причем большая доля потребления энергии будет приходиться на страны, не входящие в ОЭСР [5].

Обеспечение энергетической безопасности в Азии совмещает в себе глобальный и региональный контексты. С одной стороны, это конкуренция за энергоресурсы между новыми азиатскими экономиками и традиционными участниками, такими как страны Европы и Соединенные Штаты Америки, с другой – развивается взаимодействие в сфере энергетики и между странами региона, например между Китаем и Индией или Китаем и Японией. И несмотря на активную политику региональных держав, таких как Китай, Индия, Япония, Малайзия и Республика Корея, в формировании системы региональной энергетической безопасности активно участвуют США и Россия.

Взаимодействие с Российской Федерацией в сфере энергетики в последние годы развивается усиленными темпами. После трагедии на Фукусиме Токио вынужден искать новый баланс между стремлением диверсифицировать импорт энергоресурсов и учетом рисков при налаживании политического диалога с Москвой, направленного на организацию поставок на азиатский рынок углеводородов из Восточной Сибири.

В основе энергетической дипломатии Японии лежит взаимодействие с ключевыми экспортёрами углеводородов из числа стран Ближнего Востока (Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ), Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малай-

зия, Бруней), Северной и Южной Америки (Канада, Мексика), а также с Австралией. Вместе с тем в последние годы активно развивается сотрудничество по новым перспективным направлениям, а именно с Россией. Со второй половины 2000-х гг. ведется активное взаимодействие в рамках проектов «Сахалин-1», «Сахалин-2», строительства второй очереди нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО), разведки нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири, подписания новых соглашений о поставках каменного угля (Республика Саха (Якутия), Сахалин, Приморье), модернизации российских нефтеперерабатывающих и нефтехимических мощностей, а также налаживания взаимодействия в сфере энергосбережения и новых источников энергии.

Китай, благодаря своему соседству с Россией и нуждаясь в постоянно растущем объеме ресурсов, активно развивает взаимодействие в сфере энергетики. Так, например, по трубопроводу «Сковородино – Дацин», который является ответвлением ВСТО, с начала 2011 г. начали осуществляться поставки российской нефти.

Еще одним важным шагом как для Китая, так и для России является подписание тридцатилетнего контракта на поставку российского газа в Поднебесную по газопроводу «Сила Сибири» из Чаяндинского месторождения в Республике Саха-Якутия (по пути Якутск – Хабаровск – Владивосток). Само начало работ по реализации данной газотранспортной системы закладывает основу для последующих переговоров с Китаем в возможности расширения «восточного маршрута».

В рамках вышеупомянутого проекта планируется строительство завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) и завода химических удобрений в Приморье, а также газоперерабатывающего и газохимического комплексов в Амурской области. Это позволит активизировать в регионе создание необходимой инфраструктуры для углеводородного сырья.

С марта 2013 г. российская сторона активно пытается возобновить переговоры относительно проекта «Азиатское суперкольцо», обсуждение которого началось еще в начале 2000-х гг. В проекте предусматривалась интеграция энергетических систем России, Южной Кореи, Китая, Японии, однако в 2003 г. проект был заморожен [6]. После трагедии на Фукусиме вернуться к его обсуждению предложила японская сторона.

Напомним о том, что Россия обладает самыми крупными запасами энергетических ресурсов в мире, развитой промышленной базой и мощным научно-техническим потенциалом в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК), что дает ей возможность играть заметную роль в мировой энергетике и решении проблем, ее затрагивающих.

Сегодня перед энергетической политикой России стоят важные задачи. В частности, ей необходимо реформировать электроэнергетику, либерализовать рынок электроэнергии, провести реформу атомной энергетики. Должны быть найдены решения для создания более благоприятных налоговых условий в нефтегазовом комплексе. Российской Федерации следует стимулировать развитие нефтеперерабатывающих и нефтегазовых предприятий, а также продвижение биржевой торговли энергоресурсами. Немаловажными задачами становятся устранение избыточных административных барьеров в деятельности энергетических компаний, а также активная реализация инфра-

структурных проектов, которые должны стать основой развития отечественной энергетики.

При этом основным приоритетом государственной энергетической политики является укрепление внешнеэкономических позиций России на мировых энергетических рынках через обеспечение эффективного развития ТЭК России путем рационального использования природных энергоресурсов с целью устойчивого роста экономики и улучшения качества жизни населения, так как, «последовательно интегрируясь в мировую экономику и политику, Россия оказывает существенное влияние на формирование новой архитектуры международных отношений» [6].

По прогнозам, в будущем Россия не только сохранит свои позиции на мировом энергетическом рынке как крупнейший поставщик энергоносителей, но и качественно изменит характер своего присутствия на нем за счет диверсификации товарной структуры и направлений российского энергетического экспорта, активного развития новых форм международного энергетического бизнеса и расширения присутствия российских компаний за рубежом. Это позволит снизить риск монозависимости российского энергетического сектора от экспорта энергоносителей в Европу, а также увеличит доходность и эффективность международной деятельности российских топливно-энергетических компаний без существенного увеличения объемов экспорта первичных энергоносителей.

В целях выполнения задачи диверсификации экспортных энергетических рынков и товарной структуры экспорта российской стороной реализуется ряд стратегических инфраструктурных проектов, нацеленных на обеспечение энергетической безопасности: «Восточная Сибирь – Тихий океан», БТС-2, нефтепроводные системы «Север» и «Юг», газопроводы «Северный поток», «Южный поток», «Сахалин – Хабаровск – Владивосток», многониточная газопроводная система с полуострова Ямал.

На Дальнем Востоке в рамках Восточной газовой программы формируются пять центров газодобычи и газопереработки – в Красноярском крае, Иркутской области, республике Саха (Якутия), на Камчатке и Сахалине, объединенных системой магистральных трубопроводов. Также заслуживает внимания развитие Россией портовой и транспортной инфраструктуры для перевозки жидких углеводородов (нефти, конденсата, сжиженного природного газа, широкой фракции легких углеводородов).

В контексте многовекторной внешней политики Российской Федерации также важное и всевозрастающее значение имеют Азиатский и Азиатско-Тихоокеанский регионы, имеются в виду как диалоги на двусторонней основе, так и многосторонние форматы, такие как ШОС, БРИКС, АСЕАН и т.д. Одной из важнейших практических задач, стоящих перед российской нефтегазовой промышленностью, является диверсификация поставок нефти и газа на экспорт, и в первую очередь за счет развития взаимовыгодного сотрудничества со странами Азии, прежде всего с Китаем.

Нынешний статус России как крупнейшего мирового добытчика ископаемых углеводородов имеет в основе колоссальные вложения в освоение нефтегазовых ресурсов Западной Сибири, которые начало планомерно осуществлять руководство Советского Союза в 1950-х гг., – говорится в отчете Американского Центра стратегических и международных исследований.

Сегодня разрабатываемые там месторождения уже прошли пик своей отдачи, так что для сохранения общего уровня добычи углеводородов, уж не говоря о планах его дальнейшего наращивания, Россия должна интенсивно осваивать новые месторождения в других регионах, прежде всего в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Это требует огромных материальных затрат и использования самых современных технологий.

Здесь стоит упомянуть об «Энергетической стратегии России на период до 2030 года», принятой в 2009 г., ведь по завершении этого периода доля нефтяного экспорта в страны Азиатско-Тихоокеанского региона должна составить 22–25 % (по сравнению с нынешними 8 %), а газового – 20 %.

Россия сформировала мощный «энергетический пакет» услуг для стран АТР. В его основе – разнообразные предложения от нефтегазовых, угольных, электрогенерирующих и горнодобывающих российских компаний. Этот пакет содержит весь спектр энергетических возможностей страны – от гибких цен, удобных маршрутов до долевого участия в разработке и разведке месторождений для наиболее перспективных партнеров. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России открыто 140 крупных месторождений нефти и газа и планируется открытие еще 220 месторождений. К 2020 г. только эти регионы России будут давать ежегодно по 70–75 млн нефти и 140 млрд кубометров газа. Среди стран АТЭС не очень много государств – производителей, поставщиков углеводородов. Это Россия, Вьетнам, Индонезия. За РФ в данной тройке – безусловное лидерство. Круг стран, остро нуждающихся в энергоносителях, значительно шире. Это и огромный Китай, и две Кореи, и Япония, и страны латиноамериканского континента, а также большая часть государств Юго-Восточной Азии [7].

В условиях, когда возобновляемая энергетика еще не набрала полной силы, углеводородная на ближайшую и среднесрочную перспективу будет оставаться стержневой.

Спрос на энергоносители в регионе Северо-Восточной Азии быстро растет, особенно со стороны Китая. Это предоставляет исторический шанс России использовать для развития своих восточных территорий огромные таящиеся под ними запасы нефти и природного газа. Значительные успехи на этом пути есть: весной 2009 г. начался экспорт сжиженного природного газа с месторождения «Сахалин-2», в конце того же года от дальневосточных берегов страны отошел первый танкер, загруженный нефтью из недавно законченной первой очереди нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» протяженностью 2,7 тыс. км. Россия громко заявила о своих намерениях стать крупным игроком на этом новом для нее региональном нефтегазовом рынке [8].

Если следовать выводам отчета Американского Центра, то Москве не удалось «раздуть» и использовать в своих интересах соперничество между Китаем и Японией за российские нефть и природный газ, поскольку в то время как дипломаты все громче трубили о «российско-китайском стратегическом партнерстве», в недрах Кремля крепили опасения, что рост влияния Пекина в сфере региональной энергетики в перспективе противоречит российским геологическим интересам. В результате Пекин может позволить себе обойтись без российского природного газа, по крайней мере в ближайшее десятилетие.

Итак, сегодня восточный вектор российской энергетической дипломатии определяется четырьмя основными факторами:

– необходимостью компенсировать падение добычи на истощающихся месторождениях Западной Сибири и ускорить разработку нефтегазовых месторождений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке;

– перспективой роста спроса на нефть и газ на европейских рынках, который выглядит весьма скромным, а на востоке – Китая с его самым быстрорастущим в мире рынком энергоресурсов;

– стремлением устранить слабое звено путем привлечения на Дальний Восток огромных капиталовложений (как отечественных, так и иностранных);

– наращиванием экспорта энергоресурсов в восточном направлении. Москва надеется заполучить «азиатскую козырную карту» в своих взаимоотношениях со странами Европейского союза, которые все сильнее противятся ее практике использования поставок российских природного газа и нефти для достижения своих политических целей и которые все активнее ищут возможности снижения зависимости от этих поставок.

Россия в состоянии создать энергетический альянс не с Европой, а с Азией. Залежи газа в Западной Сибири, которые до сих пор предполагалось направить на рынки Европы, могут в будущем быть направлены в Китай.

Российская Федерация не хотела отдавать Китаю место энергетического лидера в Азии и поэтому занялась разработкой своих месторождений, например в Находке, откуда углеводороды должны поступать в Японию и другие азиатские страны. Таким образом, Россия хочет «прибрать к рукам» большую часть транспортных сетей доставки энергоресурсов в азиатском регионе [8, с. 146].

Итак, стабильные поставки энергоресурсов от производителей к потребителям играют важную роль в реализации концепции национальной безопасности страны.

Принимая во внимание стабильный рост спроса на энергоресурсы и высокие темпы развития рынков сбыта, ведущие региональные державы проводят активную энергетическую политику, направленную не только на развитие двусторонних связей со странами региона и странами-соседями, но и на участие в многосторонних интеграционных группировках и проектах, носящих уже региональный характер.

Одним из активных участников региональных проектов в сфере энергетики в АТР является Российская Федерация. В последние годы интерес к данному региону у России растет, концептуально подчеркивается значение расширения ее участия в региональных процессах в АТР, в том числе связанных с поставками российского газа, нефти и нефтепродуктов.

Развитие нефтяной, газовой, угольной промышленности и электроэнергетики не только укрепит позиции на азиатских энергетических рынках, но и усилит роль России как мирового энергетического лидера. Выход Российской Федерации на энергетические рынки Азиатско-Тихоокеанского региона станет хорошим стимулом к развитию Дальневосточного региона, поэтому разработка комплексной энергетической стратегии России в АТР, а также активное ее участие в интеграционных региональных объединениях, занимающихся решением вопросов в сфере энергетики, крайне необходимы.

Список литературы

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>
2. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 года № 1715-р. – URL: <http://minenergo.gov.ru/aboutminen/energostrategy/>
3. Le Forum de Davos ouvre son édition 2007 En savoir plus sur. – URL: http://www.lexpress.fr/actualite/economie/davos-2007-c-est-parti_462477.html
4. International Energy Outlook 2007. – URL: www.eia.doe.gov/oiaf/ieo/oil.html
5. International Energy Outlook 2013. – URL: http://www.eia.gov/forecasts/ieo/more_highlights.cfm
6. Идем на сближение // Российская газета. – URL: <http://www.rg.ru/2013/03/11/sblienie.html>
7. АТЭС: без российских энергоресурсов модернизация невозможна // Радио «Голос России» (26.03.2012). – URL: http://rus.ruvr.ru/2012_03_26/69633199/
8. **Rahr, A.** *Russland gibt Gas. Die Rückkehr einer Weltmacht* / A. Rahr. – München : Hansen Verlag, 2008.

References

1. Strategy of National Security of the Russian Federation until 2020, approved by the Decree of the President of the Russian Federation from 12 May 2009 № 537. Available at: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>
2. Energy strategy of Russia until 2030. Approved by the directive of the Government of the Russian Federation from 13 November 2009 № 1715-r]. Available at: <http://minenergo.gov.ru/aboutminen/energostrategy/>
3. The Davos Forum 2007. Available at: http://www.lexpress.fr/actualite/economie/davos-2007-c-est-parti_462477.html
4. *International Energy Outlook 2007*. Available at: <http://www.eia.doe.gov/oiaf/ieo/oil.html>
5. *International Energy Outlook 2013*. Available at: http://www.eia.gov/forecasts/ieo/more_highlights.cfm
6. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. Available at: <http://www.rg.ru/2013/03/11/sblienie.html>
7. АПЕС: modernization is impossible without Russian energy sources. “Voice of Russia” radio (26.03.2012). Available at: http://rus.ruvr.ru/2012_03_26/69633199/
8. Rahr A. *Russland gibt Gas. Die Rückkehr einer Weltmacht* [Russia is gas. The return of the great power]. München: Hansen Verlag, 2008.

Дрякин Андрей Борисович

соискатель, кафедра дипломатии,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ;
заведующий консульским отделом,
Посольство Российской Федерации
в Ямайке
(Ямайка, г. Кингстон,
ул. Норбрук Драйв, 22)

E-mail: dryakin@mail.ru

Dryakin Andrey Borisovich

Applicant, sub-department of diplomatics,
Moscow State Institute of International
Relations (university) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian
Federation; head of consular department,
Embassy of the Russian Federation
in Jamaica
(22 Norbrook drive, Kingston, Jamaica)

УДК 94

Дрякин, А. Б.

Энергетическая дипломатия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: основные аспекты и направления / А. Б. Дрякин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 102–110.

УДК 82.091

Т. А. Шарыпина, М. К. Меньщикова, И. К. Полуяхтова

МИФ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ СОЗНАНИЕ XIX–XX вв. (ПРОБЛЕМЫ МИФОПОЭТИКИ И МИФОТВОРЧЕСТВА В ТРУДАХ НИЖЕГОРОДСКИХ УЧЁНЫХ)

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность статьи определяется необходимостью переосмысления в новую эпоху знаковых научных явлений XX в. Обращение к теоретическим аспектам проблемы мифотворчества связано с тем, что миф отличается укоренённостью в культурных системах, что определяет его серьёзное влияние на решение социальных, культурологических, философских вопросов. Целью работы является доказательство перспективности соотнесённости ремифологизации с проблемой национальной идентичности, нашедшей выражение в мифологии того или иного народа.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута, с одной стороны, на основе рассмотрения и критического анализа концепций известных отечественных и зарубежных исследователей, с другой стороны – путём анализа и подведения итогов многих диссертационных работ и научного опыта изучения индивидуально-авторского мифотворчества в работах нижегородских учёных. Методологическая база основана на использовании историко-литературного и сравнительно-типологического методов, методики комплексного филологического исследования.

Результаты. Рассмотрены современные тенденции изучения явлений ремифологизации и мифопоэтики в гуманитаристике XX в., обобщён научный опыт исследования мифопоэтики и мифотворчества в работах нижегородских учёных, теоретические аспекты диссертационных трудов, посвященных этим проблемам в русле концепций отечественных философов, мифологов, литературоведов: А. Ф. Лосева, А. А. Потебни, А. А. Тахо-Годи, О. М. Фрейденберг, Я. Э. Голосовкера, А. В. Гулыги, С. С. Аверинцева, А. Я. Гуревича, Е. М. Мелетинского, а также зарубежных классических для гуманитарного знания исследований XX в.: К. Г. Юнга, К. Кереньи, Дж. Кэмпбелла, М. Элиаде, посвящённых функционированию универсальных (мифологических) архетипов и мифа в целом в современном художественном сознании.

Выводы. Перспективность представленного направления изучения авторского мифотворчества и особенностей мифопоэтики связана с необходимостью разработки методологии и методики комплексного филологического исследования современной европейской идентичности и функционирования национально-культурных кодов, зафиксированных в мифах того или иного народа, в литературном сознании Европы XIX–XX вв.

Ключевые слова: миф, мифопоэтика, мифотворчество, архетип, рецепция, интерпретация, литературное сознание.

T. A. Sharypina, M. K. Menshchikova, I. K. Poluyakhtova

**THE MYTH AND THE EUROPEAN LITERARY CONSCIOUSNESS
OF THE XIX–XX CENTURIES (A PROBLEM
OF MYTHOPOETICS AND MYTHMAKING IN THE WORKS
BY THE NIZHNY NOVGOROD SCIENTISTS)**

Abstract.

Background. Relevance of the article is defined by a need of reconsideration in the new era of the symbolic scientific phenomena of the XX century. The appeal to theoretical aspects of a mythmaking problem is connected with the fact of myth rootedness in cultural systems that defines its serious influence on the solution of social, culturological, philosophical problems. The purpose of the work is to prove the prospects of remythologization correlation with a problem of the national identity which has found an expression in mythology of different nations.

Materials and methods. Realization of the research tasks was achieved on the one hand – on the basis of consideration and the critical analysis of the concepts by the known Russian and foreign researchers, on the other hand - by the analysis and summary of many dissertation works and scientific experience of studying individual and author's mythmaking in works by the Nizhny Novgorod scientists. The methodological basis included the historical-literary and comparative and typological methods and techniques of complex philological research.

Results. The article considers the current trends of studying the remythologization phenomena and mythopoetics in humanities in the XX centuries and analyzes scientific experience of mythopoetics and mythmaking research in works by the Nizhny Novgorod scientists, the authors generalized theoretical aspects of the dissertation works devoted to these problems in line with concepts of Russian philosophers, mythologists, specialists in literature (A. F. Losev, A. A. Potebnya, A. A. Takho-Godi, O. M. Freydenberg, Ya. E. Golosovker, A. V. Gulyga, S. S. Avertintsev, A. Ya. Gurevich, E. M. Meletinsky) and also the works by foreign classic researchers of humanities of the XX century C. G. Jung, K. Kerényi, J. Campbell, M. Eliade, which are devoted to functioning of universal (mythological) archetypes and the myth as a whole in modern art consciousness.

Conclusions. The prospects of the presented direction of studying author's mythmaking and features of mythopoetics are connected with the need of development of methodology and the technique of complex philological research of modern European identity and functioning of the national and cultural codes recorded in myths of different nations, in literary consciousness of Europe of the XIX–XX centuries.

Key words: myth, mythopoetics, mythmaking, archetype, reception, interpretation, literary consciousness

Интерес к мифу, проблемам мифотворчества и мифопоэтики в прошедшем XX и наступившем XXI столетиях поистине всеобъемлющ и проявился во всех сферах общественного сознания, и прежде всего в искусстве и культуре. Миф исследовали и исследуют философы и историки, лингвисты и этнографы, искусствоведы и антропологи. Процесс этот предопределен глубокой и зачастую не осознанной человеком «внедрённостью» мифа в область философских, культурологических, социальных проблем исторических эпох. Изучение сюжетов и образов национальных мифологий, прежде всего древнегреческой, а также специфики авторского мифологизирования – одно из ведущих направлений современного литературоведения. Актуальность

названного раздела гуманитаристики повышается в связи с необходимостью изучения проблем европейской идентичности и национальных приоритетов в европейском литературном сознании, а также исследованием художественного текста с точки зрения феномена национального кода в контексте исторической эпохи. В этом контексте особое значение приобретает тема «Миф и литературное сознание XIX–XX вв.», разрабатываемая сотрудниками и аспирантами кафедры зарубежной литературы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского на протяжении последних двадцати лет в сотрудничестве с Учебно-методическим объединением по классической филологии при филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Объединением региональных центров греко-латинской лингвокультурологии при Научно-методическом совете по филологии классических университетов России. Исследования в области современного мифотворчества и мифопоэтики, осуществляемые учёными кафедры зарубежной литературы ННГУ и Поволжского регионального центра греко-латинской лингвокультурологии, учреждённого на её базе, идут в русле концепций отечественных философов, мифологов, литературоведов: А. Ф. Лосева, А. А. Потебни, А. А. Тахо-Годи, О. М. Фрейденберг, Я. Э. Голосовкера, А. В. Гулыги, С. С. Аверинцева, М. И. Стеблина-Каменского, А. Я. Гуревича, Е. М. Мелетинского, а также зарубежных классических для гуманитаристики исследований XX в., посвященных функционированию универсальных (мифологических) архетипов и мифа в целом в современном художественном сознании: К. Г. Юнга, К. Кереньи, Дж. Кэмпбелла, М. Элиаде, символической теории мифа Э. Кассирера.

Актуальность изучения мифотворчества и мифопоэтики в современности определяется тем, что в мифе содержится то вневременное зерно, в котором сконцентрирован объективный позитивный опыт человечества, превращающий миф в универсальную смыслопорождающую модель на пути его духовного развития, реализуемую художественной словесностью на протяжении тысячелетий. Мифология «пережила» века благодаря содержащемуся в её наследии огромному художественно-эстетическому и идейному богатству, оказав сильнейшее влияние на культурное развитие всех европейских народов. Ещё в 30-х – начале 40-х гг. Т. Манн подметил интересную особенность: в жизни человечества обращение к мифическому приходится на более раннюю и примитивную эпоху существования, а в жизни отдельного человека обращение к мифу характеризует наиболее зрелую пору жизни. Писатель в духе К. Г. Юнга и К. Кереньи уточняет своё понимание диалектики мифического-типического: «Ведь в типичном всегда есть очень много мифического, мифического в том смысле, что типичное, как и всякий миф, – это **изначальный образец, изначальная форма жизни, внутренняя форма жизни, вневременная схема, издревле заданная формула**, в которую укладывается осознающая себя жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предначертанные ей приметы» [1, с. 175]. Рассуждения К. Г. Юнга об архетипах и мифическом, о природе творчества и специфике искусства оказались чрезвычайно созвучны творческим исканиям не только Т. Манна, но и многих писателей XX в. (в том числе Г. Э. Носсака, Г. Казака и Ф. Фюмана, И. Моргнер и К. Вольф, Х. Мюллера и Ф. Брауна, П. Хакса и Ю. Брезана, Дж. Р. Р. Толкина, К. Льюиса, Р. Грейвса, М. Рено и многих других), а также исследователей мифопоэтики и мифотворчества. Бессознательное как историческая под-

почва, определяющая структуру современной психики, проявляет себя в архетипах – наиболее общих моделях человеческого поведения и мышления, актуализируясь в литературном сознании эпохи прежде всего в явлениях авторского мифотворчества. Активизация интереса к мифу и самого процесса мифотворчества всегда приходится на переходные эпохи. Нельзя не согласиться, что «миф есть особый тип общественного сознания, в котором сублимированы определённые черты мировосприятия жизни, практики коллектива, который тяготеет к автономной образно-повествовательной форме и который присутствует в исторической практике народов, окрашивая и модифицируя её» [2, с. 390]. Разрушение мифа, как писал ещё Шеллинг, ведёт не к победе рациональности, а к созданию нового мифа. Современные учёные приходят к выводу, что история человеческой культуры характеризуется постоянным изменением соотношения мифологических и рационально-эмпирических компонентов в общественном сознании народов. Человек непрерывно «мифологизирует», хотя сферой этого процесса является теперь не природная стихия, но социальная, эмоциональная жизнь человека. Нравственный потенциал мифов не иссяк по сей день, ибо в них представлены общечеловеческие духовные ценности высшего образца, а запас социального опыта, духовной энергии, нравственных обобщений оказался столь велик, что, как справедливо заключает В. А. Бачинин, «родовая эпоха не сумела израсходовать его полностью и передала как эстафету последующим формациям, обеспечив мифам вторую, третью, четвертую и т.д. жизнь в постоянно меняющихся исторических условиях» [3]. Причины глобального интереса деятелей культуры и искусства XX в. к мифологическим образам и сюжетам обусловлены самой спецификой мифомышления и мифологического образа, всегда обращённого к человеку, его внутренней сути в противовес дегуманизирующему началу. Миф, особенно в кризисные эпохи, как опыт поколений всегда представляет память веков и сохраняет её как гарант мировой стабильности и закономерности.

Поиск стабилизирующих тенденций (в сфере не только эстетической, художественной, но и национального самосознания в целом) характерен для большинства ведущих европейских писателей на протяжении всего XX столетия, прежде всего это касается немецких писателей и деятелей культуры. Они одновременно переживали и ощущение трагического кризиса, и предчувствие возрождения. Активизация сюжетов и образов античности в художественном сознании Германии XX в. вызвана желанием её прогрессивных деятелей культуры найти устойчивую связь времён, опереться на незыблемые нравственные ценности. Выявлению специфики и эволюции рецепции античного наследия в эстетических исканиях немецких и немецкоязычных писателей XX в. была посвящена докторская диссертация Т. А. Шарыпиной «Восприятие античности в литературном сознании Германии XX в. (Троянский цикл мифов)» (Москва, МГУ, 1998) [4]. В работе доказывалось, что анализ рецепции мифологических сюжетов и образов, самой концепции античного мироощущения в немецком литературном и философско-эстетическом сознании XX в. помогает понять, что позволило немецкой культуре выстоять в катаклизмах ушедшего века, а это даёт возможность сделать и более общие историко-культурные выводы. В плане сравнительно-типологического исследования поднятая тема позволила обратиться к аналогичным интерпретациям античных сюжетов и древнегреческих мифологических образов в австрий-

ской, американской и французской литературах (Г. Гофмансталь [5, 6], Ф. Верфель, Ф. Браун, Ю. О' Нил, Ж.-П. Сартр, Ж. Ануй, Ж. Жироду). Всё это дало автору возможность говорить о закономерностях интерпретации античных сюжетов и образов, зависящих прежде всего от постоянно обновляющегося социально-культурного опыта человечества. Названная диссертация на период 1990–2000-х гг. была первым в отечественном литературоведении монографическим исследованием эволюции восприятия античного наследия в художественных исканиях немецких писателей XX в., в котором прослеживалась взаимосвязь рецепции античности в литературном сознании Германии XX в. с философскими идеями Ф. Ницше, О. Шпенглера, З. Фрейда, К. Г. Юнга, теоретиков немецкого и французского экзистенциализма (М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, А. Камю). Научная новизна работы состояла и в том, что широко использовались малоизученные и до сих пор не переведённые на русский язык произведения Г. Гауптмана («Лук Одиссея», тетралогия об Атридах), В. Газенклевера («Антигона»), а также вводились в научный оборот не переведённые на русский язык и не подвергавшиеся до этого исследованию в отечественном литературоведении материалы творчества Ф. Верфеля («Троянки»), И. Лангнер («Клитемнестра», «Ифигения возвращается»), Феликса Брауна («Тантал»), Фолькера Брауна («Ифигения на свободе»), Ф. Фюман («Тени», «Кирка и Одиссей») и др. Исследование было сконцентрировано не на хронологической систематизации фактов использования античных образов и сюжетов, а на выявлении наиболее значимых закономерностей эволюции рецепции античного наследия в художественных исканиях немецких писателей XX в. Периоды наибольшей притягательности классических образцов для немецких писателей, как выявлено в результате исследования, приходятся на переломные эпохи в общественном развитии Германии, время утраты стабильности нравственных ориентиров и поисков новых этико-эстетических идеалов: рубеж XIX–XX столетий – эпоха в становлении новой германской государственности, трагическая эпоха 1930–1940-х гг., период 1970–1980-х гг. – время неприятия конформизма и идеологизированной нормативности в Восточной Германии, мучительный процесс объединения немецких земель на рубеже XXI в. Именно тогда в поисках путеводной нити в решении острых нравственных и философских вопросов современности они обращаются к «вековому опыту человечества», заложенному в мифах, трактуемых писателями в духе гуманистических традиций Т. Манна. Миф становится не только источником сюжета или средством выражения философской концепции, но одним из существенных жанрообразующих элементов при возникновении таких форм, как мифологическая драма, поэма-миф, роман-миф, мифологическая опера. Античный миф как наиболее ёмкая смысловая модель обладает особой притягательностью для немецкой литературы XX в. и потому, что в силу своей специфики способен функционировать в русле различных методов, литературных направлений, стилистических течений.

Первыми по времени кандидатскими диссертациями в русле исследования мифопоэтики стали работы А. В. Миронова и Е. Г. Нефёдовой (Проциной), в которых определились основные ракурсы её изучения: анализ мифологических архетипов в структуре художественного текста и жанрового своеобразия литературного произведения в условиях процесса современной ремифологизации. Содержание этих работ подтверждает мысль о том, что

каждая эпоха берёт из наследия прошлого то, что наиболее отвечает её проблемам, её времени. Многозначность мифа располагает к этому. Как справедливо замечала О. Фрейденберг, жизнь мифа в человеческом сознании и культуре есть изменение его трактовок в соответствии с требованиями эпохи [7]. В работе А. В. Миронова «Мифопоэтика романа Э. Л. Войнич «Овод» в свете современных теорий мифа» (2002 г., научный руководитель – профессор И. К. Полуяхтова) основное внимание уделено анализу скрытой знаковой метафоры, выявляющей связь идеи христианской и идеи революционной, контрапункт героического и мученического в фигуре главного героя, имеющей все признаки мифологемы. Новизна диссертации А. В. Миронова – прежде всего в детальном анализе этой мифологемы. Теоретическая глава посвящена проблеме мифологизма в научной и художественной мысли XX столетия. А. В. Мионов выработывает свою гипотезу, апеллируя к «некоему синтетическому подходу» и солидаризируясь с концепциями А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина, а также К. Г. Юнга. По мнению автора, миф не сказка и не легенда, миф – это «своего рода архетип всей нашей культуры» в «изначальном варианте» [8, с. 8]. Оригинально выполнено в диссертации сопоставление перипетий индивидуальной судьбы вымышленного героя Артура с известными мотивами евангельского текста, трагедии взаимоотношений современного бунтаря-патриота со своим отцом, одновременно носителем церковной власти, и отношений евангельских Бога-отца и Бога-сына. Заслуживает внимания мысль исследователя об «имплицитной мифологизации», декларирующая особую форму мифологизированной поэтики, ориентированной на зашифрованность и незаметной «при первом восприятии» [8, с. 13]. Благодаря этой новой расшифровке мифопоэтики, давно известный в русской культуре роман представлен в новой, более сложной трактовке его содержания. Диссертационная работа Миронова стала основой его книги. Научные исследования учёного в настоящее время продолжают мифологическую тему на новом материале.

В кандидатской диссертации Е. Г. Нефёдовой (Проциной) «Романтическая концепция мифа и её отражение в малой прозе Фридриха де Ла Мотт Фуке» (научный руководитель – профессор Т. А. Шарыпина, 2004 г.) главное внимание уделяется соотношению мифологии и литературы в творениях немецкого романтика Фуке, с этим связана и проблема романтического мифотворчества, «новая мифология романтиков», которая «ориентировалась на архаическую мифологическую образность при попытке создать индивидуальный авторский миф» [9, с. 5]. Первая глава диссертации посвящена философско-эстетической рецепции мифа в эпоху романтизма, начиная от предшественника романтиков Гердера, провозгласившего «настоящее мифа» как источник обновления для современной литературы. Автором даётся концептуальный анализ философских и эстетических толкований мифологии в произведениях Новалиса, Ф. Шлегеля, «речи о религии» Шлейермахера, философии Шеллинга, гейдельбергских романтиков, и прежде всего Якоба Гримма, основателя мифологической школы в европейском литературоведении. В последнем параграфе главы рассматривается проблема мифологизма в творениях позднего романтизма (Вагнера и Ницше). Вторая глава диссертации посвящена поэтике малой прозы Фуке. Основной акцент делается на его повести «Ундина». Научной новизной в диссертации отличается анализ эстети-

ческих принципов мифотворчества, сближение мифа и сказки. Характерно, что лучшая сказка Г. Х. Андерсена о русалочке – воспроизведение мифотворческого сюжета Фуке (в диссертации отведено внимание и мировой славе «Ундины»). Оригинальна и поэтически выразительна предложенная автором концепция мифологемы воды в повести Фуке. Вода несёт гибель и духовное очищение: амбивалентность художественного символа рассмотрена с учётом современных тенденций в литературоведении. Работа Е. Г. Прощиной (Нефёдовой) привлекает оригинальной концепцией мифотворчества, точностью терминологии, чёткостью формулировок.

Целью кандидатской диссертации Н. И. Васильевой (Ефимовой) «Фольклорные архетипы в современной массовой литературе: романы Дж. К. Роулинг и их интерпретация в молодёжной субкультуре» (научные руководители – профессор Т. А. Шарыпина, профессор К. Е. Корепова, 2005 г.) стало выявление универсальных и национальных фольклорных архетипов и их трансформаций, различного рода взаимодействий в романах Дж. К. Роулинг, а также установление форм бытования фольклорного «текста» в самостоятельном «литературном» творчестве (фанфикшн) по мотивам «культовой» книги в жанре фэнтези. Автор диссертации было установлено, что фольклорные архетипы играют в повествовании Дж. К. Роулинг основополагающую роль. Н. И. Васильева большое внимание уделила проблеме существования традиционной культуры в условиях процесса ремифологизации современного сознания и постмодернистской культурной диалогичности. Названная тенденция продуктивно исследовалась ею на примере функционирования фольклорных архетипов в литературе фэнтези, которую, по мнению учёного, следует рассматривать как яркое проявление процесса ремифологизации в современной литературе. Н. И. Васильева констатирует, что своеобразная интерпретация сказочно-мифологической традиции имеет особое значение для повествования Дж. Роулинг, поскольку именно благодаря средствам мифопоэтики воссозданы особый, «фэнтезийный» тип главного героя и характерный для этой литературы образ антагониста («символический дракон»). Н. И. Васильева усматривает типологическое сходство романов Роулинг с «толкиновским мифом» и с «артурианой».

В диссертации М. К. Меньшиковой «Поэтика трагедии Фридриха Геббеля «Нибелунги» (специфика конфликта и система образов)» (научный руководитель – профессор Т. А. Шарыпина, 2006 г.) [10] рассматривалась интерпретация мифа о Нибелунгах в главном драматическом произведении немецкого писателя, чьё творчество формировалось и развивалось в переходное и сложное для Германии время. Актуальность этой работы определялась во многом тем, что именно в творчестве Геббеля впервые проявили себя многие тенденции развития литературы как рубежа XIX–XX вв., так и собственно XX в. Так, сочетая «психологию с мифологией», драматург предварил художественно-эстетические поиски Г. Ибсена, Г. Гофмансталя, Г. Гауптмана, Т. Манна и др. Одним из важных выводов, к которым приходит автор диссертационного исследования, рассматривая влияние немецкой романтической трагедии на творчество Ф. Геббеля, является мысль о том, что романтическое понимание мифа во многом предваряет теорию архетипов, вследствие чего обращение к мифологическому содержанию является одновременно обращением к архетипам. Взаимосвязь мифа и трагедии знаменует стремление к вос-

становлению утраченной гармонии мира, а в эстетических воззрениях Геббеля миф и трагедия являют собой наивысший синтез, необходимый для отражения вечных законов бытия. В трагедии Ф. Геббеля «Нибелунги» философско-мифологическая основа является доминирующей и определяет основные сюжетные, образные и композиционные элементы, что позволяет говорить о данном произведении как о «диалектической» трагедии, синтезирующей разные начала. Дальнейшая научная работа М. К. Меньшиковой также связана с исследованием функционирования мифа и развитием жанра философско-мифологической трагедии в немецкой драматургии XIX в. [11], и в частности и в творчестве Ф. Геббеля.

Исследование взаимосвязи мифа и теории архетипов было продолжено в кандидатской диссертации Ю. Н. Бучиной «Мифологические архетипы «Песни о Нибелунгах» и их интерпретация в немецкой литературе XIX в.» (научный руководитель – профессор Т. А. Шарыпина, 2009 г.), актуальность которой была определена назревшей необходимостью изучения «Песни о Нибелунгах» с точки зрения современных методик и теорий. В ней впервые был проведён анализ сюжета «Песни о Нибелунгах» с точки зрения теории архетипов. Объектом исследования являлся не только немецкий героический эпос «Песнь о Нибелунгах», но и известные интерпретации сюжета о Нибелунгах в немецкой литературе XIX в. («Герой Севера» Ф. де ла Мотт Фуке, «Нибелунги» Ф. Геббеля, литературный текст тетралогии «Кольцо Нибелунга» Р. Вагнера). Ю. Н. Бучина исследовала сюжетные архетипы «Песни о Нибелунгах», а также их функционирование в литературных произведениях последующих эпох. Ключевые образы «Песни», как доказала исследовательница, воплощают собой архетип героя, имеющего божественную или демоническую природу (Зигфрид и Хаген), символизирующую единство противоположных начал (культурный герой и его «тень»). Такую же бинарную оппозицию составляют женские персонажи, представляющие, с одной стороны, природное (Брюнхильда) и цивилизованное (Кримхильда/Гудрун) начало, а с другой – архетип героини-мстительницы. Благодаря своей архетипической природе персонажи «Старшей Эдды» и «Песни о Нибелунгах» позиционируются как исключительные личности ушедшего прошлого (Г. Ибсен, Ф. Геббель, Р. Вагнер), а также в киноискусстве интерпретируются с точки зрения теории «сверхчеловека» Ф. Ницше (Теа фон Гарбоу). «Песнь о Нибелунгах», несмотря на принадлежность к эпохе Средневековья, обнаруживает чёткую мифологическую основу, базирующуюся на «мономифе», который в общих чертах повторяет миф творения, и эсхатологическом мифе, т.е. мифе творения, вывернутом «наизнанку», составляющих единый космогонический цикл [12].

Диссертационное исследование О. С. Потаповой «Мифотворчество Дж. Р. Р. Толкина: «Сильмариллион» в контексте современной теории мифа» (научный руководитель – профессор Т. А. Шарыпина, 2005 г.) [13] было посвящено уникальному с различных точек зрения произведению мировой литературы. В первую очередь здесь необходимо отметить глобальность замысла Дж. Р. Р. Толкина по созданию своеобразной мифологии для Англии, а также особенность жанра «Сильмариллиона», который автор научной работы определяет как литературно-мифологический эпос. Одним из ключевых аспектов диссертации О. С. Потаповой был комплексный анализ «Сильма-

риллиона» с точки зрения взаимосвязи мифотворчества и языкотворчества как одного из основополагающих принципов творческой деятельности Дж. Р. Толкина. Актуальность данной работы определялась выявлением многих ракурсов взаимосвязи классического мифа и литературных произведений, тяготеющих к созданию мифоподобных конструкций, необходимостью более широкого и всестороннего изучения как причин обращения писателей XX в. к мифу, их теоретических разработок в этой области, так и практики индивидуального мифотворчества. Важнейшими положениями диссертации являются следующие: во-первых, мифотворчество Толкина испытало на себе влияние идей «новой мифологии», что проявляется в ориентации на архаическую мифологическую образность при попытке создать индивидуальный авторский миф; во-вторых, при создании мифологической картины мира Толкин опирался на общую мифологическую традицию, архетипические мифологические универсалии; в-третьих, писатель создал языковую картину мира, а концепцию «игрового» языка и его значимости для мифотворчества обосновал не только в своих теоретических работах, но и в художественной практике. Данные размышления получили дальнейшее развитие в научных статьях О. С. Потаповой, обратившейся к мифу не только в литературе, но и в игровом культурном пространстве, к принципам конструирования мифологических моделей в разных видах искусства [14].

Лингвофилософские проблемы, затронутые в кандидатской диссертации О. С. Потаповой, нашли своё продолжение в кандидатской диссертации А. С. Матвеевой «Философско-эстетические воззрения Оуэна Барфилда в контексте мифотворчества Инклингов» (научный руководитель – профессор Т. А. Шарыпина, 2013 г.) [15], которая была посвящена изучению творчества писателя, чьё место в литературе Великобритании XX в. до сих пор не определено. В российском литературоведении работ о Барфилде не существует, а зарубежные исследования не переведены на русский язык. В диссертации раскрыты и изучены философско-эстетические воззрения О. Барфилда, а также его художественная практика в контексте мифотворчества Инклингов, выявлены сферы взаимовлияния О. Барфилда, Дж. Р. Р. Толкина, К. С. Льюиса и других участников сообщества. В диссертационном исследовании большое место отведено изучению рецепции понятия «миф» в философско-эстетических воззрениях Барфилда. Писатель полагал, что миф неразрывно связан с эволюцией человеческого сознания и развитием языка. Барфилд считал, что миф зародился задолго до известных мировых цивилизаций, в эпоху, когда человек обладал иным типом сознания (исконным соучастием). Тот смысл, который современные люди склонны видеть в мифе (борьба человека с природой, смена времен года, смерть и бессмертие и т.п.), – это привнесённое самими людьми отдельное значение, возникшее в результате анализа содержания мифа. Изначально миф обладал, с точки зрения писателя, одним нерасчленённым значением, в котором соединялись все те идеи, которые видит в мифе теперь современный человек. Барфилд верил, что, изучая синкретичное значение при помощи поэтического воображения (идея, воспринятая учёным от В. Ф. И. Шеллинга и развиваемая Инклингами), человек сможет приблизиться к ощущению исконного соучастия и, следовательно, более глубоко понять сущность и происхождение мифа. А. С. Матвеевой не только глубоко проанализированы и интерпретированы философско-эстетические

и этические концепции Барфилда, но и введены в научный оборот его произведения, не переведённые на русский язык. Стоит среди других назвать: «Поэтический язык: исследование значения» (Poetic Diction: A Study In Meaning, 1928), «История английских слов» (History in English Words, 1926), «Открывая значение заново» (The Rediscovery of meaning, 1977), сказка «Серебряная труба» (The Silver Trumpet, 1925), поэтическая драма «Орфей» (Orpheus, 1983), повести «Такая несхожая пара» (This Ever Diverse Pair, 1950), «Ночная операция» (Night Operation, 1975), «Нетерпеливый источник» (Eager Spring, 1988).

В диссертации И. Д. Винтерле «Феномен незавершённости в раннем творчестве Дж. Р. Р. Толкина и проблема становления концепции фэнтези» (научный руководитель – профессор Т. А. Шарыпина, 2013 г.) миф рассматривается в русле сложной теоретической проблемы определения природы фэнтези и выявления её основополагающих компонентов. Так, этико-эстетической и структурополагающей основой жанра фэнтези И. Д. Винтерле называет миф, который создаёт единое пространство во Вторичном мире фэнтези. В одном из положений диссертации подчёркивалось, что авторская мифология Толкина эволюционирует, стремясь к цельности, когда отдельные мифы превращаются в единую систему, фрагменты дополняют «канонические» тексты, расширяют и углубляют картину Вторичного мира. Данная работа имеет междисциплинарный характер, который проявляется в развитии мысли о фэнтези «как выражении духовного поиска современности» и как мультимедийном явлении культуры. Диссертация И. Д. Винтерле не только восполнила некоторые лакуны в истории исследований художественного мира Толкина, но и предложила одно из возможных и весьма аргументированных решений проблемы определения природы фэнтези и её генетической связи с мифом.

Исследованию жанрового своеобразия исторических романов английской писательницы Мэри Рено «Последняя чаша», «Маска Аполлона», «Пьющий славу», дилогии «Тезей», трилогии «Александр» посвящена кандидатская диссертация А. Ю. Перевезенцевой [16]. Значимость этой работы связана прежде всего с изучением диффузии жанровых форм, а также с исследованием проблемы мифа и мифотворчества в особом ракурсе, когда миф рассматривается как исторический источник и «ключ» к психологии человека. А. Ю. Перевезенцева в своей диссертации выявила особенности функционирования мифологических образов и сюжетов в историческом жанре, в частности в историко-философских романах на основе мифологического сюжета.

Проблемы современного мифотворчества и мифопоэтики исследуются в диссертации П. Д. Ивлиевой «Романы Ирмтрауд Моргнер в контексте гиноцентрической прозы Германии второй половины XX века» (научный руководитель – профессор Т. А. Шарыпина, 2013 г.). Автор её исследует как реалии нового времени: явление женской эмансипации, защита прав и свобод человека, угроза ядерной войны переосмысляются и воплощаются в тексте посредством авторского мифологизирования сквозь призму женского сознания. Один из параграфов работы посвящён интерпретации германской и античной мифологии, а также библейских и сказочных сюжетов, ставших для немецкой писательницы источником вдохновения, который породил идеи, символы, образы, мотивы, сюжетную канву её произведений. С первых страниц её ро-

манов («Жизнь и приключения трубадура Беатрис в описании её шпильфрау Лауры», «Аманда») становится понятно, что проложить границы и определить суть мифологизации в этих произведениях сложно, когда в одной и той же сюжетной зарисовке соединяются две (и более) разноплановые мифологемы. Мифологические образы так органично вплетены в ткань повествования, что порой трудно различить, где заканчивается одна реминисценция и начинается другая. Авторский «произвол» как явление современного мифотворчества является одной из основных составляющих гиноцентрической литературы, позволяющей по-новому взглянуть на привычные и хорошо знакомые классические мотивы и образы сквозь призму современных конфликтов, что в очередной раз утверждает их вечность и вневременность.

Перспективность представленного в данных диссертациях направления изучения авторского мифотворчества и особенностей мифопоэтики связана с необходимостью разработки методологии и методики комплексного филологического исследования современной европейской идентичности и функционирования национально-культурных кодов, зафиксированных в мифах того или иного народа, в литературном сознании Европы XIX–XX вв. в диахронической и синхронической парадигме и аспекте сравнительно-типологического анализа, прежде всего с базовой для европейской ментальности античной (древнегреческой и римской) мифологией. Суммируя вышеизложенное, можно вслед за Шеллингом повторить, что подлинный писатель – всегда мифотворец, который «призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию» [17, с. 147], свой авторский миф, в котором сконцентрирован объективный позитивный опыт человечества, превращающий миф в универсальную смыслопорождающую модель, изучать которую и призвано литературоведение.

Список литературы

1. **Манн, Т.** Иосиф и его братья / Т. Манн // Манн Т. Собрание сочинений : в 10 т. – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960. – Т. 9.
2. Жизнь мифа в античности : материалы науч. конф. «Випперовские чтения – 1985» / под общ. ред. И. Е. Даниловой. – М. : Сов. художник, 1988. – Вып. XVIII. – Ч. 2.
3. **Бачинин, А. В.** Искусство и мифология / А. В. Бачинин. – М. : Прогресс, 1987. – 220 с.
4. **Шарыпина, Т. А.** Восприятие античности в литературном сознании Германии XX в. (Троянский цикл мифов) : дис. ... д-ра филол. наук / Шарыпина Т. А. – М. : МГУ, 1998. – 532 с.
5. **Шарыпина, Т. А.** Проблема взаимодействия видов искусств в немецкой философско-эстетической мысли на рубеже XIX–XX вв. / Т. А. Шарыпина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4. – С. 993–997.
6. **Шарыпина, Т. А.** Философско-эстетическая концепция образа Елены в трагедии Гёте «Фауст» и мифологической опере Гуго фон Гофманшталя «Египетская Елена» (к проблеме творческих схождений) / Т. А. Шарыпина // Российский гуманитарный журнал *Liberal Arts in Russia*. – 2013. – Т. 2, № 2. – С. 154–162.
7. **Фрейденберг, О. М.** Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М. : Изд-во вост. лит-ры, 1978. – 605 с.
8. **Миронов, А. В.** Мифопоэтика романа Э. Л. Войнич «Овод» в свете современных теорий мифа : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Миронов А. В. – Новгород, 2002. – 21 с.

9. **Прошина, Е. Г.** Романтическая концепция мифа и её отражение в малой прозе Фридриха де ла Мотт Фуке : дис. ... канд. филол. наук / Прошина Е. Г. – Н. Новгород, 2004. – 171 с.
10. **Меньщикова, М. К.** Поэтика трагедии Фридриха Геббеля «Нибелунги» (специфика конфликта и система образов) : дис. ... канд. филол. наук / Меньщикова М. К. – Н. Новгород : ННГУ, 2006. – 191 с.
11. **Меньщикова, М. К.** Античный код в мифопоэтической системе Фридриха Гёльдерлина / М. К. Меньщикова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1 (2). – С. 162–165.
12. **Бучилина, Ю. Н.** Мифологические архетипы «Песни о Нибелунгах» и их интерпретация в немецкой литературе XIX в. : дис. ... канд. филол. наук / Бучилина Ю. Н. – Н. Новгород, 2009. – 209 с.
13. **Потапова, О. С.** Мифотворчество Дж. Р. Р. Толкина: «Сильмариллион» в контексте современной теории мифа : дис. ... канд. филол. наук / Потапова О. С. – Н. Новгород : ННГУ, 2005. – 260 с.
14. **Потапова, О. С.** «Новые песни» Дж. Р. Р. Толкина: к проблеме авторского мифологизирования / О. С. Потапова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 6 (2). – С. 544–548.
15. **Матвеева, А. С.** Философско-эстетические воззрения Оуэна Барфилда в контексте мифотворчества Инклингов : дис. ... канд. филол. наук / Матвеева А. С. – Н. Новгород, 2013. – 211 с.
16. **Перевезенцева, А. Ю.** Жанровое своеобразие исторических романов Мэри Рено 50–80-х гг. XX в. : дис. ... канд. филол. наук / Перевезенцева А. Ю. – Н. Новгород : ННГУ, 2011. – 217 с.
17. **Шеллинг, Ф. В. И.** Философия искусства / Ф. В. И. Шеллинг. – М. : Мысль, 1966. – 496 с.

References

1. Mann T. *Mann T. Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Mann T. Collected works: in 10 volumes]. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit-ry, 1960, vol. 9.
2. *Zhizn' mifa v antichnosti: materialy nauch. konf. «Vipperovskie chteniya – 1985»* [Myth's life in antiquity: proceedings of the scientific conference “Vipperovskie readings – 1985”]. Ed by I. E. Danilova. Moscow: Sov. khudozhnik, 1988, iss. XVIII, part 2.
3. Bachinin A. V. *Iskusstvo i mifologiya* [Art and mythology]. Moscow: Progress, 1987, 220 p.
4. Sharypina T. A. *Vospriyatie antichnosti v literaturnom soznanii Germanii XX v. (Troyanskiy tsikl mifov): dis. d-ra filol. nauk* [Perception of antiquity in literary consciousness of Germany in the XX century (Trojan cycle of myths): dissertation to apply for the degree of the doctor of philological sciences]. Moscow: MGU, 1998, 532 p.
5. Sharypina T. A. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. 2010, no. 4, pp. 993–997.
6. Sharypina T. A. Russian humanitarian journal *Liberal Arts in Russia*. 2013, vol. 2, no. 2, pp. 154–162.
7. Freydenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. Moscow: Izd-vo vost. lit-ry, 1978, 605 p.
8. Mironov A. V. *Mifopoetika romana E. L. Voynich «Ovod» v svete sovremennykh teoriy mifa: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Mythopoetics of the E. L. Voynich's novel “Gadfly” in the context of new theories of the myth: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Nizhny Novgorod, 2002, 21 p.
9. Proshchina E. G. *Romanticheskaya kontseptsiya mifa i ee otrazhenie v maloy proze Fridrikha de la Mott Fuke: dis. kand. filol. nauk* [Romantic concept of the myth and its ref-

- lection in prose by Friedrich de la Motte Fouque: dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Nizhny Novgorod, 2004, 171 p.
10. Men'shchikova M. K. *Poetika tragedii Fridrikha Gebbelya «Nibelungi» (spetsifika konfliktika i sistema obrazov): dis. kand. filol. nauk* [Poetics of the Friedrich Hebbel's tragedy "Die Nibelungen" (specific of the conflict and the image system): dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Nizhny Novgorod: NNGU, 2006, 191 p.
 11. Men'shchikova M. K. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. 2012, no. 1 (2), pp. 162–165.
 12. Buchilina Yu. N. *Mifologicheskie arkhetipy «Pesni o Nibelungakh» i ikh interpretatsiya v nemetskoj literature XIX v.: dis. kand. filol. nauk* [Mythological archetypes of the "Songs about Nibelungs" and interpretation thereof in German literature of the XIX century: dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Nizhny Novgorod, 2009, 209 p.
 13. Potapova O. S. *Mifotvorchestvo Dzh. R. R. Tolkina: «Sil'marillion» v kontekste sovremennoj teorii mifa: dis. kand. filol. nauk* [Myth creativity of J. R. R. Tolkien: "The Silmarillion" in the context of the modern myth theory: dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Nizhny Novgorod: NNGU, 2005, 260 p.
 14. Potapova O. S. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. 2011, no. 6 (2), pp. 544–548.
 15. Matveeva A. S. *Filosofsko-esteticheskie vozzreniya Ouena Barfilda v kontekste mifotvorchestva Inklingov: dis. kand. filol. nauk* [Philosophic-esthetic views of Owen Barfield in the context of myth creativity of The Inklings: dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Nizhny Novgorod, 2013, 211 p.
 16. Perevezentseva A. Yu. *Zhanrovoye svoebrazie istoricheskikh romanov Meri Reno 50–80-kh gg. XX v.: dis. kand. filol. nauk* [Genre originality of historical novels by Mary Renault of 50s–80s of the XX century: dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Nizhny Novgorod: NNGU, 2011, 217 p.
 17. Shelling F. V. I. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of art]. Moscow: Mysl', 1966, 496 p.

Шарыпина Татьяна Александровна

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой зарубежной
литературы, Нижегородский
государственный университет
им. Н. И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород,
ул. Большая Покровская, 37)

E-mail: swawa@yandex.ru

Sharypina Tatiana Aleksandrovna

Doctor of philological sciences, professor,
head of sub-department of foreign literature,
Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky
(37 Bolshaya Pokrovskaya street,
Nizhny Novgorod, Russia)

Меньщикова Мария Константиновна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной литературы,
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород,
ул. Большая Покровская, 37)

E-mail: menshikova4@yandex.ru

Menshchikova Maria Konstantinovna

Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of foreign
literature, Nizhny Novgorod State
University named after N. I. Lobachevsky
(37 Bolshaya Pokrovskaya street,
Nizhny Novgorod, Russia)

Полуяхтова Инна Константиновна

доктор филологических наук, профессор,
кафедра зарубежной литературы,
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород,
ул. Большая Покровская, 37)

E-mail: kafzl@yandex.ru

Poluyahtova Inna Konstantinovna

Doctor of philological sciences, professor,
sub-department of foreign literature,
Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky
(37 Bolshaya Pokrovskaya street,
Nizhny Novgorod, Russia)

УДК 82.091

Шарыпина, Т. А.

Миф и европейское литературное сознание XIX–XX вв. (проблемы мифопоэтики и мифотворчества в трудах нижегородских учёных) / Т. А. Шарыпина, М. К. Меньщикова, И. К. Полуяхтова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 111–124.

*А. А. Рябова, Д. Н. Жаткин***КРИСТОФЕР МАРЛО И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI в.****Аннотация.**

Актуальность и цели. В последние годы в России наблюдается усиление интереса к английской драматургии елизаветинского времени, представленной не только творчеством Вильяма Шекспира, но и сочинениями его талантливых предшественников и современников, среди которых видную роль играл Кристофер Марло (1564–1593). Фигура выдающегося драматурга неоднократно появляется в произведениях русской литературы второй половины XX – начала XXI в. Ю. О. Домбровского, А. Т. Губина, Ю. М. Нагибина, Н. Н. Матвеевой, К. Булычева, Е. И. Парнова, которые проанализированы с целью выявления мотивов обращения авторов к творчеству и биографии Марло.

Материалы и методы. Материалом для анализа стали произведения русских писателей второй половины XX – начала XXI в., в которых воссоздана творческая личность Кристофера Марло. В работе использовались сравнительно-исторический, сравнительно-типологический и биографический методы исследования.

Результаты. Отмечено, что русских писателей второй половины XX – начала XXI в. лишь в немногих случаях (прежде всего это относится к рассказу Ю. М. Нагибина «Надгробье Кристофера Марло») привлекали творческая индивидуальность Марло, особенности его гражданской позиции, нашедшие отражение в его сочинениях. В большинстве произведений русских авторов основной акцент сделан на осмыслении догадок, связанных с возможным созданием Марло шекспировских пьес, предполагаемым сотворчеством Шекспира и Марло, дружескими контактами двух драматургов, о которых не сохранилось никаких сведений. Указано, что, признавая сотрудничество Марло с сыскными службами, русские писатели (К. Булычев, Е. И. Парнов) высказывали по этому поводу крайне неодобрительные суждения, утверждая, в частности, что такая деятельность морально разрушает человека искусства, ведет его к преждевременной гибели.

Выводы. По итогам исследования установлено, что во всех произведениях русских писателей второй половины XX – начала XXI в. особый интерес – к загадке смерти Марло, причем в отдельных текстах речь идет об инсценировке убийства ради спасения (А. Т. Губин), в большинстве же других отстаиваются различные версии причин и обстоятельств гибели: от роковой случайности (Ю. М. Нагибин) до спланированной секретными службами ликвидации собственного агента, ставшего ненужным (К. Булычев).

Ключевые слова: Кристофер Марло, драматургия, компаративистика, Вильям Шекспир, рецепция, традиция, беллетристика.

*A. A. Ryabova, D. N. Zhatkin***CHRISTOPHER MARLOWE AND THE RUSSIAN LITERATURE
IN THE SECOND PART OF THE XX – THE BEGINNING
OF THE XXI CENTURY****Abstract.**

Background. Recently in Russia the interest to the English drama of Elizabethan times, represented not only by William Shakespeare's creative work but also by his

talented predecessors and contemporaries' works, has become acute. Among them Christopher Marlowe played an important part. The figure of the outstanding dramatist has repeatedly appeared in the works of the Russian literature in the second half of the XX – early XXI century by Yu. O. Dombrovskiy, A. T. Gubin, Yu. M. Nagibin, N. N. Matveyeva, K. Bulychyov, E. I. Parnov which have been analyzed with the purpose to find out motives of the authors' reference to Marlowe's creative work and biography.

Materials and methods. The materials for the analysis were the works by the Russian belles-lettres writers in the second half of the XX – early XXI century in which feature the figure of Christopher Marlowe. The comparative-historical, comparative-typological and biographical methods of research are used in the article.

Results. It is noted that the Russian writers in the second half of the XX – early XXI century were rarely (first of all it is characteristic of Yu. M. Nagibin's story «The Tomb of Christopher Marlowe») attracted by the creative individuality of Marlowe, peculiarities of his civic point of view reflected in his works. In the majority of the Russian writers' works they stressed understanding of suggestions connected with possible creation of Shakespeare's plays by Marlowe, supposed creative cooperation of Shakespeare and Marlowe, friendly relations of the two dramatists about which no facts has been preserved. It is pointed out that the Russian writers (K. Bulychyov, E. I. Parnov), though accepting cooperation of Marlowe with secret services, disapproved it asserting, in particular, that such activity morally destroyed the man of art, led to his timeless death.

Conclusions. The research establishes that in all works of the Russian writers in the second half of the XX – early XXI century they show interest to the mystery of Marlowe's death, in some texts they talk about the pretended murder for the sake of saving (A. T. Gubin), in most others they uphold different versions of reasons and circumstances of the death: from fatal contingency (Yu. M. Nagibin) to the planned liquidation of the their agent by secret services, who became unnecessary (K. Bulychyov).

Key words: Christopher Marlowe, drama, comparative study, William Shakespeare, reception, tradition, belles-lettres.

В произведениях русской литературы второй половины XX – начала XXI в. неоднократно возникает фигура Кристофера Марло как талантливого представителя елизаветинской драматургии, причем в большинстве случаев особый интерес проявляется к обстоятельствам трагической гибели английского драматурга.

В 1969 г. увидела свет «биографическая повесть» Ю. О. Домбровского «Смуглая леди: Три новеллы о Шекспире» [1], включавшая в себя новеллы «Смуглая леди», «Вторая по качеству кровать» и «Королевский рескрипт», написанные еще в 1946 г. во время ссылки в Алма-Ате¹. Шекспир принадлежал к числу любимейших писателей Ю. О. Домбровского, к осмыслению его наследия он возвращался в 1970-е гг. в литературоведческих эссе «Ретленд-БэконСоутгемптонШекспир»: о мифе, антимифе и биографической гипотезе» и «Итальянцам о Шекспире – главные проблемы его жизни»; шекспировское влияние ощутимо и в оригинальных произведениях писателя, более всего –

¹ Отрывки из новеллы «Смуглая леди» печатались Ю. О. Домбровским в № 4 журнала «Простор» за 1964 г., однако ни ее полный текст, ни тексты других новелл до 1969 г. в печати не появлялись. Выход книги «Смуглая леди: Три новеллы о Шекспире» вызвал отклики А. А. Аникста в «Новом мире» [2, с. 253–255] и Я. А. Гордина в «Вопросах литературы» [3, с. 190–211].

в повести «Леди Макбет», являющейся составной частью «романа в повестях и рассказах» «Рождение мыши», создававшегося в 1950-е гг.¹ В составленном супругой писателя К. Ф. Турумовой (Домбровской) и опубликованном в 1997 г. первом отдельном поэтическом сборнике Ю. О. Домбровского «Меня убить хотели эти суки» впервые увидел свет сохранившийся в рукописи подстрочный перевод 74-го сонета Шекспира [5, с. 85]. Шекспировский текст Ю. О. Домбровского достаточно подробно (за исключением отсутствующего в сети Интернет перевода сонета) рассмотрен в статье О. Ю. Анцыферовой [6, с. 130–134], в связи с чем мы отметим лишь отдельные упоминания о Марло в произведениях писателя о Шекспире.

В новелле «Смуглая леди» Четль намекает актеру Ричарду Бёрбеджу, желающему выпить пива в кабаке, на ситуацию, предшествовавшую гибели Марло:

– Смотрите, смотрите, – пригрозил Четль. – Помните, как погиб Марло?

– Чепуха! – ответил Бербедж. – То Марло, а то я! Идите, я сейчас же догоню вас.

<...>

Четль молча, сурово и взыскующе смотрел ему в лицо.

– Я боюсь за вас, мистер Бербедж, – сказал он. – Я ваш друг, и вот я боюсь. <...> Смотрите, – кого любят женщины, того не любят мужчины. Вспомните Марло!

– Да нет же, нет, – тоскливо сказал Бербедж, – какой еще там Марло? Меня приглашают... Ну, одним словом, ждите меня через полчаса в том же трактире. Мы тоже идем в «Сокол».

– И Марло тоже зарезали в трактире. Вот так же, зазвали и потом зарезали, – сурово сказал Четль [1, с. 11–12, 15].

Об обстоятельствах смерти английского драматурга кратко упоминается и в новелле «Королевский рескрипт» в речи Гроу, сообщающего, что «в маленькой комнате убили Марло» [1, с. 93–94].

Новелла «Вторая по качеству кровать» содержит рассуждения о безвременной кончине Марло и ее причинах, переданные в диалоге Шекспира и Волка в харчевне:

– Я пишу! Марло кончил писать в двадцать девять, а Грин в тридцать, – сказал Шекспир, – а мне сорок восемь, и этого все мало! <...>

– <...> Нет, вы говорите не то. Ваш возлюбленный Марло и Грин были пьяницы и пропащие души. Поэтому одного зарезали, а другой сгорел от вина. А вы хозяин, джентльмен и благоразумный человек [1, с. 93–94].

В цикле рассказов о художниках «Гонцы»² Ю. О. Домбровский, вспоминая о своих встречах с художником В. В. Теляковским, передавал историю, связанную с иллюстрированием последним эпизода из «Смуглой леди»

¹ Прижизненная публикация «Леди Макбет» была осуществлена Ю. О. Домбровским в 1974 г. в журнале «Сельская молодежь» [4, с. 38–43] с указанием на жанровую принадлежность произведения – «рассказ».

² Цикл впервые опубликован в 1974 г. в алма-атинском издательстве «Жазушы» отдельной книгой под названием «Факел», принадлежащим редактору П. П. Косенко [7]. Авторское название восстановлено в шеститомном собрании сочинений Ю. О. Домбровского, выпущенном издательством «Терра» в 1992–1993 гг. (цикл рассказов опубликован в томе 6).

с описанием закутка, где происходило свидание Шекспира и его возлюбленной, представленной в сонетах, и при этом воспроизводил собственное видение этого места: «<...> закут этот, конечно, был страшным местом. Логово, притон, в нем могло делаться что угодно – бей, убивай, никто не услышит! В таком месте и примерно в это же время прирезали гениального Марлоу» [8].

В эссе «“РетлендБэконСоутгемптонШекспир”»: о мифе, антимифе и биографической гипотезе» (1976) Ю. О. Домбровский отмечал, что наука о Шекспире за «четверть тысячелетия своего существования» установила немалое число значимых фактов, и признавал, что «о Марло их меньше, о Бен Джонсоне ни в коем случае не больше» [9].

Как видим, Ю. О. Домбровского прежде всего интересовали обстоятельства, связанные с трагической гибелью Марло. К ним же обратился и А. Т. Губин в рассказе «Лондонская трагедия», вошедшем в книгу «Афина Паллада: Двенадцать рассказов», изданную в 1974 г. в Ставрополе [10]¹.

Приглашая читателя в мир старой Англии, А. Т. Губин акцентировал поразительное сочетание мрака и насилия (костры, на которых сжигали еретиков, колдунов и оборотней, дворцовые заговоры, воровство, бродяжничество) с удивительным расцветом наук, искусств, ремесел. Старая Англия Френсиса Бэкона и Томаса Мора, глубоко проникая в прошлое, устремлялась в будущее, формировала новые воззрения на мир, «используя кафедру, печатный станок и театр» [10, с. 95]; на театральном поприще более других преуспели драматурги Марло и Шекспир.

Согласно сюжету рассказа, поводом к его созданию стала информация лондонского радио, сообщившего 2 января 1956 г. об обнаружении подлинной могилы Кристофера Марло, а в самой могиле – документов, из которых явствует, что драматург избежал гибели, «жил под чужим именем, выступал с трагедиями и комедиями под именем лондонского актера и домовладельца Вильяма Шекспира и умер в семнадцатом веке» [10, с. 96]. Возрождение дебатов по «шекспировскому вопросу» побуждает А. Т. Губина к пространному экскурсу в прошлое, обобщению мнений исследователей, отрицавших авторство Шекспира и называвших создателями пьес Ф. Бэкона, графа Ретленда и др. Среди потенциальных авторов шекспировских произведений упоминали и Кристофера Марло, однако при всей основательности аргументации сторонников этой версии она не кажется А. Т. Губину убедительной. Отмечая, что «корона Марло сама по себе ослепительна», поскольку «именно он сделал английскую драму подлинно ренессансной» [10, с. 101], писатель вполне допускал, что Шекспир «мог разрабатывать <...> сюжеты Марло, использовать его архив», так как «высоко ценил трагически погибшего собрата» [10, с. 102].

А. Т. Губин воссоздавал атмосферу театра «Глобус», представлял Марло как щеголя и возмутителя мод, кутилу и дуэлянта, а Шекспира – как его друга, «ловкого малого, с наклоном к полноте, явившегося из провинции с пьесой, которую купил “Глобус”» [10, с. 103]. В следующей сцене, представлявшей заседание Звездной палаты Англии, были показаны противники

¹ Под названием «Афина Паллада» выходило три сборника рассказов А. Т. Губина, причем часть рассказов в сборниках перепечатывалась, часть – включалась заново. Рассказ «Лондонская трагедия» помещен в издании 1974 г., в двух других изданиях (1966, 1985) он не публиковался.

Марло, главный из которых – член Тайного совета Ричард Чомли; устами графа Эссекса воссоздана краткая биография драматурга: «Он родился в Кентербери. Окончил Кэмбридж. Переводил Овидия и Лукиана, занимаясь филологией и политикой. Стал магистром наук. Переехал в Лондон. Создал новый театр, выступая как драматург. Один из самых блистательных умов. Еще он известен как пьяница, бездельник и развратник на французский манер...» [10, с. 106].

Более детально облик Марло раскрывается в сцене в тайном кабинете замка Роллея, где драматург в дружеском кругу признается в увлечениях хиромантией и черной магией, после чего гадает по руке леди Соутгемптон на счастье предстоящего ей брака, произнося стихотворный экспромт: «Вот жизни линия, ее-то Фауст / Разрезал, чтобы кровью подписать / Свой сговор с дьяволом. И если после / Он многое познал и получил, / То жизненная линия от шрама / Движенье изменила – к вечной тьме. / Вот линия таланта – станет глубже / Она лишь от упорного труда. / А линия любви... Пока она / Жестокостью друзей омрачена. / Но после испытаний вам пошлетя / Великая, нездешняя любовь...» [10, с. 106–107]. Откликаясь на просьбу прекрасной леди, Марло гадает и Шекспиру, чьими сонетами незадолго перед тем восхищались собравшиеся: «Здесь перед нами гений, посмотрите: / Три линии таланта – эти жилы, / Как корни дуба, оплетают руку! / Рука же эта держит коновязь / У лондонских подмостков. Справедливость! / Ты спишь, как перепивший часовой! / А воры лезут – в окна, в двери, в души / И Англию растащат на куски! / И за морем пропьют наш меч фамильный, / И герб, и землепашцев черный хлеб!» [10, с. 107]. Влюбленной в него леди Соутгемптон на вопрос о том, можно ли влюбиться сразу, Марло отвечает строкой из своей поэмы «Геро и Леандр»: «Тот не любил, кто не влюблялся сразу!» [10, с. 108]. Интересно отметить, что к этой строке А. Т. Губин дал примечание, свидетельствующее о том, что поэма «Геро и Леандр» не была ему знакома, равно как не была знакома и шекспировская комедия «Как вам это понравится», в которой дословно воспроизводился марловский стих: «Шекспир В. Двенадцатая ночь. Строка, приписываемая Марло» [10, с. 108].

Посредством авторского вымысла А. Т. Губин пытается уточнить как отдельные аспекты взаимоотношений Марло и Шекспира, так и обстоятельства создания некоторых произведений. Так, при виде нищего Шекспир вспоминает «хронику, рассказанную Марло, о средневековом кинге, Лире» [10, с. 109]. В диалоге с Роллеем, Ретлендом и Шекспиром Марло заявляет, что «мир развивается по законам трагедии», но «как камни в стене связывает глина, так мрачные башни трагедии связаны смешными и причудливыми сценками» [10, с. 111]; тем самым объясняется появление в «Трагической истории доктора Фауста» нарочито комических эпизодов, воспринимаемых многими исследователями как позднейшие напластования в произведении, первоначальный текст которого не сохранился.

Целый ряд сцен в рассказе А. Т. Губина неоправданно представляют взаимоотношения драматургов-елизаветинцев как чрезвычайно близкие и доверительные. Так, «цветущий пожилой» [10, с. 109] Бен Джонсон, случайно встретив на улице молодого Шекспира, весело хлопает его по плечу, хвалит за одну из творческих находок, после чего восторженно отзывается о Марло: «Ведь Марло уже отработал за всех – вот у кого учись, парень!

Скажу тебе не для огласки: Марло один стоит всех испанцев!» [10, с. 110]. К этой реплике Бена Джонсона А. Т. Губин дает пояснение – «то есть испанских драматургов, господствующих тогда на европейской сцене» [10, с. 110]; вместе с тем противопоставление английских и испанских драматургов оказывалось существенно более глубоким, особенно если учесть, что в эти годы шла англо-испанская война (1585–1604). К тому же «пожилой» Бен Джонсон был, как минимум, на восемь лет моложе Шекспира.

Ключевой эпизод «лондонской трагедии» полностью является плодом творческой фантазии А. Т. Губина. Приехав по делам в канцелярию лондонского епископа, Шекспир из ненароком подслушанного разговора узнает о заговоре против Марло, сообщает о нем Роллею и Ретленду, которые задумывают инсценировку убийства Марло, успешно воплощаемую при помощи нанятых бандитов и авантюристов. Сбежавший Марло, переодевшись священником, мечтает продолжить литературные труды, в частности написать о наследнике датского престола, который притворялся сумасшедшим, однако новые пьесы опубликовать под своим именем он не может, – после раздумий выбор падает на Шекспира. В словах Марло А. Т. Губин стремился акцентировать принципиальные различия между ним как человеком, получившим превосходное образование, и недостаточно грамотным Шекспиром: «Ты мне ровесник, но, верно, ты еще не созрел <...>. Тебе надо много учиться. <...> Очень жаль, что ты не учился в Кэмбридже. <...> Я заметил, ты неплохо знаешь историю и философию. Однако совсем не знаешь языков – и бываешь не в ладу с родным. Начни хотя бы с французского. Но и без итальянского ты человек только наполовину» [10, с. 114].

Герои А. Т. Губина сыплют крылатыми выражениями из шекспировских пьес. Так, Марло говорит: «Начав со зла, должны мы кончить злом!» [10, с. 119]; тем самым воспроизводятся слова Макбета из второй сцены III акта трагедии «Макбет» в переводе С. М. Соловьева. Филипп Генсло в ответ на просьбу Шекспира одолжить ему деньги повторят реплику Полония в диалоге с Лаэртом из «Гамлета» (акт I, сц. 3): «Ссужая деньги, мы теряем и деньги, и друзей!» [10, с. 121]. С текстом «Ромео и Джульетты» соотносится фраза факельщика, обращенная к Марло и законченная последним: «Факел твой потушен... <...> Так ляг и не броди впотьмах» [10, с. 120].

Узнав о самоубийстве влюбленной в него леди Соутгемптон, Марло, по версии А. Т. Губина, несмотря на предостережения друзей, отправился на похороны, где был узнан шпионом тайной полиции Робертом Поллеем и погиб в схватке с полицейскими. Хороня Марло, теперь уже по-настоящему, друзья вкладывают в гроб письмо о его жизни и смерти, в котором, «как это всегда бывает в скорбные минуты», преувеличивают его заслуги, приписывая ему шекспировские пьесы: «...вероятно, это сделал сам Шекспир, потрясенный утратой, потому что такой поэт мог быть автором “Гамлета” и “Тимона Афинского”» [10, с. 121].

Представляя картину угасания «света Возрождения <...> в сумерках Средневековья», А. Т. Губин подчеркивал, что Марло «погиб не в результате нелепой случайности, а снова явив миру трагедию гения среди нормальных людей» [10, с. 121]. С трагической гибели Марло, по мнению писателя, в обществе начался откат назад, к средневековой реакции, символизировавший конец «эпохи смелости, научного поиска» [10, с. 121]. Рассказ завершается

описанием встречи Ретленда и Шекспира по прошествии нескольких лет – сообщение подвыпившего актера о девке, утопившейся в Темзе прямо в новом платье, заставляет друзей вспомнить о Марло, о светловолосом датском принце, посмеявшемся над любовью девушки, и осознать, что «пришли новые времена»: «Спит старая Англия – замки, ратуши, соборы. А новая только рождается – мануфактуры, фабрики, гавани» [10, с. 123].

Подводя итоги, А. Т. Губин предлагал свой ответ на вопрос об авторстве великих трагедий. По его мнению, только Марло, помимо собственно Шекспира, мог бы быть создателем литературных шедевров: «...нет пьес более “шекспировских”, чем у него. Ибо это один из самых блестящих университетских умов, а это не последнее в занятиях литературой» [10, с. 123]. Отмечая, вслед за исследователями прошлых лет, «похожесть» пьес Марло и Шекспира, очевидную лишь при их стилистическом анализе, писатель воспринимал это обстоятельство как похвалу Марло, «ибо стиль это человек» [10, с. 123].

В рассказе Ю. М. Нагибина «Надгробье Кристофера Марло», неоднократно переиздававшемся с конца 1970-х гг.¹, обыгран эпизод гибели драматурга. Действию предшествует своеобразный зачин – беседа Кристофера Марло и молодого аристократа Кеннингхема, во многом раскрывающая личности каждого из собеседников, особенности их мировоззрения. Для Кеннингхема Марло – необычный человек, чувствующий себя «в царстве смерти едва ли не уютнее, чем среди живых» [11, с. 4]. Однако на деле Марло уязвим, ибо не может существовать без театра, вынужден вместе с театром бежать от чумы из Лондона в Делфорд, ежедневно созерцать «бедных, бездомных, отрешенных служителей Мельпомены», что «осторожны и пугливы, как олени» [11, с. 4]. Марло не принимает пространных рассуждений Кеннингхема о смерти, ибо, в его понимании, «настоящая, действенная жизнь налита сутью до края, как заздравная чаша вином» [11, с. 6]. Представляя загробный мир в своей «Трагической истории доктора Фауста», Марло, по мнению Ю. М. Нагибина, в реальности не верит в него, считает «поэтической предпосылкой, обретшей <...> пряный, густой аромат настоящей мускульной жизни» [11, с. 6].

По мнению русского писателя, Марло не интересуется в повседневной жизни ни адом, ни раем, веря в Океан с его бурями и беспредельностью, с загадочными обитателями и неисчерпаемыми сокровищами, – именно Океан возбуждает человеческий дух, заставляет стремиться к подвигам, к «безоглядному риску»: «...Океан, неукротимый, беспредельный, – чист и безгрешен. Омыть душу Океаном, что может быть прекраснее на свете!» [11, с. 6]. Отвечая на вопрос Кеннингхема о главном, определяющем в его жизни, Марло, почти не задумываясь, называет *творчество, поэзию*; в творчестве же важнейшим началом для него является вера в написанное. Однако Кеннингхем не верит этим словам, ибо, прочитав «Трагическую историю доктора

¹ При жизни Ю. М. Нагибина рассказ был, в частности, опубликован в сборниках «Царскосельское утро: Повести, рассказы» (М. : Известия, 1979. – 608 с.), «Царскосельское утро: Повести и рассказы» (М. : Сов. писатель, 1983. – 525 с.), «Остров любви: Повести, рассказы» (Кишинев : Литература артистикэ, 1985. – 672 с.), «Пророк будет сожжен» (М. : Книга, 1990. – 448 с.), вошел в том 7 собрания сочинений в 10 томах, вышедшего в 1989–1991 гг.

Фауста», возведшую «глупую выдумку» народной легенды «в ранг высшей поэзии» [11, с. 7], он понял, что Марло, чуждый бога и вечного спасения, верит в возвращенную юность, в Елену Троянскую и «вечность мига наслаждения» [11, с. 8]. Для Марло такой Еленой Троянской стала «единственная и вечная возлюбленная», ради которой он без колебаний готов принять смерть: «...но смерть не наступает, а жизнь незамедлительно уводит <...> прочь» [11, с. 8].

Размышляя о Депфорде, нагибинский Марло произносит монолог о чуме, которая привела в чуждые высокой культуре края «лучший английский театр», собрала в них «красивейших женщин, изысканнейших кавалеров», научила сельских жителей дарить наслаждение и получать его и при этом развратила их, лишила их существование прежней идилличности: «Депфордцы <...> услышали новые песни, узнали новые игры и новые способы плутовства. <...> Не знаю, завезут ли сюда чуму, но сифилис – непременно. Наверное, им трудно будет возвращаться к прежней сельской идиллии, отдавая столь хмельного напитка» [11, с. 9]. Чума «мучительна, неопрятна, вонюча», но она несет возбуждение, существенное для эмоционального Марло, чувствующего «напряжение жизни» [11, с. 10]; вместе с тем чума чужда драматургу как источник смерти, ибо противостоит Океану, поглощающему человека без остатка, не заставляющему его гнить заживо.

Ю. М. Нагибин создает портрет Марло: «...сильное, поджарое тело, худое лицо с тонкими, раздувающимися ноздрями и трепетными ресницами, страстное, тревожное и незащищенное лицо человека, подчиненного какой-то тайной власти» [11, с. 10]. Он идет «упругой, неслышной, кошачьей поступью» [11, с. 11], но при этом резок в движениях, – ему претят наставления Кеннингхема, призывающего не допускать обмена ударами «в дурном, грубом, разнузданном мире» [11, с. 10], он возмущен, когда Кеннингхем приписывает ему шекспировского «Тита Андроника», с успехом идущего в «Глобусе», и восторженно отзываясь о начинающем Шекспире: «...о нас вспомнят только потому, что мы были современниками этого парня» [11, с. 11]. В отличие от собеседника, Кеннингхем не столь дальновиден, он считает себя «современником Марло» [11, с. 11], который в свою очередь приглашает Кеннингхема в театр на постановку «Эдуарда II».

В основной части рассказа представлена сцена, в которой Марло застаёт свою возлюбленную Катарину в постели с богачом и эсквайром Фрэнсисом Арчером, – «ее увлажненные губы были полуоткрыты, голова то и дело откидывалась назад, будто она подставляла лицо солнцу» [11, с. 12]. Арчер, мечтавший стать актером, пробовавший заниматься творчеством, даже издавший за свой счет небольшой сборник буколических стихотворений, был, согласно трактовке Ю. М. Нагибина, страстным поклонником Марло и жаждал лишь славы драматурга-современника, «слагающего звонкие стихи и бросающего их с освещенной свечами сцены в потрясенный зал и за стенами театра остающегося таким же неистовым и прекрасным» [11, с. 13]. Ю. М. Нагибин представлял Арчера всюду следовавшим за своим кумиром – не пропускавшим постановок его пьес, собиравшим списки его неизданных произведений, одевавшимся под Марло, так же заламывавшим шляпу и даже спавшим с теми же шлюхами, что и драматург: «Арчер <...> пьянел от шума

вокруг прославленного имени, все остальное играло второстепенную роль. Он был жалок в своей прикованности к образу Марло, но не трогателен» [11, с. 14].

По мнению Ю. М. Нагибина, гибель драматурга стала роковой случайностью. Недооценивая экспрессивность Марло, силу его чувств к Катарине, Фрэнсис Арчер не мог предполагать, что в «мускулистой» [11, с. 16] руке драматурга сверкнет кинжал, но, когда увидел его, из чувства самосохранения «ударил кулаком по локтевому сгибу руки Кристофера», «рука мгновенно согнулась, и кончик лезвия угодил прямо в глаз поэта» [11, с. 16]. После своего оправдания Арчер, по версии Ю. М. Нагибина, посвятил остаток дней уходу за могилой своего кумира, на плите которой было написано: «Кристофер Марло / убит / Фрэнсисом Арчером / 1 июня 1593 года» [11, с. 18].

В пятом выпуске журнала «Вопросы литературы» за 1997 г. было впервые опубликовано эссе Н. Н. Матвеевой «Опыт грез, или Историк поневоле» [12, с. 276–287], впоследствии включенное в ее авторскую книгу «Мяч, оставшийся в небе: Автобиографическая проза. Стихи» (2006) [13, с. 273–278]. Эссе, датированное 25 февраля 1994 г., т.е. написанное в дни, когда отмечалось 430 лет со дня рождения Кристофера Марло, открывалось использованным в качестве эпиграфа собственным сонетом «Кристофер Марло, или Гадание на цветах»:

Из красных блях, цветов и янтаря с соломой
Он пояс обещал своей любимой сплести.
Как яркоцветна вязь! А в ней – какой знакомый
Дух непрактичности и преданности есть!
Тот будет поступать всегда неосторожно,
И вечно цепи рвать, и вечно влечь ярем,
Кто верит, что сдержать в одной гирлянде можно
Солому с бляхами и розы – с янтарем.
От тренья янтарей соломка распадётся,
Цветы не выдержат соседства жестких блях,
Тому же, кто сдружить их чаял, – век придется
У инквизиторов игрушкой быть в руках
И где-то в кабаке, Бог весть о чем радея,
Погибнуть под ножом наемного злодея [13, с. 273].

Поэтесса рассказывает, что, завершив свой сонет в предрассветный час, она погрузилась в грезы: ей явилась «грациозная, но, кажется, немного невзрачная женщина» – леди Марло, плачущая «в широкой, квадратной и сумрачной комнате с низким бревенчатым потолком» [13, с. 273]. Предчувствуя недоброе, она пыталась удержать своего мужа Кристофера Марло¹, отговорить от роковой поездки, однако тот был непреклонен, ибо хотел выручить из беды своего друга Джона. Об опасности, грозящей Джону, который «должен держать ухо востро и срочно покинуть Англию» [13, с. 275], Марло предупредил некий холеный старик, образ которого постепенно сливался с образом

¹ Сам Марло появляется в эссе-сновидении «в белой голландской рубашке со свободным воротом» [13, с. 274], его движения стремительны.

Роллея; от этого старика был получен перстень с искусственным камнем, по которому Марло мог быть узнан в трактире посланцем Джона. Однако в действительности история с Джоном была отговоркой, при помощи которой предатель Роллей «выманывал» Марло, которого в условленном месте ожидал наемный убийца.

Н. Н. Матвеева уверенно рассуждает о том, что у поэта не могло не быть жены, что именно о ней идет речь в шекспировских «Песнях для музыки» в переводе В. В. Левика: «Вплету в солому ряд цветов – / И пояс для тебя готов / С застежками из янтаря / И в бляшках алых, как заря» [13, с. 277] (ср. в пасторали Марло «Страстный пастух – своей возлюбленной»: «A belt of straw and ivy buds / With coral clasps and amber studs» [14] [Пояс из соломы и почек плюща / С коралловыми пряжками и янтарными застежками]). Сюжет о гибели драматурга, вызванной предательством, рожден не сном, но грезой, лишенной развернутости и разветвленности в деталях, длительности и вязкости, однако поражающей «резкой мелькающей сжатостью и неожиданностью» [13, с. 277]. Для Н. Н. Матвеевой «опыт грез» значим, ибо дополняет размышления из жизненной яви, в очередной раз убеждая поэтессу в том, что именно с фигуры Марло Шекспиром был списан образ датского принца Гамлета:

С отчаянья – свой горний чин
Еще в долинах мытарь тратит.
Пав духом, сам Шекспир подхватит
Крамольный, Марло, твой почин.
И нрав твой, твой конец, твой принцип,
Быть может, вспомнит в «Датском принце» [13, с. 278].

В книге К. Булычева «Тайны Нового времени» (2005) опубликованы, в числе прочих, рассказы «Зависть на века. Легенда о докторе Фаусте» и «Он слишком много знал. Шпион Марло», позволяющие понять специфику восприятия известным отечественным фантастом личности и творчества английского драматурга. В первом из рассказов, отталкиваясь от понятия «частота цитирования», К. Булычев причислял Фауста к самым популярным людям на Земле, наряду с религиозными пророками, завоевателями и деспотами, гениями искусства, причем, в отличие от всех прочих, «ничего особенно выдающегося этот человек не сделал», он только лишь ответил на вопрос: «чем я готов заплатить за исполнение моих желаний?» [15, с. 9]. Тщательно реконструируя биографию Фауста, «вполне реального, живого алхимика и проходимца, погибшего страшно и загадочно» [15, с. 15], К. Булычев перечислял легенды и рассказы о соблазненных дьяволом ученых. Немецкая народная книга о Фаусте, внешне напоминая собрание «забавных и глупых историй», на деле поднимала значимые философские проблемы, над которыми задумался Марло, не смеявшийся над Фаустом и не завидовавший ему, сделавший акцент на размышлениях «о смысле человеческой жизни и о тщетности стремления к славе» [15, с. 17]. На взгляд К. Булычева, сама смерть Марло, ставшая для многих загадкой, «прибавила популярности и пьесе, и самому Фаусту» [15, с. 17] в глазах английских зрителей.

Рассказ К. Булычева «Он слишком много знал. Шпион Марло» начинается со спорного утверждения, что Марло, «подобно Лермонтову, <...>

к 29 годам не успел создать великих произведений, к чему <...> был вполне способен» [16, с. 57]. Однако при всей спорности в этих словах есть и нечто верное, удивительно точное – та самая внутренняя близость творчества и судеб двух поэтов, которую отметил еще А. Т. Парфенов и о которой впоследствии упоминали и другие исследователи. Представляя Марло «внешне привлекательным молодым человеком, с обыкновенным лицом и небольшими усиками» [16, с. 57], К. Булычев соотносил его с образом молодого Шекспира, однако это были люди разных темпераментов и воззрений, в частности, Марло «выказывал склонность к католичеству», что «в те дни <...> считалось государственной изменой» [16, с. 58]. По мнению К. Булычева, в реальности Марло был не католиком, а авантюристом, «весьма важным шпионом Англии» [16, с. 58], вынужденным маскироваться под врагов в ситуации отчаянной борьбы католиков и протестантов, а также тайным курьером главы королевской разведки Ф. Уолсингема, «умным, смелым, пронырливым разведчиком, умевшим пробиваться сквозь любые кордоны, чтобы быстро доставить в Лондон важные сведения» [16, с. 62].

К. Булычев описывал обострение политической обстановки в 1593 г., распространение слухов о католическом заговоре, вынудившее «полицию и добровольцев-патриотов <...> прочесывать город, проводя обыски в подозрительных домах» [16, с. 63], среди которых был и дом Томаса Кида, беседовавшего с Марло на христианские темы; от него и стало известно о том, что Марло являлся еретиком, «не признавал того, что Иисус Христос был воплощением Бога» [16, с. 64]. Марло, избежав тюрьмы, погиб в пьяной драке, очень похожей, по мнению К. Булычева, на устранение агента, «опасного больше для своих, чем для врагов», еретика, который «мог знать нечто такое, о чем всем хотелось бы забыть» [16, с. 65]. Не принимая версии о фиктивности убийства Марло, перевоплотившегося в Шекспира, в силу ее недостаточной доказательности («Шекспир также появился не из леса, а был уже известным актером и драматургом посильнее, чем Марло» [16, с. 66]), писатель считает саму историю гибели драматурга поучительной, ибо «художнику и поэту нечего делать в тайной разведке» – «это плохо кончается» [16, с. 66].

Положив загадку Шекспира в основу сюжета своей книги «Круг чудес и превращений, или Мир вокруг “Глобуса”» (2005), Е. И. Парнов перечислил среди кандидатов на роль «короля поэтов» образованнейших людей Англии конца XVI в., среди которых и Кристофер Марло – «драматург без претензий на голубую кровь» [17, с. 12], оказавшийся во главе всего списка. Не исключая возможности творческого сотрудничества Шекспира со своим «старшим собратом» [17, с. 12] Марло до момента его гибели в 1593 г., писатель считает разговоры о мнимой смерти Марло домыслом, допущенным с целью приписать ему авторство «Гамлета», «Отелло» и других шедевров мировой литературы; по его мнению, одного сравнения «Трагической истории доктора Фауста» Марло и «Юлия Цезаря» Шекспира достаточно, чтобы разграничить литературное чутье и эстетический вкус двух драматургов [17, с. 13]. Для Е. И. Парнова неприемлема и гипотеза Г. Слейтера, согласно которой целая «картель» из семи авторов, включая и Марло, была низведена до положения «литературных негров», писавших под именем Шекспира [17, с. 17].

Марло предстал в произведении Е. И. Парнова буйным и вспыльчивым атеистом, шпионом-нелегалом, забиякой [16, с. 54], в котором завзятый

атеизм сочетался с верой астрологам [17, с. 71]. Писатель причисляет Марло к числу привлекательных и хорошо подготовленных студентов Оксфорда и Кембриджа, разосланных «отцом разведки» Ф. Уолсингемом по университетам европейских столиц с целью секс-шпионажа; будучи завербованным в Кембридже, драматург отправился продолжать образование во Францию и в 1587 г. сумел проникнуть в ряды заговорщиков против Елизаветы. Секретная служба Марло не вызвала одобрения Е. И. Парнова, который, приводя фрагмент из «Трагической истории доктора Фауста» в переводе Е. Н. Бируковой («О Боже! Боже! Не взирай так гневно! / Ехидны! Змеи! Дайте мне вздохнуть! / Ад мерзкий, не зияй! Прочь Люцифер! / Я книги все сожгу! А! Мефистофель!..»), всячески подчеркивал, что сотрудничество с разведывательными органами для человека искусства сродни договору с дьяволом [17, с. 201–202].

Отмечая успех «Мальтийского еврея» и «Парижской резни», а также созданной неизвестным автором пьесы-предшественницы «Тамерлана Великого» «Тамар Хан», писатель акцентировал соперничество двух театральных трупп – лорда-адмирала и лорда-камергера, первая из которых так и не сумела оправиться после смерти ведущих драматургов – Марло, Т. Кида, Р. Грина. По мнению Е. И. Парнова, сопоставление «Тамерлана Великого» и «Ричарда III», «Эдуарда II» и «Ричарда II», «Мальтийского еврея» и «Венецианского купца» позволяет утверждать, что Шекспир многому учился у Марло, постепенно превосходил его, однако состязание двух драматургов было прервано трагическими обстоятельствами. Писатель отметил в «Венецианском купце» Шекспира близкую «Мальтийскому еврею» Марло характеристику центральных фигур – Шейлока, его дочери Джессики и ее возлюбленного Лоренцо, приводившую к тому, что английские труппы, гастролировавшие в Германии, давали спектакли из отрывков обеих пьес [17, с. 106]. Е. И. Парновым также высказана гипотеза, что первая часть «Генриха VI» могла быть создана Марло, Дж. Пилем, Т. Нэшем, Т. Лоджем или анонимным драматургом, тогда как Шекспир лишь внес исправления в готовую пьесу [17, с. 185–186]. Творческий вымысел подсказал Е. И. Парнову эпизод встречи драматургов и поэтов, среди которых были Марло и Шекспир, в таверне «Морская дева», во время которой Марло прочел строки из пасторального стихотворения «Страстный пастух – своей возлюбленной»: «Приди! Я плащ украшу твой / Зеленой мртовой листвою, / Цветы вплету я в шелк волос / И ложе сделаю из роз»¹ [17, с. 278–279].

Русских писателей второй половины XX – начала XXI в. лишь в немногих случаях (прежде всего это относится к рассказу Ю. М. Нагибина «Надгробье Кристофера Марло») привлекали творческая индивидуальность Кристофера Марло, особенности его гражданской позиции, нашедшие отражение в написанных сочинениях. В большинстве произведений русских авторов основной акцент сделан на осмыслении догадок, связанных с возможным созданием Марло шекспировских пьес, предполагаемым сотворчеством Шекспира и Марло, дружескими контактами двух драматургов, о которых не сохранилось никаких сведений. Признавая сотрудничество Марло с сыскными

¹ Перевод И. Н. Жданова.

службами, русские писатели (К. Булычев, Е. И. Парнов) высказывали по этому поводу крайне неодобрительные суждения, утверждая, в частности, что такая деятельность морально разрушает человека искусства, ведет его к преждевременной гибели. Во всех произведениях (Ю. О. Домбровский, А. Т. Губин, Ю. М. Нагибин, Н. Н. Матвеева, К. Булычев, Е. И. Парнов) особый интерес – к загадке смерти Марло, причем в отдельных текстах речь идет об инсценировке убийства ради спасения (А. Т. Губин), в большинстве же других отстаиваются различные версии причин и обстоятельств гибели: от роковой случайности (Ю. М. Нагибин) до спланированной секретными службами ликвидации собственного агента, ставшего ненужным (К. Булычев).

Список литературы

1. **Домбровский, Ю. О.** Смуглая леди: Три новеллы о Шекспире / Ю. О. Домбровский. – М. : Сов. писатель, 1969. – 184 с.
2. **Аникст, А. А.** Новеллы о Шекспире: [О кн. Ю. О. Домбровского «Смуглая леди»] / А. А. Аникст // Новый мир. – 1971. – № 4. – С. 253–255.
3. **Гордин, Я. А.** Возможен ли роман о писателе?: [О кн. Ю. О. Домбровского «Смуглая леди» и цикле стихов В. Э. Рецетера «Театр “Глобус”. Предположения»] / Я. А. Гордин // Вопросы литературы. – 1975. – № 9. – С. 190–211.
4. **Домбровский, Ю. О.** Леди Макбет : рассказ / Ю. О. Домбровский // Сельская молодежь. – 1974. – № 1. – С. 38–43.
5. **Домбровский, Ю. О.** Меня убить хотели эти суки / Ю. О. Домбровский ; вступ. ст. и сост. К. Ф. Турумовой (Домбровской). – М. : Возвращение, 1997. – 197 с.
6. **Анцыферова, О. Ю.** Шекспировский текст Юрия Домбровского / О. Ю. Анцыферова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – № 1. – С. 130–134.
7. **Домбровский, Ю. О.** Факел : рассказы / Ю. О. Домбровский. – Алма-Ата : Жазушы, 1974. – 112 с.
8. **Домбровский, Ю. О.** Гонцы : рассказы о художниках / Ю. О. Домбровский // Домбровский Ю. О. Собрание сочинений : в 6 т. – М. : Терра, 1993. – Т. 6. Гонцы: Рассказы о художниках. Моя нестерпимая боль: Стихотворения. Статьи, очерки, воспоминания. – 384 с. – URL: http://www.lib.ru/PROZA/DOMBROVSKIJ/dombrovsky6_1.txt
9. **Домбровский, Ю. О.** «РетлендБэконСоутгемптонШекспир»: о мифе, антимифе и биографической гипотезе / Ю. О. Домбровский // Вопросы литературы. – 1977. – № 1. – С. 184–196. – URL: <http://lib.ru/PROZA/DOMBROVSKIJ/shake2.txt>
10. **Губин, А. Т.** Лондонская трагедия / А. Т. Губин // Губин А. Т. Афина Паллада: Двенадцать рассказов. – Ставрополь : Ставропольское кн. изд-во, 1974. – С. 94–123.
11. **Нагибин, Ю. М.** Надгробье Кристофера Марло / Ю. М. Нагибин // Нагибин Ю. М. Пророк будет сожжен. – М. : Книга, 1990. – С. 3–18.
12. **Матвеева, Н. Н.** Опыт грез, или Историк поневоле / Н. Н. Матвеева // Вопросы литературы. – 1997. – Вып. 5. – С. 276–287.
13. **Матвеева, Н. Н.** Опыт грез / Н. Н. Матвеева // Матвеева Н. Н. Мяч, оставшийся в небе: Автобиографическая проза. Стихи. – М. : Молодая гвардия, 2006. – С. 273–278.
14. **Marlowe, Ch.** The Passionate Shepherd to His Love / Ch. Marlowe. – URL: http://internal.org/Christopher_Marlowe/The_Passionate_Shepherd_to_His_Love
15. **Булычев, К.** Зависть на века. Легенда о докторе Фаусте / К. Булычев // Булычев К. Тайны Нового времени. – М. : Дрофа-Плюс, 2005. – С. 9–17.

16. Булычев, К. Он слишком много знал. Шпион Марло / К. Булычев // Булычев К. Тайны Нового времени. – М. : Дрофа-Плюс, 2005. – С. 57–66.
17. Парнов, Е. И. Круг чудес и превращений, или Мир вокруг «Глобуса» / Е. И. Парнов. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. – 384 с.

References

1. Dombrovskiy Yu. O. *Smuglaya ledi: Tri novelly o Shekspire* [A swarth lady: three novels about Shakespeare]. Moscow: Sov. pisatel', 1969, 184 p.
2. Anikst A. A. *Novyy mir* [New world]. 1971, no. 4, pp. 253–255.
3. Gordin Ya. A. *Voprosy literatury* [Problems of literature]. 1975, no. 9, pp. 190–211.
4. Dombrovskiy Yu. O. *Sel'skaya molodezh'* [Rural youth]. 1974, no. 1, pp. 38–43.
5. Dombrovskiy Yu. O. *Menya ubit' khoteli eti suki* [These scums wanted to kill me]. Moscow: Vozvrashchenie, 1997, 197 p.
6. Antsyferova O. Yu. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology]. 2013, no. 1, pp. 130–134.
7. Dombrovskiy Yu. O. *Fakel: rasskazy* [The torch: stories]. Alma-Ata: Zhazushy, 1974, 112 p.
8. Dombrovskiy Yu. O. *Dombrovskiy Yu. O. Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Dombrovsky Yu. O. Collected works: in 6 volumes]. Moscow: Terra, 1993, vol. 6, 384 p. Available at: http://www.lib.ru/PROZA/DOBROWSKIJ/dombrovsky6_1.txt
9. Dombrovskiy Yu. O. *Voprosy literatury* [Problems of literature]. 1977, no. 1, pp. 184–196. Available at: <http://lib.ru/PROZA/DOBROWSKIJ/shake2.txt>
10. Gubin A. T. *Gubin A. T. Afina Pallada: Dvenadtsat' rasskazov* [Gubin A. T. Athene Pallas: twelve stories]. Stavropol: Stavropol'skoe kn. izd-vo, 1974, pp. 94–123.
11. Nagibin Yu. M. *Nagibin Yu. M. Prorok budet sozhzhen* [Nagibin Yu. M. A prophet will be burned]. Moscow: Kniga, 1990, pp. 3–18.
12. Matveeva N. N. *Voprosy literatury* [Problems of literature]. 1997, iss. 5, pp. 276–287.
13. Matveeva N. N. *Matveeva N. N. Myach, ostavshiysya v nebe: Avtobiograficheskaya proza. Stikhi* [Matveeva N. N. A ball, remaining in the sky: autobiographic prose. Poems]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2006, pp. 273–278.
14. Marlowe Ch. *The Passionate Shepherd to His Love*. Available at: http://internal.org/Christopher_Marlowe/The_Passionate_Shepherd_to_His_Love
15. Bulychev K. *Bulychev K. Tayny Novogo vremeni* [Bulychev K. Mysteries of new time]. Moscow: Drofa-Plyus, 2005, pp. 9–17.
16. Bulychev K. *Bulychev K. Tayny Novogo vremeni* [Bulychev K. Mysteries of new time]. Moscow: Drofa-Plyus, 2005, pp. 57–66.
17. Parnov E. I. *Krug chudes i prevrashcheniy, ili Mir vokrug «Globusa»* [The circle of wonders and transformations, or the world around “the Globe”]. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub, 2005, 384 p.

Рябова Анна Анатольевна

кандидат филологических наук,
доцент, кафедра перевода
и переводоведения, Пензенский
государственный технологический
университет
(Россия, г. Пенза, проезд Байдукова, 1а)

E-mail: sva00@yandex.ru

Ryabova Anna Anatolyevna

Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of interpretation and translation science,
Penza State Technological University
(1a Baydukova lane, Penza, Russia)

Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
перевода и переводоведения,
Пензенский государственный
технологический университет
(Россия, г. Пенза, проезд Байдукова, 1а);
академик Международной академии наук
педагогического образования, почетный
работник высшего профессионального
образования РФ, почетный работник
науки и техники РФ, член Союза
писателей России, член Союза
журналистов России

Zhatkin Dmitriy Nikolayevich

Doctor of philological sciences, professor,
head of sub-department of interpretation
and translation science, Penza State
Technological University
(1a Baydukova lane, Penza, Russia);
member of the International Academy
of Sciences of Pedagogical Education,
honoured research worker of higher
professional education of the Russian
Federation, honoured research worker
of science and technology of the Russian
Federation, Member of the Union of Writers
of Russia, Member of the Union
of Journalists of Russia

E-mail: ivb40@yandex.ru

УДК 820

Рябова, А. А.

Кристофер Марло и русская литература второй половины XX – начала XXI в. / А. А. Рябова, Д. Н. Жаткин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 125–139.

КОМЕДИЯ «РАЗДЕЛ» (1853) В ДРАМАТУРГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РАННЕГО А. Ф. ПИСЕМСКОГО И В КОНТЕКСТЕ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОК»

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья содержит целостный внутренний, сопоставительный и историко-сопоставительный анализ одной из наименее изученных комедий А. Ф. Писемского – «Раздел». Цель работы – изучение индивидуальной поэтики раннего творчества драматурга: законы построения, проблематика, предмет сатирического разоблачения; а также места пьесы «Раздел» на страницах журнала «Современник».

Материалы и методы. Рассматриваются все авторские варианты пьесы А. Ф. Писемского «Раздел», а также пьеса И. С. Тургенева «Завтрак у предводителя», в контексте содержания журнала «Современник» середины 1850-х гг. и редакционной переписки. Статья синтезирует сопоставительный, историко-литературный и журнально-критический методы.

Результаты. Комплексный анализ содержания «Современника» 1850–1852 гг. показал, что редакция наблюдала за творчеством Писемского, считая его отличительные идеи совпадающими с собственной программой; однако появление «Раздела» показало, что протест Писемского проистекает из иного понимания человеческой природы. Предметом творческого соперничества в пьесе Писемского «Раздел» автор считает комедию И. С. Тургенева «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ». Эта комедия, близкая редакции «Современника», выражает убеждения просвещенных западников о человеческом невежестве как главной причине невозможности «полюбовного дележа», тогда как Писемский доказывает, что человеческая натура не избавилась еще от животных инстинктов.

Выводы. Комедия «Раздел» послужила идейной и сюжетно-композиционной основой поздних «социальных памфлетов» (П. В. Анненков) драматурга, таких как «Ваал», «Финансовый гений». Пьесы Писемского составляют особую линию в развитии русской драматургии середины XIX в., неразрывно связанную с магистральной, но оригинальную.

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, пьеса «Раздел», жанр комедии в творчестве Писемского, И. С. Тургенев, пьеса «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ», журнал «Современник», Н. А. Некрасов, тема тяжбы за наследство в русской драматургии XVIII–XIX вв.

О. В. Timashova

THE COMEDY “THE DIVISION” (1853) IN THE DRAMATURGY SYSTEM OF EARLY WORKS BY A. F. PISEMSKY AND IN THE CONTEXT OF “SOVREMENNİK” JOURNAL

Abstract.

Background. The article includes an integral internal, comparative and historical-comparative analysis of one of the least studied comedies by A. F. Pisemsky – “the Division”. The aim of the work is to study the individual poetics of early works by the dramatist: plotting, range of problems, an object of satiric unmasking; as well as a place of “the Division” on the pages of “the Contemporary”.

Materials and methods. The article considers all author's variant of A. F. Pisemsky's play "the Division", as well as I. S. Turgenev's play "Breakfast at chief's", in the context of "the Contemporary" journal's content of the middle 1850s and editorial correspondence. The article synthesizes the comparative, historical-literary and journal-critical methods.

Results. A complex analysis of "the Contemporary" journal's content of 1850–1852 showed that the editorial office monitored the works by Pisemsky, believing that his revealing thoughts matched the journal's program; however, occurrence of "the Division" showed that the protest of Pisemsky originated from a different understanding of human nature. According to the author, the subject of creative competition in Pisemsky's "the Division" is I. S. Turgenev's comedy "Breakfast at chief's, or an amicable share". This comedy, congenial to "the Contemporary" editorial office, expresses beliefs of educated westernists on human ignorance as the main reason for "amicable share" impossibility, whereas Pisemsky proves that human nature still features animal instincts.

Conclusions. "The Division" comedy served as an ideological, compositional and plot base for later "social pamphlets" (P. V. Annenkov) of the dramatist, such as "Baal", "Financial genius". Pisemsky's plays appear to be a special line of development of the Russian drama of the middle XIX century, inseparably linked with the main line, however original.

Key words: A. F. Pisemsky, "The Division" play, comedy genre in Pisemsky's works, I. S. Turgenev, "Breakfast at chief's, or an amicable share", "the Contemporary" journal, N. A. Nekrasov, theme of inheritance dispute in the Russian drama of XVIII–XIX centuries.

Изучение драматургии как важнейшей части творческого наследия автора середины XIX в. Алексея Феофилактовича Писемского (1821–1881) велось в трудах Б. Н. Алмазова [1, с. 455–456], И. Анненского [2, с. 46–59], В. Я. Лакшина [3, с. 5–35], А. И. Журавлевой [4, с. 18–33], М. П. Еремина [5, с. 5–35] и др. Издана посвященная данному вопросу диссертация Л. В. Маньковой [6]. На сегодняшний день исследованы индивидуально-поэтические и постановочные аспекты драмы «Горькая судьбина» (1859), являющейся венцом драматургической деятельности Писемского; изучена поэтика поздних драм исторического («Самоуправцы», «Поручик Гладков») и обличительного («Ваал», «Просвещенное время», «Финансовый гений») характера. Менее привлекали интерес исследователей ранние комедии: «Ипохондрик» (1852) и «Раздел» (1853).

Причиной мы считаем невысокое значение, которое придавалось проблематике ранних пьес. Л. В. Манькова делит драматургическое наследие Писемского на три временных «цикла», из которых о первом говорится как о сугубо «бытовом»: «...В пятидесятые годы он <Писемский> пишет пьесы из быта помещного дворянства и крестьянского быта...» [6, с. 10].

Исследователи, обращавшиеся к анализу пьес Писемского на рубеже XIX–XX вв., усматривали его индивидуальность в интересе к внутренней борьбе роковых «страстей» («верное воспроизведение темных сторон человеческой природы» [2, с. 49]) в условиях их притяжения либо неприятия современным обществом. Современные ученые заявляют о преобладании в его драме социального конфликта: «Причину... зла он <Писемский> видел не в естественной природе человека, а в социальной структуре общества...» [6, с. 14].

Таким образом, до сих пор сохранили актуальность вопросы, касающиеся типологических аспектов драматургии Писемского в ранних его пьесах.

С другой стороны, появление комедии знаменовало начало сотрудничества Писемского с «Современником», спровоцированное его редактором, Н. А. Некрасовым. Как вспоминал Алексей Феофилактович, «по литер. <атурным> делам... сходил... с “Современником”, который *сам... предложил мне...*» (*курсив мой – О. Т.*) [7, с. 111]. Наш анализ призван подтвердить предположение, что сближение Писемского и Некрасова в середине 1850-х гг. явилось актом программным и питалось взаимным интересом автора и журнала.

Писемский заинтересовал редакцию «Современника» тотчас после появления в «Москвитяине» его первой остролюбодневной повести «Тюфяк», и в «Обзрении русской литературы за 1850 год» он, несмотря на то, что публиковался к тому времени только раз, «исчисляется» в ряду «лучших... повествователей и романистов действующих»: «Гончаров, Григорович, Дружинин, *Островский, Писемский...*, Соллогуб, Тургенев» (*курсив автора – О. Т.*) [8, с. 34]. Имена Островского и Писемского как многообещающих дебютантов даны курсивом («только в прошлом году появились») [8, с. 34].

На протяжении 1850–1853 гг. не было ни одного произведения Писемского, которое не удостоилось бы благосклонного отзыва «Современника». Анализ рецензий «Современника» позволяет также доказать, что, усмотрев в идеях и образах Писемского близость своим взглядам, петербургский журнал вел искусную кампанию по отторжению его от «московского издания». Так можно думать, отмечая постоянные противопоставления Писемского Островскому как более даровитого, но недооцененного писателя. Так, например, рассуждая о верности вкуса публики, Новый поэт (И. И. Панаев) приводил следующий пример: «...С какою радостью она встречает произведения автора “Тюфяка”, возбуждающего в ней сильное участие к своему таланту – и ей неприятно, если ея ожидания и надежды... не осуществляются людьми, которых она встретила с... одобрением, как, например, *автора одной известной комедии...*» [9, с. 144–145] (*курсив автора – О. Т.*).

Н. А. Некрасов возлагал надежды на нового автора как возможного ведущего. Из пяти его произведений три открывали новогодние выпуски журнала («Богатый жених» – 1852 г. (№ 1–4, вторая часть), «Раздел» – 1853 г. и «Виновата ли она?» – 1855 г.). В сближении с «Современником» и Писемский искал выход из кризиса, сложившегося в его отношениях с «Москвитянином». Об этом свидетельствует письмо, написанное Алексеем Феофилактовичем по итогам первой личной встречи: «В отношении Петербургских Литераторов... скажу откровенно, что они... понравились мне лучше Московских, не тартюфят... тогда как там (*в «Москвитяине» – О. Т.*) встречаешь лицемерие, ханжество и... бессмысленное славянофильство...» [7, с. 62]. Но многообещавшие литературные отношения обернулись взаимным разочарованием. Из послания А. Н. Островскому от 1857 г. узнаем об окончательном разрыве: Писемский «...сам... отказался <от сотрудничества>, и... вышло лучше, потому что вместо жулика Некрасова буду иметь дело с ... Печаткиным» (*издатель «Библиотеки для чтения» – О. Т.*) [7, с. 111]. Из этого же письма становится ясно, что причиной отторжения стали принципиальные расхождения в оценках человеческой природы и возможности ее исправления.

«Раздел», «комедия в четырех действиях», открывшая собой январский номер «Современника» за 1853 г., – первая драма писателя, опубликованная

в этом журнале и одно из первых созданий, над которым начал работать Писемский, вступив в состав его редакции. Молодой автор понимал, что именно со сцены будут услышаны публикой его идеи: «Писатель без сцены не может сделаться популярен...» [7, с. 547].

Свои программные взгляды на драматургию Писемский сформулировал в письме А. Н. Островскому, передавая, «что чувствовал и мыслил» при знакомстве с «Банкрутом» (1850). В его формулировке «основной идеи» сюжетного развития драмы Островского повторяется ключевое для Писемского понятие «эгоизма» как одного из вариантов личных страстей, не ограниченных рамками образования и существующих законов: «Необразованность, а вследствие ее совершенное отсутствие... нравственных правил и грубый эгоизм... обнаруживается в каждом лице и все события пьесы уславливаются тем же бесчестным эгоизмом, т.<о> е.<сть> замыслом и исполнением ложного банкротства» (*курсив мой – О. Т.*) [7, с. 25]. В развитии драматического действия его привлекают эффектные явления, как, например, «драматическая сцена посаженного в яму банкрота в доме его детей, которые... отказываются платить за него...». В их создании драматург должен ориентироваться на широкие круги «театральной публики», постоянное взаимодействие сцены и зала: «Зачем Вы мать заставили бегать за танцующей дочкою <...>. Вы, конечно, имели в виду театральную сцену и зрящий на нее партер» [7, с. 26].

После выхода «Москвитянина» с первой комедией Писемского «Ипохондрик» (1852) о мнительном помещике, вообразившем себя умирающим, журналы поместили разбор пьесы на своих страницах. Однако дельных указаний, по мнению автора, почти не последовало: «...“Библиотека для чтения” наговорила вздор...; “Отеч.<ественные> записки” отозвались желчно...» [7, с. 545]. Указание на «уважаемый им» талант, но ничтожный сюжет, отличало и отзыв «Современника» (И. И. Панаева). Он отказывался видеть завязку в изображении человеческой причуды и интерес – в исследовании этой причуды и реакции на нее: «Лишенная живого и занимательного действия, из которого вытекала бы... завязка, – пишет он, – комедия г. Писемского в частностях имеет, однако, большие достоинства» [10, с. 191]. Вместе с тем рецензент «Современника» указывает, что лица Писемского имеют значительный драматический потенциал: «Прохор в силе, Ванечка в богатстве... сестрица... с более честолюбивыми видами, заставили бы нас смеяться иным смехом» [10, с. 192].

Замечание Нового поэта, очевидно, пробудило творческий дух Писемского, поскольку он был отчасти с ним согласен: «Современник» «сказал, что в Комедии <“Ипохондрик”>, нет... завязки, из которой бы все вытекало, может быть, это и справедливо...» [7, с. 545].

Стремление реабилитироваться звучит в постскрипуме послания Некрасову с предложением к печати новой драмы (12 августа 1852 г.): «В последней моей комедии <“Раздел”> я избежал недостатка 1-й <“Ипохондрика”>, т.<о> е.<сть> отсутствия анекдота...» [7, с. 53]. В послании Островскому от 20 марта 1852 г. писатель заявляет: «Задумываю... большую комедию: сюжет, или анекдот, готов, а это для меня самое трудное... в характерах не затруднюсь» [7, с. 49]. «Трудность» выбора «анекдота» состояла, очевидно, в желании представить общественный, социально заостренный сюжет, за отсутствие которого в «Ипохондрике» и критиковал его И. И. Панаев.

К 20 июня того же года «анекдот» был найден, и автор сообщил М. П. Погодину: «...Есть в голове моей план комедии под названием “Раздел наследства”, где хочется выразить жадность... наследников, прикрытую обычной фразой: “мне ничего не надобно”...» [7, с. 543–544]. Позднее, 12 августа в послании Некрасову Писемский смог уже изложить «подробности содержания»: «Опасаясь только цензуры...: осмеяна <в пьесе>... мелочная жадность, которая так ярко и... комически высказывается при подобных случаях... После смерти старого холостяка... съезжаются делить имение его родные...» [7, с. 52]. Хотя теперь конфликт носит характер коллективного и общественно обусловленного, Писемский не отступил во второй пьесе от законов собственной драматургической поэтики. Писатель вновь ищет ситуацию неизбежного и «яркого» столкновения личных амбиций, при которой проявляются, как сказано в послании М. П. Погодину, вечные «страсти человеческие». Об этом стремлении отыскать универсальную для современного обывателя «лакмусовую бумажку», разоблачающую благопристойных в чужих (и своих) глазах господ, говорит начало эпиграфа журнальной редакции: «Немного так неприятно видеть в человеке, как мелкую корысть, и нигде она так... не выказывается, как при разделах наследства...» [11, с. 19].

Во второй пьесе конфликт провоцирует не причуда индивидуального характера (Дурнопечин с его мнительностью), а распространенное и законное с точки зрения государства стремление – получить часть имущества умершего родственника. Никто не замечает уродства ситуации, при которой наследники должны радоваться смерти близкого. Уверенность в том, что новая комедия «придется ко двору» в «Современнике», вкупе с преждевременными опасениями о ее цензурной судьбе, могла объясняться еще одним обстоятельством, на которое не обратили внимание исследователи. Хотя тема тяжб, раздела наследства достаточно распространена в русской драматургии XVIII–XIX вв. (вспомним «Бригадира» Д. И. Фонвизина (история Добролюбова), «Ябеду» В. В. Капниста), наиболее близкой по времени и тематике является одноактная комедия И. С. Тургенева «Завтрак у предводителя» (опубликована в 1856 г.). В журнальной редакции 1849 г. она носила название «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ» (ср.: «Раздел наследства»). Пьеса эта, несмотря на запрет ее печатания в «Современнике», с успехом шла на сценах Петербурга и Москвы в 1849–1850-х гг., и в частности в бенефис знаменитых драматических актеров, гордости московской сцены, И. Самарина и В. Живокини зимой 1850 г. И в дальнейшем в ней блистали близкие «Москвитянину» актеры (Щепкин, Садовский), в Петербурге – Мартынов. Кроме того, как отмечают исследователи, «несмотря на цензурный запрет “Завтрак у предводителя”... театральная... редакция... распространялась в нелегальных копиях...» [12, с. 395]. Таким образом, Писемский мог увидеть пьесу еще не знакомого ему писателя в один из своих регулярных визитов в Москву из Костромы, где тогда служил, либо получить из литературных и театральных кругов, близких «Москвитянину», ее рукописную копию.

Тургеневская бытоописательная сценка, «характернейшая для мелкопоместной дворянской среды» [12, с. 388], не могла не привлечь Писемского как изображенным в ней обществом, так и конфликтом. В обеих пьесах грязные страсти разгораются при дележе между близкими людьми после смерти бездетной тетушки (у Писемского – дяди). Везде наследники стремятся во-

влечь в свои интриги окружающих (у Тургенева – кучера Кауровой и «кружевниц» Беспаднина, у Писемского – лакеев и ключницу покойного барина, его воспитанника). В той и другой усилия примирить враждебные интересы оказываются тщетными, и тем мотивируется минорный финал.

Писемский делает ряд существенных переакцентировок. С фактической стороны он увеличивает куш, достающийся небогатым наследникам: «сто тысяч рублей», несколько крупных имений, что делает их спор объяснимым и мотивированным в своей беспощадности. Он усложняет интригу за счет увеличения числа наследников мужского пола («брат Кирило Прокофьич», «брат Иван Прокофьич», «племянник Сергей Васильич») и дам («сестра Анна Прокофьевна, убеждающая... в своей доброте и родственной любви», «племянница Амалия Петровна... с очень беспокойным характером») [7, с. 52–53]. Одновременно Писемский исключает побочную интригу: соперничество нынешнего предводителя дворянства, Балагалаева, и старого, Пехтерьева, которое стало одной из причин неудавшегося раздела у Тургенева.

Но главным полемическим мотивом, подвигшим Писемского в пику теперь уже коллеге по журналу создать *свою* пьесу, мог быть вопрос, вынесенный в название и продублированный в финальной реплике судьи Сулова: «Вот тебе и любовный дележ!» [13, с. 39]. Это вопрос о пределах и путях обуздания «страстей человеческих».

Наследники, как стая хищных зверей, могут только на время примириться, единым фронтом выступая против мнимых похитителей их законной добычи:

Анна Ефремовна. Это превышает всякое вероятие. Братец Иван Прокофьич, что вы намерены предпринять?

Иван Прокофьич. Отберем-с... показания и, сообразно с ним, будем разыскивать.

Кирило Семеныч. Непременно надобно этак сделать!

Эмилия Петровна. Если бы я предполагала, что тут так будут воровать... [14, с. 157].

Но когда сами достопочтенные родственники наконец «приступают к разделу», то, как отмечает автор в письме-заявке Некрасову, «за каждую... чашку шум, спор» [7, с. 53]. Алчность разделяет людей, не отличая пола, возраста, образования. В борьбе за наследство обнажают неприглядное психологическое нутро и Иван Прокофьич, «умный, хитрый, с железным характером», и Кирило Прокофьич, «смирный и глуповатый, но инстинктивно *своего не упустит*» [7, с. 52–53] (*курсив мой – О. Т.*), и просвещенный «московский хват», и пожилая вдова, и молодая дама. Таким образом, интерес пьесы сосредотачивается на внешних, но оригинальных и многообразных проявлениях одной «страсти».

Напротив, у Тургенева «сумасбродство» наследников, мешающее разделить, очевидно окружающим. В нем обвиняются оба полуграмотных помещика, брат и сестра («Это у них в роду, Николай Иваныч...»). Но именно претензии «бестолковой» Кауровой, предшественницы «забитых существ» Чехова, делаются причиной очередного неудачного собрания. Ее вина очевидна даже для постороннего свидетеля, Алупкина: «Слушай, баба!... Эй, не дурачься! Опомнись!» [13, с. 30].

В веселой тургеневской сценке оказалось достаточно припугнуть глупую вдову, и, не вмешайся хитрый Пехтерьев, раздел состоялся бы: «**Кауро-**

ва (*трепетным голосом*). Согласна, отцы мои, на все согласна... Все, что угодно, подпишу...» [13, с. 31]. Со своей стороны, у Беспандина в решающий момент просыпаются родственные чувства; он готов поддержать Анну Ильиничну, хоть и оговаривается, что вступается «вовсе не за сестру... а за честь фамилии» [13, с. 30].

Писемский, в согласии с программой журнала, усложняет сюжетную линию «бедных людей», невольных жертв разгоревшейся битвы человеческого эгоизма. Тургенев ограничивается комической сценой допроса госпожой туповатого кучера, который не понимает, какого доноса на ее «брatца» от него требуют. «Раздел» начинается с диалога барыни с ее воспитанницей Катенькой (она же «Катишь»), в которой благодетельница требует от девушки снисходительно принимать ухаживания молодого франта-племянника, который в «стачке» с нею. Эгоизм, подобно прилипчивой болезни, развращает окружающих. Челядь – лакеи, кучеры, ключница – принимают деятельное участие в «разделе» на стороне своего претендента в надежде на награду, шпионит, наушничает, посылает доносы. Таким образом, название «Раздел», а не «Раздел наследства», или «...Дележ» приобретает у Писемского обобщенно-символическое значение, указывая, как в «Ипохондрике», на силу низменных страстей, делающих человека эгоистом.

В дальнейшем это убеждение, отличавшее Писемского, найдет отражение в его программной статье о втором томе «Мертвых душ» (1857): «Если б Недорослей, Бригадиров, Фамусовых... поучить и пообразовать, то... авторы и читатели помирились бы с ними». К другому типу писателей он относит Гоголя и себя, говоря о врожденных «болезнях души» своих персонажей: «...Ноздрев, Подколесин... и *другие* страдают не отсутствием образования, не предрассудочными понятиями, а... посерьезнее, и для исправления их мало школы и цивилизации» [15, с. 526] (*курсив мой – О. Т.*).

Вопрос о путях «исправления» драматург выносит в эпиграф пьесы (в дальнейшем он будет снят): «Но, благодаря Бога, ее <“мелкую корысть”>, с одной стороны, ограничивают... законы, с другой – искореняет истинное образование» [11, с. 19]. В первых двух своих драмах Писемский сосредотачивается на «законных» путях обуздания себялюбия. В «Ипохондрике» «законы» здравого смысла персонифицированы в образе доброй тетушки, в «Разделе» речь идет о законах государственных. В обеих пьесах влияние «внешних» факторов на человеческую натуру кажется автору слабым и неубедительным. С этим связаны и колебания в разработке финалов. В «Ипохондрике», при всех вариантах действий Соломонины Платоновны и ее первоначальном успехе, для зрителя очевидно, что Дурнопечин рано или поздно вернется к своей мании.

Аналогичные варианты, означавшие открытый финал и отсутствие нравственного катарсиса персонажей, Писемский перебирал, завершая «Раздел». В первоначальном замысле, о котором автор сообщал Погодину, «...конец ее <пьесы>... в том, что покойник сам всех разделил и все останутся видимым образом довольны в силу того, что *страсти человеческие при необходимости унимаются...*» [7, с. 543–544] (*курсив мой – О. Т.*). Так, уже при первых набросках обдумывался вопрос, вынесенный впоследствии в эпиграф.

В послании Некрасову конкретизируется первый вариант: «...Неудовольствия <между наследниками> идут crescendo... Вдруг известие, что по-

койник... оставил им по... равной и *небольшой* части... лица всех вытягиваются, но делать нечего, – и... все мирятся» [7, с. 53] (*курсив мой – О. Т.*). В журнальном варианте, возможно, под влиянием советов редактора, акцентирован триумф «униженных и оскорбленных»: имение завещано бедному воспитаннику, почти уже обреченному в тюрьму за якобы кражу библиотеки (никому из остальных наследников не нужной). Можно догадываться, что Богданов, получив наследство, предложит руку бедной Катеньке и тем спасет еще одну жертву.

Но самого Писемского не удовлетворил и этот финал. В 1874 г., готовя к печати новое издание своих сочинений, он снова обращается к произведению двадцатиоднолетней давности. Драматург снимает внешнюю благополучную развязку и рассматривает обратную сторону разворачивающегося конфликта, показывая, к чему приводят «страсти», не стесняемые ни внешней волей, ни внутренней культурой.

Если у Тургенева несогласие наследников разрешается временным изменением предводителя (реплика: «...Вот погоди, он (*Балагалаев – О. Т.*) оправится, мы засядем в преферанс» [13, с. 40]), то у Писемского столкновение человеческих эгоизмов неизбежно ведет к трагедии. Действие заканчивается, как в античной драме, неизбежной гибелью одного из героев «за сценой»:

Матвеевна (*вбегая*): Отцы мои, что творится! Сергей Васильич... с кольями и дрекольями пошел на Ивана Прокофьича. Тот на скотном дворе заперся и скотинку начал колоть, а тот с ружьем на него идет...

Раздается ружейный выстрел.

Все женщины и Кирило Семеныч. Ай! [14, с. 114].

Некрасов принял «Раздел» благосклонно, как выражение позиции «Современника», но только на фоне слабых творений, о которых «не стоит говорить» [16, с. 402]. Сам тон редактора доказывает, что Писемский принципиально не изменил свои драматургические принципы, и предопределяет в дальнейшем неизбежный идейный разрыв.

В начале 1850-х гг. в «Ипохондрике» и «Разделе» начинает складываться драматургическая система Писемского, которая затем, с подачи П. В. Анненкова, получит тонкое определение «социального памфлета». Современники противопоставляли «Раздел» «Ипохондрику», в котором проявилось, по его собственным словам, «отсутствие анекдота». На самом деле мы имеем дело с единством завязки, заключающейся, как во всех последующих пьесах Писемского, за исключением «Ветерана и новобранца» и «Горькой судьбины», в проявлении человеком некоей физической или нравственной слабости. В «Ипохондрике» такой слабостью, завязывающей действие, становится мнительность персонажа, в «Разделе» – смерть. И в том, и в другом случае перед окружающими неожиданно открывается возможность поживиться за чужой счет цивилизованными благами, как перед стаей зверей – жирным куском дичины.

В дальнейшем драматург усложнит мотивировку действий людской толпы, выдвинув в качестве всеобщего искушения – «Ваала или поклонение золотому тельцу». Эта всеобщая погоня поколения шестидесятых-семидесятых за мгновенным обогащением, хотя и спровоцированная социальными условиями пореформенного времени: свободой биржевых махинаций

и легкостью афер, – затрагивает в душе те же вечные низменные «страсти». Не случайно характеристика, данная П. В. Анненковым поздней драматургии Писемского, вполне распространяется на исследованные нами ранние пьесы: «Цели и приемы литературного памфлета... состоят в том, чтобы довести лицо или событие до высшей степени безобразия... <...>. Комедия его “Ваал” рисует оргию современного хищничества почти без литературного прикрытия, с грубостью народного фарса, называющего все предметы по их именам» [17, с. 487–488].

Можно утверждать, что пьесы Писемского составляют особую линию в развитии русской драматургии середины XIX в., неразрывно связанную с магистральной, но оригинальную.

Список литературы

1. **Алмазов, Б. Н.** Писемский и его двадцатипятилетняя литературная деятельность / Б. Н. Алмазов // *Русский архив*. – 1875. – № 1. – С. 465–467.
2. **Анненский, И.** Три драмы. «Горькая судьбина». «Власть тьмы». «На дне» / И. Анненский // *Книги отражений*. – М. : Наука, 1979. – С. 46–59.
3. **Лакшин, В. Я.** Спор о Писемском-драматурге / В. Я. Лакшин // *Театр*. – 1959. – № 4. – С. 94–97.
4. **Журавлева, А. И.** Русская драма и литературный процесс / А. И. Журавлева. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 196 с.
5. **Еремин, М. П.** Писемский – драматург / М. П. Еремин // Писемский А. Ф. Пьесы. – М. : Искусство, 1958. – 446 с.
6. **Манькова, Л. В.** А. Ф. Писемский – драматург : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Манькова Л. В. – М., 1986. – 26 с.
7. **Писемский, А. Ф.** Письма / А. Ф. Писемский ; под ред. и ком. М. К. Клемана, А. П. Могилянского. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. – 928 с.
8. **Гаевский, В. П.** Обзорение русской литературы за 1850 год / В. П. Гаевский // *Современник*. – 1851. – № 1–2. – С. 34–35.
9. **[Панаев, И.]** Заметки и размышления Нового Поэта. Ноябрь 1851 / [И. Панаев] // *Современник*. – 1851. – № 12. – Отд. 4. – С. 144–145.
10. **[Панаев, И.]** Заметки и размышления Нового Поэта / [И. Панаев] // *Современник*. – 1852. – № 2. – Отд. 4. – С. 280–297.
11. **Писемский, А. Ф.** Раздел / А. Ф. Писемский // *Современник*. – 1853. – № 1. – Отд. 1. – С. 1–19.
12. **Оксман, Ю. Г.** Комментарий / Ю. Г. Оксман // *Тургенев И. С. Полное собрание сочинений* : в 28 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР. – Т. 3. – С. 388–402.
13. **Тургенев, И. С.** Завтрак у предводителя / Тургенев И. С. Полное собрание сочинений : в 28 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР. – Т. 3. – С. 7–40.
14. **Писемский, А. Ф.** Пьесы / А. Ф. Писемский. – М. : Искусство, 1958. – 446 с.
15. **Писемский, А. Ф.** Собрание сочинений : в 9 т. / А. Ф. Писемский ; под ред. А. П. Могилянского ; подг. текста и примеч. М. П. Еремина. – М. : Правда, 1959. – Т. 9. – (Библиотека «Огонек»).
16. **Некрасов, Н. А.** Переписка : в 2 т. / Н. А. Некрасов. – М. : Наука, 1987. – Т. 1.
17. **Анненков, П. В.** Литературные воспоминания / П. В. Анненков. – М. : Искусство, 1988.

References

1. Almazov B. N. *Russkiy arkhiv* [Russian archive]. 1875, no. 1, pp. 465–467.
2. Annenskiy I. *Knigi otrazheniy* [Books of reflections]. Moscow: Nauka, 1979, pp. 46–59.
3. Lakshin V. Ya. *Teatr* [Theatre]. 1959, no. 4, pp. 94–97.

4. Zhuravleva A. I. *Russkaya drama i literaturnyy protsess* [Russian drama and literary process]. Moscow: Izd-vo MGU, 1988, 196 p.
5. Eremin M. P. *Pisemskiy A. F. P'esy* [Pisemsky A. F. Plays]. Moscow: Iskusstvo, 1958, 446 p.
6. Man'kova L. V. *A. F. Pisemskiy – dramaturg: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [A. F. Pisemsky – dramatist: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Moscow, 1986, 26 p.
7. Pisemskiy A. F. *Pis'ma* [Letters]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1936, 928 p.
8. Gaevskiy V. P. *Sovremennik* [The Contemporary]. 1851, no. 1–2, pp. 34–35.
9. [Panaev I.] *Sovremennik* [The Contemporary]. 1851, no. 12, sect. 4, pp. 144–145.
10. [Panaev I.] *Sovremennik* [The Contemporary]. 1852, no. 2, sect. 4, pp. 280–297.
11. Pisemskiy A. F. *Sovremennik* [The Contemporary]. 1853, no. 1, otd. 1, pp. 1–19.
12. Oksman Yu. G. *Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 28 t.* [Turgenev I. S. Complete works: in 28 volumes]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, vol. 3, pp. 388–402.
13. Turgenev I. S. *Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 28 t.* [Turgenev I. S. Complete works: in 28 volumes]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, vol. 3, pp. 7–40.
14. Pisemskiy A. F. *P'esy* [Plays]. Moscow: Iskusstvo, 1958, 446 p.
15. Pisemskiy A. F. *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected works: in 9 volumes]. Moscow: Pravda, 1959, vol. 9.
16. Nekrasov N. A. *Perepiska: v 2 t.* [Correspondence: in 2 volumes]. Moscow: Nauka, 1987, vol. 1.
17. Annenkov P. V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs]. Moscow: Iskusstvo, 1988.

Тимашова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра истории русской литературы
и фольклора, Саратовский
государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

E-mail: kirlif@info.sgu.ru

Timashova Ol'ga Vladimirovna

Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of history
of Russian literature and folklore,
Saratov State University named after
N. G. Chernyshevsky
(83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

УДК 821.161.109+929 Писемский

Тимашова, А. А.

Комедия «Раздел» (1853) в драматургической системе раннего А. Ф. Писемского и в контексте журнала «Современник» / О. В. Тимашова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 140–149.

ШОПЕНГАУРИАНСКИЕ МОТИВЫ В «СТИХОТВОРЕНИЯХ В ПРОЗЕ» И. С. ТУРГЕНЕВА

Аннотация.

Актуальность и цели. Вопрос о влиянии Шопенгауэра на Тургенева ставился многократно, но убедительного решения его до настоящего времени не дано. Подтвердить присутствие шопенгауэровской ноты в произведениях Тургенева на конкретных текстуальных примерах исследователям удавалось чрезвычайно редко. В статье на конкретных примерах доказываются, сопоставляются цитаты, перекликающиеся ходы мысли, интерпретируются частные, но выразительные психологические мотивы тургеневских стихотворений в свете взглядов его любимого философа.

Материалы и методы. Методологический потенциал включает сравнительный анализ. В этой связи в статье имеется отсылка к трудам предшественников, исследовавших влияние Шопенгауэра на мысль Тургенева. Также затронуты работы ученых, которые непосредственно посвящены проблеме «Тургенев и Шопенгауэр» в контексте «Стихотворений в прозе», и выделяются ее актуальные тенденции. Особое внимание обращается на изучение не только генетических, но и типологических связей, отражающих как сходства, так и различия между произведениями Тургенева и философскими трактатами Шопенгауэра. Проблемно-хронологическое рассмотрение позволяет проследить взаимодействие тургеневской мысли с учениями Шопенгауэра как процесс: увидеть развитие идей во времени, их сложность соотношения между собой. Использование не только филологического, но и мировоззренческого анализа отвечает особенностям тургеневского творчества, а также обнаруживает расхождение образной логики и философского осмысления. Также учитываются исторические и социальные факторы, необходимые при изучении мировоззрения Тургенева.

Результаты. Исследовано взаимодействие литературного творчества Тургенева и философских идей Шопенгауэра на материале «Стихотворений в прозе» Тургенева, вобравших в себя метафизические, этические и эстетические воззрения немецкого философа.

Выводы. Философская лирика позднего Тургенева представляет собой эмоциональный отклик на немецкую философию пессимизма. Отклик – далеко не однозначный и включает неявную полемику. Интеллектуальная резиньяция по Шопенгауэру сопровождается у Тургенева эмоциональной непримиримостью с логическими выводами той самой философии, которую он, на первый взгляд, поэтически воплощает в образах своих стихотворений в прозе. Этот вывод заслуживает внимания и дает импульс к дальнейшему осмыслению одной из ключевых тем отечественной компаративистики.

Ключевые слова: метафизика, миниатюра, стихотворения в прозе, философия пессимизма, воля, рефлексия, антиципация, онтология бытия, старость, одиночество, философия природы.

Е. А. Kiseleva

SCHOPENHAUER THEME IN TURGENEV'S PROSE POEMS

Abstract.

Background. The issue of Schopenhauer's influence on Turgenev has been a matter of numerous discussions, however no decisive answer thereto has been

given yet. There are just few cases when researches managed to prove by specific textual examples a Schopenhauer's note in Turgenev's works. The article by means of specific examples provides proofs, comparisons of quotes, correlating trains of thought, interpretation of individual but eloquent notes of Turgenev's poems in the light of his favorite philosopher's views.

Materials and methods. Methodological resources include a comparative analysis. In relation thereto the work includes a reference to works of predecessors, who studied Schopenhauer's influence on Turgenev's mind. The article also addresses scientists' works, directly relating to the issue of Turgenev and Schopenhauer within the context of Prose Poems and highlighting the relevant tendencies thereof. A special attention is given to the study of not only genetic, but also typological links, reflecting both similarities and differences between Turgenev's works and Schopenhauer's philosophical treatises. A topical and chronological review enables to observe interaction of Turgenev's thought with Schopenhauer's doctrines as a process: to see development of his ideas in time, their sophisticated interrelations. Application of not only a philological, but also a worldview analysis corresponds to peculiarities of Turgenev's creative work and reveals difference of imaginative logic and philosophical understanding. Historic and social factors, relevant for study of Turgenev's views are also taken account.

Results. Interaction of Turgenev's creative writing and Schopenhauer's philosophical ideas by example of Turgenev's Prose Poems, incorporating metaphysical, moral and aesthetic views of the German philosopher, has been studied.

Conclusions. Philosophical lyrics of Turgenev at his late period is an emotional response to the German philosophical pessimism. It is a very ambiguous response, including implicit polemic. Turgenev complements intellectual resignation by Schopenhauer with emotionally uncompromising attitude to logical conclusions from the very philosophy he seemingly embodies in the images of his Prose Poems. This noteworthy conclusion inspires further apprehension of one of the key subjects of Russian comparative studies.

Key words: metaphysics, miniature, poems in prose, philosophical of pessimism, will, reflection, anticipation, ontology of existence, old age, solitude, philosophy of nature.

Изучение общефилософской проблематики творчества Тургенева, воздействия на него немецких философских идей имеет известную традицию, что прослеживается в исследованиях как российских, так и зарубежных ученых. Влияние Артура Шопенгауэра на мысль Тургенева исследовалась в работах А. И. Батюто, А. Валицкого, И. А. Винниковой, Н. П. Генераловой, Г. А. Тиме, П. Тиргена, С. Мак-Лауглин, Г. Швиртца и др. [1–5].

Тургенев, как известно, слушал лекции по филологии и философии в Берлинском университете (1836–1840), прекрасно владел немецким языком, изучал Гегеля, Шеллинга, Канта и Шиллера, долгое время жил в Германии и называл ее своим «вторым отечеством». Это не могло не наложить определенного отпечатка на его эстетические и философские интересы и вкусы.

В творчестве И. С. Тургенева отражается столкновение различных философских течений XIX в. Л. В. Пумпянский в своей статье «Тургенев-новеллист» [6] писал о том, что тургеневской новелле свойственна «философская оркестровка», т.е. непрерывное философское сопровождение, на фоне которого, наличном или предполагаемом, разворачивается само действие. Тургеневские философские штудии с самого начала отличались широтой, а убеждения – глубокой искренностью и противоречивостью.

По мнению Г. А. Тиме, «шопенгауэровские» темы и идеи представляют особый интерес именно с точки зрения типологического изучения, так как о времени точного знакомства Тургенева с теми или иными произведениями философа ученые, как правило, высказываются предположительно» [7, с. 60]. В письмах Тургенева имя Шопенгауэра упоминается только дважды: в 1862 г. в письме к А. Герцену он советует «поприлежнее читать Шопенгауэра» (следовательно, сам Тургенев уже прочел труды философа); второй раз – в 1882 г. – в письме к А. Фету, переводившему в это время Шопенгауэра.

Популярность философа в России объясняется многими причинами. П. Тирген в статье «Шопенгауэр в России» [8, с. 66–67] пишет о том, что его метафизика была доступным учением о человеке и окружающем мире, что его этика была описательной, а не предписывающей, как у Канта. Язык Шопенгауэра отличался понятностью и простотой. Социально-политическая обстановка в России «создала идеальную почву для пораженческо-пессимистических настроений и идей» [8, с. 67]. Но важнейшей из причин популярности Шопенгауэра в России явился, по мнению Тиргена, «феномен поэта-мыслителя». Поскольку академическая философия вследствие тисков цензуры и церковного контроля находилась в весьма трудном положении, то пристанищем мысли стали частные дискуссии в рамках так называемых «кружков» и сама художественная литература. Многие русские писатели-романисты были одновременно «философами-любителями» и считали философию самым ценным и полезным спутником своего творчества [8, с. 70].

Тургенев в своих работах обращался к темам ничтожности человеческого бытия, равнодушия природы («*naturanoncontristatur*»), всемогущества бессмысленного случая и, наконец, к проблеме смерти. Так же как и Шопенгауэр, он рассматривал «человеческую жизнь как “трагикомедию”, а характер как заданную судьбой, в большинстве своих проявлений, неизменную константу» [8, с. 70]. Поэтому многие герои Тургенева представляют собой статические типы, и вопрос свободы воли перерастает у них в трагическую проблему.

Наглядные примеры антиципации Шопенгауэра и типологических соответствий можно увидеть во всем творчестве Тургенева, но в конце творческого пути влияние философа на образ мыслей Тургенева обозначилось особенно заметно.

Написанные под конец литературной деятельности (1877–1882) «Стихотворения в прозе» в концентрированной форме выражают многолетние философские раздумья Тургенева, различные грани его духовного облика. Отмечая особую философичность творчества писателя – «сопряжение эмпирического и метафизического», Г. А. Курляндская характеризует «Стихотворения в прозе» как поэтическую исповедь [9]. На присутствие Шопенгауэра в «Стихотворениях в прозе» указывали многие ученые, специально этот вопрос исследовали Л. Аллен, А. Валицкий, В. М. Головкин, Т. Б. Трофимова.

Луи Аллен считал, что «влияние Шопенгауэра <...> отразилось в «Стихотворениях в прозе» именно потому, что Тургенев просто нашел у него философское обоснование того пессимизма, который начиная с 1848 года часто омрачал его одинокие размышления» [10, с. 89]. Французский ученый придерживается давней литературоведческой традиции, которая связывает «философский пессимизм» Тургенева с идеями Шопенгауэра.

На связь некоторых произведений цикла с Шопенгауэром указывал польский исследователь А. Валицкий [11, с. 335]. В его работах художественные образы тургеневских стихотворений рассматриваются как иллюстрации к тем или иным сентенциям философа.

В. А. Головкино подробно анализирует стихотворения «Завтра! Завтра!», «Песочные часы», «Два брата», «Дрозд 1», «Воробей», «Природа» и показывает, что, несмотря на отдельные созвучные образно-смысловые реминисценции (с текстуальными совпадениями или отсутствием таковых, но близких по смыслу к высказываниям философа), их нельзя рассматривать как единственный источник текста этих стихотворений и говорить об адекватности идей Тургенева и Шопенгауэра [12]. Наличие реминисценций из Шопенгауэра, по мнению В. А. Головкино, не является свидетельством зависимости русского писателя от немецкого философа: «Стихотворения в прозе» раскрывают самостоятельный и оригинальный взгляд на мир, специфически тургеневское восприятие» [13, с. 286]. В. М. Головкино утверждает: «<...> общечеловеческие проблемы “Стихотворений в прозе” – и прежде всего, вопросы жизни и смерти, человека и природы, личности и общества – рассматриваются Тургеньевым в контексте иных – не шопенгауэровских – философских традиций. Диалектический характер раскрытия всех этих проблемных антитез определяет структуру “Стихотворений в прозе” как цикла» [13, с. 99]. Все перечисленные стихотворения, как считает В. М. Головкино, в той или иной мере полемичны по отношению к философско-этической концепции Шопенгауэра.

Рассматривая роль реминисценций и автореминисценций в стихотворениях Тургенева, Т. Б. Трофимова подчеркивает, что для его творчества характерен «философский эклектизм» [14]. Так, в миниатюре «Завтра! Завтра!» она находит созвучия с мыслями и Шопенгауэра, и Паскаля [14, с. 167] и, разделяя мнение В. А. Головкино, пишет: «Учитывая опыт своих предшественников, он “вплывает” их философские идеи и мысли в свои размышления, ассимилируя их, творчески их перерабатывая и создавая собственные оригинальные произведения» [14, с. 164].

Таким образом, на вопрос о влиянии Шопенгауэра на Тургенева как автора «Стихотворений в прозе» убедительного ответа до настоящего времени не дано: если западные исследователи склонны это влияние абсолютизировать, то в отечественных работах идеи Шопенгауэра рассматриваются лишь как один из многих творчески переосмысленных источников Тургенева. Между тем «Стихотворения в прозе» свидетельствуют о том, что немецкий философ – и как катализатор мысли Тургенева, и как объект полемики – играет роль исключительную и ключевую.

Первый огромный пласт проблем, который волновал Тургенева на протяжении всего его творчества и получил новое переосмысление в *Senilia*, – философия природы.

Уже в рецензии на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Аксакова (1852) Тургенев смотрит на природу не только как художник, но и как философ. В его понимании природа включает в себя весь материальный мир в его конкретном существовании, причем существование это объективно, независимо от человека как субъекта воли. По Тургеньеву, «природа решительна настолько сама по себе – насколько вы сами по себе»

[15, т. 4, с. 517]. Тайной (ее писатель вслед за Гете называет «открытой») остается «бесконечная гармония», слиянность всех жизней в «одну мировую жизнь». Природа все разъединяет, чтобы все соединить.

Но в поздних «Стихотворениях в прозе» тема природы явственно окрашивается шопенгаурианским пессимизмом. Цикл начинается с миниатюры, в которой изображена природа («Деревня»), и миниатюрой с такой же тематикой заканчивается («Мои деревья»). Подобное композиционное решение неслучайно. В «Деревне» – апофеоз жизни, счастья человека, его единение с природой. В последней миниатюре тургеневского цикла «Мои деревья» акцентируется тема смерти; единение с природой достигается в смерти, означающей возврат человека в лоно вечной природы. Такое композиционное построение утверждает мысль о том, что в природе равновесие не нарушается, в ней действует закон самосохранения.

В миниатюре «Деревня» изображена картина русской сельской местности. В этом летнем деревенском пейзаже можно наблюдать попытку отобразить гармонию, присущую природе вообще, а также единение человека с ней, растворение в ней. Именно поэтому изначально лирический субъект не выявлен, и на первый план выступает сама природа. Так художественно воплощается идея о первозданности природы, независимости ее от субъекта. Лирический субъект в прямом смысле оказывается «вписан» в природу, поскольку заявляет о себе лишь в середине стихотворения: «Я лежу у самого края оврага на разостланной попоне; кругом целые вороха только что скошенного, до истомы душистого сена» [15, т. 10, с. 125]. Таким образом, своим стихотворением «Деревня» Тургенев обозначает одну из граней своего миропонимания природы: она нераздельна, гармонична, глубока и многолика, и человек – ее органическая часть.

В «Разговоре» Тургенев совсем по-иному расставляет акценты в отношениях человека с природой. Природа все также первична по отношению к людям, однако она находится в разладе с человечеством. Природе свойственны покой и величие, которым противопоставляются суетность и эгоистичность людей. Вслед за Шопенгауэром писатель не находит в человеческой жизни никакой разумной цели, лишь «нужду и страдание, увенчанные смертью» (цит. по: [15, с. 81]). Вину за эти страдания Тургенев, как и немецкий философ, возлагает, кажется, на самого человека, злого, мелочного, эгоистичного, поработанного страстями.

Вместе с тем тема разрыва человека с природой звучит у Тургенева по-своему. С точки зрения Шопенгауэра, человек являлся всего лишь наивысшей ступенью объективизации воли. Он наделен разумом, но от этого и больше страдает. Однако в природе, даже в неживой, происходят ровно те же процессы, которые присущи человечеству: постоянная борьба за жизнь, неиссякаемое страстное стремление, несущее страдание.

У Тургенева же человек отделен от природы совсем по иному признаку. Природа как раз символизирует покой. Нарушая его, человек и отделяет себя от всего окружающего. Нет и намека на признание человека как существа высшего, «венца творения». Наоборот, люди – всего лишь козявки, нарушающие величие и гармонию природы, представленной в образах-философемах гор.

В стихотворении «Природа» читаем о том, что природа «не ведает ни добра, ни зла» [15, т. 10, с. 165]. В ответ на лепетание человека о справедливости

ности она отвечает: «Разум мне не закон – что такое справедливость? Я тебе дала жизнь – я ее и отниму и дам другим, червям и людям... мне все равно!» [15, т. 10, с. 165].

Тургенев рассматривает природу как начальную форму бытия, как онтологическое основание всего сущего. В этом отличие от Шопенгауэра, для которого онтологически мир выступает как воля, и объективно он возможен только в представлении. По убеждению философа, абсолютным первоначалом бытия является мировая воля. Мир и человек есть формы объективации воли. Становление природы рассматривается Шопенгауэром как бесцельная, бесконечная и непрерывная борьба воли с самой собою.

У Тургенева также законы природы вечны и нерушимы; созидание и истребление выступают как естественные законы, которые касаются и низших, и высших «детей природы». Но у Тургенева природа (а не мировая воля) законодательница, следовательно, она заключает причину в самой себе, творит из себя, таинственный смысл природы не открыт лирическому субъекту, он не чувствует гармонии, не понимает закона равновесия. Отсюда его сомнения, страх, его возражения, ибо он стремится к обеспеченному сохранению, а природа предлагает ему бороться за самосохранение: «А ты пока защищайся – и не мешай мне!» [15, т. 10, с. 165]. Сходные мысли высказаны Тургеневым в «Поездке в Полесье» (1857): «Мне нет до тебя дела, – говорит природа человеку, – я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть» [15, т. 5, с. 130].

И у Шопенгауэра, и у Тургенева природа вневременна, противопоставлена индивиду с его ограниченной во времени и пространстве жизнью, с его страстями и желаниями. И писатель, и философ считали, что человек может быть гармонично вписан в нее только в том случае, если он не покушается на ее вечные законы, не нарушает ее покоя и сам пребывает в состоянии созерцания. Изображая картину человеческого бытия в постоянных противоречиях, непонимании, в проявлении беспощадной, возвышающейся над другими воле отдельного индивида, в глупости и безнравственности, Тургенев явственно следует Шопенгауэру: «И как это может удивлять нас, что этот мир – царство случая, ошибки и глупости, которая наголову разбивает мудрость, что в нем бушует злоба, а всякий отблеск вечного находит себе в нем место только как бы случайно и зато тысячи раз вытесняется вон» [16, с. 222].

Но противопоставление человека природе у Тургенева резче и болезненнее. Если, по Шопенгауэру, в природе происходят равно те же процессы, что и в мире людей, – вечное стремление, борьба за существование, мучение и постоянная метаморфоза, то в стихотворениях Тургенева природа не ведает разлада и противоречий. Она всегда величественна, таинственна, спокойна, в ней нет борьбы, ее законы непредвзято справедливы. Человек Тургенева – отнюдь не высшая ступень развития мировой воли, как учил Шопенгауэр; он ничтожен перед лицом природы, перед ее вечностью и покоем; он часто приравнивается к червяку или даже паразиту, поскольку для природы все твари – ее дети [15, т. 10, с. 165].

Миниатюрой, обобщающей представление о человеческой жизни, подводящей его под понятие бессмысленного страдания, в тургеневском цикле является стихотворение «Попался под колесо». Перед нами предстает модель человеческого бытия, в котором страдание становится универсальной тен-

денцией. На это указывает и форма: миниатюра выстроена в форме диалога, при этом отсутствуют даже малейшие описания действующих лиц: нет деталей портрета, указания на возраст или социальный статус. Неперсонифицированные человеческий стон и слова теряют всякий смысл и приравниваются к плеску ручья или скрипу надломленного дерева. В итоге человеческие страдания не просто приравниваются к любому звуку, но оказываются еще более бессмысленными, так как не способны дарить радость. Таким образом, Тургенев вновь сближается с Шопенгауэром в понимании бессмысленности страдания и, следовательно, всей человеческой жизни.

В духе Шопенгауэра написана и другая миниатюра, также относящаяся по форме к афоризму, «Житейское правило»: «Хочешь быть спокойным? Знайся с людьми, но живи один, не предпринимай ничего и не жалея ни о чем. Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать» [15, т. 10, с. 179]. Отказ от страстей, желаний и действий, аскеза и одиночество представляются Тургеневым единственным путем к душевному спокойствию. С другой стороны, счастье невозможно, пока человек не выучится страдать. Это положение можно интерпретировать следующим образом: человек приобретает счастье лишь тогда, когда в полной мере познает страдания и их сущность. Понимание жизни как цепи бесконечных желаний, которые и есть суть страдания, направляют человека на путь одиночества и аскетизма. Такое понимание жизни очень близко этике Шопенгауэра.

В стихотворении «Мне жаль» душу лирического субъекта переполняют два чувства: жалость и скука. При этом жалость распространяется на все живущее, на человечество вне зависимости от возраста, социального статуса, духовного развития его представителей. Счастье у Тургенева несет негативную окраску, поскольку оно кратковременно и всегда предшествует череде несчастий и страданий. Отсюда и появляется зависть к камням. Камень – естественный символ определенности, устойчивости, незыблемости, неизменяемости. Именно этот смысл лирический субъект вкладывает в представление о камне: он завидует незыблемости, неподвластности камня времени, все же остальное хрупко и невечно. От этого и появляется вселенская жалость Тургенева, сопряженная со скукой. Понимание счастья как категории негативной и кратковременной совпадает у Тургенева со словами Шопенгауэра: «Всякое удовлетворение или то, что обычно называют счастьем, в действительности всегда имеет лишь отрицательный, а не положительный характер» [17, с. 348].

Но при всем пессимизме, свойственном циклу, Тургенев, страдая неизлечимой болезнью, находит в себе силы, чтобы увидеть и совершенно иную, светлую сторону бытия. И в этом, наверное, заключено основное расхождение в миропонимании Тургенева и Шопенгауэра. Пафосом жизнеутверждения, гуманности и оптимизма овеяны такие стихотворения в прозе, как «Воробей», «Мы еще повоюем!», «У-А... У-А!».

В миниатюре «Воробей» раскрывается идея жертвенной любви как движущей силы жизни. Материнская любовь маленькой птицы оказывается сильнее воли к жизни, сильнее страха смерти, и в этом убеждении русского писателя полностью отрицается главная мысль Шопенгауэра о воле как первооснове бытия.

В стихотворении «Мы еще повоюем!» жизнеутверждение выражено еще ярче: пусть смерть страшна и неизбежна, но склоняться перед ней не

следует. Надо прочь отогнать мрачные думы и воскликнуть вместе с автором: «Мы еще повоюем, черт возьми!».

Верой в торжество жизни проникнута миниатюра «У-А... У-А!». Одинокий и отчаявшийся, юный поклонник Манфреда отправляется туда, «где громоздятся одни мертвые скалы, где застывает всякий звук, где не слышен даже рев водопадов!» [15, т. 10, с. 188]. В этой зловещей, мертвящей тишине, среди каменных громад он ощущает ужас близкой смерти. Но вот среди немой пустыни, в этом царстве смерти, он слышит крик ребенка, живой голос того самого презренного мира, от которого он, казалось, удалился навеки. В этом слабом крике младенца – торжество жизни, которая сильнее Манфреда и грандиознее величественных скал. Каким противоестественным проявлением слабости должна была показаться перед этим горячим призывом жизни мысль о самоубийстве!

Больше всего стихотворений в цикле посвящено темам одиночества, старости и смерти. Данная проблематика интересовала также и Шопенгауэра. Л. В. Пумпянский [6] писал о том, что в новеллах 60-х гг. попадаются размышления о смерти, о старости, о немощах человека, о судьбе. Некоторые из них, например размышления Санина в прологе к «Вешним водам» (1871) о ничтожестве жизни, разрастаются до степени самостоятельного «стихотворения в прозе». Интересно, с какой настойчивостью повторяется Тургеневым в ряде повестей любимая (и по составу, и по оркеструющей роли) его мысль: картина жизни, которую строит молодость, произвольна; только старость видит жизнь как она есть, во всей ее пустоте и ужасе. Похожая мысль есть и у Шопенгауэра. Философ называет самые большие преимущества старости, отмечая, что только старый человек может увидеть и понять всю ничтожность жизни: «Конец жизни напоминает конец маскарада, когда все маски снимаются» [17, с. 699]. По его мнению, старость выигрывает перед молодостью еще и в том, что в зрелом возрасте человека уже не тревожат страсти, а это, исходя из всего вышесказанного, говорит о меньшем влиянии воли на человека. «Как бы то ни было, юность есть время тревожений, старость – эпоха покоя <...>» [17, с. 700].

Размышления Шопенгауэра о старости и смерти были созвучны Тургеневу только по теме, но не по содержанию. Многие произведения Тургенева наполнены грустью и тоской по прошлому, юности, ушедшей любви, а предчувствие надвигающейся смерти переполняет лирического субъекта Тургенева ужасом и отчаянием. Настроение безысходности и безнадежности получило философское обобщение в некоторых стихотворениях.

Грустным аккордом звучит автобиографическое стихотворение «Без гнезда», повествующее об одинокой птице, обессилевшей в полете и упавшей в морскую пучину.

В форме страстного лирического порыва, обращенного к любимой женщине, написано стихотворение «Когда меня не будет...». Это миниатюрная элегия о любви большой и настоящей, унесенной в могилу.

Стихотворение «Как хороши, как свежи были розы...», построенное на контрасте света и тени, лета и зимы, расцвета и увядания, прошлого и настоящего, овеяно печалью об утраченной юности, о смерти друзей, о боли воспоминаний.

Повинуется страшной старухе-смерти («Старуха») поэт, которого она толкает к яме. Смерть неумолима, она торжествует над человеком и его тво-

рениями. Смерть воспринимается Тургеневым как космическая катастрофа, перед лицом которой все ценности утрачивают свой смысл. Смерть становится единственной абсолютной реальностью. Психологию ужаса и страха писатель связывает с отрицанием высшего разума во вселенной, глубинных сущностных сил.

Шопенгауэр совсем по-другому трактовал старость и приближение смерти. В его философии старость сопряжена с убыванием сил, болезнями, однако эти явления подготавливают человека к плавному переходу в небытие и не несут отрицательной окраски. Продолжая сравнивать юность и старость, немецкий философ замечает упадок энергии и сил в зрелом возрасте, однако говорит об особых преимуществах старости, которые компенсируют этот упадок.

В стихотворении «Старик» Тургенев говорит о том, что «настали темные, тяжелые дни», одолели недуги, под гору пошла дорога. Смерть не только не представляет спасения или долгожданного покоя для лирического субъекта, напротив, именно ее незримое присутствие и усиливает мотив фатальности, неотвратимости. Смерть у Шопенгауэра является аналогом Нирваны, Ничто, которые таинственно избавляют человека от страданий и приносят долгожданный покой. В стихотворении Тургенева, напротив, единственным утешением для старого человека становится уход в свои собственные воспоминания. Подчеркивается противоречие между реальным возрастом старика и его все еще молодой душой. С другой стороны, это обстоятельство и способно принести хоть мимолетную радость.

По Шопенгауэру, преимущество пожилого человека заключается в его способности обобщить жизненный опыт и взглянуть на прежние страсти и стремления как на суетные, ведущие лишь к страданию.

Тургенев расставляет другие акценты – лишь полноценная, свежая, сильная, наполненная эмоциями жизнь имеет ценность, только в воспоминаниях о ней одной и может найти временную отраду старик. В старости и смерти Тургенев искал не торжество человека и его спасения, а какого-то иного откровения, не разумно-мыслительного, но сердечно-чувственного, духовного.

В старости и смерти Тургенев не чувствовал, как Шопенгауэр, чаемого спасения. Примером тому может служить миниатюра «Кубок», которая написана как бы по следам размышлений над книгой философа. Название далеко не случайно, Шопенгауэр писал, что только человеку доступно действительно осушить «кубок смерти», в отличие от всего остального животного мира. Тургенев подхватывает в своем стихотворении не столько метафору, сколько саму мысль философа о торжестве человека в смерти, и предлагает свое видение: «Я, как ваятель, как золотых дел мастер, старательно леплю и вырезаю и всячески украшаю тот кубок, в котором я сам же подношу себе отраву» [15, т. 10, с. 178]. Единственное утешение видит Тургенев в искусстве. Здесь он близок эстетическим взглядам Шопенгауэра, который считал, что искусство «воспроизводит постигнутые чистым созерцанием вечные идеи, существенное и постоянное во всех явлениях мира, и в зависимости от материала, в котором оно их воспроизводит, это – изобразительное искусство, поэзия или музыка» [18, с. 198].

И Шопенгауэра, и Тургенева волновали онтологические проблемы человеческого бытия. Но в решении этих проблем наблюдаются заметные различия. Шопенгауэр выстраивает законченную философскую систему, в которой мир предстает проявлением бессмысленной воли. Человек при этом условии априори не имеет возможности стать счастливым, поэтому единственным выходом для него является отказ от личной воли, смерть и уход в небытие, эстетическое созерцание. У Тургенева же все-таки можно найти миниатюры, в которых лирический субъект смотрит на мир со светло-грустным настроением («У-А... У-А!», «Голуби») и даже оптимистически («Воробей», «Мы еще повоюем!»). Но перед лицом смерти все краски блекнут, и Тургенев не видит ни малейшего выхода. Не соглашаясь с шопенгауэровским «рецептом» логического и бесстрастного созерцания жизни и смерти, он так и не находит утешения, которое требуется человеческому сердцу в самый драматический момент человеческой жизни. И в этом смысле пессимизм Тургенева оказывается еще более глубоким, чем у Шопенгауэра.

Таким образом, «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева представляют собой эмоциональный отклик на немецкую философию пессимизма, включающий в себя неявную, внутреннюю полемику. Интеллектуальная резиньяция по Шопенгауэру сопровождается у Тургенева эмоциональной непримиренностью с логическими выводами философии, которую писатель, на первый взгляд, поэтически воплощает в образах своих стихотворений в прозе.

Список литературы

1. **Батюто, А. И.** Тургенев-романист / А. И. Батюто. – Л. : Наука, 1972. – 389 с.
2. **Винникова, И. А.** И. С. Тургенев в шестидесятые годы: (Очерки и наблюдения) / И. А. Винникова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1965. – 115 с.
3. **Генералова, Н. П.** И. С. Тургенев: Россия и Европа: Из истории русско-европейских литературных и общественных связей / Н. П. Генералова. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2003. – 583 с.
4. McLaughlin, S. Schopenhauer in Russland. Zur literarischen Rezeption bei Turgenev / S. McLaughlin. – Wiesbaden, 1984. – 209 pp.
5. **Schwartz, G. I.** S. Turgenev und Deutschland: Materialien und Untersuchungen. Vol. 1 / G. Schwartz ; ed. Gerhard Ziegengeist. – Berlin : Akademie-Verlag, 1965. – 247 p.
6. **Пумпянский, Л. В.** Тургенев-новеллист / Л. В. Пумпянский // Электронная библиотека спец. филол. литературы / Министерство образования и науки РФ. – М., 2007. – URL: <http://philology.ruslibrary.ru/default.asp?tr/D=139&art/D=336>
7. **Тиме, Г. А.** Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX вв. / Г. А. Тиме ; Рос. акад. наук, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). – СПб. : Нестор История, 2011. – 456 с.
8. **Тирген, П.** Шопенгауэр в России / П. Тирген // Общественная мысль: исследования и публикации. – М. : Наука, 1993. – Вып. III. – С. 64–76.
9. **Курляндская, Г. Б.** И. С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиции / Г. Б. Курляндская. – Тула : ИПП Гриф и К°, 2001. – 229 с.
10. **Аллен, Л.** Тургенев и Шопенгауэр / Л. Аллен // Пушкин и Тургенев : тезисы докладов. – СПб. ; Орел, 1998. – С. 87–92.
11. **Walicki, A.** O «schopenhaueryzmie» Turgieniewa / A. Walicki // Osobowość a historia. – Warszawa, 1958. – S. 278–353.
12. **Головко, В. М.** И. С. Тургенев и А. Шопенгауэр к проблеме текстологического и историко-литературного комментария «Стихотворений в прозе» / В. М. Го-

- ловко // И. С. Тургенев. Проблемы мировоззрения и творчества : сб. науч. тр. – Элиста : Калмыцк. ун-т, 1983. – С. 96–117.
13. **Головко, В. М.** О некоторых реминисценциях в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева / В. М. Головко // Четвертый межвузовский тургеневский сборник. – Орел, 1975. – Т. 17. – С. 285–304.
14. **Трофимова, Г. Б.** Литературные и философские реминисценции в цикле «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева (к проблеме поэтики) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Трофимова Г. Б. – СПб., 2004. – 195 с.
15. **Тургенев, И. С.** Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Соч. : в 12 т. ; Письма : в 18 т. / И. С. Тургенев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 1978–1990.
16. **Шопенгауэр, А.** Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1. Мир как воля и представление. – М. : Московский клуб, 1992. – 395 с.
17. **Шопенгауэр, А.** Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр. – М. : ЭКСМО ; СПб. : Мидгард, 2007. – 736 с.
18. **Шопенгауэр, А.** Об интересном / А. Шопенгауэр. – М. : Олимп ; ООО Изд-во АСТ-ЛТД; 1997. – 432 с.

References

1. Batyuto A. I. *Turgenev-romanist* [Turgenev-novelist]. Leningrad: Nauka, 1972, 389 p.
2. Vinnikova I. A. *I. S. Turgenev v shestidesyatyte gody: (Ocherki i nablyudeniya)* [Turgenev in 60s: (Essays and observations)]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1965, 115 p.
3. Generalova N. P. *I. S. Turgenev: Rossiya i Evropa: Iz istorii russko-evropeyskikh literaturnykh i obshchestvennykh svyazey* [I. S. Turgenev: Russia and Europe: from the history of Russian-European literary and social ties]. Saint-Petersburg: Izd-vo RKhGI, 2003, 583 p.
4. McLaughlin S. *Schopengauer in Russland. Zur literarischen Rezeption bei Turgenev* [Schopenhauer in Russia. On literary reception by Turgenev]. Wiesbaden, 1984, 209 p.
5. Schwirtz G. *I. S. Turgenev und Deutschland: Materialien und Untersuchungen. Vol. 1* [Turgenev and Germany: materials and research]. Berlin: Akademie-Verlag, 1965, 247 p.
6. Pumpyanskiy L. V. *Elektronnaya biblioteka spets. filol. literatury* [Electronic library of special philological literature]. Ministry of education and science of the RF. Moscow, 2007. Available at: <http://philology.ruslibrary.ru/default.asp?tr/D=139&art/D=336>
7. Time G. A. *Rossiya i Germaniya: filosofskiy diskurs v russkoy literature XIX–XX vv.* [Russia and Germany: philosophical discourse into Russian literature of XIX–XX centuries]. Saint-Petersburg: Nestor Istoriya, 2011, 456 p.
8. Tirgen P. *Obshchestvennaya mysl': issledovaniya i publikatsii* [Public thought: research and publications]. Moscow: Nauka, 1993, iss. III, pp. 64–76.
9. Kurlyandskaya G. B. *I. S. Turgenev. Mirovozzrenie, metod, traditsii* [I. S. Turgenev. World view, method, traditions]. Tula: IPP Grif i K°, 2001, 229 p.
10. Allen L. *Pushkin i Turgenev: tezisy докладов* [Pushkin and Turgenev: report theses]. Saint-Petersburg; Orel, 1998, pp. 87–92.
11. Walicki A. *Osobowość a historia* [Personality and history]. Warsaw, 1958, pp. 278–353.
12. Golovko V. M. *I. S. Turgenev. Problemy mirovozzreniya i tvorchestva: sb. nauch. tr.* [I. S. Turgenev. Problems of world view and creativity: collected articles]. Elista: Kalmytsk. un-t, 1983, pp. 96–117.
13. Golovko V. M. *Chetvertyy mezhvuzovskiy turgenevskiy sbornik* [Fourth interuniversity collection devoted to Turgenev]. Orel, 1975, vol. 17, pp. 285–304.
14. Trofimova G. B. *Literaturnye i filosofskie reministsentsii v tsikle «Stikhotvoreniya v proze» I. S. Turgeneva (k probleme poetiki): dis. kand. filol. nauk: 10.01.01* [Literary and philosophic reminiscences in the cycle “Proze poems” by I. S. Turgenev (on the problem of poetics): dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Saint-Petersburg, 2004, 195 p.
15. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Soch.: v 12 t.; Pis'ma: v 18 t.* [Complete collection of works and letters: in 30 volumes]. Moscow: Nauka, 1978–1990.

16. Shopengauer A. *Sobranie sochineniy: v 5 t. T. 1. Mir kak volya i predstavlenie* [Collected works: in 5 volumes. Vol. 1. World as the will and conception]. Moscow: Moskovskiy klub, 1992, 395 p.
17. Shopengauer A. *Aforizmy zhiteyskoy mudrosti* [Aphorisms of worldly wisdom]. Moscow: EKSMO; Saint-Petersburg: Midgard, 2007, 736 p.
18. Shopengauer A. *Ob interesnom* [On something interesting]. Moscow: Olimp; OOO Izd-vo AST-LTD; 1997, 432 p.

Киселева Екатерина Александровна
аспирант, Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Россия, г. Санкт-Петербург,
Набережная реки Мойки, 48)

Kiseleva Ekaterina Aleksandrovna
Postgraduate student, Russian State
Pedagogical University named after
A. I. Gertsen
(48 reki Moyki embankment,
Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: k.kiseleva@mail.ru

УДК 82.091

Киселева, Е. А.

Шопенгаурианские мотивы в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева / Е. А. Киселева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 150–161.

ПСИХОЛОГИЗМ ЛЕКСИКИ ЦВЕТА В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАДИМ»

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена рассмотрению проблемы психологизма цвета в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим» (1832–1834). Актуальность исследования определяется тем, что в отечественном и зарубежном лермонтоведении очень мало специальных работ, посвящённых изучению лексики цвета в творчестве Лермонтова, и данная статья – по сути, одна из начальных ступеней в разработке этой темы. Акцент сделан на психологической функции цветообозначений, использованных писателем при создании портретных и пейзажных зарисовок. Основная цель исследования – осмыслить возможности лексики цвета в раскрытии психологического содержания романа русского классика.

Материалы и методы. Материалом для научного анализа послужили цветообозначения, используемые в портретных и пейзажных описаниях романа «Вадим». Ведущим методом исследования является метод филологического анализа, а его основной приём – культурно-историческая интерпретация. Кроме того, в исследовании широко применён количественно-симптоматический метод.

Результаты. Исследование цветовой лексики, являющееся частью филологического анализа художественного текста, позволило выявить в общем свето-цветовом рисунке романа четыре основных цветовых тона – светлый, чёрный, примыкающий к нему красный и серый. Изучение психологической нагрузки цветолексем в границах перечисленных тонов способствует более глубокому осмыслению личной трагедии главного героя произведения – Вадима – на фоне сложных исторических событий.

Выводы. В ходе исследования был сделан вывод о том, что выделенные цветовые локусы – светлый, чёрный, красный и серый – сосредоточены в трёх психологических центрах романа («Вадим» – «Палицын» – «Ольга, Юрий»), являющихся смыслообразующими. При этом психологическим ядром романа является образ Бориса Петровича Палицына, вокруг которого разворачиваются все трагические события.

Ключевые слова: психологизм, лексика цвета, цветообозначение, пейзаж, портрет.

К. В. Smorchkova, S. V. Kezina

COLOR PSYCHOLOGISM IN THE M. Yu. LERMONTOV'S NOVEL "VADIM"

Abstract.

Background. This article is dedicated to consideration of the problem of the color psychologism in the M. Yu. Lermontov novel "Vadim" (1832–1834). The topicality of the survey is defined by the fact that there are few special works in Russian and foreign study of Lermontov which are dedicated to the study of color lexis in Lermontov oeuvre, and this article is actually one of the starting steps in consideration of this topic. The accent is made on the psychological function of the color indication which was used by the author while creating the portrait and landscape

sketches. The main purpose of the research is to comprehend the abilities of the color lexis in disclosure of the psychological content in the novel by the Russian classic.

Materials and methods. The material for the scientific analyses was the color indications which were used in portrait and landscape descriptions of the novel "Vadim". The leading survey method is the method of philological analyses and its main technique – the technique of the cultural-historical interpretation. Moreover, in the survey the authors widely used the quantitative-symptomatic technique.

Results. The survey of the color lexis, which is a part of the philological analyses of the literary text allow to indicate 4 main color tones in the whole light-color picture of the novel, which are – light, black, red, which is adjacent to it and grey. The study of the psychological stress of the color lexical units within the borders of the listed tones contributes to a deeper comprehension of the personal tragedy of the novel protagonist – Vadim – on the background of sophisticated historical events.

Conclusions. As a part of study the authors have come to the conclusion that the indicated color locuses – light, black, red and grey – are focused in three psychological centers of the novel ("Vadim" – "Palitsyn" – "Olga, Yuriy"), which are sense-forming. By the way, the psychological core of the novel is the image of Boris Petrovich Palitsyn, around whom all the tragic events develop.

Key words: novel «Vadim», psychologism, colour lexis, landscape, portrait.

Статья посвящена рассмотрению проблемы психологизма цвета в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим». Теоретической базой исследования являются работы Е. Н. Михайловой «Проза Лермонтова», У. Р. Фохта «Лермонтов: Логика творчества», Б. Эйхенбаума «М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки», К. Д. Вишневого «Цветовая палитра Лермонтова», И. Анненского «Об эстетическом отношении Лермонтова к природе», Л. Б. Перльмуттера «Язык прозы М. Ю. Лермонтова», А. Б. Есина «Психологизм русской классической литературы», М. М. Бахтина «Вопросы литературы и эстетики».

С 30-х гг. XIX в., когда в общественном сознании формировались ключевые идеи столетия, в русской классической литературе стала особенно очевидной тенденция ко всё более глубокому проникновению во внутренний мир человека. Идея личности, её высочайшей ценности для русской культуры приобретает исключительное значение и становится отправной точкой в исканиях передовой дворянской интеллигенции [1, с. 42]. Таким писателем, кто одним из первых обратился к проблеме внутреннего мира человека и глубоко и всесторонне изучал его, стал М. Ю. Лермонтов. Его «Герой нашего времени» (1837–1840) открыл галерею психологических романов. Ранние произведения, написанные им в романтической манере, обнаруживают элементы психологизма как «творческого принципа» (определение А. Б. Есина) [1, с. 22]. Подтверждением тому является филологический анализ незаконченного романа Лермонтова «Вадим» (1832–1834). Являясь первым прозаическим опытом, роман тем не менее соответствовал общелитературной тенденции к углублённому исследованию внутреннего мира человека. Произведение выдвигает на первый план идею личности, которая становится отправной точкой в исканиях молодого автора как представителя своего поколения. Психологизм в романе играет «большую роль в изображении характера как сложного единства объективного и субъективного, закономерного и неповторимого» [2, с. 110] и является объектом исследования.

Психологизм художественного текста выражен в психологических деталях, которые чётко прослеживаются в портретных, пейзажных и бытовых зарисовках. Внешний мир в произведениях раннего Лермонтова служит средством выражения внутреннего состояния героев. Очень точно об этом сказал М. М. Бахтин, писавший, что человек «...весь сплошь овнешнен. Между его подлинной сущностью и его внешним явлением нет ни малейшего расхождения. Все его потенции, все его возможности до конца реализованы в его внешнем социальном положении, во всей его судьбе, даже в его наружности: вне этой его определённой судьбы и определённого положения от него ничего не остаётся. Он стал всем, чем он мог быть, и он мог быть только тем, чем он стал. Он весь овнешнен и в более элементарном, почти в буквальном смысле: в нём всё открыто и громко высказано, его внутренний мир и все его внешние черты, проявления и действия лежат в одной плоскости» [3, с. 476, 477]. Психологические детали, такие как цвет и выражение глаз, изменение цвета лица, особая мимика (в портрете), состояние природы, погодные явления, их соответствие народным приметам, имеют особое языковое выражение. Научный интерес представляют слова, образующие в романе лексико-семантическое поле цвета.

Колористическое пространство романа «Вадим» многоцветно. Около 200 цветообозначений встречаются в произведении около 600 раз. Такое многоцветье вызывает удивление неискушенного читателя, привыкшего воспринимать Лермонтова как певца трагической действительности. Друг детства и ранней юности Лермонтова Аким Шан-Гирей утверждал, что Лермонтов 1829–1833 гг. драпировался в байронизм и был «характера скорее весёлого...» [4, с. 37]. Л. Гинзбург пишет по этому поводу, что «поэт, особенно юный поэт, даже самый трагический, как личность не состоит весь из трагизма» [5, с. 21]. Кроме того, такое многоцветье объясняется романтической манерой, в которой выполнено произведение. Романтизм Лермонтова – явление уникальное, поскольку оно основывается на творчестве В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и вбирает в себя идеи, выдвинутые В. Г. Белинским и Н. Г. Чернышевским.

А. М. Гуревич и В. И. Коровин отмечают, что в творчестве Лермонтова, «равно поражающем беспощадностью отрицания и могучим полётом мечты, достигает предельного напряжения основное противоречие романтизма – противоречие между идеалом и действительностью» [6, с. 474]. При этом оба начала теснейшим образом взаимосвязаны: глубина и сила разочарования являются прямым следствием повышенной требовательности к миру и самому себе.

«Лермонтовский человек» чувствует свою уникальность, он мечтает «о героических деяниях, требующих максимального напряжения всех духовно-нравственных сил. В борьбе и подвиге поэт и близкие ему герои видят единственно достойную цель человеческого бытия» [7, с. 634].

Заметим, что Лермонтов-романтик не стремится к непосредственному раскрытию противоречий эпохи. Действительность выступает у него опосредованно – в субъективно-преобразённом виде. По замечанию Е. Михайловой, «он берёт лишь те противоречия, в которых с особой силой, но и односторонностью, концентрируется протест личности против гнёта и безобразия окружающей жизни. Противоречия общественной действительности прини-

мают у него абстрактный характер; это абсолютная противоположность изолированных отвлечённых сущностей: добра и зла, невинности и порока, красоты и безобразия» [8, с. 113, 114].

Органичное соединение мировоззренческих позиций автора, остроты юношеского восприятия действительности на общем фоне романтической манеры нашли яркое отражение в колористической картине романа.

Лермонтов активно использует психологические детали. Наше исследование предполагает рассмотрение лексики цвета в психологическом портрете и пейзаже, через которые полнее всего выражается эмоциональное состояние персонажей.

Главный герой романа – Вадим, нищий горбун. Всю жизнь он лелеял мысль о мести помещику Палицыну, который погубил его отца, сделал Вадима сиротой и, словно в насмешку, взял на воспитание Ольгу, сестру главного героя.

В микросистеме цвета, выражающей психологизм происходящих событий, преобладают лексико-семантические группы чёрного, белого и красного тонов. К. Д. Вишневский в статье «Цветовая палитра М. Ю. Лермонтова» писал, что писатель в своём творчестве предпочитает «контрастные тона с преобладанием чёрного и серого <...> Множество контрастных (цветоназваний) чёрного и белого здесь особенно наглядно» [9, с. 62, 63]. Филолог отмечает и «лидерство красных оттенков». Такое соотношение цветообозначений характерно и для исследуемого романа. Всего в нём употреблено 14 ЦО светлого тона, встречающихся 56 раз (*белый* (16) и *бел* (1), *беленький* (1), *белизна* (1), *белокур* (1), *бледнеющий* (1), *бледность* (4), *бледный* (10), *брачное (покрывало)* (1), *светать* (1), *светить* (3), *светло* (1), *светлый* (3), *свет* (12)). Они составляют 31 % цветового рисунка всего романа. В семантическом поле чёрного тона насчитывается 15 ЦО, которые встречаются 64 раза (*темно* (4) и *темнее* (1), *темнота* (4), *тёмный* (16), *тень* (3), *угасать* (1), *уголья* (2), *чёрный* (20) и *чёрен* (2), *чернее* (2), *чернеть* (2) и *чернеющий* (2), *чернобровый* (2), *черноглазый* (2), *черномазый* (1)). Эта группа составляет 35 % цветового рисунка романа. Особого внимания заслуживает группа красного тона. В её состав входят следующие ЦО: *багровый* (2), *багряный* (3), *вино* (1), *заревое* (1), *зарница* (1), *красноватый* (2), *красный* (13), *кровавый* (5), *кровь* (20), *лиловый* (5), *малиновый* (1), *покраснеть* (2) и *покрасневший* (1), *пурпур* (1), *разрумяниться* (1), *розовый* (4), *рубин* (1), *румянец* (2), *румяный* (2). Всего 19 ЦО, употреблённых 68 раз, что составляет 37 % цветового рисунка романа. Подсчёты позволяют увидеть, что наименования светлого, чёрного и красного тонов составляют цветовое ядро романа. Распределение цветообозначений по лексико-семантическим группам соответствующих тонов обусловлено темой и идеей произведения и преобладающей романтической манерой изложения. Цветообозначения созвучны душевному состоянию Вадима и выражают авторское отношение к герою. Цветолексемы *чёрный* и *белый*, как правило, поданы в сопоставлении.

В романе около 25 пейзажных зарисовок, которые содержат около 70 цветообозначений, употреблённых около 200 раз, что составляет почти треть всех ЦО в романе, причём как по количеству наименований, так и по количеству употреблений.

К психологическому пейзажу примыкает психологический портрет. Б. М. Эйхенбаум отмечает, что Лермонтовым «положено новое представле-

ние о связи внешности человека с его характером и психикой» [10, с. 258]. Внешние черты человека теперь являются отражением его сущности, выражением внутренних переживаний. Значительную роль в создании психологизированного портрета также играет лексика цвета.

Пейзажные и портретные колоративы одинаково передают психологизм, выражают внутреннее состояние через внешние проявления, поэтому правомерно рассматривать их вместе.

С белым цветом, название которого «раньше других вошло в сознание» [11, с. 7], ассоциировались такие свойства человека, как «сохранение традиций, память» [12, с. 118]. Кроме того, белый цвет является символом женского начала. «Белый цвет – очищенная душа, радость, чистота, девственность, невинность, святая жизнь» [12, с. 134].

Чёрный – как противоположность белого – «является цветом неизвестности, конца и физической смерти в будущем» [12, с. 134]. И. Е. Данилова так говорит о чёрном цвете: «Чёрное, тёмное выступает как образ мрака, тьмы внешней. Может быть, не случайно эта тьма изображалась в русских иконах неправильной формы как антисвет, антицвет и поэтому антиформа, ибо свет – это добро, это то, что даёт форму, тьма – это зло, то, что уничтожает форму» [13, с. 87].

Чёрный цвет встречается в портрете Вадима всего дважды, но всякий раз это цветообозначение встречается при описании взгляда. Чёрными глазами, по верованиям наших предков, наделялись люди со злыми помыслами, властные и мстительные. «Он должен бы был родиться всемогущим или вовсе не родиться», – пишет М. Ю. Лермонтов. Впервые встретившись с Палицыным, Вадим «устремил *яркие чёрные* глаза на великодушного господина; этот взор был остановившаяся *молния*». Первая же встреча Вадима и Палицына даёт представление о нравственной основе образа Вадима. Не проявляющий своего замысла внешне, он внутри лелеял идею мщения. Огонь ненависти, кипящий в его груди, выражен во взгляде. Не случайно Лермонтов использует метафору, сравнивая взгляд с молнией. Так усиливается психологическое напряжение, владевшее героем в момент встречи с непримиримым врагом.

Помимо мести, Вадимом движет чувство глубокого одиночества, тоже выраженное в цвете. Он сам сравнивает себя с чёрной тучкой: «...безобразный горбач остался один... один... как *чёрная* тучка, забытая на ясном небе, на которую ни люди, ни солнце не хотят и взглянуть...».

В романе чернеют берёзы, сосны, сообразно тому, как буря назревает в его душе. И всё это проявляется на белом фоне – фоне чистоты и покоя. Лермонтов пишет: «Восток *белел* приметно, и розовый блеск змеёй обрисовывал нижние части большого серого облака, который, имея вид коршуна с растянутыми крылами, держащего змею в когтях своих, покрывал всю восточную часть небосклона; фантастически отделялись предметы на дальнем небосклоне, и высокие сосны и берёзы окрестных лесов *чернели*, как часовые на рубеже земли; природа была тиха и торжественна, и холмы начинали озаряться сквозь *белый* туман, как иногда озаряется лицо невесты сквозь *брачное* покрывало, всё было свято и чисто – а в груди Вадима какая буря!» Мы обращаем внимание на излюбленный лермонтовский приём контраста, который служит основой для создания психологического параллелизма. В природе на

фоне белого тумана, белеющего востока как провозвестника начала дня, а значит символа света в общефилософском смысле, выделяются мрачные силуэты деревьев. Образ Вадима становится первым психологическим центром в романе. В его поле сосредоточены темные тона, выбор которых обусловлен авторской задумкой.

В жизни – дьявольский замысел Вадима контрастирует со святостью образа его сестры. Эмоциональный мир Ольги окрашен в светлые тона. Являясь антиподом Вадима, она выражает идею надежды и прощения. Всё, что она видит в природе, исполнено света и чистоты и устремлено в будущее: «Ольга часто забывала свое шитьё и наблюдала синие странствующие воды и барки с белыми парусами и разноцветными флюгерями. Там люди вольны, счастливы! каждый день видят новый берег – и новые надежды!»

Как в природе свет и тьма, чёрное и белое сосуществуют рядом, так и в мире людей святость и грех ходят рука об руку. Подтверждение тому мы находим в истории одной семьи, в которой и разгораются страсти. Этот же приём обнаруживаем чуть ранее: «Она запылала, крепче прижалась к нему [Юрию] и ускорила шаги, не говоря ни слова... в это время они находились на перекрёстке двух дорог, возле большой засохшей от старости ветлы, коей чёрные сучья резко рисовались на полусветлом небосклоне, еще хранящем последний отблеск запада». Лексическая и контекстная антонимия, которой связаны цветолексемы чёрные и полусветлый, выполняет психологическую функцию, выражая состояние раздвоенности в душе Ольги.

Природа откликается на все события, происходящие в романе. Вадим мстит не только за личную обиду. Он выражает и интересы порабощённого крестьянства, подстрекает бунтовщиков. Природа словно чувствует нависшую социальную угрозу. Пейзаж, полный внешнего ужаса и разрушения, изображает глубоко внутреннюю катастрофу: «Ужасна была эта ночь, – толпа шумела почти до рассвета и кровавые потешные огни встретили первый луч восходящего светила; множество нищих, обезображенных кровью, вином и грязью, валялось на поляне, иные из них уж собирались кучками и расходились; во многих местах опалённая трава и чёрный пепел показывали место угасшего костра; на некоторых деревьях висели трупы... два или три, не более...». В этой зарисовке активна цветолексема чёрный. Чёрный пепел образовался в результате сжигания дерева, живого организма, в костре народного мщения. Глубинные психологические процессы Лермонтову удаётся выразить с помощью нескольких художественных штрихов, облечённых в форму колоративов, главными из которых являются чёрный и угасший.

Вернёмся к образу Ольги и ещё раз оговоримся, что её мир окрашен в светлые тона. Трижды в портрете встречается ЦО с корнем -бел- (белый (2), белизна (1)) и шесть раз – с корнем -бледн- (бледность (3), бледный (2) и бледна (1)). В пейзаже, на фоне которого разворачиваются действия, связанные с судьбой Ольги, активную роль играет белый цвет. Лермонтов делает акцент на том, что не только сама Ольга светлый человек, светло всё, что её окружает. Тем самым он подчёркивает чистоту её помыслов, высокий моральный облик, сильное народное начало. Она стремится обратить Вадима на путь прощения, после разговора с ней в душе героя зарождаются сомнения.

Ольга выросла в семье помещика Палицына, человека деспотичного, но сумела сохранить гармонию души. Отчасти ей помогло единение с природой:

«Здесь, когда зимой шумела метелица и снег *белыми* клоками упал на тусклое окно и собирался перед ним в высокий сугроб, она любила смотреть, завёрнутая в тёплую шубейку, на *белые* степи, серое небо и вётлы, обвешанные *инеем* и колеблемые взад и вперед». Мир чист и светел, и с ним светла и чиста душа девушки.

Цветолексемы светлого тона являются ключевыми в создании её портретной характеристики («*белая* рука с продолговатыми пальцами»; «*белизна* её шеи»; «*бледность* её лица»; «*бледные* губы»; «душегрейка, смятая под нею, не прикрывала более высокой, роскошной груди; два мягкие шара, *белые* и хладные, как снег»). Все колоративы выполняют прежде всего психологическую функцию, поскольку Лермонтову важно подчеркнуть духовное начало Ольги. Лермонтов пишет: «Это непонятное, врождённое чувство, это невольное сознание женщины в неприкосновенности, в святости».

Белизну её рук отмечает и Юрий, сын помещика Палицына, влюблённый в Ольгу: «Ты одна заменишь мне все другие воспоминанья – дай руку... эта милая рука; – она так *бела*, что *светит в темноте...*». Для него она белизна – символ верности и надежды. Ольга вселяет веру в сердца и Юрия, и Вадима, являет собой путеводную звезду в жизни каждого из этих мужчин: «женщина с огненной душой, с душой *чистой и светлой*, как алмаз». В психологическом отношении группа светлого тона говорит о гармоничности Ольги как личности.

По цветовой наполненности образ Юрия примыкает к образу Ольги. Преобладание светлых тонов ставит его в оппозицию по отношению к Вадиму. Его кожа *бледная*, глаза *голубые, лучистые, сверкающие*, изливающие свет на все окружающее, волосы *русые*. В его портрете ЦО *бледный* употреблено 1 раз, *голубой* – 2, *луч* – 1, *побледнеть* – 1, *свет* – 1. Портретные детали Юрия разбросаны по всему роману. Собрав их воедино, мы получаем портрет, приближённый к ангельскому. «Такой герой, витая в надземных сферах, страстно тянется к земному началу и жаждет «неполной радости земной, а будучи прикован к земле, – напротив, влюбляется в небеса» [14, с. 300]. Мотив воплощения ангела на земле проходит через всё творчество Лермонтова и отчётливо прослеживается в романе «Вадим». Будучи среди людей в земном мире, Юрий тянется к «небесному» – Ольге. Отметим, что появление в романе Юрия повернуло Ольгу на путь прощения: «У нее в сердце уж не было мщенья; – теперь, теперь вполне постигла она весь ужас обещанья своего; хотела молиться... ни одна молитва не предстала ей ангелом-утешителем: каждая сделалась укоризною, звуком напрасного раскаянья...». Вместе Ольга и Юрий составляют второй – «светлый», психологический центр романа.

Среди героев особое место занимает Борис Петрович Палицын, главный враг Вадима. В его портрете использованы колоративы: *белый* (1), *гореть* (1), *искра* (1), *запачканный* (1), *пыльный* (1), *седой* (1), *серый* (1), *смурый* (1). Анализируя этот колористический образ, приходим к выводу, что его нельзя отнести к миру Ольги, наполненному светом и белизной. Но его нельзя отнести и к «чёрному» миру Вадима. Из восьми употребленных колоративов пять лексем называют цвета серого тона. Кроме традиционных *серого* и *седого*, к ним относится *смурый*. Малый академический словарь трактует его как «тёмно-серый» [15, с. 159]. Пыльный и запачканный также рассмат-

риваются нами в микрополе серого тона. Штрихи его портрета встречаются пять раз в романе. В четырёх случаях используются лексемы, обозначающие цвета серого тона («...его *седая* голова, неподвижная, сухая, подобная белому камню, остановила на мне пронзительный взор, где горела последняя искра жизни и ненависти...»); «...Борис Петрович переодевался в *смурый* кафтан и обвязывал *запачканные* онучи...»; «Молодым людям простительно шалить; а как *седому* старику таким вещам придти в голову, – знает царь небесный!...»). Пейзаж вокруг него тоже серый и унылый. Обратимся к тексту и увидим, что вокруг его дома *серые* ветлы, из трубы его дома вьётся *серый* дым. Серый цвет, занимающий в палитре промежуточное положение между чёрным и белым, характеризует жизнь Бориса Петровича. Он, как и Вадим, жесток и мстителен. Но в чём истоки его жестокости? Таким сделала его природа происхождения и окружение. В основе его мстительности нет высокой идеи, он не выражает народного недовольства, как Вадим. Его страсти мелкие. Жизнь в нём застыла. Об этом свидетельствует цветовая портретная деталь: «Его *седая* голова, неподвижная, сухая, подобная *белому* камню, остановила на мне пронзительный взор, где горела последняя искра жизни и ненависти...». Белый камень – символ смерти. Кроме того, единственная искра, пылающая в его взоре, разгорелась от ненависти и злобы. Это разрушительное начало, которое съедает его изнутри. Однако что мы наблюдаем? Имея в основе образа серый цвет, не приближаясь по художественному наполнению к образам Ольги и Вадима, он является психологическим ядром романа. Именно от него зависит жизнь Ольги. Вспомним сцену покушения на честь Ольги. Какая богатая палитра цвета в её образе: «...наконец она взошла: в *малиновом* сарафане, с богатой повязкой; её *темная* коса упала между плечьями до половины спины; круглота, *белизна* её шеи были удивительны». Все использованные цветообозначения говорят о природном начале её образа, о хрупкости её красоты. И тут же образ седого Палицына. Одна цветовая деталь – *седая* голова – уничтожила всю пышноцветность Ольги.

Выше мы оговорились, что к образу Ольги примыкает по цветовым характеристикам образ Юрия. Он является сыном Бориса Петровича, окрашивая своим присутствием жизнь отца в светлые тона. Но Палицын, сам того не ведая, сделал несчастным и сына. Вадим вынужден ненавидеть Юрия только по причине его родства с Палицыным. Следовательно, и образ Юрия трагически обусловлен связью с Палицыным. Скупая палитра образа помещика является нам человека безнравственного, приносящего одни несчастья.

Немаловажной в романе является группа красного тона, связанная с семантическим полем чёрного тона. ЦО *красный* возникло, как отмечает А. П. Василевич, по ассоциации: «красный – как кровь» [11, с. 8]. Отсюда символика страдания, мученичества, зла. Палитра красного тона в пейзаже представлена разнообразно: *красный* (4), *багряный* (1), *кровавый* (3), *огонь* (4).

Ни один объект, сопровождаемый колоративом *красный*, не является статичным. Красный цвет активен («...на западе была еще *красная* черта, граница дня и ночи»; «Пожирая несколько сухих смолистых ветвей, огонь ярко вспыхивал, бросая *красные* искры вокруг себя»; «Дубина упала на огонь: *красные* уголья и дымные головёшки с треском полетели во все стороны»; «...не боятся смотреть на *красное* солнце»). В первом случае речь идёт о границе между светом и тьмой в природе (в узком смысле) и черте, пере-

ступив которую у человека нет шанса вернуться. В определённом смысле это моральный Рубикон для Вадима и бунтовщиков. Далее – вспыхивающие искры костра как символ волнения и, наконец, отсутствие страха перед небом. Красный, как правило, становится еще и эпитетом для существительного *огонь*. Озаряя всё вокруг, огонь обнажает мистический ужас происходящего и является образным выражением нарастающего напряжения.

Особое место в системе колоративов красного (красно-синего) тона занимает цветообозначение *лиловый* (4), находящееся на стыке красного и синего тонов. Оно употреблено в романе четырежды. Впервые эту цветолексему мы встречаем в самом начале романа: «День угасал; *лиловые* облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицах башен и ярких главах монастыря». Согласно народной примете, лиловый закат предвещает бурю перед рассветом. Лермонтов, проведший детские годы в народной среде, слушая рассказы ключницы, был хорошо знаком с народной культурой. Крестьяне, ориентировавшиеся по приметам, передаваемым из поколения в поколение, знакомили с ними и впечатлительного Мишу Лермонтова. Этой деталью, отражённой в народных поверьях, писатель открывает роман, тем самым настраивая читателя на трагический лад.

Второй раз упоминание о лиловых облаках встречается в 23-й главе, когда Вадим старается подвести моральный итог своей жизни: «Так иногда вечером облака дымные, багряные, *лиловые* гурьбой собираются на западе, свиваются в столпы огненные, сплетаются в фантастические хороводы, и замок с башнями и зубцами, чудный, как мечта поэта, растёт на голубом пространстве... но дунул северный ветер... и разлетелись облака, и упадают росой на бесчувственную землю!.. Мир с тобою, дева красоты, да ангел твой хранитель споёт над твоим прахом песнь мира, любви и прощанья...». Данная пейзажная зарисовка идёт следом за сценой убийства старика и смерти его юной дочери. Напомним, что старик был жестоко заколот ножом («Два ножа в минуту воткнулись в горло старика, и он умолк»). Вадим понимает, что драма и его жизни неизбежна.

Ещё дважды цветолексема *лиловый* появляется в пейзажных зарисовках: «Постепенно мысли его становились туманнее; и он полусонный лег на траву – и нечаянно взор его упал на *лиловый* колокольчик, над которым вились две бабочки, одна серая с чёрными крапинками, другая испещрённая всеми красками радуги; как будто воздушный цветок или рубин с изумрудными крыльями, отделанный в золото и оживлённый какою-нибудь волшебницей; оба мотылька старались сесть на *лиловый* колокольчик и мешали друг другу, и когда один был близко, то ветер относил его прочь; наконец разноцветный мотылек остался победителем; уселся и спрятался в лепестках; напрасно другой кружился над ним... он был принужден удалиться. У Вадима был пруттик в руке; он ударил по цветку и убил счастливое насекомое... и с каким-то восторгом наблюдал его последний трепет!..». Мученичество, уничтожение красоты, создание дисгармонии – вот ключевые смыслы данного фрагмента. В нём использована цветолексема *лиловый*. Она выражает суть характера Вадима, стремящегося к разрушению красоты и гармонии. Данный колоратив находится во взаимодействии с другими цветолексемами, образующими целостную картину (*серый, черный, краски радуги, рубин, изумруд*

ный, золото, разноцветный). И это неслучайно. С их помощью выражена позиция самого Лермонтова. И. Анненский в статье «Об эстетическом отношении Лермонтова к природе» [16, с. 32] пишет о необычайной религиозности писателя, его глубокой духовной основе. И данный фрагмент – один из самых ярких аргументов этого тезиса. Для него природа – хрупкое создание Творца, жестокое отношение к которому равносильно смертному греху. Лермонтов через взаимоотношения Вадима с миром природы показывает трагедию, что разыгрывается в его душе. Он не находит для него оправдания и прощения. Таким образом, толкование романа может быть более глубоким. Анализируя первый прозаический опыт Лермонтова, мы можем говорить о его духовной составляющей, которая в более поздних произведениях разовьётся и станет смысловой и философской основой. Использованные цветолексемы психологически точны. Он уничтожает хрупкую красоту жизни, и многоцветье природы гибнет от его ненависти, которая распространяется на весь мир.

Палитра красного тона представлена и в портрете. В образе Вадима Лермонтов использовал цветообозначения *красный* (1), *багровый* (1), *красный* (1), *красный* (1), *красный* (7). Все они направлены на раскрытие психологизма образа. Колоративы красного тона выражают психологическое напряжение, которому подвержен главный герой. В образе Вадима читаются скрытая мощь и сила. Внутренняя уверенность в святом праве на месть проявляется с первых строк романа. Вынашивая мысль о мести долгие годы, Вадим близок к её осуществлению. Ощущение решимости и внутренней концентрации находит здесь выражение. Далее читаем: «И глаза его блистали под беспокойными бровями, и худые щёки покрывались *красными* пятнами: всё было согласно в чертах нищего: одна страсть владела его сердцем, или, лучше, он владел одною только страстью, – но зато совершенно!»

Кровь будоражит сознание: «Вадим дико захохотал и, стараясь умолкнуть, укусил нижнюю губу свою так крепко, что *кровь* потекла; он похож был в это мгновенье на вампира, глядящего на издыхающую жертву». Автор сравнивает его с вампиром, напоминая постоянно читателю о Вадиме как о воплощении демонического начала. Вид крови погружает Вадима в особое состояние: «Одна его рука была за пазухой, а ногти его по какому-то судорожному движению так глубоко врезались в тело, что когда он вынул руку, то пальцы были *в крови*... он как безумный посмотрел на них, молча стряхнул *красные* капли на землю и вышел».

Красные тона представлены и в портрете Ольги, однако там они рассматриваются в ином ракурсе. Для образа, сотканного из белых тонов, красный является чужеродным. Красные пятна вспыхивают на ней в моменты гнева. Яркой психологической деталью, выражающей всю глубину трагедии, является красное пятно в следующем эпизоде: «Она слышала, как стучало её испуганное сердце, и чувствовала странную боль в шее; бедная девушка! немного повыше круглого плеча её виднелось *красное* пятно, оставленное губами пьяного старика... Сколько прелестей было измято его могильными руками! сколько ненависти родилось от его поцелуев!...». Красное пятно клеймом горит на бледном плече. Лермонтову не пришлось живописать развёрнутое полотно, одного цветового штриха оказалось достаточно, чтобы изобразить весь ужас происходящего. В портрете Вадима мы также встречали крас-

ный цвет, однако там он был присущ самому герою и символизировал его обострённое чувство ненависти. Здесь же этот цвет противен самой натуре Ольги.

Проанализировав цветовой рисунок романа «Вадим», мы приходим к выводу, что первый прозаический опыт М. Ю. Лермонтова уже содержит основы психологизма как творческого принципа писателя. Созданные им портретные и пейзажные зарисовки исполнены психологизма, активным средством выражения которого становится лексика цвета. Анализ лексики цвета позволил выявить в романе три психологических центра (Вадим, Ольга, Палицын) и констатировать, что психологическим ядром произведения является образ Бориса Петровича Палицына. Сам роман «Вадим» является начальной и прочной ступенью в дальнейшем философском осмыслении окружающего мира русским писателем.

Список литературы

1. **Есин, А. Б.** Психологизм русской классической литературы / А. Б. Есин. – М. : Флинта, НОУ ВПО «МПСИ», 2011.
2. **Головко, В. М.** Поэтика русской повести / В. М. Головко. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1992.
3. **Бахтин, М. М.** Эпос и роман / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Художественная литература, 1975.
4. **Шан-Гирей, А. П.** М. Ю. Лермонтов / А. П. Шан-Гирей // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М. : Художественная литература, 1964.
5. **Гинзбург, Л.** О психологической прозе : моногр. / Л. Гинзбург. – М., 1976.
6. **Гуревич, А. М.** Романтизм и реализм / А. М. Гуревич, В. И. Коровин // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) ; науч.-ред. совет изд-ва «Советская энциклопедия». – М. : Советская энциклопедия, 1981.
7. Этический идеал / А. М. Гуревич, Н. И. Осьмакова, Е. М. Пульхритудова, Л. М. Щемелёва // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) ; науч.-ред. совет изд-ва «Советская энциклопедия». – М. : Советская энциклопедия, 1981.
8. **Михайлова, Е. Н.** Проза Лермонтова / Е. Н. Михайлова ; отв. ред. С. А. Андреев-Кривич. – М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1957.
9. **Вишневский, К. Д.** Цветовая палитра М. Ю. Лермонтова / К. Д. Вишневский // Мир культуры: теории и феномены : межвуз. сб. науч. ст. – Пенза, 2003. – Вып. 3.
10. **Эйхенбаум, Б. М.** Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / Б. М. Эйхенбаум // Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. – М. : Изд-во АН СССР, 1962.
11. **Василевич, А. П.** Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко ; под общ. ред. А. П. Василевича. – М. : КомКнига, 2005.
12. **Серов, Н. В.** Цвет культуры: психология, культурология, физиология / Н. В. Серов. – СПб. : Речь, 2003.
13. **Данилова, И. Е.** От Средних веков к Возрождению. Сложение художественной системы картины Кватроченто / И. Е. Данилова. – М. : Искусство, 1975.
14. Мотивы / Л. М. Щемелева, В. И. Коровин, А. М. Песков, В. Н. Турбин, Д. П. Муравьев, К. А. Кедров, Н. И. Осьмакова, А. Н. Березнева, И. Б. Роднянская, Р. А. Гальцева, Ю. В. Манн, Е. М. Пульхритудова, Б. А. Старостин // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) ; науч.-ред. совет изд-ва «Советская энциклопедия». – М. : Советская энциклопедия, 1981.

15. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исследований. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. С–Я.
16. **Анненский, И.** Об эстетическом отношении Лермонтова к природе / И. Анненский. – М. : Наука, 1979.

References

1. Esin A. B. *Psikhologizm russkoy klassicheskoy literatury* [Psychologism of Russian classical literature]. Moscow: Flinta, NOU VPO «MPSI», 2011.
2. Golovko V. M. *Poetika russkoy povesti* [Poetics of Russian novels]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1992.
3. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Problems of literature and esthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975.
4. Shan-Girey, A. P. *M. Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov* [M.Yu. Lermontov in memoirs of contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1964.
5. Ginzburg L. *O psikhologicheskoy proze: monogr.* [On psychological prose: monograph]. Moscow, 1976.
6. Gurevich A. M. *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov's encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1981.
7. Gurevich A. M., Os'makova N. I., Pul'khritudova E. M., Shchemeleva L. M. *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov's encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1981.
8. Mikhaylova E. N. *Proza Lermontova* [Lermontov's prose]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit-ry, 1957.
9. Vishnevskiy K. D. *Mir kul'tury: teorii i fenomeny: mezhvuz. sb. nauch. st.* [World of culture: theory and phenomena: interuniversity collected articles]. Penza, 2003, iss. 3.
10. Eykhenbaum B. M. *Lermontov M. Yu. Geroy nashego vremeni* [Lermontov M. Yu. Hero of these days]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962.
11. Vasilevich A. P., Kuznetsova S. N., Mishchenko S. S. *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Color and color denominations in Russian language]. Moscow: KomKniga, 2005.
12. Serov N. V. *Tsvet kul'tury: psikhologiya, kul'turologiya, fiziologiya* [Color of culture: psychology, culturology, physiology]. Saint-Petersburg: Rech', 2003.
13. Danilova I. E. *Ot Srednikh vekov k Vozrozhdeniyu. Slozhenie khudozhestvennoy sistemy kartiny Kvattrochento* [From the Middle Ages to Renaissance. Composition of the artistic system of quattrocento paintings]. Moscow: Iskusstvo, 1975.
14. Shchemeleva L. M., Korovin V. I., Peskov A. M., Turbin V. N., Murav'ev D. P., Kedrov K. A., Os'makova N. I., Berezneva A. N., Rodnyanskaya I. B., Gal'tseva R. A., Mann Yu. V., Pul'khritudova E. M., Starostin B. A. *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov's encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1981.
15. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Russian language dictionary: in 4 volumes]. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999, vol. 4, S–Ya.
16. Annenskiy I. *Ob esteticheskom otnoshenii Lermontova k prirode* [On Lermontov's esthetic attitude to nature]. Moscow: Nauka, 1979.

Сморчкова Кристина Владимировна

аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Smorchkova Kristina Vladimirovna

Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: Agata_Christie90@mail.ru

Кезина Светлана Владимировна

доктор филологических наук, профессор,
кафедра русского языка и методики
преподавания русского языка,
Педагогический институт
им. В. Г. Белинского, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: Sveta@zavarovsky.ru

Kezina Svetlana Vladimirovna

Doctor of philological sciences, professor,
sub-department of russian language
and methods of Russian language teaching,
Penza Pedagogical Institute named after
V. G. Belinsky, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 811.161.1

Сморчкова, К. В.

Психологизм лексики цвета в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим» /
К. В. Сморчкова, С. В. Кезина // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 162–174.

А. Н. Данюк, И. П. Щерблыкин

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ПУБЛИЦИСТИКИ В. Г. КОРОЛЕНКО

Аннотация.

Актуальность и цели. В. Г. Короленко занимает одно из почетных мест в истории русской литературы конца XIX – начала XX в. Это один из известнейших писателей, имя которого еще при жизни стало символом «совести эпохи». В настоящее время большое внимание уделяется короленковедению. Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью изучения не только литературных, но и публицистических произведений писателя, так как Владимир Галактионович являлся еще и ярким публицистом и прогрессивным общественным деятелем. Расширение аналитической базы происходит в основном благодаря увеличению разноисточникового материала. Цель анализа заключается в систематизации материалов о публицистике В. Г. Короленко.

Материалы и методы. В центре внимания статьи – вопрос изучения некоторых публицистических произведений В. Г. Короленко и выявление этапов в короленковедении. Для достижения поставленной цели был использован метод обобщения и сравнения материала. Автор анализирует литературу о публицистическом творчестве писателя, делает самостоятельно выводы.

Результаты. Выявлены три этапа в короленковедении: дореволюционный, советский, постсоветский. В каждом периоде творчество писателя рассматривалось по-разному.

Выводы. В. Г. Короленко – опытный публицист, одной из особенностей которого является научно-исследовательский подход к фактам как при их собирании, так и анализе, осмыслении и использовании в произведениях.

Ключевые слова: В. Г. Короленко, период, публицистика, очерк, статья, народничество, марксизм.

А. N. Danyuk, I. P. Scheblykin

MAIN STAGES OF STUDYING V. G. KOROLENKO'S SOCIAL AND POLITICAL JOURNALISM

Abstract.

Background. Currently, much attention is paid to the study of the works by Korolenko (this branch is also called “korolenkovedeniye” in Russian – the study of Korolenko’s works). V. G. Korolenko holds is an honourable figure in the history of Russian literature of the late XIX – early XX century. This is one of the most famous writers, whose name has become a symbol of “conscience of the age” during his lifetime. Unfortunately, not everyone knows that Vladimir Galaktionovich was a bright publicist and progressive public figure. The relevance of this study is determined by the need to study not only the literary segment of his oeuvre, but also his nonfiction works. Thus, the purpose of the research is to systematize and analyze the materials of social and political journalism by V. G. Korolenko.

Materials and methods. This article analyzes some nonfiction works written by V. G. Korolenko and identifies steps in the study of his social and political journalism. To achieve this goal the authors used some methods for summarizing and comparing the material. The researchers analyzed the journalistic works of the writer and came to the conclusions.

Results. The work identifies three stages in the study of social and political journalism of V. G. Korolenko: the pre-revolutionary, the Soviet, the post-Soviet. Each period was considered differently by the authors.

Conclusions. V. G. Korolenko is an experienced publicist. One of the features of his journalism is the research approach to the facts carried out both when gathering and analyzing and also when understanding and using thereof in the works.

Key words: V. G. Korolenko, period, social and political journalism, essay, article, populism, Marxism, controversy.

Владимир Галактионович Короленко (1853–1921) был не только крупным писателем, но и замечательным публицистом. Он боролся против различных проявлений реакции, произвола и несправедливости. В нем отлично сочетались качества выдающегося художника слова и не менее выдающегося публициста. К сожалению, не все знают о его обличительной журналистской деятельности. Вся жизнь и творчество Короленко, по словам А. М. Горького, были отданы борьбе за воплощение в жизнь «правды-справедливости».

В своих многочисленных статьях писатель проповедовал идеалы истины, свободы и добра, бичевал произвол чиновников и власти. Более 20 лет он был главным редактором крупнейшего и ведущего неонароднического журнала «Русское богатство».

В творчестве Короленко публицистика занимает значительное место. Газетная статья, очерк, заметка служили ему постоянным и верным оружием в неутомимой борьбе против деспотизма и несправедливости низовых слоев. Публицистическое наследие писателя, в котором нашли отражение его весьма оригинальные общественно-политические взгляды, привлекает внимание ученых уже более ста лет.

Первое публицистическое произведение автора – корреспонденция о народном восстании и его подавлении в Санкт-Петербурге «Драка у Апраксина двора», опубликованное в петербургской газете «Новости» в 1878 г.

5 июня 1878 г. в Апраксином переулке Санкт-Петербурга разразилась забастовка. Около 3 тыс. человек (мастеровые, ремесленники, чернорабочие) подвергались притеснениям и издевательствам со стороны участковой полиции и дворников. Долгое накапливание эмоций привело угнетенных людей к массовому протесту: была разгромлена дворницкая, а дворники были побиты. Усмирить негодующих вызвалась конная жандармерия, городовые и околоточные. Руководили процессом генералы во главе с градоначальником. Обстановка вокруг дома напоминала, по выражению Короленко, «военный бивуак». В результате несколько человек были ранены, многих арестовали.

Данное событие привлекло внимание окружающих. Город сразу же наполнился разговорами о бастующих. Однако первые сообщения в печати появились только 7 июня. Официальной версией считалось, что конфликт разгорелся на национальной почве, так как все дворники были татарами. Именно так осветили это событие практически все петербургские газеты, кроме «Новостей», которые согласились с позицией писателя, считавшего, что причина конфликта – социальная. Короленко всегда был внимателен к народу и сразу же откликнулся на происшествие. Любовь к людям заставила его принять активное участие в протесте.

Это было первое публицистическое произведение писателя, в котором проявились его политическая зрелость и радикализм. Уже здесь просматри-

вались некоторые характерные черты будущего Короленко-публициста: тщательное изучение материала, простота его изложения, внимание к народу и защита его интересов, борьба с самодержавием.

Жизненные обстоятельства вскоре заставили В. Г. Короленко вновь взяться за перо публициста. Этому послужили его многочисленные аресты. Подозреваемый в связях с революционным подпольем, он в марте 1880 г. подвергся аресту и ссылке в г. Глазов, а затем – в Березовские Починки под надзор полиции (март 1879 г.). В следующий раз писателя арестовали и направили в Восточную Сибирь. Правда, из Томска он был возвращен в европейскую часть империи и поселен под надзор полиции в Перми. Последний раз Короленко был заключен под стражу в Починках без какого-либо повода и объяснения причин и отправлен в Якутскую область. В результате писатель, испытывавший чувство гнева против властей, написал открытое письмо в редакцию газеты, которое опубликовала петербургская «Молва» в 1880 г.

В этом же году в столичном журнале «Слово» В. Г. Короленко напечатал очерк «Ненастоящий город», темой которого являлась жизнь одного из городков того времени, в изобилии «разбросанных по корявому лицу нашей матушки Руси».

Содержание очерка основано на наблюдениях автора над конкретным городом Глазовом и над людьми, находящимися в нем. Особое внимание писатель уделял исследованию и показу хозяйственно-экономической жизни, общественных отношений и быта горожан. Главной темой очерка стала жизнь трудящихся города, их проблемы, переживания и заботы.

Именно «Ненастоящий город» стал первым из серии произведений В. Г. Короленко, которые находятся между беллетристикой и публицистикой. Он был принят редакцией «Слова» и вскоре напечатан. «Понятно, – писал Короленко родным в связи с публикацией «Ненастоящего города», – успех этого моего детища ободряет меня, и теперь я с большим удовольствием принимаюсь за следующие очерки» [1, с. 145].

Таким образом, В. Г. Короленко начал жизненный путь с резкого протеста и борьбы против бесправия и неустанно боролся против угнетения и несправедливости за счастье человека. Его первые шаги в публицистике были обусловлены не столько литературным талантом, сколько общественной активностью и революционными побуждениями.

Одно из самых высокохудожественных произведений короленковской публицистики – «Павловские очерки», опубликованные в 1890 г. в журнале «Русская мысль». Этот опыт писателя связан с критикой народнических представлений и подтверждением выводов марксистов. Произведение насыщено художественными образами, жанровыми оценками, живописными пейзажами, выразительной авторской речью.

Здесь мы знакомимся со старшиной Федором Михайловичем Варыпаевым, преобразователем кустарного строя Николаем Петровичем Зерновым, кустарем Аверьяном Ивановичем Щегинкиным, «праведным стяжателем» Мишанькой, скупщиком Осипом Ивановичем Портянкиным и Александром Семеновичем Чайкиным. Особое место в произведении отведено Дмитрию Васильевичу Дужкину, скупщику, «торговцу павловского изделия».

В «Павловских очерках» В. Г. Короленко нарисовал верную, запоминающуюся картину жизни и труда павловского кустаря, показал его полную

зависимость от хищнической «скупки» и постепенное разорение. Ему было ясно, что кустари, продающие свои изделия капиталисту-скупщику, давно утратили всякую хозяйственную самостоятельность, а их эксплуатация приняла на редкость тяжелую форму.

Автор интересно описал колокол, символизирующий жизнь Павлова, который буквально списан с натуры. Писатель детально обрисовал и сам колокол, и то, каким путем он вошел в его сознание, и что общего между этим образом и жизнью кустарей. Все это является важным для органического введения символического образа в ткань произведения. Кроме того, именно рассказ о колоколе, помещенный во вступительной части очерка, определил особый тон и основную мысль всего произведения.

Зиму 1892 г. В. Г. Короленко провел в одном из уездов Нижегородской губернии, сильно пострадавшей от голода, наступившего после неурожайного лета. Поводом для поездки стало оказание помощи голодающим и организация столовых для них. На средства, пожертвованные благотворителями, писатель открыл 45 столовых, которые проработали до нового урожая 1892 г. Своей главной задачей он считал ознакомление с жизнью народа, ее изучение и накопление материала для публицистических выступлений. Результатом поездки стал цикл очерков «В голодный год», в основе которых лежали ежедневные записи автора. Первоначально они печатались в «Русских ведомостях» с марта 1892 г. по январь 1893 г. (всего 13 номеров) под названием «Очерки и заметки из дорожного дневника». Затем в переработанном виде – в журнале «Русское богатство» за 1893 г. под названием «В голодный год». Правда, одна из глав, не пропущенная цензурой, была опубликована в журнале «Русская мысль» за 1893 г. В этом же году очерки вышли отдельной книгой, которая затем переиздавалась несколько раз, постоянно подвергаясь дополнениям и правкам со стороны автора. Последняя, канонизированная редакция очерков относится к 1914 г., когда они были включены писателем в полное собрание сочинений.

В процессе создания очерков отчетливо проявились особенности творческой манеры Короленко-публициста. Одной из них является научно-исследовательский подход автора к фактам как при их собирании, так и анализе, осмыслении и использовании в произведениях.

Таким образом, очерки «В голодный год» – это прежде всего картина народной нужды, где публицистика чередовалась с зарисовками художественного плана.

Летом этого же года В. Г. Короленко выехал в Саратов и свои впечатления изложил в очерке «В холерный год». Эпидемия холеры охватила южные районы Поволжья. Писатель бесстрашно обличал администраторов, оказавшихся неспособными организовать борьбу против эпидемии.

После поездки в Америку писатель издал цикл очерков, в которых рассказал о нелегкой жизни простых людей в этой стране, о безработице, нищете и бесправии работающих, трудной судьбе русских и украинских крестьян-эмигрантов, о господстве доллара. Он показал продажность выборов, высмеял падающую до сенсаций американскую прессу, был возмущен отношением к неграм, заклеил позором суд Линча. Картина американской жизни, созданная автором, была далека от изображения буржуазного режима как идеального общественного устройства, о чем говорила русская либеральная пе-

чать. Признавая превосходство буржуазно-демократических порядков над самодержавно-крепостническими, писатель был свободен от преклонения перед ними и показал их несостоятельность в решении главных задач народного благополучия.

В. Г. Короленко был твердо уверен в том, что публицист должен активно вмешиваться в жизнь, стараясь ее улучшить, быть участником, а не наблюдателем событий. Именно таким он и был.

В 1895 г. писатель принял активное участие в судьбе крестьян-удмуртов, ложно обвиненных в принесении жертвы языческим богам. Короленко считал делом чести защиту вотяков. «Люди погибают невинно, совершается вопиющее дело, я не могу сейчас ни о чем больше думать», – писал он В. М. Соболевскому, редактору «Русских ведомостей» [2, с. 45].

Недалеко от села Старый Мултан был найден обезглавленный труп нищего мужчины с извлечением сердца и легких. В результате семь жителей этого села были обвинены в жестоком убийстве с целью жертвоприношения и приговорены к 10 годам каторжных работ.

Узнав о такой несправедливости, В. Г. Короленко присутствовал лично в качестве корреспондента в городе Елабуге на повторном разбирательстве дела. Он был потрясен несправедливостью и хотел сам во всем разобраться, для чего отправился на место совершения убийства.

Писатель хорошо знал удмуртов, так как прожил с ними несколько лет, находясь в ссылке, и мог смело отвергать саму возможность кровавого языческого культа. Более того, как свидетельствуют письма, его планы шли дальше: он стремился раскрыть методы провокационных действий царской администрации и власти вообще.

Вскоре Владимиру Галактионовичу удалось установить, что убийство сфальсифицировано. Мужчина был уже мертв, когда над ним было совершено надругательство. Это сделали для того, чтобы обвинить вотяков в убийстве. Вернувшись в Санкт-Петербург, писатель начал борьбу за спасение невинных крестьян. Для этого он написал 10 статей и заметок по «Мултанскому делу», которые были опубликованы в столичных газетах. «Здесь со всей отчетливостью проявились основные черты Короленко-публициста и общественного деятеля – повышенная, обостренная восприимчивость, недремлющая тревога, постоянная готовность прийти на зов о помощи и удивительная при этом – до самозабвения – внутренняя сосредоточенность, целеустремленность» [3, с. 50].

Позже он решил принять участие в третьем судебном заседании, выступив в роли защитника. В конце процесса В. Г. Короленко произнес две заключительные речи, которые до нас, правда, не дошли, так как стенографистки, увлеченные его выступлением, забыли о своих обязанностях. Процесс закончился оправданием всех подсудимых. Писатель добился поставленной цели.

«Мултанское дело», получившее благодаря Короленко широкую известность, выходящую даже за пределы России, было типичным проявлением политики притеснения по отношению к национальным меньшинствам и вообще к простому народу, проявлением произвола, яркой картиной бесправия, забитости, темноты народных масс. А его серия судебных очерков показала злоупотребления в системе полицейского надзора.

Отчет писателя о судебном процессе печатался в «Русских ведомостях» за 1895 г. и занял 12 номеров. В ноябре того же года в «Русском богатстве» появилась другая серия его статей под заглавием «Мултанское жертвоприношение», рисующая картину суда в Елабуге. В 1896 г. писатель отредактировал свой отчет и выпустил его отдельной брошюрой.

К. К. Арсеньев пишет об огромной популярности писателя, объясняющей его исключительными качествами. «Выдающийся мастер слова, он пробуждал и пробуждает добрые чувства не только своими художественными произведениями. Целому ряду глубоко важных дел, в течение целых десятилетий, он отдает свое время, свой труд, свое спокойствие, часто свою безопасность» [4, с. 58]. Далее упоминаются его участие в «Мултанском деле», протесты против беззакония, чинимого местной администрацией в период первой русской революции. По словам Арсеньева, Короленко были присущи глубокая искренность, горячая любовь к правде, сочувствие к слабым и угнетенным, вера в светлое будущее.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский в своей статье анализирует первый том знаменитых воспоминаний В. Г. Короленко «История моего современника», которую по значимости сопоставляет с таким шедевром, как «Былое и думы». По его словам, «Короленко в силу выдающегося таланта и исключительной крепости нравственной воли стал для многих поколений нормативной натурой, то есть образцом для подражания» [5, с. 147].

Как же трактовалась публицистика Короленко на начальном этапе? Дореволюционные авторы рассматривали его как выдающегося гуманиста, проповедника всеобщего мира, стоящего над крайностями конкретных политических программ. Именно в таком духе написан сборник «Памяти В. Г. Короленко», выпущенный товариществом «Задруга» в 1922 г. [6, с. 124]. Среди авторов были соратники писателя В. А. Мякотин, Ф. Д. Батюшков, А. А. Кизеветтер. Короленко «был духовно близок всем, не только тем, кто продолжал и перерабатывал народническую идеологию, но и тем, кто были ей чужды, даже враждебны, близок всему молодому поколению: народникам и марксистам, социалистам и... демократам, материалистам, позитивистам, идеалистам и религиозным искателям» [7, с. 152]. Представляется, что подобная позиция несколько идеализирует писателя.

Если в 90-е гг. В. Г. Короленко еще испытывал влияние народников, то уже в первой четверти XIX в. можно констатировать начало научного осмысления творчества знаменитого писателя. Было заметно стремление противопоставить Короленко позднему народничеству и сблизить его с марксизмом. Писатель не был марксистом, но в его очерках и рассказах содержался правдивый материал, опровергающий народнические представления и подтверждающий выводы марксистов. С народническими публицистами В. Г. Короленко разошелся в «Павловских очерках» (1890 г.), где уже во вступительной статье иронизировал над представлением о селе Павлово как «оплоте нашей самобытности». Надтреснутый колокол стал символом состояния кустарной промышленности в России и народнических представлений о промышленности без капиталистов.

В. Кранихфельд писал, что «из всего написанного о смертной казни статья В. Г. Короленко «Бытовое явление» является наиболее сильной и потрясающей» [8, с. 80]. Она была написана автором в Куоккала примерно за

два с половиной месяца и опубликована в «Русском богатстве» за 1910 г. с подзаголовком «Заметки публициста о смертной казни».

«Бытовое явление» – это цикл очерков, объединенных связующей идеей: разоблачение преступлений царского суда, протест против эпидемии смертных казней.

В первых главах рассказывается о буднях смертников Нижегородской тюрьмы, в которой обвиняемые ждут исполнения приговора. Люди «ждут дни, недели, иногда месяцы, каждый вечер спрашивая себя, увидят ли они завтрашнее утро» [9, с. 480]. Автор рассказывает читателям о трагедии смертников, о самоубийствах, мучительных свиданиях с родными, во время которых так много хочется сказать. В восьми главах Короленко сообщает, что испытывают смертники в ожидании казни, а в девятой главе говорит о самой процедуре казни. Однако писатель не приводит подробности, а заменяет описания многоточиями.

Статья проникнута болью за людей, которым приходится терпеть страдания, и за страдающую родину. Однако автор выражает надежду, что такого вскоре не будет.

Значимость «Бытового явления» не в подробностях и описании, а в выводе, к которому автор приводит читателя. Весь ужас состоит в том, что смертная казнь в России стала бытовым явлением русской жизни, а право распоряжаться человеческой жизнью отдано жестоким, равнодушным царским карателям, которые превратили казнь в бытовое явление, в «хозяйку русского правосудия».

Одной из лучших работ о писателе до сих пор остается книга литературоведа Г. А. Бялого. «Тонкий, изящный лирик, он умел в то же время быть мужественным борцом. Мягкий и сердечный по натуре, он становился суров и непреклонен, когда брался за оружие публициста» – так характеризует Бялый своего героя [10, с. 13]. Автор стремился подчеркнуть ненависть Короленко к произволу и близость его к революционным кругам. «Говоря об истоках взглядов писателя, он говорит о революционных демократах и материалистах, забывая при этом о Н. К. Михайловском, которого Владимир Галактионович прямо называл своим учителем» [10, с. 17].

Перу ленинградского ученого Б. Д. Летова принадлежит работа «Короленко-редактор», в которой анализируются методы работы писателя над присланными рукописями, критерии их отбора, схема отношений с авторами. Заслугой Летова можно считать подробное сопоставление общественно-политических позиций Н. К. Михайловского и В. Г. Короленко. Исследуются их мнения относительно роли личности в истории, феномена интеллигенции, значения капитализма и института крестьянской общины для развития России [11, с. 128]. Короленко резко противопоставляется патриарху неонародничества, что, на наш взгляд, неправомерно. Следует отметить, что исследование касается лишь одного раздела журнала – беллетристического, который подчинялся писателю. Редактирование же им текстов, публицистических и научных, остается пока малоисследованным. Эту лакуну не удалось ликвидировать и исследователям молодого поколения, авторам обширных обзоров истории отечественной прессы.

Интересным представляется замечание С. Я. Махониной о том, что публикуемая журналом художественная литература в большинстве своем бы-

ла серой, но всегда соответствовала идейной линии «Русского богатства» [12, с. 189]. Этот тезис требует подтверждения на конкретном материале.

Следует также отметить книгу Г. М. Миронова «Короленко», вышедшую в серии «Жизнь замечательных людей» в 1962 г. [13, с. 256]. В ней подробно излагается биография Владимира Галактионовича, в которой подчеркивается его близость к революционному движению. Общественно-политические взгляды писателя и редактирование им «Русского богатства», однако, описываются весьма бегло.

На чем же базировались советские исследователи, говорившие о сочувствии Короленко марксизму? Главным образом – на письме Владимира Галактионовича к писателю И. И. Сведенцову: «Я и Анненский составляем отенок, стоящий ближе к марксизму» [10, с. 87].

Последним этапом в развитии короленковедения стал постсоветский период. Гуманитарная наука страдала от недостатка финансирования. Однако, несомненно, положительными моментами стали крах советской идеологии и возможность привлечения более широкого круга источников. К сожалению, на современном этапе ученые чаще всего повторяют крайние выводы советских авторов. Это можно сказать о Ю. Г. Гущине и В. В. Блохине, исследовавших отдельные аспекты мировоззрения Короленко [14, с. 25].

Одной из немногих ценных работ, созданных на современном этапе, стала статья М. Г. Петровой «Высота примиряющей мысли» [15, с. 35]. Короленко показан в ней как человек широких взглядов, чуждый косности и догматизма, видевший рациональные зерна как в радикальных, так и в консервативных учениях. Данная позиция, как видим, является возрождением подхода исследователей дореволюционных. Опровергаются идеологизированные мнения советского периода о близости Короленко к марксистам. Толерантность писателя, как нам кажется, автором преувеличивается, а целостной картины его взглядов опять же не дается.

Ряд небезынтересных статей о Короленко написано А. В. Гноевых, исследователем позднего народничества. Главной заслугой этого автора можно назвать развенчание некоторых идеологов советского периода. На основании ранее неизвестных архивных материалов Гноевых показал, что писатель считал марксизм доктриной односторонней и препятствовал публикации в журнале «Русское богатство» произведений, воспевавших революцию [16, с. 44]. Автор также рассмотрел практически неисследованный вопрос о положении Короленко в редакторской группе ведущего народнического журнала и пришел к выводу, что лидирующей роли в жизни издания Владимир Галактионович не играл, а всегда прислушивался к мнению коллег. В статье об освещении журналом «Русское богатство» декабризма Гноевых упоминает о трактовке Короленко данного феномена. Писатель, как известно, говорил о том, что декабристы были идеологически близки деятелям Великих Реформ.

Свою работу публициста Короленко считал таким же важным и организационно близким делом, как и работу художника. «Для меня, – говорил он о своей публицистической деятельности, – это не второстепенный придаток, а половина моей работы и моей литературной личности» [3, с. 7].

Ему приходилось писать о тяжелых драмах жизни, несправедливости и угнетении, выступать с критикой. Подобно героям своих рассказов, он действовал так, как считал необходимым, боролся с тем, что считал несправедливым.

В. Г. Короленко не боялся выступать ни против старой, ни против новой власти, всегда был на стороне народа и против убийств, грабежей и насилия, которые несла сначала царская власть, а потом революция. Многих удивляла смелость его обличений. Писатель объяснял это следующим образом: «Я пишу в газете уже лет десять... Я не помню случая, когда мне приходилось жалеть о напечатанном. Прежде чем отослать в редакцию, я всегда стараюсь представить себе, что человек, о котором я пишу, – стоит передо мною, и я говорю ему в глаза то самое, что собираюсь напечатать. Если воображение подсказывает мне, что я охотно повторил бы все, даже может быть резче, – я отсылаю рукопись. Если же, наоборот, чувствую, что в глаза кое-что хочется смягчить или выбросить, – я это делаю немедленно, потому что не следует в печати быть менее справедливым, осторожным и деликатным, чем в личных отношениях» [17, с. 49].

В профессиональном опыте Короленко-публициста есть много моментов, поучительных для современного журналиста. Писатель являл собой образец добросовестности, честности, борьбы за справедливость, который умел выделять в массе повседневных фактов наиболее значимые проблемы и разрабатывал их.

Современники видели в нем не только выдающегося писателя, но и талантливую публициста, ценили как художественные, так и гражданские достоинства его произведений.

Таким образом, можно говорить о существовании трех этапов в короленковедении. В дореволюционный период Короленко рассматривался как беспартийный гуманист и демократ. В советское время делались попытки зачислить писателя в лагерь революционного марксизма. В постсоветской России наблюдается ослабление короленковедения, когда, несмотря на возможность неидеологизированного исследования, ученые повторяют выводы авторов прошлых поколений.

Список литературы

1. **Короленко, В. Г.** Письма из тюрем и ссылки 1879–1885 / В. Г. Короленко. – Горький : Гослитиздат, 1935. – 210 с.
2. **Короленко, В. Г.** Избранные письма / В. Г. Короленко. – М. : Гослитиздат, 1932. – Т. 2. – 212 с.
3. **Куканов, Л. М.** Публицистика В. Г. Короленко (1878–1896). Лекции / Л. М. Куканов. – М. : МГУ, 1978. – 56 с.
4. **Арсеньев, К. К.** Юбилей В. Г. Короленко / К. К. Арсеньев // Вестник Европы. – 1913. – № 8. – С. 58–64.
5. **Овсяннико-Куликовский, Д. Н.** История моего современника / Д. Н. Овсяннико-Куликовский // Вестник Европы. – 1910. – № 9. – С. 147–152.
6. Памяти В. Г. Короленко / под общ. ред. В. А. Мякотина. – М. : Задруга, 1922. – 134 с.
7. **Короленко, В. Г.** Петербургский сборник / В. Г. Короленко ; под общ. ред. А. Б. Петрищева. – Петроград : Мысль, 1922. – 191 с.
8. **Кранихфельд, В.** Литературные отклики / В. Кранихфельд // Современный мир. – 1910. – № 5. – С. 80–86.
9. **Короленко, В. Г.** Собрание сочинений : в 10 т. / В. Г. Короленко. – М. : Гослитиздат, 1955. – Т. 9. – 240 с.

10. **Бялый, Г. А.** В. Г. Короленко / Г. А. Бялый. – Л. : Художественная литература, 1983. – 350 с.
11. **Летов, Б. Г.** Короленко-редактор / Б. Г. Летов. – Л. : ЛГУ, 1961. – 216 с.
12. **Махонина, С. Я.** История русской журналистики начала XX века / С. Я. Махонина. – М. : Наука, 2004. – 189 с.
13. **Мионов, Г. М.** Короленко / Г. М. Мионов. – М. : Молодая гвардия, 1962. – 367 с. – (Жизнь замечательных людей).
14. **Гущин, Ю. Г.** Реальность и вымысел в произведениях В. Г. Короленко / Ю. Г. Гущин. – Глазов : Изд-во Глазовск. гос. пед. ин-та им. В. Г. Короленко, 1996. – 195 с.
15. **Петрова, М. Г.** Высота примиряющей мысли / М. Г. Петрова // Миротворчество в России. Церковь, политики, мыслители: От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий / М. Г. Петрова. – М. : Наука, 2003. – С. 35–79.
16. **Гноевых, А. В.** Из истории журнала «Русское богатство»: к вопросу о роли В. Г. Короленко (1904–1914 гг.) / А. В. Гноевых // Terra humana. – 2013. – № 1. – С. 72–75.
17. **Горький, М.** В. Г. Короленко / М. Горький // Горький М. Собрание сочинений : в 30 т. – М. : ГИХЛ, 1955. – Т. 29. – 256 с.

References

1. Korolenko V. G. *Pis'ma iz tyurem i ssylok 1879–1885* [Letters from prisons and exiles in 1879–1885]. Gorkiy: Goslitizdat, 1935, 210 p.
2. Korolenko V. G. *Izbrannye pis'ma* [Selected letters]. Moscow: Goslitizdat, 1932, vol. 2, 212 p.
3. Kukanov L. M. *Publitsistika V. G. Korolenko (1878–1896). Leksii* [Social and political journalism of V. G. Korolenko (1878–1896). Lectures]. Moscow: MGU, 1978, 56 p.
4. Arsen'ev K. K. *Vestnik Evropy* [European bulletin]. 1913, no. 8, pp. 58–64.
5. Ovsyaniko-Kulikovskiy D. N. *Vestnik Evropy* [European bulletin]. 1910, no. 9, pp. 147–152.
6. *Pamyati V. G. Korolenko* [V. G. Korolenko in memoriam]. Ed by V. A. Myakotin. Moscow: Zadruga, 1922, 134 p.
7. Korolenko V. G. *Peterburgskiy sbornik* [Petersburg collection]. Petrograd: Mysl', 1922, 191 p.
8. Kranikhfel'd V. *Sovremennyy mir* [Modern world]. 1910, no. 5, pp. 80–86.
9. Korolenko V. G. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow: Goslitizdat, 1955, vol. 9, 240 p.
10. Byalyy G. A. *V. G. Korolenko*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1983, 350 p.
11. Letov B. G. *Korolenko-redaktor* [Korolenko-editor]. Leningrad: LGU, 1961, 216 p.
12. Makhonina S. Ya. *Istoriya russkoy zhurnalistiki nachala XX veka* [History of Russian journalism in the early XX century]. Moscow: Nauka, 2004, 189 p.
13. Mironov G. M. *Korolenko*. Moscow: Molodaya gvardiya, 1962, 367 p. (Life of outstanding people).
14. Gushchin Yu. G. *Real'nost' i vymysel v proizvedeniyakh V. G. Korolenko* [Reality or fiction in works by V. G. Korolenko]. Glazov: Izd-vo Glazovsk. gos. pед. in-ta im. V. G. Korolenko, 1996, 195 p.
15. Petrova M. G. *Mirotvorchestvo v Rossii. Tserkov', politiki, mysliteli: Ot rannego srednevekov'ya do rubezha XIX–XX stoletiy* [Peacekeeping in Russia. Church, politics, thinkers: from the early Middle Ages till the turn of the XIX–XX centuries]. Moscow: Nauka, 2003, pp. 35–79.
16. Gnoevykh A. V. *Terra humana*. 2013, no 1, pp. 72–75.
17. Gor'kiy M. *Gor'kiy M. Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Gorky M. Collected works: in 30 volumes]. Moscow: GIKhL, 1955, vol. 29, 256 p.

Данюк Александр Николаевич

аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: danalex58@mail.ru

Danyuk Alexander Nikolaevich

Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Щеблыкин Иван Павлович

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой журналистики,
Педагогический институт
им. В. Г. Белинского, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: danalex58@mail.ru

Scheblykin Ivan Pavlovich

Doctor of philological sciences, professor,
head of sub-department of journalism,
Pedagogical Institute named
after V. G. Belinsky, Penza State
University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 882

Данюк, А. Н.

Основные этапы изучения публицистики В. Г. Короленко /
А. Н. Данюк, И. П. Щеблыкин // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 175–185.

ГУМАНИТАРНАЯ СУЩНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Содержание статьи раскрывает образовательный смысл гуманитарной профессиональной подготовки современного учителя. Представлены выводы и результаты, позволяющие реализовать акмеологические и аксиологические основы взаимодействия участников образовательного процесса на основе понятий «гуманизация», «гуманитаризация», «гуманитарная компетентность». Приводится анализ концепций по трактовке гуманитарной сущности профессиональной подготовки учителя. Цель работы – выделить три аспекта проблемы гуманитарной подготовки учителя; представить описание педагогической направленности личности учителя, его профессиональной подготовки и выявить возможности развития готовности преподавателя к проявлению толерантности.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования концепций и моделей анализа имеющихся в педагогическом знании и практике выводов и результатов исследований по проблеме гуманитарной сущности профессиональной подготовки современного педагога. Особое место занимают результаты исследований Д. А. Леонтьева, Ю. В. Сенько и В. А. Слостенина.

Результаты. Исследованы содержание и структура гуманитарной компетентности учителя. Выявлены сферы его «гуманитарного» бытия: диалогическое общение, культуротворчество и рефлексивное сознание (самосознание). Определены показатели сформированности гуманитарной компетентности.

Выводы. Изучение структуры и содержания профессиональной подготовки в современных условиях позволяет определить потребность в формировании педагога нового типа, для которого потребность в творчестве, самообразовании и саморазвитии, переходе от функционально-ролевого пребывания в образовательной организации к целостной жизнедеятельности в профессионально-педагогической сфере приобретает значимый характер.

Ключевые слова: подготовка, готовность, гуманность, гуманитарная компетентность, профессиональная направленность.

М. А. Vikulina

HUMANITARIAN ESSENCE OF THE MODERN TEACHER PROFESSIONAL TRAINING

Abstract.

Background. The article reveals an educational sense of humanitarian professional training of the modern teacher. The author introduced conclusions and results

¹ Статья подготовлена в рамках задания 2014/361 на выполнение государственных работ в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ «Комплексный квалиметрический анализ в системе управления качеством образования в вузе».

allowing to realize akmeological and axiological bases of educational process participants on the basis of the notions “humanization”, “humanitarization”, “humanitarian competence”. The work analyses the concepts of interpretation of humanitarian essence of teacher professional training. The aim of the study is to distinguish three aspects of the problem of teacher humanitarian training, his/her professional training and to reveal the possibilities of development of teachers’ readiness to display tolerance.

Materials and methods. Realization of the research tasks was achieved on the basis concepts and analysis models of the conclusions and results of researches on the problem of humanitarian essence of the modern teacher professional training, already existing in pedagogical knowledge and practice. Of specific importance are the research results by D. A. Leontyev, Yu. V. Senko and V. A. Slastenin.

Results. The author researched the content and structure of the teacher’s humanitarian competence and revealed the sphere of its “humanitarian” existence: dialogues, cultural creativity and reflexive consciousness (self-consciousness). The researcher also determined the indexes of development of the humanitarian competence.

Conclusions. The study of the structure and content of professional training in modern conditions allows to determine the demand of formation of a new kind of teacher, whose need for creativity, self-education and self-development, transition from his/her functional-role tenure in an educational organization to holistic activity in the professional-teaching field becomes significant.

Key words: training, readiness, humanity, humanitarian competence, professional orientation.

Новый этап в развитии всей современной педагогической науки и педагогики высшей школы в частности связан с переоценкой взглядов ученых на значимость профессиональной подготовки педагога.

Педагогическая наука, чутко реагируя на «вызовы» общества и государства, разнообразные запросы самой личности, обращается к проблеме человека, переосмыслению его роли и места в мире, признанию человеческой личности в качестве важнейшей ценности [1]. В соответствии с этим возникает явная необходимость в пересмотре содержания человековедческих наук и профессиональной подготовки будущего учителя, обращенного в первую очередь к гуманитарному, антропологическому знанию, гуманизации деятельности педагога.

Основу организации образовательного процесса вуза составляет личностная направленность гуманитарного профессионального обучения студентов, осуществляемая с учетом конкретно-прикладного характера подготовки в высшей школе – ориентации на решение практических задач, связанных с проблемой установления контактов с детьми, обоснования и проведения студентами во время педагогической практики самостоятельных исследований, нацеленных на потребности развития личности обучающихся, а не только и не столько на специфику содержания учебного предмета.

Для осознания смысла рассматриваемой проблемы следует четко понимать разницу дефиниций «гуманизация», «гуманитаризация» и «антропологизация». Первые две в обыденном употреблении весьма близки по значению, но тем не менее в научном плане различны. Так, понятие «гуманизм» (от лат. *humanus* – человеческий) – «мировоззрение, проникнутое любовью к людям, уважением к человеческому достоинству, заботой о благе людей».

«Гуманный» – человеческий, человеколюбивый, отличающийся гуманностью [2, с. 186].

Общеизвестно, что историческая традиция трактует термин «гуманистический» как определенную систему взглядов и ценностей, возвышающую человека (о гуманизме, гуманном, гуманистическом говорят тогда, когда имеют в виду деятельность, социальный институт, поступки относительно человека).

Педагогика, приобретая гуманистический характер, акцентирует внимание на формировании личности студента, содержании, методах и формах раскрытия его индивидуальности, личностных свойств и познавательных процессов и становится личностно ориентированной [1]. Данные положения составляют основу для максимального приближения профессорско-преподавательского состава к обучаемым, обеспечения атмосферы комфорта, психологической «безопасности» и единства воспитательной среды вуза, создания оптимальных условий, в которых студент не может не учиться и не может учиться ниже своих возможностей; ориентации на развитие и становление отношений взаимного уважения «студент – преподаватель», сохранения и укрепления их психического здоровья, чувства собственного достоинства и развития личностного потенциала. Особое внимание уделяется формированию у студентов – будущих учителей гуманистических ценностей (человечность, справедливость, ответственность и др.), реализуемых ими в субъект-субъектных отношениях «ученик – педагог», при этом у обучающихся развивается потребность быть человеческими, справедливыми, ответственными.

Подчеркнем, что гуманизацию нельзя свести только к каким-либо методам или технологиям обучения и воспитания. Это – ценностная ориентация преподавателя, в основе которой лежит перестройка его личностных установок, а гуманистическая дидактика опирается на индивидуализацию и дифференциацию обучения, использование индивидуальных образовательных маршрутов и программ развития, усиление положительной мотивации учения и позитивных эмоций, активизацию творчества, раскрытие механизмов самообучения, самовоспитания и саморазвития личности обучающегося, создание всех необходимых для этого условий.

«Гуманитарный» означает обращенность «к человеческой личности, правам и интересам человека»; характеризует науки, «относящиеся к изучению общества, культуры и истории народа в отличие от естественных и технических наук» [3, с. 145]. Данный термин ассоциируется с определенными профессиональными занятиями, направленными, как правило, на понимание, толкование поведения человека, его духовной жизни, культуры (обобщенный термин «гуманитарные науки»). Общий корень слов «гуманистический» и «гуманитарный» указывает на их смыслообразующее единство. Иначе говоря, гуманитарные науки только тогда выполняют свои функции, когда открывают в человеке личность, ее высшую ценность, уникальность, неповторимость, и служат гуманистическим идеалам.

Гуманитаризация выступает важным средством достижения цели образования, включающим систему мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компонентов его содержания, ориентацию на это содержание, позволяющую решать главные социальные проблемы во имя и во благо человека; хорошее знание и владением языком (как родным, так и иностран-

ным), истории и культуры, что оказывает влияние на формирование личностной зрелости подрастающего поколения.

Гуманитаризация образования заключается в освоении тех аспектов культуры, которые обеспечивают способность личности к самосознанию и пониманию других людей, что актуализирует роль педагога, поскольку именно он, являясь хранителем культуры прошлого, настоящего и будущего, обязан передавать ее от поколения к поколению, призван решать важнейшую общественную задачу по обучению будущих поколений.

По мнению Ю. В. Сенько [4], гуманитаризация образования предполагает значительное увеличение времени, отводимого учебным планом на традиционные и новые для высшей школы дисциплины гуманитарного цикла (экстенсивный путь). Следует дополнить его, как считает ученый, интенсивным путем: радикально обновить атмосферу, гуманистический стиль взаимоотношений «преподаватель – студент», осуществлять приобщение к культуре как живому воплощению мира человеческих ценностей.

Гуманитаризировать образование – значит сделать его личностно значимым для каждого конкретного человека, выявить личностные смыслы образования и всех изучаемых учебных дисциплин. *Стержнем гуманитаризации образования является гуманитарное мышление и гуманистическая технология педагогической деятельности.*

Контекст обучения все интенсивнее насыщается личным опытом студента, а с ним – многообразными феноменами далеко неоднозначной и неодномерной молодежной субкультуры. Подобная ситуация побуждает к необходимости воспитания у преподавателя толерантности по отношению к традиционному содержанию учебной информации, утверждению эстетических и нравственных ценностей и ценностей молодого поколения. Все вместе взятое способствует приобщению студентов к принципиально неформализуемой «культуре Мастера» (по терминологии М. М. Бахтина), составляя глубинную основу их воспитания. Содержание образования, реализуемое в педагогическом процессе вуза, наиболее рельефно отражает соавторство в диаде «преподаватель – студент», наличие (или отсутствие) установки на собеседника, изначальную адресованность своей активности «Значащему Другому» (В. С. Библер). По мнению Ю. В. Сенько, вузовская практика не освободилась от тиражирования специалистов и не учитывает их личностное знание, культуру самого преподавателя.

Современное педагогическое образование и подготовку будущего учителя отличает их гуманитарная сущность: студента необходимо учить восприятию и пониманию Другого человека как не менее значимого, как и он сам; пониманию человека в отношении с социумом, культурой, самим собой; умению содержанием учебного предмета развивать личность обучающегося.

Гуманитарная подготовка в целом должна осуществляться не только в направлении интенсивного развития интеллектуальных и нравственных сил и возможностей молодого человека (именно в этот период формируются основы профессионализма будущего специалиста, его мировоззрения, жизненных идеалов и убеждений). Значим и тот факт, что гуманитарное образование не сводится к изучению отдельных учебных дисциплин. Речь идет о *гуманитарно-антропологическом подходе*, ставящем в центр внимания педагога целостную личность ребенка и владение педагогом *гуманитарным знанием*.

Предмет гуманитарного знания («живое знание» – по терминологии В. П. Зинченко, рождающееся «здесь и теперь» и «становящееся знание» – по определению М. К. Мамардашвили) образует широкий спектр феноменов, выраженных понятием «мир человека». Познание в сфере гуманитарного образования апеллирует не к природной сущности вещи, а ее смыслу, что собственно и определяет основные задачи педагога-гуманитария: ценностно окрасить мир, наполнить его смыслом, сделать сопричастным человеку и общечеловеческой культуре. Ю. В. Сенько уверен, «чтобы знания о другом <...> стало гуманитарным, оно должно обрести личностный смысл». Любое знание будет считаться «безличным» до тех пор, пока оно не будет включено в систему отношений личности [4].

Содержание гуманитарного знания связано с вопросами обретения смысла человеческого существования. Кроме того, содержание гуманитарного знания предполагает переход от факта к смыслу, от вещи к ценности, от отражения к пониманию. «Ядро» гуманитарного знания составляет *смысл* (принятые ценности, ставшие «своими» для личности вследствие переживаний и опыта) как конкретный механизм регуляции различных процессов сознания и поведенческих актов [5–7]. Гуманитарное знание, включающее смыслы и отношения, способно наполнять личность качествами и потребностями, отражающими субъективное «Я». Любая учебная деятельность обучающегося должна быть наполнена смыслами и пониманием того, что он делает и для чего. Безличная информация (знание) становится значимой, когда обретает смысл и значение именно для конкретного человека (обучающегося). Осмысление – это процесс и результат деятельности, когда знание берет не само по себе, а связано с конкретными целями и задачами.

Гуманитарное знание, включающее смыслы и отношения, способно наполнять личность качествами и потребностями. Безличностное знание (информация) становится значимым, когда приобретает понимание (что я делаю? зачем?), значение и осознание именно для самой личности в конкретной ситуации.

Итак, осмысленное образование и профессиональная подготовка предполагает знание личности о своем отношении к разного рода знаниям. Именно отношение выступает главным элементом гуманитарного знания, определяет природу самой гуманитарности.

Возникает серьезный вопрос: *как* преподавать гуманитарные дисциплины? Решить его помогут программы дополнительного профессионального образования «Педагогика и психология высшего образования» и получение квалификации «Преподаватель высшей школы».

Новая парадигма преподавания гуманитарных дисциплин опирается на три основных принципа – *плюрализма, репрезентативности, дистанцирования*.

Так, первый исходит из признания многообразия и многогранности мировой гуманитарной и общественно-политической мысли, многомерности существующих точек зрения; исключает догматизм и претензии какого-либо автора на абсолютность и окончательность достигнутой истины.

Второй нацеливает на трансляцию в учебном процессе тех достижений мировой общественной мысли, которые получили уже общее признание, стали классикой в соответствующих направлениях гуманитарных исследований.

Указанный принцип предполагает бережное отношение к известным и признанным научным сообществом авторам и первоисточникам, классическому тексту. Преподавателю важно транслировать существующие в мировой мысли концепции и учения, а не просто излагать чужую концепцию (на это он имеет право в научных публикациях) по обсуждаемому вопросу. Безусловно, такая трансляция не является простым пересказом этих концепций, а предполагает владение искусством интерпретации, вводящей студента в сложный мир гуманитарной культуры.

Третий требует от преподавателя сбалансированного, объективированного, беспристрастного изложения изучаемых концепций. Нужно согласиться с мыслью М. Вебера о том, что профессор на университетской кафедре не должен брать на себя роль политика, вождя, пророка. Свои политические амбиции преподаватель, как и любой гражданин, может отстаивать в публичных местах, но не в стенах образовательной организации, где у профессора всегда существует преимущество перед студентами. Преподаватель – всего лишь посредник между мировой общественной мыслью и подрастающим поколением. В этом состоит его величайшая культурно-просветительская роль и высокая моральная ответственность.

Ориентация на гуманизацию и гуманитаризацию образования и воспитания делает актуальным рассмотрение вопросов профессиональной подготовки педагогических кадров, повышения роли гуманитарной подготовки в процессе развития будущего учителя.

Резюмируя сказанное, отметим, что *педагогическая проблема гуманитарной подготовки будущего педагога имеет три аспекта:*

- формирование гуманитарного мышления и мировоззрения в процессе усвоения ценностей культуры;
- ориентация на гуманистическую и гуманитарную педагогику: формирование целостной картины мира обучающегося и его гуманитарного сознания;
- педагогическая гуманизация образования через обеспечение вариативного обучения, многообразия программ и учебников, разнообразия педагогических приемов, дифференциации обучения, оптимального режима работы для учеников и т.д.

Концепты «гуманизация образования» и «гуманитаризация образования» определяют разные векторы изменений в высшей школе. Если «гуманизация образования» в широком понимании означает создание в обществе гуманной системы образования, соответствующей гуманистическим идеалам (прежде всего личной свободе, социальной справедливости и человеческому достоинству), то «гуманитаризацию образования» связывают с учебно-методическим содержанием преподавания в вузе. Следует, конечно, иметь в виду, что гуманитаризация в принципе должна отвечать высоким целям: приобщению молодых людей к гуманистическим ценностям.

В связи с этим определяются проблемные поля:

1) наибольшую трудность у преподавателей вызывает практическое воплощение идей гуманизации и гуманитаризации профессиональной подготовки специалистов для сферы образования [8];

2) приобщение личности студента к богатству гуманитарной культуры в рамках учебного процесса и внеучебных форм студенческой активности

направлено на преодоление одномерности личности, ее частичности (партикулярности), задаваемой профессиональной подготовкой;

3) гуманитаризация как способ приобщения молодого человека к духовным ценностям цивилизованного мира, как его окультуривание в широком смысле слова отнюдь не сводится к узкой профессионализации. Без качественной профессионализации не может быть сформирован специалист, профессионал в своем деле, а без гуманитаризации не может быть сформирована полноценная личность.

Личность – это всегда индивидуальность, формирующаяся в культуре и на основе культуры, наследница и одновременно творец культуры. Профессия обретает человеческий смысл для личности лишь тогда, когда за ней обнаруживается нечто более высокое и самоценное, обретение своей индивидуальности в многогранном и противоречивом мире культуры, своего неповторимого «человеческого лица», которое не является какой-то внешней физиогномикой, автоматически формируемой стереотипами массового сознания. Человеческое в человеке – это его имманентная духовность, внутреннее мироощущение, выработанное и выстраданное на почве присвоенной культуры. Гуманизм в образовании, по большому счету, и должен способствовать самовыражению личности в мире культуры, ее свободному самоопределению.

Помочь в этом сознательном выборе будущему молодому специалисту и должна продуманная гуманитаризация образования, органически связанная с гуманизацией и *открывающая перед молодым человеком высшие смыслы культуры, вводя его в пространство мировой культуры.*

Современные стандарты высшего образования определяют размер гуманитарного блока примерно в четверть от общего почасового объема всей учебной нагрузки в вузе. И, по-видимому, этого вполне достаточно, если эффективно использовать предоставленную возможность. Действительно серьезный вопрос состоит в том, насколько эффективно используются ресурсы гуманитарного блока в гуманитарном образовании.

Итак, *гуманитарная направленность профессиональной подготовки учителя* включает формирование профессионально-гуманистической ориентации его личности; владение гуманитарным знанием и гуманистическими технологиями, что в результате приведет к эффективности управления образовательным процессом (обучения, воспитания и развития личности обучающихся), разработке системы мер повышения качества этого процесса.

Важнейшим требованием профессиональной подготовки выступает формирование четкой позиции учителя как системы интеллектуальных, волевых и эмоционально-оценочных отношений к миру, педагогической действительности и деятельности как источникам его активности. Позиция выражается в направленности, составляющей ядро личности учителя, как мотивационной обусловленности действий, поступков, всего поведения человека в соответствии с конкретно поставленными целями. Так, *педагогическая направленность личности учителя характеризуется* наличием у него интереса к обучающимся; творческим подходом к решению педагогических задач; заинтересованностью педагогической профессией; склонностью ею заниматься; уровнем профессионального самосознания (знание норм, правил, модели педагогического поведения, принятие профессиональных эталонов, образцов и соотнесение себя с ними на основе самооценки и оценки окружающих).

Гуманистическая направленность учителя выражена в стремлении к достижению главной цели педагогической деятельности – созданию условий для целостного развития личности воспитанника. Гуманное отношение к ребенку – не только восприятие и оценка его положительных качеств, но и комплексное восприятие его личности такой, какая она есть. Только в этом случае гуманное отношение направлено на укрепление веры человека в самого себя, его творческое развитие.

Для этого подготовку педагога необходимо строить на общей гуманитарной базе в логике становления и развития личности обучающегося и собственной неповторимой индивидуальности.

Педагогическая деятельность, по мнению В. А. Сластенина, представляет собой сложный акт, в основе которого лежит не прямое воздействие, а взаимодействие «ученик – педагог». Деятельность педагога как бы «надстраивается» над деятельностью ученика: цели, которые ставит перед собой педагог, выступают как некоторый продукт деятельности ученика – процесс достижения этих целей реализуется через организацию деятельности ученика; оценка успешности действий педагога производится на основе определения того, какие качественные сдвиги наступили в сознании и поведении ученика [9, с. 9–10].

С позиции гуманитарно-антропологического подхода рассматривается *гуманитарная компетентность учителя*, выступающая ориентировочной основой педагогической деятельности [10]: готовность и способность адекватно, педагогически целесообразно выстраивать ценностно-смысловые отношения с субъектами образовательного процесса; умение учитывать в своем поведении и деятельности принцип гуманитарности как принцип невмешательства во внутренний мир личности и одновременного влияния на него (мир); умение определять субъективную составляющую образовательных ситуаций и обеспечивать с учетом их специфики процесс становления самосознания каждой конкретной личности обучающегося.

Отсутствие данного вида компетентности у педагогов приводит к ориентации их деятельности на знаниевые методы и средства, приводящие к «предметному» результату без учета «метапредметной» и «личностной» результативности.

Структура гуманитарной компетентности учителя определяется тремя сферами его «гуманитарного» бытия: диалогическое общение, культуротворчество и рефлексивное сознание (самосознание).

В качестве показателей сформированности гуманитарной компетентности можно принять:

- признание педагогом ценности человека как данности;
- умение решать педагогические задачи в ситуациях диалогового общения;
- регулярное использование диалоговых технологий;
- владение способами управления процессами саморазвития, самосознания;
- способность и готовность к выстраиванию партнерских отношений с собеседником;
- умение диагностировать готовность обучающегося к культуротворчеству;

- постоянное осуществление рефлексии собственной деятельности;
- готовность и желание к проектированию программы своего личностно-профессионального развития на гуманитарной основе и поддержки развития личности обучающегося;
- умение вести учебное занятие в соавторстве (сотворчестве) с учеником и др.

Весьма важно помнить о триединстве и взаимосвязи гуманизации, гуманитаризации и антропологизации.

Таким образом, профессиональная подготовка в современных условиях ориентируется на формирование педагога нового типа, для которого потребность в творчестве, самообразовании и саморазвитии, переходе от функционально-ролевого пребывания в образовательной организации (школе, колледже, вузе) к целостной жизнедеятельности в профессионально-педагогической сфере приобретает значимый характер [9]. Повышается значение профессиональной компетентности в целом и гуманитарной в частности как личностного качества.

Потребность в квалифицированных компетентных специалистах продиктована не только спецификой российского общества, но и мировыми стандартами.

Список литературы

1. **Викулина, М. А.** Личностно ориентированная подготовка студентов в педагогическом вузе / М. А. Викулина. – Н. Новгород : НижегородГЦ, 2000. – 136 с.
2. Большой словарь иностранных слов в русском языке. – М. : ЮНВЕС, 1999. – 784 с.
3. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1996. – 928 с.
4. **Сенько, Ю. В.** Гуманитарные основы педагогического образования / Ю. В. Сенько. – М. : Академия, 2000. – 240 с.
5. **Дмитриева, Е. Н.** Повышение качества профессиональной подготовки учителя на основе информационно-смыслового подхода / Е. Н. Дмитриева. – Н. Новгород : НГЛУ, 2012. – 312 с.
6. **Леонтьев, Д. А.** Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2003. – 487 с.
7. **Сохранов-Преображенский, В. В.** Развитие профессиональных умений студентов в образовательной среде вуза как основа их смыслообразующей профессиональной подготовки / В. В. Сохранов-Преображенский // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 162–169.
8. **Кадменский, С. Г.** Проблемы гуманитаризации высшего образования / С. Г. Кадменский // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования». – 2006. – № 2. – С. 47–50.
9. **Сластенин, В. А.** Профессионализм учителя как явление педагогической культуры / В. А. Сластенин // Педагогическое образование и наука. – 2008. – № 12. – С. 4–16.
10. **Бобрышева, И. В.** Структура гуманитарной компетентности / И. В. Бобрышева. – URL: http://www.vspc34.ru/index/php?option=com_content&view=article&id=603

References

1. **Vikulina M. A.** *Lichnostno orientirovannaya podgotovka studentov v pedagogicheskom vuze* [Personality-oriented training of students at pedagogical universities]. Nizhny Novgorod: NizhegorGTs, 2000, 136 p.

2. *Bol'shoy slovar' inostrannykh slov v russkom yazyke* [Great dictionary of foreign words in Russian language]. Moscow: YuNVES, 1999, 784 p.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyiy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Moscow: AZ", 1996, 928 p.
4. Sen'ko Yu. V. *Gumanitarnye osnovy pedagogicheskogo obrazovaniya* [Humanitarian bases of pedagogical education]. Moscow: Akademiya, 2000, 240 p.
5. Dmitrieva E. N. *Povyshenie kachestva professional'noy podgotovki uchitelya na osnove informatsionno-smyslovogo podkhoda* [Teacher professional training quality improvement on the basis of the information-semantic approach]. Nizhny Novgorod: NGLU, 2012, 312 p.
6. Leont'ev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of sense: nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow: Smysl, 2003, 487 p.
7. Sokhranov-Preobrazhenskiy V. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2013, no. 3 (27), pp. 162–169.
8. Kadmenskiy S. G. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Problemy vysshego obrazovaniya»* [Bulletin of Voronezh State University. Series "Problems of higher education"]. 2006, no. 2, pp. 47–50.
9. Slastenin V. A. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical education and science]. 2008, no. 12, pp. 4–16.
10. Bobrysheva I. V. *Struktura gumanitarnoy kompetentnosti* [Humanitarian competence structure]. Available at: http://www.vspc34.ru/index/php?option=com_content&view=article&id=603

Викулина Мария Анатольевна

член-корреспондент Российской академии естественных наук, доктор педагогических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а)

E-mail: prof_vikulina@lunn.ru

Vikulina Maria Anatolievna

Correspondence member of the Russian Academy of Natural Sciences, doctor of pedagogical sciences, professor, sub-department of pedagogy and psychology, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov (31a Minina street, Nizhny Novgorod, Russia)

УДК 378

Викулина, М. А.

Гуманитарная сущность профессиональной подготовки современного учителя / М. А. Викулина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 186–195.

РАЗВИТИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ СМЫСЛООБРАЗУЮЩЕГО ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация.

Актуальность и цели. Переход образовательного комплекса России на обучение и профессиональную подготовку студентов с помощью реализации компетентностного подхода в образовании предполагает выявление смыслообразующих основ инновационного моделирования взаимодействия преподавателей и студентов в образовательной среде вуза, прежде всего в процессе изучения учебных предметов. Это возможно в случае реализации концепции и модели, составляющих основу процесса проявления будущим специалистом универсальных учебных действий, реализация которых обучающимися в ходе учебной деятельности выступает в качестве основного признака готовности к деятельности в образовательной среде вуза. Это предполагает необходимость рассмотрения процесса смыслообразующего развития универсальных учебных действий студентов в качестве новой системы, определяющей развитие отечественного образования и требующей разработки модели ее целостной реализации. Целью исследования является концептуальное обоснование и разработка модели развития универсальных учебных действий студентов в образовательной среде вуза на основе их смыслообразующей профессиональной подготовки в процессе изучения иностранного языка.

Материалы и методы. В процессе разработки концепции и модели развития универсальных учебных действий студентов в процессе изучения иностранного языка на основе их смыслообразующей профессиональной подготовки особое внимание необходимо уделять понятиям, составляющим тезаурус концептуального обоснования исследуемого процесса, осуществленного в исследованиях А. В. Хуторского. Основой реализации модели являются принципы взаимодействия участников образовательного процесса вуза: принцип гуманизации и целостности отношений; принцип личностно-деятельностного характера и коммуникативности взаимодействия преподавателей и студентов. Познавать смысл совершаемых действий – значит, прежде всего, изучить их коммуникационную основу – внутренние и внешние связи. В смыслообразовании, особенно социального типа, существует огромное количество связей. Наиболее удачный вариант их классификации был предложен И. В. Блаубергом, А. Маслоу, А. К. Марковой и Л. Г. Петерсон.

Результаты. В ходе исследования установлено содержание процесса формирования личностных основ универсальных учебных действий, представляющего собой совокупность действий студентов по самооцениванию своих собственных способностей и личностных ориентаций, действий по пониманию степени соответствия собственных особенностей требованиям выбираемой профессии и действий по саморазвитию у себя способностей и возможностей в процессе профессиональной подготовки на основе изучения иностранного языка. В содержание активного мотивационно обозначенного стремления студентов к формированию профессиональных умений входят процессы самопознания, самооценивание и саморазвитие в процессе самореализации в профессионально направленной учебной деятельности.

Выводы. Становление концепции и модели смыслообразующего формирования универсальных учебных действий студентов взаимосвязано с готовностью его участников соотносить личностные интересы и потребности в определенном

качестве познавательной деятельности с общественной значимостью качества профессиональной подготовки выпускников вузов. Эффективность этого взаимодействия основывается на готовности преподавателей вуза к системно-деятельностному развитию универсальных учебных действий студентов в образовательной среде и, в частности, в процессе изучения учебных дисциплин.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, универсальные учебные действия, взаимодействие, смыслообразующее развитие.

E. N. Kulieva

DEVELOPMENT OF UNIVERSAL EDUCATIONAL ACTIONS BASED ON SEMANTIC COHESION OF STUDENTS LEARNING A FOREIGN LANGUAGE

Abstract.

Background. Transition of the Russian educational complex to education and training of students by implementing a competence-based approach in education involves identification of sense-forming fundamentals of innovative modeling of interaction between teachers and students in the educational environment of a university, first of all, in the process of studying academic subjects. It is possible in case of realization of concepts and models that form the basis of the process of future specialist universal educational actions, realization of which by students is the primary sign of preparedness in the educational environment of a university. This implies the need to consider the process of sense-forming development of universal training actions for students as a new system, which determines the development of the national education and requires to development a model of its coherent implementation. The purpose of the research is to develop and conceptualize the development model of universal educational actions for students in the educational environment of a university on the basis of their sense-forming training in the process of learning a foreign language.

Materials and methods. In the process of developing concepts and development models of universal teaching actions of students in the process of learning a foreign language on the basis of their sense-forming training a special attention should be given to the concepts, forming a thesaurus of the conceptual substantiation of the analyzed process carried out in the research by A. V. Hutorskoy. The basis of the model realization are the principles of cooperation between the participants of the educational process at a university: the principle of humanization and integrity of the relationship; the principle of student-activity nature and communicativeness of the interaction between teachers and students. To understand the meaning of the committed actions is, first of all, to examine their communications framework – internal and external communication. In sense-forming, especially of the social type, there is a huge amount of links. The most successful version of their classification was proposed by I. V. Blauberg, A. Maslow, A. Markova and I. G. Peterson.

Results. The author ascertained the content of formation of the personal basis of universal educational actions, a set of actions for students' self-evaluation of own abilities and personal orientations, for understanding the extent of the requirements to a chosen profession and for self-development of the abilities and opportunities of training through learning a foreign language. The contents of the active motivated marked desire of students to develop professional skills include the processes of self-knowledge, self-evaluation and self-development in process of self-realization in the course of professionally-directed learning activities.

Conclusions. The formation of concepts and models of semantic cohesion of universal educational actions of students is linked to participants' willingness to re-

late personal interests and needs as a cognitive activity with the public importance of the quality of vocational training of university graduates. The effectiveness of this interaction is based on the willingness of university teachers to system-activity development of universal teaching of students in the educational environment and, in particular, in the process of studying subjects.

Key words: training, universal educational actions, interactions, sense-formation development.

Процесс современного образования личности – «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [1, с. 1], реализация которых основана, в частности, на готовности обучающихся к выполнению универсальных учебных действий в процессе изучения различных предметов, в том числе иностранного языка.

Необходимость развития готовности студентов к реализации в учебной деятельности универсальных учебных действий обусловлена: современной ситуацией открытого образовательного пространства; расширяющимися возможностями социально-экономического, личностного и профессионального взаимодействия в поликультурном информационном поле; динамичным развитием экономики, потребностью общества в повышении профессиональной квалификации и переподготовке работников, росте их профессиональной компетентности. Решение обозначенных проблем возможно на основе вариативного, системно-деятельностного развития взаимодействия студентов вуза и преподавателей, прежде всего иностранного языка [2]. Этот предмет самым непосредственным образом влияет на поликультурную ситуацию в профессиональном поле деятельности выпускников вузов. Ее смысл заключается в готовности студентов к системной профессиональной самореализации, ключевым моментом которой является качество развития у них универсальных учебных действий и технологии их реализации в вариативных ситуациях профессионального самоопределения [3].

Современный специалист – это не только профессионал в своей области, но и высокообразованный человек, способный к эффективному участию в инновационных процессах, умеющий предвидеть, своевременно и адекватно интерпретировать изменяющиеся условия, творчески подходить к решению новых задач, успешно прогнозировать предполагаемые результаты своей деятельности, адаптироваться в изменяющемся рынке труда.

Переход от учебной к социальной и профессиональной деятельности в случае «или» приводит к противоречию развития: личность вынуждена осваивать правила поведения, созданные педагогом (лидером референтной социальной или профессиональной группы), определившим правила ее поведения и деятельности, рассчитанные, с одной стороны, на активность личности, а с другой стороны, сдерживающие активность любого человека.

Кроме того, современная личность самореализуется в системе постиндустриальной культуры и социализации и в динамично меняющейся структу-

ре и содержании всех условий ее жизнедеятельности. С другой стороны, личность приносит в педагогический процесс традиционно сложившееся содержание архитипа и менталитета поведения и деятельности, сформировавшихся в определенной семейно-бытовой культуре и на основании взаимодействия с культурой сверстника и лидера референтной социальной среды.

Значительное влияние на качество самореализации личности накладывает опыт деструктивного взаимодействия с деликвентной культурой социума. Современная культура личности отличается гибкостью, дивергентностью мышления, отходом от классической рациональности. Отсюда и новые требования к личности: в ней должны иметь место обученность, развитие, информационная грамотность, соотносимая с совокупностью общечеловеческих духовно-нравственных ценностей. Обучающийся осознает главную культурную мысль бытия: личностью человек становится только в процессе диалога; только в случае обладания образом свободно, самостоятельно и ответственно определяет свое место в жизни, в обществе, в культуре [3, с. 493]; если он свободен, ответственен, обладает рефлексивным сознанием, способен к самоорганизации и саморазвитию. Это является одной из причин инновационного вектора развития отечественного образования. В исследованиях Е. В. Бондаревской отмечается, что образование «из отрасли... превратилось в широкую социальную сферу, которая вынуждена взять на себя не только специфически образовательные (воспитание, обучение, развитие личности), но и многие социально необходимые, но не реализующиеся в других отраслях функции: социально-преобразующую и социально-стабилизирующую, оздоровительно-реабилитационную, социальной защиты и поддержки, социально-адаптационную, культуропреemptивную и культуротворческую» [4, с. 3].

Высокая образованность как показатель качества общекультурного развития студентов немислима вне лингвистической готовности, способности к восприятию, переработке и использованию иноязычных материалов, раскрывающих компетентность и значимые профессиональные достижения специалистов в сфере, избранной студентами в качестве сферы профессиональной деятельности. Кроме того, в исследованиях А. К. Марковой, Л. Г. Петерсон, В. В. Сохранова-Преображенского, А. В. Хуторского, Santiago Remacha Esteras отмечается, что компетентность включает личностное отношение к деятельности [5], проявляющееся в наличии «жизненных навыков» (справляться со своими личными проблемами, со стрессами; управлять своим временем; читать инструкции, соблюдать правила; оформлять деловую документацию) и «надпредметных умений» (обрабатывать и систематизировать текстовую и числовую информацию; быть инициативным, предлагать нестандартное решение, уметь аргументированно отстаивать свою точку зрения) и требующее высокого уровня иноязычной культуры. Развитие обозначенных групп умений и навыков составило в процессе проводимого исследования на факультете вычислительной техники Пензенского государственного университета со студентами по специальности «Программирование и языки программирования» основу формирования готовности учащихся к проявлению универсальных учебных действий в процессе взаимодействия с преподавателем иностранного языка. В составе основных видов универсальных учебных действий, соответствующих ключевым целям профессиональной подготовки студентов в ходе изучения иностранного языка, можно выделить четыре бло-

ка: личностный, регулятивный (включающий также действия саморегуляции), познавательный и коммуникативный.

Готовность студентов к личностным действиям обеспечивает их ценностно-смысловую ориентацию и ориентацию в социальных ролях и межличностных отношениях. Применительно к учебной деятельности в процессе исследования в качестве основного вида личностных действий было выделено самоопределение на основе смыслообразующего взаимодействия преподавателя иностранного языка и студентов, т.е. установление обучающимися связи между целью учебной деятельности и ее мотивом, между результатом учения и тем, что побуждает деятельность, ради чего она осуществляется. Студент должен задаваться вопросом «Какое значение и какой смысл имеет для меня изучение иностранного языка?» и уметь на него отвечать.

Регулятивные действия обеспечивают учащимся осознание личностной модели организации их учебной деятельности. К ним относятся: целеполагание; планирование; прогнозирование; контроль в форме сличения способа действия и его результата с заданным иноязычным эталоном с целью обнаружения отличий от эталона и выявления технологий индивидуально-личностного углубления иноязычной культуры; коррекция, развивающая умения самоконтроля; оценка и саморегуляция.

Познавательные универсальные действия включают: общеучебные, логические, а также постановку и решение проблемы. Основными в ходе исследования явились следующие: самостоятельное выделение и формулирование познавательной цели; поиск и выделение необходимой информации; применение методов информационного поиска, в том числе с помощью компьютерных средств; осознанное и произвольное построение речевого высказывания в устной и письменной форме; смысловое чтение как осмысление цели чтения и выбор вида чтения в зависимости от цели; извлечение необходимой информации из прослушанных текстов различных жанров; свободная ориентация и восприятие текстов художественного, научного, публицистического и официально-делового стилей.

Особое внимание в процессе смыслообразующего изучения иностранного языка уделялось формированию готовности студентов к коммуникативным действиям. Она обеспечивала: социальную компетентность и учет позиции товарищей по группе; умение слушать и вступать в диалог; участвовать в коллективном обсуждении проблем; интегрироваться в группу сверстников и строить продуктивное взаимодействие и сотрудничество со сверстниками, преподавателями и представителями иноязычной культуры.

В процессе исследования учитывались рекомендации, разработанные Т. В. Дубровской, А. И. Жолнерик и Н. С. Данковой, в частности, в процессе определения структуры и содержания взаимодействия преподавателей иностранного языка и студентов. Так, например, в развитии языковой компетенции основное внимание уделялось формированию языковых знаний и умений, соответствующих темам, сферам и задачам общения в процессе изучения иностранного языка. В рамках языковой компетенции выделены *лексическая, грамматическая и фонологическая компетенции*.

Речевая компетенция включает речевые умения и навыки – чтения, аудирования, говорения и письменной речи, а также перевода и предполагает готовность их реализовывать в репродуктивной и продуктивной речевой деятельности в соответствии с коммуникативными задачами.

Социолингвистическая компетенция включает лингвострановедческие знания, понимание межкультурных различий, умение и готовность участников общения использовать и преобразовывать языковые формы в соответствии с ситуацией для достижения целей общения на иностранном языке.

При опоре на концепцию А. В. Хуторского в ходе изучения иностранного языка реализованы следующие уровни общепредметного образования. Первый уровень – общего теоретического представления. Содержание общепредметного образования на нем выступает в виде представления о составе, структуре и функциях социального опыта в его профессиональной иноязычной интерпретации. Второй уровень – учебного предмета. Здесь конкретизируется представление преподавателя и студента о том, как компетентно обучать и изучать на основе внутреннего мотивационного саморазвития. Третий уровень – учебного материала. В данном случае реализуются предметное содержание и интерактивное взаимодействие, которые были обозначены на первом уровне и представлены на втором в форме, специфической для иностранного языка. Речь идет о конкретных знаниях и умениях, а также познавательных задачах и упражнениях, которые составляют содержание предмета «Иностранный язык». Примером таких заданий явились следующие упражнения.

Describing technical functions and applications

1. a) In pairs, think about two or three products you use / regularly and discuss the following questions.

- What are the main functions of the products? (What do they do?)
- What are their different applications? (What are they used for?)

b) What do you know about Global Positioning System (GPS) devices? In pairs, describe their main function, and give some examples of different applications of GPS devices.

2. James, an engineer, is giving a talk on space elevators. Complete his notes using the correct form of the verbs (1–9) in Exercise 6 c.

Space Elevators:

- Challenge of (1) connecting a satellite to earth by cable is significant.
- To (2) _____ its own weight, and be securely (3) _____ at each end, cable would need phenomenal strength-to-weight ratio.
- How could vehicles be (4) _____ into space, up cable?
- Self-contained energy source problematic, due to weight (heavy fuel or batteries required to (5) _____ vehicle).
- Two possible ways round problem:
 1. Transmit electricity wirelessly. But technique only at research stage.
 2. Solar power. But would only allow vehicle to (6) _____ slowly. Not necessarily a problem, as car could be controlled remotely, allowing it to (7) _____ payloads unmanned.

На четвертом уровне взаимодействуют преподаватель иностранного языка и студенты. Содержание усваемого учащимися материала существует не в проекте, а в профессионально направленной учебной деятельности и в процессе коммуникации с представителями иноязычной культуры.

На последнем, пятом, уровне содержание общепредметного образования выступает как результат обучения – качество самореализации студентов в учебной и внеучебной деятельности в роли представителей иноязычной культуры.

Процесс исследования позволил выявить совокупность технологий продуктивного перевода студентов с одного уровня на другой. К ним были отнесены: технология развития критического мышления учащихся; технология проектного обучения; технология проблемного обучения; технология оценки достижения планируемых образовательных результатов.

a) In pairs, discuss the questions raised in the notes and think of some suitable solutions for the anchoring system and the propulsion system. At this stage, these should be overall concepts, not detailed designs. Remember to make notes.

b) In small groups, take turns to give a short talk using your notes to explain how the systems work, in general terms. Imagine you are speaking to a small group of colleagues, including your manager.

c) Write two or three paragraphs to summarise your talk. These will be included in your manager's longer report on offshore base stations.

Таким образом, исследование показало, что развитие универсальных учебных действий студентов на основе смыслообразующего изучения иностранного языка.

Список литературы

1. Закон об образовании РФ. – М., 2012. – Ст. 1. – С. 1.
2. **Асмолов, А. Г.** Как проектировать универсальные учебные действия / А. Г. Асмолов. – М. : Просвещение, 2011. – 436 с.
3. **Андреев, В. И.** Педагогика : учебный курс для творческого саморазвития / В. И. Андреев. – 2-е изд. – Казань : Центр инновационных технологий, 2000. – 608 с.
4. **Бондаревская, Е. В.** Педагогика: Личность в гуманистических теориях и системах воспитания : учеб. пособие для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений, слушателей ИПК и ФПК / Е. В. Бондаревская, С. В. Кульневич. – Ростов н/Д : Творческий центр «Учитель», 1999. – 560 с.
5. **Santiago Remacha Esteras.** Professional English. Infotech English for computer users : Student's book / Santiago Remacha Esteras. – Cambridge university press, 2008.

References

1. *Zakon ob obrazovanii RF* [Law on education in the RF]. Moscow, 2012, art. 1, p. 1.
2. Asmolov A. G. *Kak proektirovat' universal'nye uchebnye deystviya* [How to design universal training activities]. Moscow: Prosveshchenie, 2011, 436 p.
3. Andreev V. I. *Pedagogika: uchebnyy kurs dlya tvorcheskogo samorazvitiya* [Pedagogy: training course of creative self-development]. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy, 2000, 608 p.
4. Bondarevskaya E. V., Kul'nevich S. V. *Pedagogika: Lichnost' v gumanisticheskikh teoriyakh i sistemakh vospitaniya: ucheb. posobie dlya stud. sred. i vyssh. ped. ucheb. zavedeniy, slushateley IPK i FPK* [Pedagogy: personality in humanitarian theories and systems of education: tutorial for students of vocational and higher pedagogical educational institutions, students of institutes and faculties of advanced studies]. Rostov-on-Don: Tvorcheskiy tsentr «Uchitel'», 1999, 560 p.
5. Santiago Remacha Esteras. *Professional English. Infotech English for computer users: Student's book*. Cambridge university press, 2008.

Кулиева Екатерина Николаевна
старший преподаватель, кафедра
английского языка, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: eka5626556@yandex.ru

Kulieva Ekaterina Nikolaevna
Senior lecturer, sub-department of English
language, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 15 + 37(082)

Кулиева, Е. К.

**Развитие универсальных учебных действий студентов на основе
смыслообразующего изучения иностранного языка / Е. К. Кулиева //**
Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные
науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 196–203.

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. Динамичное развитие социально-экономических систем России проявляет не только особенности, присущие отечественным исторически сложившимся закономерностям, а в той же мере взаимосвязь с мировыми тенденциями, затрагивающими все сферы деятельности человека, в том числе процесс подготовки педагогических кадров. Особую значимость приобретает процесс объективной идентификации процессов развития педагогических образовательных организаций в России и за рубежом. Целью исследования является концептуальный анализ зарубежного опыта подготовки педагогических кадров для соотнесения его со сложившимися традициями отечественной системы педагогического образования.

Материалы и методы. В процессе концептуального анализа зарубежного опыта подготовки педагогических кадров особое внимание необходимо уделять качеству интерпретации изучаемых процессов и явлений, например, учитывая выводы и результаты исследований Б. Л. Вульфсона, И. А. Зимней, В. Д. Шадрикова, У. Тайхлер, Г. Хог, О. Галан и др.

Результаты. В ходе исследования установлено содержание процесса развития зарубежной системы подготовки педагогических кадров; выявлены позитивные и деструктивные моменты ее развития и возможности трансляции на отечественную модель деятельности образовательных учреждений, осуществляющих подготовку педагогических кадров.

Выводы. Становление технологии эффективной подготовки педагогических кадров в России предполагает дальнейшее развитие сложившихся многовековых традиций отечественного профессионального педагогического образования и реализацию сотрудничества с прогрессивными научными педагогическими школами за рубежом. Это позволит создать оптимальную систему подготовки педагогических кадров в России. Эффективность данного взаимодействия основывается на готовности научной общественности и педагогов-практиков к системно-деятельностному взаимодействию с зарубежными педагогами.

Ключевые слова: образовательная реформа, системная модернизация, подготовка кадров, комплексный анализ.

N. A. Shaydenko

ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE IN TEACHERS TRAINING

Abstract.

Background. Dynamic development of socioeconomic systems of Russia displays not only features typical for Russian historically established regularities, but also an interconnection with world trends, including the process of teachers training. The process of objective identification of pedagogical educational institutions development processes is acquiring a great significance in Russian and abroad. The aim of the research is to conceptually analyze the foreign experience in teachers training in order to compare it with traditions of the Russian system of pedagogical education.

Materials and methods. In the process of conceptual analysis of the foreign experience of teachers training it is necessary to pay special attention to the quality of interpretation of the processes and phenomena under investigation, taking into account conclusions and results of the researches by B. L. Wulfson, I. A. Zimnyaya, V. D. Shadrikov, U. Teichler, G. Hog, O. Galan etc.

Results. In the research the author established the content of the process of development of the foreign system of teachers training; revealed positive and destructive aspects of its development and opportunities of transmission thereof onto the Russian model of the activity of educational institutions, involved in teachers training.

Conclusions. Formation of technologies of efficient teachers training in Russia presupposes further development of the centuries-old existing traditions of the Russian professional teachers training and realization of cooperation with progressive teachers training researchers abroad. These will allow to develop an optimal system of teachers training in Russia. The efficiency of the given interaction is based on the readiness of the scientific community and teachers to the system-activity interaction with foreign teachers.

Key words: educational reform, system modernization, teachers training, complex analysis.

Как показывают современные исследования, материалы периодики, данные глобальной сети, вину за все неудачи и просчеты системы образования современное общество готово зачастую возложить на учителей, педагогов, обвиняя их в профессиональной несостоятельности, некомпетентности, жестокости и других «смертных грехах». Причем данная тенденция прослеживается практически во всех странах Евросоюза, в США и ряде стран других континентов, где преподавателями недовольны все: дети, родители, чиновники. Данная ситуация спровоцировала абсолютно критическое положение по выбору учительской профессии. Например, в Норвегии профессию педагога выбирают самые слабые, неуспевающие студенты. Повсюду ощущается нехватка учителей, и на вакансии назначаются выпускники, едва получившие дипломы первого цикла университетского обучения. Ситуация усугубляется и тем, что треть норвежских учителей достигли пенсионного возраста, а количество учащихся постоянно увеличивается. Причина непопулярности учительского ремесла в Норвегии кроется и в низкой заработной плате, коэффициент которой сегодня составляет 1,2 от средней заработной платы по стране, тогда как 25 лет назад он равнялся 1,6. Аналогичная ситуация с подготовкой и оплатой труда учителя наблюдается и в Греции, где из-за нехватки дипломированных педагогов в школы приглашаются специалисты, имеющие любой университетский диплом.

В болгарской педагогической литературе тоже отмечается, что в результате рыночного мышления способные молодые люди выбирают высокооплачиваемые профессии, с большим социальным авторитетом. Профессия учителя в Болгарии не отличается подобными характеристиками, и поэтому в педагогическое направление высших школ принимают студентов с самым низким баллом [1, с. 23].

Однако кризис в подготовке педагогических кадров в Европе связан не только с оплатой труда, которая в большинстве стран Евросоюза достаточно высокая. По данным опроса профсоюза учителей Великобритании в стране лишь 9 % молодежи в возрасте 16–19 лет проявляют интерес к профессии

учителя. За последние несколько лет (2005–2010 гг.) количество учителей в Соединенном Королевстве сократилось на 10 %, дипломированных специалистов высшей категории в области образования стало меньше на 20 %.

Несмотря на широкомасштабные меры, предпринимаемые правительствами многих стран, – выделение крупных сумм на повышение заработной платы учителей, приглашение дипломированных специалистов из других стран – как в Великобритании; разработка систем материального вознаграждения из фондов профсоюзов работников образования для привлечения молодых специалистов – как в Швеции; введение централизованной системы премирования преподавателей, имеющих не менее 10 лет педагогического стажа, – как в Италии, – повсюду в Европе наблюдается кризисное состояние учительской профессии [2].

По данным исследования, проведенного Берлинским университетом, 56 % учителей Великобритании находятся в состоянии нервного стресса, нуждаясь в постоянном медицинском наблюдении; 80 % испанских учителей, как и их коллеги из Германии и Франции, испытывают постоянную физическую усталость и психологическое напряжение. Учителей в европейских странах волнует их социальный статус, несправедливое отношение к ним правительства. Достаточно вспомнить высказывания одиозного министра образования Франции К. Аллегра, призвавшего «растрясать толстого мамонта – учителя», британского министра Д. Блюкетта, объявившего учителей своей страны посредственностями, бывшего канцлера Германии Г. Шредера, обвинившего соотечественников-педагогов в лени [3].

Очевидно, что повышение материального достатка не является важнейшим фактором успешности проведения образовательных реформ. Скорее здесь на первое место выходит укрепление социального авторитета учителя. По данным материалов международного исследования в Финляндии, средняя учительская зарплата составляет 2500 евро в месяц. Однако начальная ставка финского педагога, с учетом ее покупательной способности, в два раза меньше, чем люксембургского – самого высокооплачиваемого учителя в странах-членах ОЭСР. Большие зарплаты, чем в Финляндии, имеют также датские и норвежские учителя. Очевидно, что во всей Западной Европе педагог – одна из высокооплачиваемых профессий, однако не все страны достигли таких впечатляющих успехов в образовании, как Финляндия.

Мы полагаем, что существуют определенные точки соприкосновения, общее и особенное в организации педагогического образования в различных странах. Однако процесс подготовки учителя носит системообразующий характер, демонстрирует своеобразное «замыкание системы на себя», так как специалист, следуя логической цепочке «школа – получение квалификации – профессиональная деятельность», фактически возвращается в исходную точку, но уже в новом качестве, обеспечивая воспроизводство и дальнейшее развитие системы образования. В связи с этим в процессе гармонизации мирового образовательного пространства подготовка высококвалифицированных педагогических кадров – зона особого внимания для большинства государств. В центре научного поиска находятся:

– интеграционные процессы в области образования, связанные с целенаправленной деятельностью национальных и наднациональных структур (Б. Л. Вульфсон, У. Тайхлер, Г. Хог, О. Галан и др.);

– потребности в обновлении образовательных систем в связи с возрастающей универсализацией образования, продиктованной динамикой общественного развития (В. И. Байденко, Дж. Зантворт, И. А. Зимняя, Я. И. Кузьминов, Ф. Бухбергер, А. Харгривз, С. Райхерт и др.);

– формирование высококвалифицированного педагогического корпуса для обеспечения качества образования, соответствующего международным стандартам (В. Д. Шадриков, Л. Б. Соколова, Б. Мун, П. Муссет, М. Татто, Д. Хопкинс и др.).

В контексте реформ российского образования особую значимость приобретает комплексный анализ прогрессивных тенденций, успехов и неудач, преимуществ и рисков в сфере подготовки педагогических кадров в глобальном, национальном, локальном масштабах. Указанные обстоятельства диктуют потребность в выстраивании прогрессивной концепции подготовки педагогических кадров для отечественного образования, требующей выработки особых механизмов реформирования, учета стратегических национальных интересов и объективной оценки тенденций, характерных для развития аналогичных образовательных структур в других странах.

Фактором, объединяющим национальные системы подготовки учителей, является отличие педагогического образования от других секторов профессиональной подготовки. Оно проявляется в непосредственной связи с большим количеством научных дисциплин (языки и литература, математика, биология, физика и т.д.), что создает самые благоприятные условия для интеграции различных областей знания в рамках высшей школы. Одновременно это предполагает решение актуальной проблемы достижения гармоничного содержательного баланса между различными компонентами учебных планов педагогического образования. Практически во всех моделях подготовки учителей структура содержания образования объединяет две сферы: предметную и профессиональную. Предметная подготовка включает в себя изучение общеобразовательных и специальных дисциплин. Профессиональный блок – общепедагогические дисциплины, методику и педагогическую практику. При этом следует принимать во внимание вариативность реального наполнения данных содержательных компонентов, учитывая отсутствие общего терминологического аппарата, применимого во всех культурных контекстах. Совокупность указанных компонентов можно рассматривать в качестве условной схемы содержательного структурирования учебных программ, используемых для подготовки учителей.

Варианты сочетания предметного и профессионального блоков, положенные в основу организации педагогического образования, позволяют выделить две его основные структурные модели:

– *синхронная модель*, в которой предметная и профессиональная подготовка совмещены в общем курсе высшего образования. В учебных программах, структурированных в соответствии с синхронной моделью, существенное место занимают курсы дидактики и методики, а также педагогическая практика (Австрия, Бельгия, Германия, программы «Bachelor of Education» в Англии и Уэльсе). Данная модель лежит в основе большинства программ подготовки учителей для основной школы;

– *последовательная модель*, где профессиональная подготовка учителей осуществляется по завершении курса высшей школы в определенной

предметной области. Длительность предметной подготовки зависит в основном от общей структуры высшего образования и составляет 3–4 года. В странах с последовательной моделью организации педагогического образования для перехода к фазе профессиональной подготовки необходимо получить степень бакалавра (например, программы «Postgraduate Certificate in Education» в Англии и Уэльсе, «Master of Teaching» и аналогичные в США), диплом Licence (IUFMn agregation во Франции).

Следует отметить, что в тех странах, где подготовка педагогических кадров осуществляется на основе только одной модели, более широкое распространение получила *синхронная модель*. Она характерна для Германии, Австрии, Польши, Чехии, Венгрии, Румынии, Нидерландов, Дании, Эстонии. *Последовательная модель* используется во Франции, США, Испании, Италии и Болгарии. В остальных странах на альтернативной основе сосуществуют обе модели, которые предлагают более широкий выбор образовательных маршрутов для получения квалификации педагога. Однако здесь также преобладает синхронная модель организации педагогического образования, за исключением Великобритании, Ирландии и Португалии – для этих стран более типичной является последовательная модель.

Данная классификация очерчивает лишь самые общие характеристики систем подготовки педагогических кадров, поскольку даже в тех странах, которые могут считаться «типичными представителями» той или иной модели, педагогическое образование обладает определенными специфическими особенностями.

Например, в некоторых странах, где подготовка учителей осуществляется в соответствии с синхронной моделью, существует дополнительный практико-ориентированный компонент профессионального блока, выделенный в отдельную фазу обучения, которая может быть определена как длительная педагогическая практика в школе. В Германии – там подобная практика носит название Vorbereitungsdienst или Referendariat – и Австрии (Unterrichtspraktikum) после сдачи первого государственного экзамена студенты в течение двух лет (в Австрии – одного года) посещают учебные семинары по подготовке учителей и ведут занятия в прикрепленных к этим семинарам школах. Эта фаза обучения заканчивается вторым государственным экзаменом, после чего выпускники получают квалификацию учителя.

В системе подготовки учителей, функционирующей во Франции на основе последовательной модели, прослеживаются отдельные черты синхронной схемы. С 2001 г. студентам, проявляющим интерес к профессии учителя, предоставляется возможность в течение второго-третьего года обучения в университетах (фаза предметной подготовки) добавить в число курсов по выбору новые модули предпрофессиональной подготовки (preprofessionalisation), которые включают в себя дисциплины педагогического цикла [4]. Похожая ситуация наблюдается в США, где такая схема характерна для интегрированных программ и альтернативных маршрутов подготовки учителей.

Опираясь на материалы общеевропейских мониторингов по проблемам подготовки учителей, а также на данные Тематической сети подготовки преподавателей в Европе, европейские исследователи дополнительно выделяют находящуюся в стадии становления интегративную модель подготовки педагогических кадров. В ней отдельные компоненты учебного плана, относя-

щиеся к предметной и педагогической области, объединяются в интегративные курсы. При этом акцент переносится на релевантные с точки зрения профессиональной компетентности темы и на связь теоретических и практических аспектов изучаемых дисциплин. Тенденция к структурированию учебных программ педагогического образования с использованием интегративной модели характерна для скандинавских стран и Испании.

Особое значение повышения качества подготовки учителей подтверждают принятая в мае 2013 г. во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) Ассоциацией ректоров педагогических университетов Европы «Педагогическая конституция Европы» [5] и рекомендации о «Подготовке педагогических кадров» межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. В рекомендациях определены следующие противоречия, существующие в системе подготовки кадров на современном пространстве СНГ: между потребностями общества в новом педагоге, обладающем высоким инновационным потенциалом, постоянно совершенствующем в соответствии с требованиями, предъявляемыми в настоящее время школой, обществом и государством к уровню профессиональной компетентности педагога, и содержанием подготовки педагогических кадров; между необходимостью усовершенствовать организационно-экономический механизм управления, чтобы он отвечал потребностям системы подготовки педагогических кадров, и бессистемной модернизацией отдельных его компонентов: финансовое обеспечение развития человеческого потенциала, экономические взаимоотношения, соответствующие потребностям рынка, организационно-правовое и информационное, научно-методическое обеспечение и др.; между потребностью в системном решении управленческих задач по развитию инновационной сферы профессиональной подготовки педагогов и недостаточной профессиональной готовностью руководителей сферы педагогического образования к развитию системных процессов управления в условиях XXI в. Определены модельные требования к современному педагогу и обоснованы направления развития педагогического образования в государствах – участниках СНГ.

Список литературы

1. **Колишев, Н.** Взаимоотношения между учителями и учениками в процессе обучения / Н. Колишев. – София : Захари Стоянов, 2013.
2. **Renaut, A.** *Liberalisme politique et pluralisme culturel* / A. Renaut. – Paris. : Pleins feux, 2009. – 172 p.
3. Министерство образования Франции. – URL: www.debatnational.education.fr
4. **Fermon, Y.** Initial and In-service Training in France / Y. Fermon // *Strategies of Change in Teacher Education – European Views* / ed O. Gassner. – Feldkirch : Pädagogische Akademie Feldkirch, 2002. – P. 150–154.
5. Педагогическая Конституция Европы. – URL: <http://yspu.org/images/0/00/Frankfurt2013.pdf>

References

1. Kolishev N. *Vzaimootnosheniya mezhdu uchiteli i uchenitsi v protsesa na obuchenie* [Interrelations between teachers and students in educational process]. Sofiya: Zakhari Stoyanov, 2013.
2. Renaut A. *Liberalisme politique et pluralisme culturel* [Culture of political liberalism and pluralism]. Paris: Pleins feux, 2009, 172 p.

3. *Ministerstvo obrazovaniya Frantsii* [Ministry of Education of France]. Available at: www.debatnational.education.fr
4. Fermon Y. *Strategies of Change in Teacher Education – European Views*. Ed O. Gassner. Feldkirch: Padagogische Akademie Feldkirch, 2002, pp. 150–154.
5. *Pedagogicheskaya Konstitutsiya Evropy* [Pedagogical Constitution of Europe]. Available at: <http://yspu.org/images/0/00/Frankfurt2013.pdf>

Шайденко Надежда Анатольевна
доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент Российской
академии образования, депутат
Государственной Думы Федерального
Собрания РФ, заместитель председателя
Комитета по образованию
Государственной Думы
(Россия, г. Москва, ул. Охотный ряд, 1)
E-mail: skipurova@gmail.com

Shaydenko Nadezhda Anatol'evna
Doctor of pedagogical sciences, professor,
correspondence member of the Russian
Academy of Education, deputy of the State
Duma of the Federal Assembly
of the Russian Federation, vice-chairman
of the Educational Committee
of the State Duma
(1 Okhotny ryad street, Moscow, Russia)

УДК 378

Шайденко, Н. А.

Анализ зарубежного опыта подготовки педагогических кадров /
Н. А. Шайденко // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.*
Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 204–210.

Д. М. Калязина, Н. Е. Соколов, А. Е. Федорова

ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВУЗОВ ОСНОВАМ BUSINESS PROCESS MANAGEMENT

Аннотация.

Актуальность и цели. Особенностью преподавания дисциплин IT-цикла в экономических вузах является то, что технологии, которым надо обучать студентов, постоянно обновляются. В настоящее время появился и активно развивается новый класс информационных систем – Business Process Management Suite (BPMS), позволяющих на качественно новом уровне осуществлять управление бизнес-процессами. Популярность BPM такова, что очевидной является необходимость обучения работе с системами этого класса студентов экономических вузов. Одной из актуальных проблем при разработке учебно-методического обеспечения по этой теме является выбор программного обеспечения, на примере которого будет осуществляться подготовка. Целью исследования является анализ рынка и обоснование выбора BPM-системы для использования в учебном процессе.

Материалы и методы. При проведении исследования использована методика выбора программного обеспечения информационной системы, которая учитывает особенности организации и проведения учебного процесса в экономическом вузе. В работе методом экспертных оценок выполнено обоснование перечня критериев, значимых при выборе BPM-системы, а также определены величины весовых коэффициентов для этих критериев. В соответствии с принятыми критериями проведено сравнение и выполнен выбор BPM-системы.

Результаты. По результатам анализа рынка BPM-систем определен список систем для сравнения. Сформирован перечень критериев сравнения и осуществлен сравнительный анализ каждого продукта по взвешенным показателям. Сравнялись шесть систем по 10 показателям. В результате были отобраны системы, предпочтительные для использования в учебном процессе.

Выводы. Осуществлен отбор трех систем для дальнейшего применения: Rupa WFE, Bizagi и ELMA. Полученные результаты апробированы в учебном процессе в Санкт-Петербургском филиале Финансового университета при Правительстве РФ и Международном банковском институте при подготовке студентов, обучающихся по направлению подготовки «Бизнес-информатика» и «Прикладная информатика в экономике» и доказали свою состоятельность.

Ключевые слова: BPM, BPMS, BPMN 2.0, BPM-системы, экспертные оценки, критерии выбора программного обеспечения, бизнес-процессы.

D. M. Kalyazina, N. E. Sokolov, A. E. Fedorova

SUBSTANTIATION OF THE CHOICE OF EDUCATIONAL SOFTWARE TO TEACH BASIC BUSINESS PROCESS MANAGEMENT TO STUDENTS OF ECONOMIC UNIVERSITIES

Abstract.

Background. A feature of teaching IT-cycle subjects at economic universities is that the technologies which are needed to teach students are constantly updated. This relates to the fact that the market of IT-products is rapidly changing. At the moment a new class of information systems – Business Process Management Suite (BPMS) has appeared. It allows to manage business processes at a whole new level. Nowa-

days BPM is becoming more popular, and that is why students of economic universities should study and work with systems of this class. One of the urgent problems is the choice of the system software, which teachers can use to educate. The research target is to analyze the market and to substantiate the choice of BPM system to be used in the educational process.

Materials and methods. In the study the authors used a method of choosing the software information system, that take into account the features of organization and conduct of the educational process in an economic university. The article substantiates by means of expert assessments the criteria which are important for choosing a BPM system and also identifies the weight coefficient for these criteria. In accordance with the established criteria the authors conducted a comparison and chose a BPM system.

Results. The analysis of the BPM-market was conducted. According to the analysis a list of BPM-systems was identified, than the authors compared every product in compliance with the weight coefficient of criteria. 6 systems were compared by 10 criteria. According to the analysis the researchers chose and compared software to be used in the educational process.

Conclusions. Three systems were chosen: Runa WFE, Bizagi and ELMA. These products will be used at universities in future. The results were approved in the educational process at the St. Petersburg branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation and the International Banking Institute in training of students who are majoring in “Business Information” and “Applied Information in Economics” and have proved their worth.

Key words: BPM, BPMS, BPMN 2.0, BMP-system, expert evaluations, criteria of software selection, business-process.

Одним из путей повышения качества образовательного процесса в высшей школе является использование современных информационных технологий (ИТ) [1]. Вузы заинтересованы в полноценной подготовке студентов, а для этого им приходится выбирать программное обеспечение, которое постоянно совершенствуется и обновляется. На данный момент рынок ИТ предлагает множество продуктов, и проблема выбора стоит очень остро [2].

С такой ситуацией сталкиваются многие экономические вузы, и Санкт-Петербургский филиал Финансового университета при Правительстве РФ не стал исключением. Для эффективной подготовки специалистов-управленцев необходима платформа, отражающая современные тенденции развития в сфере ИТ, менеджмента и экономики [3].

В начале 2000-х гг. появился подход к управлению бизнес-процессами, названный Business Process Management (BPM). Реализация BPM-подхода позволяет предприятиям повысить эффективность своей деятельности за счет оптимизации выполнения кроссфункциональных и многоэкземплярных бизнес-процессов. Также за счет интеграции с языком описания бизнес-процессов BPEL (Business Process Execution Language) BPM позволяет обеспечивать взаимодействие разноплатформенных информационных систем, используемых на предприятии. Эта возможность реализуется с помощью технологии SOA (Service Oriented Architecture). BPM-система с помощью графического редактора диаграмм позволяет легко редактировать бизнес-процессы, что дает возможность бизнес-пользователям оперативно вносить изменения в настройки системы. Это крайне важно, так как условия рынка постоянно меняются, что требует оперативного внесения изменений в бизнес-процессы организации.

Реализацию BPM-подхода невозможно представить без систем управления бизнес-процессами класса BPMS (BPM Suite). В некоторых источниках встречается иная расшифровка аббревиатуры BPMS – Business Process Management System [4].

В проводимом исследовании решается задача выбора платформы BPM-системы для применения в учебном процессе при подготовке студентов направлений «Менеджмент», «Бизнес-информатика» и «Экономика». Было выделено два подхода к осуществлению подготовки студентов по IT дисциплинам: первый, когда акцент делают исключительно на освоении интерфейсной части системы; второй, когда целью обучения является формирование понимания концепции, представления о логике работы изучаемого класса систем. На наш взгляд, студенты должны научиться решать типовые задачи и применять свои знания на практике.

Информационные технологии постоянно изменяются, поэтому освоение только интерфейсной части нецелесообразно. Необходимо изучать общую концепцию каждой системы и логику ее работы. Специалист на практике может столкнуться с более чем тремя десятками BPM-систем. Следовательно, надо осваивать материал вне зависимости от конкретной реализации [5].

При принятии решения о выборе программного обеспечения информационной системы (ИС) важно понимать, что существует большая разница между требованиями к системе, которая применяется для решения реальных бизнес-задач, и системой, которая будет использоваться в качестве иллюстративного материала для обеспечения учебного процесса. В связи с этим выбор программного обеспечения BPM-системы в данном случае имеет свою специфику, которая будет отражена ниже. Существует стандартная технология выбора программного обеспечения (ПО) ИС, основные этапы которой проиллюстрированы на рис. 1.

В случае выбора программного обеспечения для использования в учебном процессе класс систем однозначно определен. В нашем случае была поставлена цель – изучение работы с BPM-системой.

Следующим этапом являлось формирование списка программных систем данного класса. Проведенный анализ рынка показал, что на сегодняшний день в России представлено более 30 систем класса BPMS.

Затем был сформирован список критериев, которые целесообразно учитывать при выборе систем этого класса. При этом был использован метод мозгового штурма и проведен опрос экспертов.

Сравнение программного обеспечения по выбранным критериям целесообразно проводить с помощью выставления оценок и подводить итог с учетом коэффициентов. Заключительным этапом схемы является процесс принятия решения.

При формировании списка систем, критериев и их веса использовался метод экспертных оценок. Экспертами выступили преподаватели, специалисты в области BPM-систем, студенты Санкт-Петербургского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Метод взвешенной оценки, результаты которого представлены в табл. 1, позволяет осуществить более дифференцированную оценку значимости факторов внешней среды. Представлены критерии отбора и коэффициент его важности, также для каждой системы проставлены оценки, подсчитана общая сумма и итог при учете взвешенных коэффициентов.

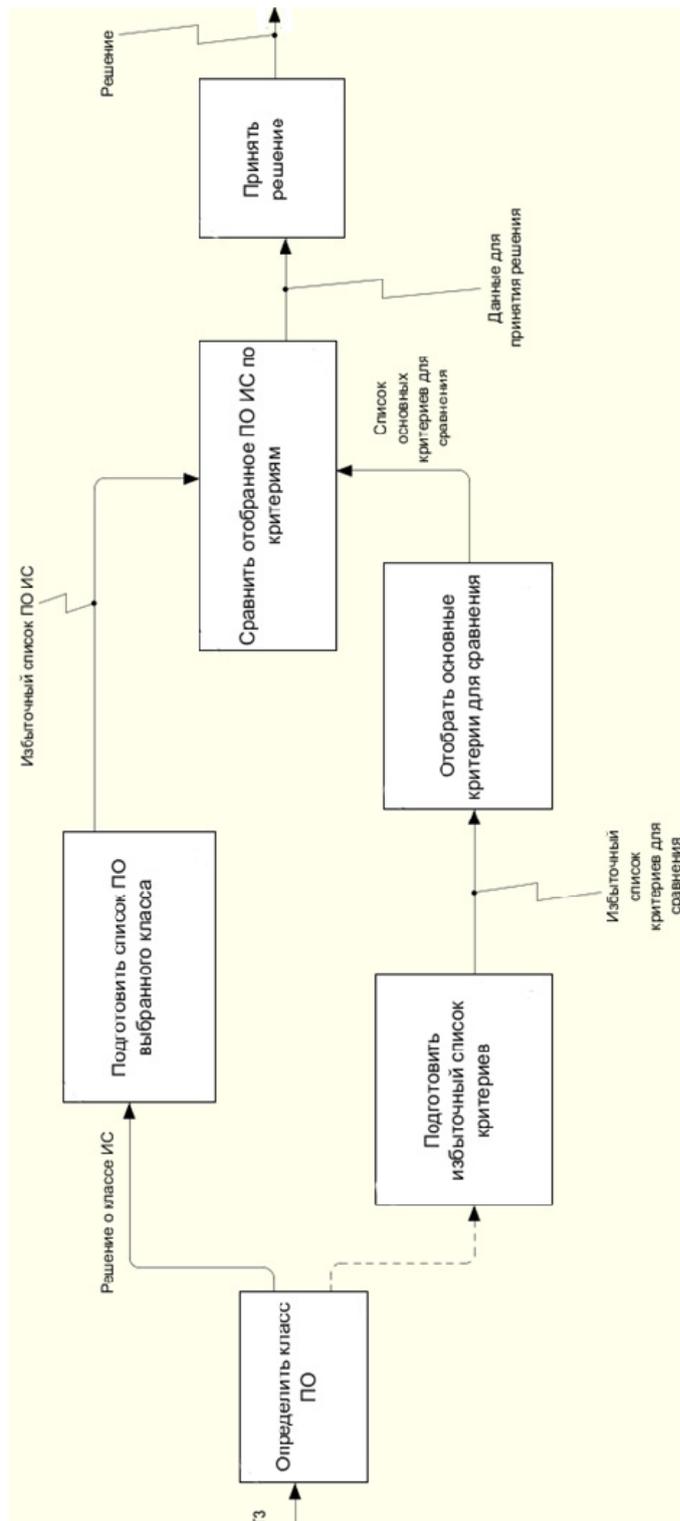

Рис. 1. Процесс выбора программного обеспечения информационной системы

Таблица 1

Матрица критериев по выбору ПО

Критерии отбора	Требования к АО	Usability	Простота освоения	Надежность	Полнота функционала	Поддержка и применение в РФ	Методическое обеспечение	Простота интеграции с внешними приложениями	Соответствие стандартам BPMN 2.0	Наличие панели управления (Dashboard)	Итого (сумма)	Итого
Коэффициент	8	8	9	3	3	7	8	4	7	5		
BOS	4	8	7	8	6	6	6	6	8	7	66	41
Runa WFE	9	8	9	7	8	9	9	9	8	5	81	52
Intalio	7	9	8	5	9	8	5	4	7	6	68	44
Bizagi	8	9	7	3	9	8	7	9	8	6	74	47
Activiti	9	1	7	3	1	8	3	9	4	5	50	32
ELMA	9	7	7	6	9	8	9	8	9	8	80	50

Метод взвешенной оценки был дополнен методикой MuSCoW, при которой выделяются обязательные (must have) и менее важные, но желательные показатели (should have, would have), а также показатели, которых не должно быть (won't have). Необходимо дать обоснование для каждого из параметров. В таблице все системы open source, показатель «бесплатность» являются must have и не отражены отдельной строкой [6].

Наивысший балл получил критерий «простота освоения». ПО должно быть таким, чтобы, с одной стороны быть наглядным, а с другой стороны, чтобы акцент при изучении был не на особенностях интерфейса, а на идеологии применения и на том, как с помощью систем подобного класса решать возникающие задачи. Легкость работы и интуитивно понятный интерфейс упростят знакомство с продуктом. При этом важно понимать, что «usability» не дублирует критерий «простота освоения», а отражает удобство работы с системой для тех пользователей, которые уже знают азы BPM-систем. «Простота освоения» может достигаться в том числе за счет снижения функциональных возможностей системы.

Особенностью компьютеров, используемых в учебном процессе, является то, что зачастую они обладают ограниченными вычислительными мощностями. Продукт для обучения не предъявляет высоких требований к аппаратному обеспечению (АО). Для таких систем большой объем ресурсов компьютера не требуется, но при этом они имеют необходимый функционал, поэтому коэффициент довольно высокий.

При обучении студенту важно иметь методический материал, который поможет ему повысить эффективность усвоения знаний на практических занятиях и в ходе самостоятельной работы. Во время выполнения практических и домашних заданий студент может опираться на документацию, поэтому наличие методического обеспечения позволит быстрее продвинуться в освоении продукта.

Многие BPM-системы реализуют собственное прочтение нотации моделирования BPMN. В реальной ситуации это не критично, так как пользователю не принципиально соответствие определенной системы стандартам, но в учебном процессе важно, чтобы студент познакомился с общей нотацией BPMN 2.0. Таким образом, освоив одну платформу, он сможет с легкостью обучиться и работать на другой.

Критерий «Поддержка и применение в РФ» важен для обеспечения работоспособности системы, оценки качества ее работы.

Кроме того, одним из важнейших требований эксперты назвали поддержку панелей контроля. Dashboard – это панель, позволяющая управлять и вовремя реагировать на узкие места в исполняемых процессах. Пользователь должен познакомиться с возможностями «dashboard», но этот критерий не будет являться определяющим при выборе системы.

«Простота интеграции с внешними приложениями», «надежность» и «полнота функционала» являются обязательными критериями для реальных систем, однако эти показатели не критичны для систем обучения.

В соответствии с принятым набором критериев и их весовыми коэффициентами было осуществлено сравнение шести BPM-систем, удовлетворяющих обязательному требованию – наличие бесплатной версии для образовательных учреждений: BOS (Bonita Open Solution) – французский вендор компании BonitaSoft; Activiti выпущена компанией Alfresco; RunaWFE (Runa Work Flow Engine) произведена в России, Intalio BPMS выпущена компанией Intalio; Bizagi (Bizagi BPM Suite) – производство BizAgi; ELMA (ELMA BPM Suite) – разработка российской компании ELMA.

Результаты сравнения были внесены в матрицу принятия решений (см. табл. 1).

По результатам проведенного сравнения можно сделать вывод, что наилучшие результаты показали три системы: Runa WFE, Bizagi и ELMA. По большинству критериев системы получили примерно одинаковые оценки, но Bizagi и ELMA «проигрывают» в «простоте освоения», а это один из важных критериев отбора.

Для проверки правильности выбора было принято решение об экспериментальном сравнении этих систем. Была установлена симуляционная версия Runa WFE и изучен ее функционал. По полученным материалам проведен учебный курс со студентами, обучающимися по специальности «Бизнес-информатика». Они на практике познакомилась с основными компонентами BPM-системы, освоили работу системы в таких режимах, как: администратор, разработчик и пользователь, детально проработали несколько бизнес-процессов и написали итоговый тест. По результатам апробации выяснилось, что Runa WFE обладает интуитивно понятным интерфейсом и обширным функционалом, что дает возможность даже неподготовленным пользователям в короткие сроки ее освоить [7].

Существует еще много классов систем, таких как: ERP, CRM, SCADA, SCM, MRP, MRP II, с которыми стоит познакомиться. Дипломированный специалист должен ориентироваться во множестве сред и иметь представление о работе с ними. Многие вузы проводят занятия по старым образцам программ, но, на наш взгляд, нужно их совершенствовать, ввести практические курсы по популярным на рынке системам. Рассмотренный подход универсален и применим при выборе любого класса систем для обучения.

Список литературы

1. **Панфилов, И. Б.** Формирование стратегии повышения качества образования в высшей школе / И. Б. Панфилов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 323–330.
2. **Кошев, А. Н.** Управление системой информатизации университета / А. Н. Кошев, В. В. Кузина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 2. – С. 146–151.
3. **Соловьева, Е. О.** Основные тенденции государственной образовательной политики в новейшей истории России / Е. О. Соловьева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – № 1.
4. **Калязина, Д. М.** Обоснование выбора ВРМ-системы современного вуза / Д. М. Калязина, А. Е. Федорова // Инновационное развитие современной науки : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / Башкирский государственный университет. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. – С. 269–271.
5. **Бондаренко, Е. Ю.** Информационные системы в деятельности современного вуза / Е. Ю. Бондаренко, А. М. Махов // Современные исследования социальных проблем. – 2010. – № 1. – С. 52–53.
6. **Деревянко, Ю. Д.** Принципы создания и развития системы менеджмента качества современного вуза / Ю. Д. Деревянко, А. С. Принцев, Н. Е. Соколов // Финансы, деньги, инвестиции. – 2013. – № 1 (45). – С. 35–38.
7. **Абрамян, Г. В.** О методике проведения практических занятий по информационным технологиям управления бакалаврам управленческих специальностей / Г. В. Абрамян, Г. Р. Катасонова // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. – 2013. – № 1. – С. 3–5.

References

1. Panfilov I. B. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2013, no. 4 (28), pp. 323–330.
2. Koshev A. N., Kuzina V. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2012, no. 2, pp. 146–151.
3. Solov'eva E. O. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University]. 2008, no. 1.
4. Kalyazina D. M., Fedorova A. E. *Innovatsionnoe razvitie sovremennoy nauki: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Innovative development of modern science: collected articles of the International scientific and practical conference]. Baskir State University. Ufa: RITs BashGU, 2014, pp. 269–271.
5. Bondarenko E. Yu., Makhov A. M. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern research of social problems]. 2010, no. 1, pp. 52–53.
6. Derevyanko Yu. D., Printsev A. S., Sokolov N. E. *Finansy, den'gi, investitsii* [Finance, money, investment]. 2013, no. 1 (45), pp. 35–38.
7. Abramyan G. V., Katasonova G. R. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Nizhny Vartovsk State Humanitarian University]. 2013, no. 1, pp. 3–5.

Калязина Дарья Михайловна

студентка, Санкт-Петербургский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Съезжинская, 15/17)

E-mail: darya.kalyazina@mail.ru

Kalyazina Dar'ya Mikhaylovna

Student, Saint-Petersburg branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
(15/17 Syezzhinskaya street, Saint-Petersburg, Russia)

Соколов Николай Евгеньевич

кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой бизнес-
информатики, заместитель директора
по научной работе, Санкт-Петербургский
филиал Финансового университета
при Правительстве Российской
Федерации
(Россия, г. Санкт-Петербург,
ул. Съезжинская, 15/17)

E-mail: n_e_sokolov@mail.ru

Sokolov Nikolay Evgen'evich

Candidate of pedagogical sciences,
associate professor, head of sub-department
of business-informatics, deputy director
for research, Saint-Petersburg branch
of the Financial University under
the Government of the Russian Federation
(15/17 Syezzhinskaya street,
Saint-Petersburg, Russia)

Федорова Анна Евгениевна

ассистент, кафедра бизнес-информатики,
Санкт-Петербургский филиал
Финансового университета
при Правительстве Российской
Федерации
(Россия, г. Санкт-Петербург,
ул. Съезжинская, 15/17)

E-mail: anya_anna@list.ru

Fedorova Anna Evgenievna

Assistant, sub-department of business-
informatics, Saint-Petersburg branch
of the Financial University under
the Government of the Russian Federation
(15/17 Syezzhinskaya street,
Saint-Petersburg, Russia)

УДК 65.011.65

Калязина, Д. М.

Обоснование выбора платформы для обучения студентов экономическим вузам основам Business Process Management / Д. М. Калязина, Н. Е. Соколов, А. Е. Федорова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 211–218.

А. А. Пашин, А. М. Васильева, В. Ф. Мухамеджанова

ПОТРЕБНОСТИ И МОТИВЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Укрепление здоровья и формирование здорового образа жизни студенческой молодежи является приоритетной государственной задачей. Решение этой задачи невозможно без изучения характеристик ценностного отношения к здоровью, поскольку именно оно определяет успешность оздоровительной деятельности, уровень здоровья в целом. Целью работы является изучение ценностного отношения к здоровью студенческой молодежи.

Материалы и методы. Методологической основой исследования являлась концепция субъективных отношений личности. Были использованы тест «Индекс отношения к здоровью», а также анкета «Я и мое здоровье». Анализировались протоколы контрольных испытаний по физической подготовленности студентов Пензенского государственного университета.

Результаты. Получены данные, позволяющие оценить параметры и компоненты ценностного отношения к здоровью студентов ПГУ. Выявлены потребности и мотивы здорового образа жизни, самооценка здоровья студенческой молодежи.

Выводы. Сравнительный анализ данных, полученных в 2009 и 2013 гг., позволяет говорить о снижении уровня ценностного отношения к здоровью у современных студентов. В числе причин такого положения дел можно назвать в первую очередь низкий уровень знаний о своей физической подготовленности и, как следствие, завышенную самооценку состояния здоровья. Сделанные выводы позволяют вносить коррективы в процесс учебно-воспитательной и физкультурно-оздоровительной работы, проводить его с учетом потребностно-мотивационной сферы студентов.

Ключевые слова: самооценка, уровень отношения к здоровью, физическая подготовленность, ценности, мотивы.

A. A. Pashin, A. M. Vasilyeva, V. F. Mukhamedzhanova

NEEDS AND MOTIVES OF A HEALTHY LIFESTYLE OF STUDENT YOUTH

Abstract.

Background. Health promotion and formation of a healthy lifestyle of student youth is a state priority. This problem is impossible to solve without studying the characteristics of the value attitude to health, as it determines the success of wellness activities, the level of health in general. The aim of this work is to study students' value attitude to health.

Materials and methods. The methodological basis of the study was the concept of personality's subjective relationships. The authors used the "Index of attitude to health" test, as well as the questionnaire "Me and my health". The researchers analyzed the protocols of control tests of physical conditions of PSU students.

Results. The obtained data allows to estimate the parameters and components of PSU students' value attitude to health. The authors identified students' needs and motives of a healthy lifestyle, self-estimation of health.

Conclusions. The comparative analysis of the data obtained in 2009 and 2013 displays a reduction of the level of value attitude to health among today's students.

One of the reasons for this state of affairs, first and foremost, is a low level of knowledge about physical fitness and, as a result, an inflated self-estimation of health. The findings allow to make adjustments in the process of educational and recreation activities and sport, to carry it out with regard to the students' sphere of needs and motives.

Key words: self-estimation, level of health care, physical training, values, motives.

Укрепление здоровья и формирование здорового образа жизни студенческой молодежи является приоритетной государственной задачей. Решение этой задачи невозможно без изучения характеристик ценностного отношения к здоровью, поскольку именно оно определяет успешность оздоровительной деятельности, уровень здоровья в целом [1].

Для изучения ценностного отношения к здоровью студенческой молодежи было проведено исследование, в котором приняли участие более 500 студентов шести факультетов Пензенского государственного университета (ПГУ).

Методологической основой исследования являлась концепция субъективных отношений личности [2], согласно которой действия и поступки человека обусловлены сложившейся у него системой субъективных отношений к объектам и явлениям окружающего мира, обеспечивающей продуктивность какой-либо деятельности.

В целях исследования были использованы тест «Индекс отношения к здоровью» [3], состоящий из двух субтестов (первый диагностирует доминантность отношения к здоровью и здоровому образу жизни, второй – интенсивность этого отношения), а также разработанная нами анкета «Я и мое здоровье».

В соответствии с задачами исследования была изучена иерархия жизненных ценностей студенческой молодежи (тест «Доминантность»). Как показал анализ ответов, главенствующее положение в жизни студентов занимает «Любовь», что с учетом возраста респондентов является закономерным. «Здоровье» как ценность у студентов всех курсов и факультетов базируется в иерархии жизненных ценностей на почетном 2-м месте (средний показатель – 5,41 балла по 7-балльной системе), опережая такие ценности, как «Учеба (Труд)» и «Общение с друзьями», которые занимают 3-е и 4-е места.

Сравнивая полученные результаты с данными, зафиксированными в исследованиях, проведенных в 2007–2009 гг., отметим некоторый рост доминантности здоровья у студентов (5,32 % – в 2007–2009 гг. и 5,41 % – в 2013 г.). Однако показатель доминантности отношения к здоровью не является самым информативным, поскольку те или иные ценности могут просто декларироваться и не проявляться в практической деятельности. Поэтому перейдем к интенсивности отношения к здоровью как интегральному показателю, отражающему силу отношения через призму своих компонентов.

Как видно из табл. 1, значения показателей интенсивности отношения к здоровью студентов Пензенского государственного университета, зафиксированные в 2013 г., уступают значениям аналогичных показателей 2007–2009 гг. по всем параметрам и компонентам [4].

Таблица 1

Значения средних показателей параметров и компонентов отношения к здоровью студентов ПГУ (основная медицинская группа, баллы)

Контингент	Доминантность, $M \pm m$	Интенсивность, $M \pm m$	Компоненты интенсивности, $M \pm m$			
			перцептивно-аффективный	когнитивный	практический	
1-й курс						
в 2007–2009 гг.						
ОМГ, $n = 256$	5,17 ± 0,066	33,98 ± 0,597	10,84 ± 0,199	6,66 ± 0,188	10,03 ± 0,166	6,49 ± 0,177
в 2013 г.						
ОМГ, $n = 100$	5,36 ± 0,119	31,12 ± 0,650	10,80 ± 0,282	5,87 ± 0,247	8,85 ± 0,282	6,23 ± 0,282
2-й курс						
в 2007–2009 гг.						
ОМГ, $n = 178$	5,41 ± 0,084	35,88 ± 0,671	11,55 ± 0,251	7,12 ± 0,224	10,89 ± 0,238	6,42 ± 0,251
в 2013 г.						
ОМГ, $n = 100$	5,61 ± 0,100	35,10 ± 0,998	11,69 ± 0,282	6,45 ± 0,282	10,01 ± 0,320	7,05 ± 0,339
3-й курс						
в 2007–2009 гг.						
ОМГ, $n = 210$	5,38 ± 0,075	32,09 ± 0,562	10,66 ± 0,225	6,09 ± 0,187	9,49 ± 0,199	6,05 ± 0,187
в 2013 г.						
ОМГ, $n = 100$	5,33 ± 0,119	30,95 ± 0,821	10,36 ± 0,247	5,82 ± 0,339	9,00 ± 0,263	5,77 ± 0,282
4-й курс						
в 2007–2009 гг.						
ОМГ, $n = 140$	5,31 ± 0,097	33,91 ± 0,726	11,67 ± 0,242	6,89 ± 0,290	9,89 ± 0,258	5,35 ± 0,290
в 2013 г.						
ОМГ, $n = 100$	5,32 ± 0,119	33,15 ± 0,904	11,38 ± 0,301	5,93 ± 0,271	9,61 ± 0,282	6,12 ± 0,339

Анализ структуры интенсивности показывает, что значения перцептивно-аффективного компонента отношения к здоровью нынешних студентов, (эмоциональная шкала) незначительно снизились (незначительно уступают на 1, 3 и 4-м курсах и превосходят на 2-м курсе). То есть можно констатировать, что эмоциональная сторона отношения присутствует, вопросы здоровья по-прежнему волнуют студентов, и потребность в здоровье не уменьшилась.

Значения когнитивного компонента отношения к здоровью нынешних студентов 1, 2 и 4-го курсов статистически достоверно ниже, чем у их коллег в 2007–2009 гг. ($P < 0,05$ по t -критерию Стьюдента). А на 3-м курсе также ниже, но незначительно, причем с 1-го по 3-й курс отмечается снижение.

Практический компонент ниже на всех курсах, однако достоверность отставания только на 1-м и 2-м курсах. Отметим, что отставание в практическом компоненте от курса к курсу снижается, т.е. здравотворческая активность, оздоровительные умения, детерминированные ФГОСами и условиями вуза, сохраняются на прежнем уровне.

Поступочный компонент в среднем остается на уровне 2007–2009 гг., однако нынешние студенты 2-го курса достоверно превосходят своих предшественников ($P < 0,05$ по t -критерию Стьюдента). Кстати, нынешние второкурсники достоверно превосходят своих коллег с 1-го и 3-го курсов по всем параметрам (доминантность и интенсивность) и компонентам интенсивности отношения к здоровью. То есть налицо недостаточный уровень реального отношения к здоровью в первую очередь у студентов 1-го курса.

Таким образом, нынешние студенты 1-го курса уступают своим сверстникам 2007–2009 гг. по всем основным параметрам и компонентам отношения к здоровью, которое в целом носит эмоциональный характер (у первокурсников 2007–2009 гг. оно носило эмоционально-практический характер).

На втором году учебы и доминантность, и интенсивность отношения к здоровью, и показатели трех из четырех компонентов интенсивности достоверно превышают аналогичные показатели параметров и компонентов студентов 1-го курса. Характер отношения второкурсников становится познавательно-практическим, т.е. в структуре интенсивности доминируют познавательный и практический компоненты.

Объяснение этому видится в росте познавательной активности студентов, обусловленной знакомством с различными оздоровительными системами, теориями и технологиями в процессе физического воспитания. Рост интенсивности отмечен у студентов второго курса с различными типами мотивации оздоровительной деятельности. Можно отметить, что у второкурсников выявлен не только наивысший уровень отношения к здоровью, но и самый высокий за время обучения в вузе уровень физической подготовленности.

Если для студентов 3-го курса 2007–2009 гг. характерно достоверное снижение интенсивности отношения к здоровью в целом и всех без исключения компонентов интенсивности при наибольшей отрицательной динамике в показателях познавательного и практического компонентов интенсивности (снижение на 14,5 и 12,9 % соответственно), то у нынешних студентов явно и равномерно снизились показатели всех компонентов интенсивности.

Поскольку доминантность отношения к здоровью остается практически на том же уровне, какой был отмечен у второкурсников, то это снижение может быть связано с сокращением количества часов, предусмотренных образо-

вательным стандартом на практические занятия по физическому воспитанию студентов 3-го курса, изменением их содержания (на 3-м курсе учебным занятиям по физическому воспитанию присущи большая оздоровительная направленность, возможность выбора видов спорта в качестве специализации, снижение уровня требований к физической подготовленности для получения зачета и др.). В структуре интенсивности вновь начинает превалировать перцептивно-аффективный компонент, что свидетельствует о возрастании роли эмоциональной составляющей отношения, сигнализирующей о неудовлетворенной потребности в здоровосозидании.

Та же тенденция сохраняется и с переходом на следующий – 4-й курс. Отмечается, в общем-то, высокий уровень доминантности, на прежнем уровне – широта интересов в сфере здорового образа жизни. У студентов 2007–2009 гг. потребность в здоровосозидании, не находящая своего полного решения в практических действиях, переходит в теоретическую сферу и явно выражается в эмоциях, что подтверждается достоверным увеличением показателя перцептивно-аффективного компонента, который теперь уже явно доминирует в структуре интенсивности и обеспечивает рост интенсивности в целом. У нынешних студентов рост когнитивного компонента не заметен на фоне роста перцептивно-аффективного и практического.

Типологические структуры оздоровительной деятельности студентов 3-го и 4-го курсов мало отличаются и характеризуются наименьшим процентным показателем количества студентов с практическим типом отношения.

Таким образом, отношение к здоровью и здоровому образу жизни студентов повышается на 1-м курсе и к концу второго года обучения достигает максимума по всем параметрам и компонентам. С сокращением вдвое объема учебных занятий по физическому воспитанию рост показателей отношения к здоровью прекращается, и к концу 3-го курса отмечаются минимальные значения интенсивности и ее компонентов. В то же время сохранившаяся на максимальном уровне доминантность свидетельствует о прежнем понимании здоровья как ценности и наличии потребности в здоровосозидании. Сокращение практической составляющей отношения приводит к переходу активности студентов 4-го курса в теоретическую сферу и увеличению эмоций, вызванных не всегда осознаваемой, но существующей потребностью в оздоровительной деятельности.

Для того чтобы объяснить причины не слишком высокого уровня отношения к здоровью, был проведен анализ ответов на вопросы анкеты «Я и мое здоровье». Анкета включает три блока вопросов: 1. Самооценка здоровья. 2. Мои ценности. 3. Моя деятельность. Сопоставление самооценки (Я сам) с реальным уровнем деятельности и личностными ценностями («Я сам», «Каким Я хочу быть», «Что Я для этого делаю») является движущей силой развития личности [5].

Рассматривая самооценку состояния здоровья студентов, можно отметить, что на сегодняшний день свое здоровье как «хорошее» оценили 60,8 % опрошенных студентов 1-го курса. Такой же результат у студентов 2-го курса, чуть ниже – 53,3 % – у студентов 3-го курса и 58,3 % – 4-го курса. Как «удовлетворительное и плохое» оценили свое состояние здоровья 39,2 % опрошенных на 1-м и 2-м курсах, 46,7 % – на 3-м курсе и 41,7 % – на 4-м курсе обучения.

Представляется интересным сопоставить самооценку с реальной оценкой состояния здоровья студентов по результатам медосмотра и уровню их физической подготовленности (табл. 2).

Таблица 2

Оценка состояния здоровья студентов
по уровню их физической подготовленности

Курс	«Отлично»	«Хорошо»	«Удовлетворительно»	«Неудовлетворительно»
1-й	11 %	14 %	63 %	12 %
2-й	18 %	21 %	52 %	9 %
3-й	12 %	18 %	53 %	17 %
4-й	11 %	17 %	53 %	19 %

Сопоставление уровня физической подготовленности с самооценкой состояния здоровья показывает, что на сегодняшний день самооценка состояния здоровья явно завышена. Об этом свидетельствует и анализ ответов на другие вопросы анкеты. На вопрос «Страдаю ли Я хроническими заболеваниями?» были получены следующие данные: на 1-м курсе 59,8 % страдают одним из следующих хронических заболеваний – нарушение зрения, пищеварительной, сердечно-сосудистой, нервной систем, опорно-двигательного аппарата, а также аллергия. 40,2 % опрошенных первокурсников ответили, что не имеют хронических заболеваний. На 2-м курсе хроническими заболеваниями, которые были перечислены ранее, болеют 56 %, и только 44 % – здоровы. На 3-м и 4-м курсах обучения данные одинаковые: хронические заболевания у 61,6 % студентов, и только 38,4 % здоровы.

Представляется интересным, как студенты оценивают уровень своей физической подготовленности. На 1-м курсе ее уровень как «средний» оценили 64 % всех студентов, «выше среднего» – 20,2 %, «ниже среднего» – 15,8 %. В сумме «средний» уровень и «выше среднего» составили 84,2 % опрошенных студентов. Сравнивая этот показатель с самооценкой уровня здоровья (60,8 %) и с распространенностью хронических заболеваний (59,8 %), наблюдаем несоответствие данных и завышение самооценки здоровья.

На 2-м курсе «средний» уровень – 67,4 %, «выше среднего» – 14,6 % и «ниже среднего» – 18 %. В сумме «средний» и «выше среднего» составили 82 % опрошенных. Сравнивая этот показатель с «хорошим» уровнем здоровья на 2-м курсе (60,8 %) и хроническими заболеваниями (56 %), также получаем несоответствие заявленного и реального уровня здоровья. То же – на 3-м и 4-м курсах.

Таким образом, студенты склонны преувеличивать резервы своего здоровья и физические возможности. А это снижает стимулы для активных действий в плане оздоровления.

Для определения достоверности и реальности ответов на вопрос об оценке уровня своей физической подготовленности, был задан еще вопрос: «Знаю ли Я свои показатели (рост, вес, пульс, артериальное давление)?».

Анкета показала, что студенты всех курсов знают свои показатели роста и веса – 83,1 %. Однако показатель пульса на 1-м курсе знают только 24,3 % опрошенных, показатели артериального давления – 23,6 %. Ответы на

вопрос «Я знаю, что могу: отжаться от пола, подтянуться на перекладине, проплыть, прыгнуть с места в длину, пробежать» показали, что на 1-м курсе в среднем знают свои результаты 65,2 % опрошенных, на 2-м – только 64,2 %, на 3-м – 57,8 % студентов, на 4-м – в среднем 49,7 %.

Очевидно, что студенты всех курсов обучения имеют завышенную оценку собственного здоровья, а почти 50 % опрошенных даже затрудняются с ответами на вопрос о показателях своей физической подготовленности.

Если рассматривать грамотность в сфере здорового образа жизни, то следует отметить: студенты понимают, что их здоровье зависит от них самих. Об этом свидетельствуют результаты ответов на вопрос «Кто должен заниматься моим здоровьем?». На 1-м курсе 84,5 % ответили «я сам», 10 % – «врачи», 4,5 % – «родители», 1 % – «учителя». На 2-м курсе 93,9 % – «я сам», 4,1 % – «врачи», 2 % – «родители». Вариант ответа «учителя» не выбрал никто. На 3-м курсе 82,5 % – «я сам», 8,3 % – «врачи», 5,7 % – «родители», 3,5 % – «учителя». На 4-м курсе выбрали ответ «я сам» 87,7 % студентов, 5,6 % – «врачи», далее 5 % – «родители» и 1,7 % – «учителя». Тот факт, что около 13 % студентов считают, что их здоровьем должен заниматься кто-либо, но только не они сами, свидетельствует об инфантильности значительной части студентов.

Отметим, что студенты знакомы с основными составляющими здорового образа жизни, и к наиболее значимым компонентам они относят физическую культуру и спорт, личную гигиену, правильное питание и здоровый сон.

Более всего респондентов не устраивает собственный вес (недовольны своей массой тела 28,9 %), далее – «мышечная масса» и «строение тела» (не устраивает 21,4 %). 5,9 % всех студентов озабочены цветом своей кожи, а 5,1 % – собственным ростом.

У тех, кого «все устраивает», а их 41,7 %, выявляется переоценка состояния своего здоровья (как «хорошее» оценивают 58,3 %, а оценка уровня физической подготовленности как «выше среднего» – 16,7 %). Ответ «все устраивает» получен, несмотря на то, что уровень физической подготовленности был показан как «ниже среднего», не знают свой пульс 72 %, показатели артериального давления – 72,4 % и показатели своей физической подготовленности – 45–55 %.

Ответ «мне и так хорошо, зачем что-то делать», поэтому в свободное время «смотрю фильмы или телепередачи», дали 43,1 %, «общаюсь в интернете» – 40,9 %, «слушаю музыку дома» – 37,4 %, «обязательно посплю» – 23,3 %.

Те, кого не устраивает «свой вес», «строение тела», «мышечная масса», «цвет кожи», организуют свой досуг по-другому: «занимаюсь ФКиС» (33,3 %), «отдыхаю на природе» (29 %), при этом они уделяют внимание «развитию отдельных умений и навыков» (20,9 %). Причем период наибольшей физической активности приходится на 2-й курс (35,8 %).

Для улучшения своего состояния на 1-м и 2-м курсах используют «прогулки или физические упражнения» 66,9 и 61,5 % студентов соответственно, на 3-м – 60 %, а на 4-м – только 38 %; «лекарства и биодобавки» на 1-м и 2-м курсах – 20,3 и 18,9 %, а на 3-м курсе – 27,5 %; «просмотр фильмов или общение в социальных сетях» – 25 и 26,7 % на 1-м и 2-м курсах, 28,3 и 20,7 % – на 3-м и 4-м курсах, «косметику» – 15,5; 6,8; 19,2; 9,1 %; «секс» – 16,2; 25,5;

11,7; 26,4 %; «шопинг» – 12,2; 13,5; 22,5; 14,9 % соответственно на 1, 2, 3 и 4-м курсах.

В число основных традиционных факторов, которые студенты считают опасными для здоровья (1-е место – наркотики, 2-е – алкоголь, 3-е – курение, далее – генетическая предрасположенность, неквалифицированная медицинская помощь) включены и постоянные стрессы. Около 20 % указывают, что они в борьбе с ними регулярно употребляют пиво, 8,3 % – крепкие спиртные напитки, менее 3 % – энергетические спиртные напитки, 24,8 % – вина. Заявляют, что не употребляют алкоголь, 39,8 %.

В качестве наиболее опасных для здоровья факторов 13,4 % всех студентов отмечают «неквалифицированную медицинскую помощь». Как средства профилактики заболеваний они используют витамины, средства личной гигиены, средства контрацепции. Заслуживает внимание нежелание делать профилактические прививки (делают в среднем 12,1 %). При этом болеют в период эпидемий 50,6 % всех студентов.

Анализируя информацию, позволяющую судить о нравственных аспектах здоровья студенческой молодежи, отметим превалирование общечеловеческих ценностей над патриотическими, профессиональными, гедонистическими и др. Среди наиболее важных личностных качеств учащимися выделяются в первую очередь «доброта», «честность», далее «ответственность», «общительность», «целеустремленность». Однако около 12 % всех студентов «ради успеха готовы поступиться моральными принципами», а свыше 42 % готовы сделать это же в «особых случаях». То есть большая часть студенческой молодежи декларирует высокие нравственные принципы, которые, наверное, считает обязательными для всех, но которые в «особых» случаях половина из них готова нарушить.

Отметим почти полное совпадение этого процентного показателя с процентным показателем тех, кто всем в себе доволен (42 и 41,7 %). Это может быть проявлением моральной и волевой инфантильности. Одной из главных причин такого положения является завышенная самооценка студентами состояния здоровья, собственной физической подготовленности, уровня знаний и умений в сфере здорового образа жизни.

Выявлен малый процентный показатель тех, кто занимается в спортивных секциях, – 16 % и тех, кто ежедневно занимается физкультурой и спортом, – 15,5 %.

Среди причин невнимания к поддержанию своего физического состояния студентами отмечается «нехватка времени из-за загруженности учебной работой» (46,4 %) или же вообще «отсутствие интереса к физической культуре и спорту» (10,7 %), «отсутствие товарищей для совместных занятий» (11,7 %), «высокая плата за занятия» (11,6 %), «отсутствие поблизости спортивных объектов» (6,4 %), т.е. причины разнообразны. Чаще всего ссылаются на загруженность учебной работой, однако многочисленными исследованиями установлено положительное влияние занятий физической культурой и спортом не только на физическую, но и на умственную работоспособность, и большинство студентов знают об этом [4, 6]. Можно предположить, что студентам не хватает упорства, воли, настойчивости, чтобы заняться физической культурой, а также требовательности к себе в организации жизнедеятельности.

Список литературы

1. **Пашин, А. А.** Исследование отношения школьников к здоровью и здоровому образу жизни / А. А. Пашин // Вестник спортивной науки. – 2008. – № 3. – С. 49–52.
2. **Мясищев, В. Н.** Личность и неврозы / В. Н. Мясищев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1960. – 224 с.
3. **Дерябо, С. В.** Отношение к здоровью и здоровому образу жизни: методика измерения / С. В. Дерябо, В. А. Ясвин // Директор школы. – 1999. – № 3. – С. 7–16.
4. **Пашин, А. А.** Формирование ценностного отношения к здоровью в физическом воспитании учащейся молодежи : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Пашин А. А. – М., 2011. – 48 с.
5. **Пашин, А. А.** Исследование отношения учащихся старших классов образовательных учреждений г. Пензы к различным аспектам культуры здоровья / А. А. Пашин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2009. – № 4. – С. 125–131.
6. **Якимович, В. С.** Цель физкультурного воспитания – человек культуры / В. С. Якимович, А. А. Кондрашов // Теория и практика физической культуры. – 2003. – № 2. – С. 6–9.

References

1. Pashin A. A. *Vestnik sportivnoy nauki* [Bulletin of sports science]. 2008, no. 3, pp. 49–52.
2. Myasishchev V. N. *Lichnost' i nevrozy* [Personality and neuroses]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1960, 224 p.
3. Deryabo S. V., Yasvin V. A. *Direktor shkoly* [School director]. 1999, no. 3, pp. 7–16.
4. Pashin A. A. *Formirovanie tsennostnogo otnosheniya k zdorov'yu v fizicheskom vospitanii uchashcheyasya molodezhi: avtoref. dis. d-ra ped. nauk* [Formation of value attitude to health in physical education of student youth: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of pedagogical sciences]. Moscow, 2011, 48 p.
5. Pashin A. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2009, no. 4, pp. 125–131.
6. Yakimovich V. S., Kondrashov A. A. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and practice of physical training]. 2003, no. 2, pp. 6–9.

Пашин Александр Алексеевич

доктор педагогических наук, декан
факультета физической культуры
и спорта, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: pollylina@mail.ru, ffrqpu@mail.ru

Pashin Aleksandr Alekseevich

Doctor of pedagogical sciences, dean
of the faculty of physical training and sport,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Васильева Александра Михайловна

аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: sobachka218@mail.ru

Vasilyeva Aleksandra Mikhaylovna

Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Мухамеджанова Венера Фатиховна
кандидат психологических наук,
начальник Управления воспитательной
и социальной работы, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vsr@pnzgu.ru

Mukhamedzhanova Venera Fatikhovna
Candidate of psychological sciences, head
of the Office of educational and social work,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 796+372

Пашин, А. А.

Потребности и мотивы здорового образа жизни студенческой молодежи / А. А. Пашин, А. М. Васильева, В. Ф. Мухамеджанова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 219–228.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ МОТИВАЦИОННО ОРИЕНТИРОВАННОЙ СРЕДЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблема формирования мотивационно ориентированной образовательной среды особенно актуальна для учреждений системы дополнительного образования детей, образовательная среда которых имеет полифункциональный характер и изначально ориентирована на создание условий для включения детей в разнообразные виды деятельности, необходимые для социализации в соответствии с их возрастными особенностями, индивидуальными склонностями и потребностями. При этом дополнительные образовательные программы, обладающие значительной степенью вариативности, изначально далеко не всегда могут иметь конкретизированные образовательные цели и жестко фиксированные образовательные результаты, что вносит существенные коррективы в работу по формированию мотивационно ориентированной образовательной среды. Соответственно, целью описываемого исследования является определение методологических основ проектирования мотивационно ориентированной среды учреждения дополнительного образования, учитывающих ее специфику и перспективы развития.

Материалы и методы. В качестве ведущего методологического подхода в рассматриваемом исследовании используется средоориентированный подход, переносящий основной акцент с непосредственного воздействия педагога на личность ребенка в область формирования образовательной среды, в которой «естественным путем» происходят его самообучение, саморазвитие и самореализация. При этом, в соответствии с идеологией В. А. Ясвина, взаимосвязанное проектирование каждого из компонентов образовательной среды осуществляется в контексте организации системы возможностей для удовлетворения всего иерархического комплекса потребностей и реализации личностных ценностей всех субъектов образовательного процесса.

Результаты. Анализ педагогической литературы в контексте исследуемой проблематики, осуществленный в соотношении с реалиями дополнительного образования детей, позволил выделить ряд принципов, положенных в основу предлагаемой стратегии проектирования образовательной среды. Исходя из анализа различных подходов к построению образовательной среды, были выявлены существенные характеристики мотивационно ориентированной образовательной среды, которые нашли свое отражение в ее структурно-функциональной модели (многомерность, многоуровневость и динамический характер) и условия ее эффективного функционирования. Определены технологический инструментарий на основе поэтапного и поуровневого анализа структуры мотивационной сферы и ее соотношения с составом «технологического фонда», включающего в себя «мотивационно емкие» образовательные методики и технологии.

Выводы. В качестве методологической основы для проектирования мотивационно ориентированной среды учреждения дополнительного образования целесообразно рассмотреть комплекс принципов, в основу которого заложен иерархический комплекс потребностей субъектов образовательного процесса. Эти принципы определяют целевой компонент модели формирования мотивационно ориентированной среды учреждения дополнительного образования.

Программно-содержательный, организационно-технологический и рефлексивно-оценочный компоненты модели комплектуются с учетом социальных, конкретно-исторических, психологических требований к образовательному процессу в рамках учреждения дополнительного образования, требований индивидуально-личностного развития школьников. Указанные компоненты реализуются на различных уровнях в рамках здоровьесберегающей, социокультурной, личностно развивающей, предпрофессионально образовательной проекции, образующих своеобразную мотивационную иерархию.

Ключевые слова: дополнительное образование детей, многоуровневая мотивационно ориентированная образовательная среда, мотивационный компонент дополнительного образования, технологии обучения и воспитания.

M. A. Rodionov, S. A. Makarova

METHODOLOGICAL BASIS OF DESIGNING A MOTIVATION-ORIENTED MEDIUM AT AN ADDITIONAL EDUCATION INSTITUTION

Abstract.

Background. The problem of motivation-oriented educational medium formation is especially topical for institutions of the system of additional education of children, the educational medium of which has a multifunctional character and is originally oriented towards creating special conditions for children's inclusion into various activities, necessary for their socialization in accordance with their age peculiarities, individual features and requirements. Herewith, additional educational programs, having significant variation, originally do not always have concrete educational goals and fixed educational results, and that, in turn, edits the process of motivation-oriented educational medium formation. Accordingly, the aim of the research is to determine the methodological basis of designing a motivation-oriented medium at an additional education institution taking into account its specificity and development prospects.

Materials and methods. As a leading methodological approach in the present research the authors used a medium-oriented approach, transferring the main stress from direct teacher's influence on child's personality into the field of formation of an educational medium, where a child undergoes self-education, self-development and self-realization "naturally". Herewith, in accordance with V. A. Yasvin's ideology, interconnected designing of each component of an educational medium is fulfilled in the context of organization of a system of opportunities for meeting the whole hierarchical complex of requirements and realization of personality's values of all subjects of the educational process.

Results. The analysis of pedagogical literature in the context of the subject matter under investigation, carried out in correlation with realities of additional education for children, allowed to single out a number of principles, being the base of the suggested strategy of educational medium formation. On the basis of the analysis of various approaches to educational medium formation, the authors revealed significant characteristics of the motivation-oriented educational medium that are reflected in its structural-functional model (multidimensionality, multilevelness and dynamic character), and the conditions of its efficient functioning. The authors determined technological tools on the basis of the elementwise and level analysis of the motivation sphere structure and its correlation with the content of the "technological fund" that includes "motivation intensive" educational techniques and technologies.

Conclusions. As for the methodological basis of designing a motivation-oriented medium at an additional education institution it is reasonable to consider a complex

of principles, based on the hierarchical complex of needs of educational process participant. These principles determine a target component of the model of motivation-oriented medium formation at an additional education institution. Program-content, organizational-technological and reflexive-valuating components of the model are completed subject to social, concrete-historical, psychological requirements towards the educational process in the framework of an additional education institution, requirements towards individual-personal development of school children. The given components are realized at various levels in the framework of health-saving, socio-cultural, personality developing, pre-professional educational projections, forming an original motivational hierarchy.

Key words: additional education, education of children, multilevel motivation-oriented educational medium, motivational component of additional education, technologies of education and fostering.

Введение

Как известно, мотивационная динамика в рамках массового образования школьников носит в настоящее время во многом негативный характер [1, 2]. Если в младшем среднем возрасте мотивация учебного творчества еще традиционно высока, то в среднем она существенно падает, в старшем же в лучшем случае начинает носить внешний характер и связываться с реализацией определенных личных или родительских амбиций. Процессуальная же составляющая такой мотивации, лежащая в основе личностного роста человека и выражающаяся прежде всего в стремлении к творческому самовыражению при создании интеллектуальных и художественных ценностей, зачастую остается на достаточно низком уровне формирования. Данная составляющая, по нашему мнению, может быть наиболее эффективно актуализирована в рамках средоориентированного подхода, переносащего акцент с непосредственного воздействия педагога на личность ребенка в область формирования образовательной среды, в которой «естественным путем» происходят его самообучение, саморазвитие и самореализация [3–7]. Очевидно, что высокий уровень мотивогенности такой среды позволяет определить ее как мотивационно ориентированную образовательную среду.

Проблема формирования мотивационно ориентированной образовательной среды особенно актуальна для учреждений системы дополнительного образования детей, образовательная среда которых, в отличие от образовательной среды общеобразовательных школ, имеет полифункциональный характер и ориентирована на создание условий для включения детей в разнообразные виды деятельности, необходимые для социализации в соответствии с их возрастными особенностями, индивидуальными склонностями и потребностями [1, 8]. При этом дополнительные образовательные программы, обладающие значительной степенью вариативности, изначально далеко не всегда могут иметь конкретизированные образовательные цели и жестко фиксированные образовательные результаты, что вносит существенные коррективы в работу по формированию мотивационно ориентированной образовательной среды в плане усиления внимания к развивающей и воспитывающей образовательным компонентам.

В связи со сказанным в ходе экспериментального исследования возможностей конструирования мотивационно ориентированной образовательной среды учреждения дополнительного образования было уделено внимание

разработке в каждой реализуемой образовательной программе воспитательного блока и усилению развивающих и мотивационно-ценностных аспектов учебного материала, а целевые установки образовательного процесса были выражены в модели выпускника, разработанной в рамках компетентного подхода.

При определении методологических детерминантов проектирования мотивационно ориентированной образовательной среды учреждения дополнительного образования мы в первую очередь опирались на концептуальные идеи и алгоритм педагогического проектирования образовательной среды В. А. Ясвина, согласно которому взаимосвязанное проектирование каждого из компонентов образовательной среды осуществляется в контексте организации системы возможностей для удовлетворения всего иерархического комплекса потребностей и реализации личностных ценностей всех субъектов образовательного процесса [9, с. 235–239].

Принципы формирования мотивационно ориентированной образовательной среды учреждения дополнительного образования

Анализ педагогической литературы в контексте исследуемый проблематики, осуществленный в соотнесении с реалиями дополнительного образования детей [1, 3–10], позволил выделить ряд принципов, положенных в основу предлагаемой стратегии проектирования образовательной среды. В числе этих принципов можно указать: принцип здоровьесбережения, определяющий направленность образовательной среды учреждения дополнительного образования на сохранение и укрепление физического, психического и нравственного здоровья ее субъектов; принцип субъектности, характеризующийся тем, что школьник, являясь субъектом образовательной среды, сам должен ее в определенной мере структурировать, тем самым создавая среду «для себя и под себя»; принцип адаптации и идентификации, предполагающий активное принятие и усвоение ценностей, традиций и норм, сложившихся в мотивационно ориентированной образовательной среде; принцип индивидуализации, в соответствии с которым предметом педагогического анализа является прежде всего индивидуальная динамика развития каждого субъекта образовательного и воспитательного процесса; принцип эстетичности, предполагающий необходимость всестороннего эстетического насыщения образовательной среды учреждения дополнительного образования; принцип ориентации на сохранение и развитие реальных и потенциальных познавательных возможностей учащихся; принцип генерализации, ориентирующий на обеспечение в рамках образовательной среды формирования в сознании учащихся целостных мировоззренческих представлений; принцип диалогичности, предполагающий преобразование «суперпозиции» взрослого и «субординированной» позиции учащегося в равноправные позиции, в позиции соучащихся, совоспитывающихся, сотрудничающих людей; принцип эмоциональной насыщенности, который сориентирован на такую организацию среды, при которой образовательный процесс сопровождается яркими положительными эмоциональными переживаниями его субъектов в процессе реализации их творческого потенциала; принцип доступности для полисенсорного восприятия, который предполагает, что образовательная среда учреждения дополнительного образования в наибольшей степени стимулирует и обеспе-

чивает возможность широко привлекать информацию от разных органов чувств как при восприятии отдельных объектов, так и существующих между ними отношений; принцип опережающего развития – означает такую организацию среды, при которой субъекты образовательного процесса будут иметь возможность знакомиться не только с достижениями прошлого, но и с теми способами и технологиями, которые пригодятся в будущем; принцип интеллектуальной и личностной толерантности связан с такой организацией образовательной среды, при которой ее субъекты ориентированы на стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми, отличными от них в том или ином отношении.

Базовые характеристики мотивационно ориентированной образовательной среды

Исходя из анализа различных подходов к построению образовательной среды [2–4, 6, 7, 9–11], были выявлены существенные характеристики мотивационно ориентированной образовательной среды, которые нашли свое отражение в ее структурно-функциональной модели (многомерность, многоуровневость и динамический характер). Многомерный характер среды находит свое отражение во всем спектре мотивационных характеристик в рамках деятельностно-технологического, социально-коммуникативного и пространственно-предметного аспектов.

Важнейшей характеристикой мотивационно ориентированной образовательной среды является ее многоуровневость, предполагающая наличие иерархии разноплановых в качественном отношении проекций, в основу которой заложен иерархический комплекс потребностей субъектов образовательного процесса, вытекающий из рассмотрения известного треугольника потребностей Маслоу: потребность в удовлетворении физиологических потребностей, возможность удовлетворения потребности в психологической безопасности, потребность в признании, потребность в познании, потребность в самоактуализации. Эти потребности проецируются на образовательный кластер в виде соответствующих мотивогенных факторов, олицетворяющих возможность их удовлетворения (возможность удовлетворения и развития потребности в преобразующей деятельности в особой области, в эстетическом оформлении окружающей обстановки, в самостоятельном упорядочении индивидуальной картины мира, в овладении более высоким уровнем мастерства в своей основной деятельности (учебной, преподавательской, административной), в самоактуализации личности всех субъектов образовательного процесса).

Многоуровневость обусловлена необходимостью согласованного учета психофизиологических, психологических, дидактических, воспитательных и содержательно-методических составляющих этой среды. Такая согласованность в нашем исследовании нашла отражение прежде всего в выстраивании содержания программ обучения – по мере развития эксперимента число программ, предусматривающих углубленный уровень освоения, достигло 30 %; к 10 % программ разработаны индивидуальные образовательные маршруты; целенаправленно увеличивается число программ, рассчитанных на сроки обучения свыше трех лет (50 % программ). Динамический характер мотивационно ориентированной образовательной среды предопределяет возмож-

ность учета и прогнозирования изменений ее качественных характеристик. По мере развертывания экспериментальной работы разрабатывалась система мониторинга уровня мотивированности образовательной среды, базирующаяся на использовании методов педагогической экспертизы. Критерии определения уровня развития мотивации учащегося в образовательной среде учреждения дополнительного образования, а также диагностические методы, соответствующие тому или иному критерию, в совокупности составили многомерный диагностический механизм оценки мотивированности образовательной среды учреждения дополнительного образования.

Модель мотивационно ориентированной образовательной среды рассматривается в исследовании как многокомпонентная система, включающая в себя четыре основных компонента – целевой; программно-содержательный блок; организационно-технологический и рефлексивно-оценочный.

В целевой компонент включен комплекс указанных выше принципов, в основу которого заложен иерархический комплекс потребностей субъектов образовательного процесса. Программно-содержательный компонент модели относится к учебной информации и включает наполнение образовательной среды мотивационно ориентированным содержанием. Содержание дополнительных образовательных программ формируется с учетом социальных, конкретно-исторических, психолого-педагогических требований, особенностей индивидуально-личностного развития обучаемых.

Организационно-технологический компонент модели связан с непосредственным формированием всех составляющих образовательной среды, а именно пространственно-предметного, социального и технологического блоков.

В соответствии с приведенными соображениями специальному рассмотрению в исследовании были подвергнуты здоровьесберегающая, социокультурная, личностно развивающая, предпрофессионально образовательная проекции модели, а также их «взаимодействие» в реальном образовательном процессе. В ходе такого рассмотрения были раскрыты условия их актуализации в ходе функционирования мотивационно ориентированной образовательной среды.

Центральное место среди данных условий занимает условие обеспечения целостного педагогического процесса на основе тесной взаимосвязи и взаимообусловленности различных проекций мотивационно ориентированной среды. В числе других условий можно указать интеграцию когнитивных и социальных факторов в организации образовательного процесса, обеспечение педагогического взаимодействия субъект-субъектного характера, целенаправленное инициирование выхода учащегося в рефлексивную позицию, реализацию задачной стратегии обучения, обеспечение ситуации успеха в образовательном процессе, а также возможности для реализации собственной образовательной траектории, принципиальную «незамкнутость» предмета учебной и творческой деятельности, осознание учащимися практической и профессиональной ценности образования. Рассмотрение особенностей реализации данных условий в реальном учебном процессе учреждения дополнительного образования создает возможность для определения содержания и структуры технологического инструментария, обеспечивающего эффективное функционирование построенной модели.

Технологическое обеспечение системы формирования мотивационно ориентированной образовательной среды

Технологический инструментарий определяется нами на основе поэтапного и поуровневого анализа структуры мотивационной сферы и ее соотношения с составом «технологического фонда», включающего в себя «мотивационно емкие» образовательные методики и технологии. В соответствии со сказанным состав и структура технологического обеспечения должны адекватно соотноситься со структурой мотивационно ориентированной образовательной среды.

Поскольку личностное развитие человека носит глубоко индивидуальный характер, при проектировании любой мотивационно ориентированной образовательной технологии необходимо отталкиваться от индивидуальных особенностей обучаемых. Эти особенности могут быть «типологизированы» на основе соотношения внутренней структуры той или иной технологии с доминирующими личностными характеристиками ученика, к которым были отнесены особенности когнитивной структуры мышления, характер реализации процессов целеобразования и смыслообразования, а также структура индивидуального опыта. Данные характеристики в рамках предлагаемой концепции в совокупности определяют индивидуальный познавательный стиль учащегося. Исходя из вышесказанного, характеристика технологического приема обучения может быть представлена в виде упорядоченной тройки признаков: доминирующего характера целеобразования; ориентации на ту или иную степень соотношения различных форм представления материала, соответствующих определенной когнитивной подструктуре мышления, а также на тот или иной уровень обобщенности усваиваемого содержания. Указанные параметры могут быть использованы в качестве ориентиров для описания различных образовательных технологий на всех уровнях функционирования мотивационно ориентированной образовательной среды.

В результате анализа научной и методической литературы [1–3, 7, 8, 10–12] в начале экспериментальной работы был составлен реестр психолого-педагогических приемов, методов, технологий и средств, способствующих развитию образовательной мотивации. Было разработано методическое обеспечение использования этого инструментария в условиях учреждения дополнительного образования детей, велась целенаправленная работа по его внедрению в реальный образовательный процесс.

По мере перехода от уровня к уровню освоения образовательной программы осуществляется постепенное формирование у ребенка персонального стиля образовательной деятельности, проявляющегося в характерных для данной личности предпочтениях в преимущественном использовании определенных форм и приемов познания и творчества. При этом, с одной стороны, детям должна предоставляться возможность выбора линии обучения соответственно их стилевым особенностям. С другой стороны, должна быть обеспечена возможность для определенного обогащения репертуара стилевого поведения каждого учащегося, одни элементы которой соответствуют его наличному стилю, а другие предназначены для развития недостающих форм такого поведения. Такая возможность обеспечивается созданием ситуаций «свободного выбора», «незавершенности», «личностного уподобления», спо-

способствующих адекватному соотношению учащимся субъективной ценности возможного успеха в результате осуществляемых творческих образовательных действий.

Заключение

Таким образом, проблема формирования мотивационно ориентированной образовательной среды особенно актуальна для учреждений системы дополнительного образования, которая изначально ориентирована на создание условий для естественного включения детей в разнообразные виды творческой деятельности, необходимые для социализации в соответствии с их возрастными особенностями, индивидуальными склонностями и потребностями. При этом реализуемые программы дополнительного образования обладают значительной степенью вариативности и далеко не всегда могут иметь конкретизированные результаты, что привносит определенную специфику в работу по повышению мотивогенности среды учреждения дополнительного образования детей.

В качестве методологической основы для организации такой работы целесообразно рассмотреть комплекс принципов, в основу которого заложен иерархический комплекс потребностей субъектов образовательного процесса. Эти принципы определяют целевой компонент модели формирования мотивационно ориентированной среды учреждения дополнительного образования. Программно-содержательный, организационно-технологический и рефлексивно-оценочный компоненты модели комплектуются с учетом социальных, конкретно-исторических, психологических требований к образовательному процессу в рамках учреждения дополнительного образования, требований индивидуально-личностного развития школьников.

Указанные компоненты реализуются на различных уровнях в рамках здоровьесберегающей, социокультурной, личностно развивающей, предпрофессионально-образовательной проекций, образующих своеобразную мотивационную пирамиду. В ходе их анализа раскрыты условия совершенствования мотивационно ориентированной образовательной среды учреждения дополнительного образования детей.

Отбор технологического обеспечения эффективного функционирования и развития мотивационно ориентированной среды дополнительного образования детей должен осуществляться на основе соотношения внутренней структуры той или иной технологии с доминирующими личностными характеристиками ученика, к которым были отнесены особенности когнитивной структуры мышления, характер реализации процессов целеобразования и смыслообразования, а также структура индивидуального опыта. При этом создается возможность выбора траектории творческого развития ребенка соответственно его стилевым особенностям.

Список литературы

1. **Макарова, С. А.** Многоуровневая модель мотивационно ориентированной образовательной среды в учреждениях дополнительного образования (на примере Центра развития творчества детей и юношества) / С. А. Макарова // *Современные проблемы науки и образования*. – 2013. – № 2.
2. **Родионов, М. А.** Мотивация учения математике. От теоретического осмысления к практической реализации / М. А. Родионов. – Saarbrücken (Germany) : Palmarium Academic Publishing, 2012. – 252 p.

3. **Давыдов, В. В.** К исследованию предметной среды для детей / В. В. Давыдов, Л. Б. Переверзев // *Техническая эстетика*. – 1976. – № 2–3. – С. 4–6.
4. **Климов, Е. А.** Основы психологии : учеб. для вузов по непсихологическим специальностям / Е. А. Климов. – М. : ЮНИТИ, 1997. – 295 с.
5. **Ковалев, Г. А.** Психическое развитие ребенка и жизненная среда / Г. А. Ковалев // *Вопросы психологии*. – 1993. – № 1. – С. 13–23.
6. **Лобашев, В. Д.** Моделирование современных педагогических систем / В. Д. Лобашев // *Качество. Инновации. Образование*. – 2007. – № 6. – С. 19–28.
7. **Щербакова, Т. Н.** К вопросу о структуре образовательной среды учебных учреждений / Т. Н. Щербакова // *Молодой ученый*. – 2012. – № 5. – С. 545–548.
8. **Петровский, В. А.** Построение развивающей среды в дошкольном учреждении / В. А. Петровский, Л. М. Кларина, Л. А. Стрелкова. – М. : Просвещение, 1993.
9. **Ясвин, В. А.** Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. – М. : Смысл, 2001. – 365 с.
10. **Родионов, М. А.** Модельные представления мотивационно ориентированной образовательной среды. Инновации в образовании / М. А. Родионов // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. – 2011. – № 3 (3). – С. 102.
11. **Ковалев, Г. А.** Пространственный фактор школьной среды: альтернативы и перспективы / Г. А. Ковалев, Ю. Г. Абрамова // *Учителю об экологии детства* / под ред. В. П. Лебедевой, В. П. Панова. – М. : Психологический институт РАОЦКФЛ, 1996. – С. 189–199.
12. **Акинфиева, Н. В.** Структурное содержание технологии обучения: опыт исследования / Н. В. Акинфиева // *Школьные технологии*. – 1998. – № 5. – С. 76–82.

References

1. Makarova S. A. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2013, no. 2.
2. Rodionov M. A. *Motivatsiya ucheniya matematike. Ot teoreticheskogo osmysleniya k prakticheskoy realizatsii* [Motivation to learn mathematics. From theoretical understanding to practical realization]. Saarbrücken (Germany): Palmarium Academic Publishing, 2012, 252 p.
3. Davydov V. V., Pereverzev L. B. *Tekhnicheskaya estetika* [Technical esthetics]. 1976, no. 2–3, pp. 4–6.
4. Klimov E. A. *Osnovy psikhologii: ucheb. dlya vuzov po nepsikhologicheskim spetsial'nostyam* [Basic psychology: textbook for universities for non-psychological majors]. Moscow: YuNITI, 1997, 295 p.
5. Kovalev G. A. *Voprosy psikhologii* [Problems of psychology]. 1993, no. 1, pp. 13–23.
6. Lobashev V. D. *Kachestvo. Innovatsii. Obrazovanie* [Quality. Innovation. Education]. 2007, no. 6, pp. 19–28.
7. Shcherbakova T. N. *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. 2012, no. 5, pp. 545–548.
8. Petrovskiy V. A., Klarina L. M., Strelkova L. A. *Postroenie razvivayushchey sredy v doshkol'nom uchrezhdenii* [Formation of developing medium at a pre-school institution]. Moscow: Prosveshchenie, 1993.
9. Yasvin V. A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational medium: from modeling to design]. Moscow: Smysl, 2001, 365 p.
10. Rodionov M. A. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. 2011, no. 3 (3), p. 102.
11. Kovalev G. A., Abramova Yu. G. *Uchitelyu ob ekologii detstva* [For teachers about childhood's ecology]. Moscow: Psikhologicheskii institut RAOTsKFL, 1996, pp. 189–199.
12. Akinfieva N. V. *Shkol'nye tekhnologii* [School education technologies]. 1998, no. 5, pp. 76–82.

Родионов Михаил Алексеевич

доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой алгебры
и методики обучения математике
и информатике, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: do7tor@mail.ru

Rodionov Mikhail Alekseevich

Doctor of pedagogical sciences, professor,
head of sub-department of algebra
and mathematics and computer science
teaching technique, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Макарова Светлана Анатольевна

аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: srtd2@sura.ru

Makarova Svetlana Anatol'evna

Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 379.831

Родионов, М. А.

Методологические основы проектирования мотивационно ориентированной среды учреждения дополнительного образования / М. А. Родионов, С. А. Макарова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 229–238.

В. И. Сумин, В. В. Чумакова

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ОБУЧЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ МОДЕЛИ ADSTOCK

Аннотация.

Актуальность и цели. В настоящее время основным направлением в области совершенствования образовательных технологий является оптимизация процессов обучения, направленная на улучшение качества восприятия учебного материала. Цель работы – проанализировать различные способы восприятия и усвоения информации в процессе обучения.

Материалы и методы. Эффективность процесса обучения зависит от адаптации к уровню восприятия обучающей информации обучаемым. Поэтому одним из наиболее перспективных направлений в области развития образовательных технологий является математическое моделирование процессов аудиовизуального обучения с возможностью адаптации для каждого обучаемого. В целях построения математической модели процесса обучения с учетом одновременного аудио- и видеовосприятия информации необходимо определить влияние воздействия скорости запоминания и забывания аудиовизуальной информации на качество и длительность обучения. Для этого был проведен анализ международных исследований в области восприятия информации.

Результаты. Проанализированы материалы международных исследований в области изучения процессов забывания и запоминания. Модель Adstock может быть использована для построения математической модели восприятия аудио- и видеoinформации в процессе обучения, так как фактически реклама есть порция аудиовизуальной информации, которую необходимо запомнить.

Выводы. С использованием одновременного аудио- и видеовосприятия информации в процессе обучения повышается эффективность запоминания обучающей информации, а также происходит оптимизация процесса обучения.

Ключевые слова: моделирование процесса обучения, восприятие информации, скорость запоминания и забывания обучающей информации, аудио- и видеообучающая информация, качество усвояемости, модель Adstock.

V. I. Sumin, V. V. Chumakova

OPTIMIZING THE LEARNING PROCESS USING THE ADSTOCK MODEL

Abstract.

Background. Currently, the main focus on improving the educational technology is to optimize the learning processes aimed at improving the quality of perception of educational materials. The work purpose is to examine different ways of perception and assimilation of information in the learning process.

Materials and methods. The effectiveness of the learning process depends on adaptation to the level of perception of the learner training information. Therefore, one of the most promising directions in development of educational technologies is mathematical modeling of audiovisual training, capable of adapting to each student. In order to build a mathematical model of the learning process, taking into account the simultaneous perception of audio and video information, it is necessary to determine the effect of the impact of speed of memorization and forgetting of audiovisual information on the quality and duration of training. For this purpose the authors analyzed international researches in the field of perception.

Results. The article analyzes the materials of international researches in the field of the processes of forgetting and remembering. The Adstock model can be used to construct a mathematical model of perception of audio and video information in the learning process, since advertising is actually a portion of audio and video information that is necessary to remember.

Conclusions. It is possible to conclude that the usage of simultaneous perception of audio and video data in the learning process increases the efficiency of learning information storing, and the learning process is also optimized.

Key words: learning process modeling, perception of information, speed of memorizing and forgetting of educational information, audio and video educational information, quality of assimilation, Adstock model.

Введение

В настоящее время эффективное управление электронным обучением является одним из актуальных и приоритетных направлений развития современных образовательных технологий.

С развитием образовательных технологий, основанных на использовании новых информационно-коммуникационных технологий обучения, широкое распространение получило электронное обучение с применением комплекса компьютерных и других средств обработки информации, позволяющее организовать оптимальное взаимодействие между преподавателем и учениками с целью достижения необходимого педагогического результата.

Основным назначением электронных обучающих систем (ЭОС) является предоставление образовательных услуг конкретному пользователю данной системы. ЭОС представляет собой комплекс программно-технических и учебно-методических средств, который направлен: на подготовку учебного процесса (учебно-методического материала), обучение конкретным знаниям, контроль за результатами обучения, обмен учебно-методической информацией с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Ключевым моментом в создании ЭОС является проблема разработки структурно-функциональной модели системы обучения, а также учебного модуля, который обеспечивает управление обучением, организацию взаимодействия между компонентами системы электронного обучения и внешней средой. Кроме того, учебные модули электронной обучающей системы должны включать в себя: учебный материал, средства, контролирующие его усвоение, процедуры управления обучением, а также порядок взаимодействия с обучаемыми и другими компонентами ЭОС.

При этом использование в процессе обучения адаптивного управления позволяет реализовать личностно-ориентированный подход и обеспечить вариативность процесса обучения.

Электронная обучающая система, с учетом современных тенденций развития образовательных технологий, должна учитывать особенности образовательной среды и организовать эффективное управление обучением за счет применения аудиовизуальных учебных модулей и адаптивной сборки учебного материала.

1. Аудиовизуальное восприятие обучающей информации

Актуальным направлением исследований в области развития образовательных технологий является моделирование методов интерактивного обучения. Наиболее перспективным направлением является математическое моде-

лирование процессов аудиовизуального обучения с возможностью адаптации для каждого обучаемого.

Для построения математической модели процесса обучения с учетом одновременного аудиовизуального восприятия информации необходимо оценить вероятность восприятия порций обучающей информации (ОИ). Для этого обратимся к исследованиям в области маркетинга, в частности влияния рекламы на потребительское поведение, где изучение эффективности запоминания и забывания занимает центральное место.

С точки зрения психологии реклама работает по принципу «научения», т.е. сохраняется одновременно в оперативную и в постоянную память. Запоминание рекламы в долгосрочную память стимулируется своевременным повторением, что способствует лучшему усвоению и закреплению уже имеющихся знаний. Но если новые рекламные воздействия отсутствуют, то постепенно происходит эффект стирания из памяти информации, т.е. затухание воздействия рекламы.

В исследованиях оптимального маркетинга в Великобритании широко известна и распространена концепция Adstock [1].

Модель Adstock [2] – это математическая модель процессов запоминания и забывания рекламы. Саймон Бродбент, автор и первоначальный разработчик концепции Adstock, изучал моделирование рекламных эффектов в динамике. Он считал, что воздействие рекламы имеет эффект продления на некоторое время после ее восприятия, который называют запасом или накоплением рекламы. Поэтому в процессе исследования был сделан вывод, что модель Adstock есть накопленное воздействие рекламы вследствие увеличения информированности на потребительском рынке.

Модель Adstock описывает воздействие, которое оказывает реклама со временем на осведомленность или продажу. Эрвин Эфрон считал, что в основе данной концепции лежит идея, что спустя некоторое время после запоминания рекламы существует определенный процент ее забывания.

Концепция Adstock позволяет сформулировать и обобщить информацию о сроках и масштабах обучающего воздействия рекламы. Данная модель подходит для изучения преимуществ аудиовизуального воздействия процессов обучения по сравнению с традиционными методами. Фактически реклама есть аудиовизуальная порция информации, которую необходимо запомнить.

В результате исследований Саймон Бродбент [3, 4] выразил основную формулировку модели Adstock с помощью формулы

$$Adstock_t = T_t + \lambda Adstock_{t-1}, \quad t = 1, \dots, n,$$

где $Adstock_t$ – накопленное воздействие рекламы на потребительское поведение в момент времени t (степень знания порции информации). Переменная $Adstock_t$ измеряется в диапазоне от 0 до 100. Если $Adstock_t = 0$, то обучаемый не усвоил информацию, если $Adstock_t = 100$, то обучаемый полностью усвоил информацию. T_t – количество повторений порций рекламы к моменту времени t , от которого зависит процент населения, подвергнутый рекламному воздействию. Параметр скорости забывания, или «полураспада» порции рекламы λ ($0 < \lambda < 1$), оценивается на основе изучения потребительского по-

ведения. Согласно данным международного исследовательского агентства Colmar Brunton Research Company [5], λ обычно составляет 10 % в неделю или меньше.

2. Исследование процесса восприятия информации с помощью модели Adstock

На основе исследований Саймона Бродбента с помощью модели Adstock оценим параметр накопленного воздействия аудио- и видеообучения на обучаемого. Для этого необходимо вычислить вероятность восприятия аудиовизуальной порции ОИ в момент времени t ($t=1, \dots, n$), данной k -му ученику для заучивания, с учетом необходимого количества повторений ОИ:

$$V_t^k = \frac{\sum_{i=1}^N r_i^n}{n}. \quad (1)$$

Используя простую формулу динамического эффекта модели Adstock, получим, что параметр накопленного воздействия с помощью слуховых и зрительных анализаторов в момент времени t для k -го ученика будет равен

$$\beta_t^k = V_t^k + \lambda \beta_{t-1}^k, \quad (t=1, \dots, n), \quad (2)$$

где β_t^k – дополнительный параметр, характеризующий расширение канала восприятия порций обучающей информации с помощью воздействия на зрительные и слуховые анализаторы одновременно k -м учеником; λ – параметр скорости забывания ОИ, «полураспада» ($0 < \lambda < 1$), оценивается на основе эксперимента, обычно составляет 10 % в неделю или меньше.

При рекурсивном расширении уравнения (1) формула накопленного воздействия аудиовизуального обучения примет вид

$$\beta_t^k = V_t^k + \lambda V_{t-1}^k + \lambda^2 V_{t-2}^k \dots + \lambda^n V_{t-n}^k. \quad (3)$$

Для измерения текущего уровня насыщения аудио- и видеообучающей информацией определим отрицательную экспоненциальную модель «полураспада» с добавлением параметра дополнительной скорости обучения (v):

$$\beta_t^k = 1 - e^{(-vV_t^k)} + \lambda \beta_{t-1}^k, \quad t=1, \dots, n.$$

Используя логистическое распределение, сформулируем логистическую модель накопленного воздействия аудиовизуального обучения на обучаемого с помощью формулы

$$\beta_t^k = \frac{1}{1 - e^{(-vV_t^k)}} + \lambda \beta_{t-1}^k, \quad t=1, \dots, n.$$

Чтобы вычислить накопленное воздействие аудиовизуального обучения, необходимо оценить скорость забывания (λ) воздействия ОИ на ученика.

Для этого предположим, что в период времени $t+n$ накопленное воздействие аудио- и видеообучения на обучаемого (β_t^k), полученное в момент времени t , уменьшится наполовину $\left(\frac{\beta_t^k}{2}\right)$. Следовательно, на основе уравнения

(1) и предполагая, что нового аудиовизуального воздействия ОИ не будет (т.е. вероятность восприятия аудиовизуальной порции ОИ в момент времени t равна нулю), получим

$$\beta_t^k = \lambda \beta_{t-1}^k, \quad t=1, \dots, n.$$

Таким образом, в период времени $t+n$ накопленное воздействие аудио- и видеообучения на обучаемого можно выразить с помощью формулы

$$\beta_{t+n}^k = \frac{\beta_t^k}{2}.$$

Следовательно, с использованием рекурсивной замены из уравнений (2) и (3) получается

$$\frac{\beta_t^k}{2} = \lambda^n \beta_t^k.$$

Таким образом,

$$\lambda^n = \frac{1}{2}.$$

Определим параметр накопленного воздействия аудио- и видеообучения на обучаемого $\left(\beta_t^k\right)$ на основе усовершенствованной формулы модели Adstock:

$$\beta_t^k = (1-\lambda)V_t^k + \lambda\beta_{t-1}^k, \quad (t=1, \dots, n). \quad (4)$$

С учетом наблюдения изменяющихся во времени результатов (можно наблюдать только до времени $t-1$) максимальное значение параметра накопленного воздействия аудиовизуального обучения можно выразить следующим образом:

$$\frac{\Delta\beta_{t-1}^k}{\Delta t} = 0.$$

Тогда на основе анализа изменяющихся во времени данных уравнение принимает вид

$$\frac{\beta_{t-1}^k - \beta_{t-2}^k}{\Delta t} = 0 \Leftrightarrow \beta_{t-1}^k - \beta_{t-2}^k = 0.$$

Вместе с тем уравнение (4) должно удовлетворять условию, следовательно:

$$(1-\lambda)V_{t-1}^k + \lambda\beta_{t-2}^k - V_{t-1}^k = 0 \Leftrightarrow (1-\lambda)\beta_{t-2}^k = (1-\lambda)V_{t-1}^k \Leftrightarrow \beta_{t-2}^k = V_{t-1}^k.$$

Для достижения максимального значения в момент времени $(t-1)$ параметр накопленного воздействия аудиовизуального обучения должен удовлетворять условию

$$V_{t-1}^k > \beta_{t-2}^k,$$

так как обучение будет продолжаться до тех пор, пока накопленное воздействие восприятия ОИ будет возрастать:

$$\beta_{t-1}^k > \beta_{t-2}^k \Rightarrow$$

$$\Rightarrow (1-\lambda)V_{t-1}^k + \lambda\beta_{t-2}^k > \beta_{t-2}^k \Leftrightarrow (1-\lambda)V_{t-1}^k > (1-\lambda)\beta_{t-2}^k \Leftrightarrow V_{t-1}^k > \beta_{t-2}^k.$$

С помощью уравнения (4) оценим вероятность восприятия аудиовизуальной порции ОИ в момент времени t , данной k -му ученику для заучивания:

$$V_{t-1}^k = \frac{\beta_{t-1}^k - \lambda\beta_{t-2}^k}{(1-\lambda)}.$$

Заключение

В статье были проанализированы материалы международных исследований в области изучения аудиовизуального восприятия порций обучающей информации Оклендского университета [5], Венецианского университета [6], Мюнхенского технологического университета [7], Ливенского университета [8]. Вследствие этого можно сделать вывод, что модель Adstock позволяет сформулировать и обобщить информацию о сроках и масштабах обучающего воздействия порции аудиовизуальной информации, а также может быть использована для построения математической модели восприятия аудио- и видеoinформации в процессе обучения, так как фактически реклама есть порция аудиовизуальной информации, которую необходимо запомнить.

Список литературы

1. Adstock Modelling: The University of Aucland. – URL: <http://www.stat.auckland.ac.nz/~balemi/AdstockModelling.ppt>.
2. **Ellero, A.** Leading advertisers efficiency evaluated by data envelopment analysis / A. Ellero, S. Funari, E. Moretti // Dept. of Applied Mathematics. – University of Venice, 2008. – P. 17.
3. **Broadbent, S. S.** Building Better TV Schedules: New Light from the Single Source / S. S. Broadbent // Journal of Advertising Research. – 1997. – Vol. 37 (4). – P. 27–31.
4. **Broadbent, S. S.** Modeling with Adstock / S. S. Broadbent // Journal of the Market Research Society. – 1984. – Vol. 26 (4). – P. 295–312.
5. **Broadbent, S. S.** One Way TV Advertisements Work / S. S. Broadbent // Journal of the Market Research Society. – 1979. – Vol. 23, № 3.

6. Evaluation of the Auckland CFL promotion: Colmar Brunton research agency. – URL: http://www.energymad.com/nz/Files/Reports/Report_AKLColmarBrunton_1206.pdf.
7. **Gijsenberg, M. J.** Understanding the timing and magnitude of advertising spending patterns / M. J. Gijsenberg, H. J. van Heerde, M. G. Dekimpe. – Catholic University of Leuven, 2009.
8. **Joy, V. J.** Understanding advertising Adstock transformations / V. J. Joy // Munich Personal RePEc Archive. – URL: <http://mpa.ub.uni-muenchen.de/7683>.
9. **Беспалько, В. П.** Программированное обучение. Дидактические основы / В. П. Беспалько. – М. : Высшая школа, 1970. – 299 с.
10. **Дайнеко, В. Г.** Воспроизводство интеллектуального капитала в экономике, основанной на знаниях / В. Г. Дайнеко, Е. Ю. Дайнеко // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2013. – Т. 9, № 4. – С. 150–154.
11. **Дайнеко, В. Г.** Управление интеллектуальным капиталом на российских предприятиях / В. Г. Дайнеко, Е. Ю. Дайнеко // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2008. – Т. 4, № 4. – С. 37–40.
12. **Растрин, Л. А.** Адаптивное обучение с моделью обучаемого / Л. А. Растрин. – Рига : Зинатне, 1988. – 160 с.

References

1. *Adstock Modelling: The University of Aucland*. Available at: <http://www.stat.auckland.ac.nz/~balemi/AdstockModelling.ppt>.
2. Ellero A., Funari S., Moretti E. *Dept. of Applied Mathematics*. University of Venice, 2008, p. 17.
3. Broadbent S. S. *Journal of Advertising Research*. 1997, vol. 37 (4), pp. 27–31.
4. Broadbent S. S. *Journal of the Market Research Society*. 1984, vol. 26 (4), pp. 295–312.
5. Broadbent S. S. *Journal of the Market Research Society*. 1979, vol. 23, no. 3.
6. *Evaluation of the Auckland CFL promotion: Colmar Brunton research agency*. Available at: http://www.energymad.com/nz/Files/Reports/Report_AKLColmarBrunton_1206.pdf.
7. Gijsenberg M. J., H. J. van Heerde, Dekimpe M. G. *Understanding the timing and magnitude of advertising spending patterns*. Catholic University of Leuven, 2009.
8. Joy V. J. *Munich Personal RePEc Archive*. Available at: <http://mpa.ub.uni-muenchen.de/7683>.
9. Bepal'ko V. P. *Programmirovannoe obuchenie. Didakticheskie osnovy* [Programmed teaching. Didactic basis]. Moscow: Vysshaya shkola, 1970, 299 p.
10. Dayneko V. G., Dayneko E. Yu. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Voronezh State Technical University]. 2013, vol. 9, no. 4, pp. 150–154.
11. Dayneko V. G., Dayneko E. Yu. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Voronezh State Technical University]. 2008, vol. 4, no. 4, pp. 37–40.
12. Rastrigin L. A. *Adaptivnoe obuchenie s model'yu obuchaemogo* [Adaptive teaching with student's model]. Riga: Zinatne, 1988, 160 p.

Сумин Виктор Иванович

доктор технических наук, профессор,
кафедра информатики и методики
преподавания математики, Воронежский
государственный педагогический
университет
(Россия, г. Воронеж, ул. Ленина, 86)

E-mail: viktorsumin51@yandex.ru

Sumin Viktor Ivanovich

Doctor of engineering sciences, professor,
sub-department of infromatics
and mathematics teaching technique,
Voronezh State Pedagogical University
(86 Lenina street, Voronezh, Russia)

Чумакова Вероника Владимировна

аспирант, Воронежский государственный
педагогический университет
(Россия, г. Воронеж, ул. Ленина, 86)

E-mail: v.v.chumakova@mail.ru

Chumakova Veronika Vladimirovna

Postgraduate student, Voronezh
State Pedagogical University
(86 Lenina street, Voronezh, Russia)

УДК 37.022

Сумин, В. И.

Оптимизация процессов обучения с помощью модели Adstock /
В. И. Сумин, В. В. Чумакова // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 239–246.

М. В. Головушкина, О. С. Воячек

НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность обращения к проблеме развития нравственной культуры специалиста юридического профиля обусловлена ценностно-смысловой ситуацией в современном обществе. Социальное воздействие на молодое поколение в сравнении с педагогическим во многих случаях стало доминирующим. Исчезают такие важные аксиологические черты личности, как долг, ответственность, честь. В статье описываются возможности нравственного воспитания будущих юристов в процессе языкового образования. Авторами статьи формулируется основная задача исследования – выявить возможности нравственного воспитания посредством иностранного языка; привлечь коллег к совместному обсуждению данной проблемы.

Материалы и методы. В основе исследования лежат педагогические (аксиологический, гуманно ориентированный и системно-синергетический) социологические (психологический и коллективистический) и лингвистические (комплексный) подходы и методы, позволившие многосторонне изучить проблему и решить поставленные исследовательские задачи. Методами и методиками исследования послужили профессионально направленные тексты, ситуации, требующие осуществления морального выбора, коммуникативные виды деятельности, актуализирующие проявления индивидуального правового сознания студентов, формирующие их позицию как субъектов права и граждан правового государства.

Результаты. В результате социологического опроса студентов первого курса юридического факультета Пензенского государственного университета были выявлены те профессионально-деловые и морально-этические качества, которые, по их мнению, необходимы юристу-профессионалу. Поэтому практическая задача исследования – правильно и адекватно педагогическим целям спроектировать образовательный процесс, направленный на развитие нравственной культуры будущих юристов в рамках преподавания дисциплины «Английский в юриспруденции».

Выводы. Научную новизну исследования определяет то, что оно обогащает практическую составляющую преподавания профессионального английского языка в современных образовательных учреждениях и открывает новые возможности для студентов и преподавателей иностранного языка.

Ключевые слова: нравственное воспитание, языковое образование, иностранный язык, формирование нравственных качеств, юрист, нравственность, нравственный выбор.

М. V. Golovushkina, O. S. Voyachek

MORAL ASPECT OF FUTURE LAWYERS' LINGUISTIC EDUCATION (ON THE BASIS OF THE ENGLISH LANGUAGE MATERIAL)

Abstract.

Background. The actuality of appealing to the problem of the legal specialists' moral culture development is a result of the value-based situation in our contempo-

rary society. Social impact on the young generation predominates over pedagogical measures. Important axiological features of any personality such as duty, responsibility and honor are disappearing. This article describes the possibilities of future lawyers' moral training with the help of linguistic education. The authors of the article defined the main problem of their investigation. It is to reveal the possibilities of future lawyers' moral training by means of foreign language; to draw colleagues' attention to this problem.

Materials and methods. The research was based on pedagogical (axiological and human-oriented approaches, synergetic and system analysis), sociological (psychological and collective approaches) and linguistic (integrated approach) approaches and methods, permitting to study all sides of the problem and solve the assigned research aims. Professional texts, situations requiring moral choice, communicative activities actualizing the demonstration of students' individual law consciousness, their position as subjects of law and citizens of law society were used by the authors as means of investigation.

Results. As a result of the survey conducted between the first year students of the Law Faculty of Penza State University their most important professional, business, mental and ethical qualities were discovered. That's why the practical purpose of the research is to develop the educational process directed to future lawyers' moral training within the framework of the subject «English in Law» and to organize it correctly and according to pedagogical principles.

Conclusions. Scientific originality of the investigation is determined by the fact that the research enriches the practical component of the English language teaching for professional purposes in contemporary educational establishments and opens new possibilities for students and foreign language teachers.

Key words: moral training, language learning, foreign language, forming of moral qualities, lawyer, morality, moral choice.

Актуальность обращения к проблемам развития нравственной культуры будущих юристов обусловлена ценностно-смысловой ситуацией в современном российском обществе, которая характеризуется негативными явлениями в духовно-нравственной сфере. Социальное влияние на молодое поколение в сравнении с педагогическим во многих случаях стало доминирующим. В психолого-педагогической литературе и практике все чаще речь идет о том, что исчезают такие важные аксиологические черты личности, как долг, ответственность, честность.

Мораль эффективна лишь тогда, когда ее нормы реализуются в индивидуальном сознании (традициями семейного воспитания, средствами образовательно-воспитательной системы, СМИ и др.) и находят в нем живой отклик, проявляясь в многообразных моральных переживаниях, солидарности и сотрудничестве людей в совместной деятельности. Моральные нормы и требования стимулируют развитие нравственных принципов, убеждений, чувств, на которых основывается нравственное сознание.

Нравственность специалистов юридического профиля приобретает особое значение, так как отсутствие у них высоких нравственных качеств означает отсутствие законности в государстве, где они осуществляют свою деятельность [1, с. 156]. В сложной ситуации нравственного выбора юрист должен опираться не только на профессиональные знания и умения, но и на личностные качества, которые помогут ему справиться с возникающими трудностями. Специалисты в области права, обладающие необходимыми личностными и профессиональными качествами, могут обеспечить создание мораль-

но-правового климата в обществе, который гарантирует реальную свободу поведения личности и обеспечивает ее права, социальную защищенность, уважение ее достоинства.

Цель исследования – выявить возможности нравственного воспитания будущих юристов средствами иностранного языка; привлечь коллег к совместному обсуждению данной проблемы.

Иностранный язык, так же как и другие академические предметы (история, философия, социология, психология и др.), является инструментом развития, воспитания и образования молодого поколения. В процессе общения на иностранном языке снимаются психологические и лингвоэтнические (языковые и культурные) барьеры, устанавливаются причинно-следственные связи, развивается логическое мышление, умение в сложных условиях оставаться терпимым и рассудительным, формируется гибкий, конструктивный и прогностический характер мышления, умение анализировать ситуацию с разных позиций.

Язык как культурный код нации является инструментом проникновения и интерпретации правовой и нравственной культуры, ментальности того или иного народа. Знания и представления о мире, типичные для представителей национальных языков, образуют национальную языковую картину мира. Под этой картиной понимается целостный, глобальный образ мира, который есть результат всей духовной активности человека, всех его контактов с миром – бытового взаимодействия, предметно-практической деятельности, умопостижения мира [2, с. 31]. Изучая дисциплину «Иностранный язык в юриспруденции», студенты знакомятся с политико-правовой культурой общества, его идеологией, нравственными и религиозными ценностями.

По мнению профессора социальной антропологии Кембриджского университета Яна Мак Фарлейна, «Every civilization has something which really you can point to, and say “If you understand that, you can understand everything else about their society.” If you go to India you can look at their religious system; if you go to America, you would probably look at their economy; if you go to China, traditionally you would look at their educational and political system. If you then went to England at any time within the last five hundred years and you were with a foreigner, and he said “Point me to the area by which I could understand you,” you would say “Law”. It’s an odd thing because there is hardly any other civilization where you could have said this, but certainly in England... Everything is “Law”. This is our greatest institution; our most sophisticated and developed institution. It encompasses everything – it encompasses government, thought, economic activity and it is wonderfully complex, and very continuous. It is the thing that generates almost everything else. So, as has been said, “it is a nation – an island of law”. (Ian MacFarlane, a Cambridge Professor of Social Anthropology)» [3, с. 16–17] («Каждая цивилизация имеет свою отличительную черту, и если вы определите ее, то поймете все об этом обществе. Если вы поедете в Индию, то можете познакомиться с ее религиозной системой; если поедете в Америку, вы, вероятно, обратите внимание на ее экономику; если посетите Китай, традиционно вы посмотрите на образовательную и политическую системы. Если бы вы, будучи иностранцем, побывали в Англии в любой период времени за последние пятьсот лет и попросили: «Укажите мне область, узнав которую, я могу понять вас», вам бы ответили: «Это закон». Это излишне,

потому что едва ли найдется другая цивилизация, где бы вам могли сказать так, но, конечно же, в Англии... все есть «закон». Это величайший институт; наш наиболее сложный и развитый институт. Он включает все – он включает правительство, мысль, экономическую деятельность и он удивительно сложный и непрерывный. Это то, что включает почти все. Итак, можно сказать, что это нация – остров закона»).

В рамках данного исследования делается попытка спроектировать образовательный процесс, направленный на развитие нравственной культуры будущих юристов, в рамках дисциплины «Английский в юриспруденции». Нравственное развитие может существенно изменить первоначальные доминанты интересов человека и продвинуть его на пути освоения богатств и ценностей мирового социально-правового опыта.

Образовательный процесс, направленный на развитие нравственной культуры будущих юристов в рамках дисциплины «Английский в юриспруденции», строится на основе: *аксиологического подхода* (И. В. Блинов, В. Н. Введенский, С. Ф. Егоров, Б. Т. Лихачев, Н. Д. Никандров, З. И. Равкин, В. А. Слостенин и др.), который реализуется в отборе воспитательных ценностей в теоретическом и конкретно-историческом аспекте; *комплексного подхода* (В. А. Кожемякина, Е. Н. Сергеева, К. М. Левитан, А. И. Фефилов), необходимого для анализа юридических документов, аутентичных текстов по юриспруденции при учете их лексических и грамматических составляющих; *гуманно ориентированного и системно-синергетического подходов* (И. А. Зимняя, Г. Н. Сериков, С. Г. Сериков, Е. Г. Шрайбер), основными проявлениями которых являются учет принципа гуманизма в образовании, природосообразности, во взаимодействии участников образования, в развитии гуманного в личностном и межличностном общении [4]; *психологического подхода* (Е. С. Кузьмин, В. Н. Мясичев, Б. Д. Парыгин, А. К. Уледов), который объясняет поведение с точки зрения его значимости для людей как личностей; *коллективистического подхода* (А. И. Антонов, Л. Г. Борисова, Ю. Г. Волков, М. С. Мацковский, В. Г. Мордкович, В. Н. Турченко, Е. А. Якуба), который применяется при изучении двух или более людей, образующих группу или организацию. Применение социологических подходов и методов поможет изучить мотивы, социальные установки и представления студентов.

Для осуществления образовательного процесса преподавателями кафедры «Английский язык» Пензенского государственного университета было разработано несколько учебно-методических пособий: «English for lawyers» [5], «Mini-dictionary for lawyers» [6], «Английский язык для юристов-заочников» [7]. Ведется работа над учебным пособием «English for Professional Communication in Law. Problem Solving», одной из задач которого является формирование правовой культуры, основывающейся на культуре нравственной и политической. Книга предназначена для студентов юридического факультета направления «Бакалавр в юриспруденции» и специальности «Правоохранительная деятельность». Изучение иностранного языка означает одновременное изучение политико-правовой системы.

На первоначальном этапе нами был проведен социологический опрос по теме «Качества, необходимые будущему юристу в современном российском обществе» среди студентов первого курса юридического факультета Пензенского государственного университета. Из 20 профессиональных, мо-

рально-этических и интеллектуальных качеств, предложенных в списке, студенты должны были выбрать 10 наиболее значимых для них и пронумеровать их от 1 до 10 по степени важности.

Согласно результатам, полученным в ходе анализа анкет, 80 % респондентов считают профессионализм самым важным качеством; ответственность (66 %) занимает второе место; такие морально-этические качества, как честность (60 %) и совесть (59 %) были поставлены на третье и четвертое место соответственно; отмечены также такие профессионально-деловые качества, как: рассудительность (57 %), наблюдательность (56 %), любовь к своей профессии (51 %), глубина и логичность мышления (48 %), здравый смысл (47 %), работоспособность (16 %). Твердость моральных устоев (14 %), законопослушность (11 %), принципиальность (10 %), гуманность (8 %), эрудиция (5 %), уравновешенность (5 %), высокие этические взгляды (3 %), дисциплинированность (2 %), долг (2 %) были также отмечены рядом респондентов. Такое качество, как самокритичность, не было выбрано ни одним опрошенным.

Таким образом, мы можем сделать предположение о том, что будущие юристы ставят профессионально-деловые качества выше, чем морально-этические, эмоционально-волевые и интеллектуальные.

Конечно, недостаточно даже самых настойчивых и энергичных акций по развитию у студентов нравственно-правовой культуры, чтобы в обществе едва ли не в одночасье утвердилась действительно правовая и нравственная культура [1, с. 159]. В рамках нашего исследования на занятиях по дисциплине «Английский в юриспруденции», наряду со сведениями по страноведению и юридическими документами, предлагались материалы, затрагивающие вопросы нравственного характера. Важную роль здесь играет отбор содержания на основе постановки новых вопросов и проблем, значимых для современных студентов. Например, в ходе предтекстового этапа предлагается рубрика «Brainstorm» (мозговой шторм), которая включает изречения великих людей, или крылатые выражения, касающиеся моральной стороны того или иного юридического вопроса. Студентам необходимо осмыслить предлагаемое изречение и кратко высказать свое отношение к нему. Афоризмы подобраны таким образом, чтобы в комментариях студентов присутствовала неоднозначная оценка различных ситуаций: с точки зрения задач и требований современного общества, выраженных в общественном мнении, и с исторической точки зрения.

Laws haven't changed since primeval times. – Законы не изменились с первобытных времен.

However hard people try, laws are always insufficient. – Как бы люди ни старались, законы всегда недостаточны.

Laws are not for ordinary people, they are for lawyers. – Законы не для обычных людей, они – для юристов.

All laws are situational. They suit only a particular place at a particular time. – Законы ситуационны. Они соответствуют определенному месту и времени.

There is some eternal law. It is good for all times and places. – Существуют вечные законы, подходящие для любого места и времени.

Для аргументированного выражения своих мыслей студентам предлагается использовать «Useful language»: moreover (к тому же), besides (кроме

того), on the one hand (с одной стороны), on the other hand (с другой стороны), in my opinion (по моему мнению).

Огромную роль в развитии нравственной культуры личности играют разнообразие и богатство жизненных связей и интересов, способность не ограничивать себя узким кругозором непосредственного и практически необходимого. Нравственный анализ правовых кодексов прошлого (Законы Хаммурапи, Кодекс Солона, Хартия Вольностей) и сравнение социально-правовых систем современных государств (России, Великобритании, Соединенных Штатов Америки) раздвигают горизонты профессионального и личного развития и открывают возможности для всестороннего самосовершенствования. Законодательные тексты призваны не просто информировать, но еще и предписывать действия и пробуждать высокое чувство уважения закона.

Целесообразны дискуссии по актуальным общественным проблемам. Например, студентам можно предложить обсудить распространенное мнение о том, что недоверие народа к представителям юридической профессии связано с их нечестностью, с коррупцией, дороговизной и запутанностью услуг и т.д. Яркие сцены судопроизводства, образы судебных клерков, адвокатов, судей представлены в произведениях английской классики (например, «Bleak House» («Холодный дом»), «The Pickwick Papers» («Записки Пиквикского клуба») Чарльза Диккенса).

A man may as well open an oyster without a knife, as a lawyer mouth without a fee (Charles Dickens). – Как человек не откроет устрицу без ножа, так и юрист не откроет рта без оплаты.

The lawyers have twisted it into such a state of bedevilment that the original merits of the case have long disappeared from the face of the earth. It's about a will and the trusts under a will—or it was once. It's about nothing but costs now [8, с. 83] (Charles Dickens). – Юристы ухитрились так ее запутать, превратить ее в такую чертовщину, что если вначале она имела какой-то смысл, то теперь его давно уже нет. Спор в этой тяжбе идет об одном завещании и праве распоряжаться наследством, оставленным по этому завещанию... точнее, так было когда-то. Но теперь спор идет только о судебных пошлинах.

A lawyer is a learned gentleman who rescues your estate from your enemies and keeps it himself (Henry Brougham). – Юрист – это обученный джентльмен, который отбирает ваше состояние у ваших врагов и оставляет его у себя.

Читая аутентичные материалы, студенты приобщаются к иноязычной культуре, приоткрывают дверь в неизвестный мир, знакомятся с иной ментальностью, путешествуют во времени и пространстве, оставаясь в стенах учебной аудитории. Однако задача преподавателя не только снять лексические и грамматические трудности, чтобы помочь студентам понять и проанализировать данные отрывки, но и ненавязчиво указать на необходимость заботиться о нравственной чистоте профессии, сохранять ее, оберегать от порочащих действий со стороны ее представителей. Можно предложить найти положительные примеры профессиональной деятельности юристов в СМИ (и других источниках). Подобная форма работы способствует превращению накопленной информации и правовых знаний в правовые убеждения, привычки правомерного поведения и формированию нравственного и правового сознания в действии.

Согласно данным социологического опроса, студенты не считают долг первостепенным качеством. В категории долга на уровне общественного

мнения представлена совокупность обязанностей человека перед обществом, а на уровне индивидуального сознания – понимание личностью этих обязанностей и принятие их ею. Студентам предлагается решить ряд моральных дилемм, затрагивающих вопросы исполнения долга:

It is not necessary to feel bad about the job because you are doing what you are told to do. – Нет необходимости чувствовать угрызения совести по поводу работы, потому что ты делаешь то, что тебе говорят.

Sometimes you have to kill in order to protect yourself. – Иногда ты должен убить, чтобы защитить себя.

It is not easy to decide where justice stops and crime begins. – Нелегко решить, где заканчивается справедливость и начинается преступление.

The punishment is similar to the crime. – Наказание похоже на преступление.

Every day there is a risk of dying while you are doing your job. – Каждый день есть риск умереть, выполняя свою работу.

Необходимо объяснить студентам, что при разрешении моральных дилемм единого правильного мнения может не быть, но необходимо помнить о высокой нравственной роли юриста в разрешении сложных моральных конфликтов.

В процессе решения проблемных задач и ситуаций внимание должно быть направлено на выработку важных для юриста нравственных качеств. Так, основополагающей моральной категорией является совесть, отражающая способность личности к эмоциональной оценке совершенных и совершаемых ею поступков, соотносимых с идеей должного. Совесть – это «сторожевой пункт» общества в индивидуальном сознании [3]. Она ограждает общество и людей от нежелательных поступков, пробуждая в них тягостное состояние, называемое голосом или угрызением совести. Масштабы оценки поступков сквозь призму совести зависят от степени социализированности личности и связанной с ней нравственной чуткости.

Студентам необходимо научиться объективно оценивать сложившуюся проблемную ситуацию, приближенную к реалиям их будущей профессии, принимать правильное решение в системе речевых действий на иностранном языке, сопоставляя свой нравственно-правовой выбор с требованиями закона, что в дальнейшем позволит использовать выработанные на занятиях по иностранному языку навыки и умения на занятиях по другим правовым дисциплинам.

На наш взгляд, содержание обучения иностранному языку студентов юридического профиля должно быть обогащено нравственными и правовыми ценностями, профессионально-направленными текстами, ситуациями, требующими осуществления морального выбора, коммуникативными видами деятельности, актуализирующими проявления индивидуального правового сознания студентов [9, с. 7], их позицию как субъектов права, правозащитной деятельности и граждан правового государства.

Список литературы

1. **Белоножко, В. Ю.** Нравственный образ государственного служащего при построении социально-правового государства в Российской Федерации / В. Ю. Белоножко // Право и образование. – 2009. – № 3. – С. 159–165.

2. **Левитан, К. М.** Юридический перевод: основы теории и практики : учеб. пособие / К. М. Левитан. – М. : Проспект ; Екатеринбург : Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. – 352 с.
3. **Шрайбер, Е. Г.** Воспитание совести, справедливости и ответственности у будущих юристов на уроках английского языка (в рамках формирующего эксперимента) / Е. Г. Шрайбер. – URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-327237.html>
4. **Rivlin, G.** Understanding the Law / G. Rivlin ; Fifth Edithion. – Oxford University press, 2009. – 389 p.
5. **Головушкина, М. В.** English for lawyers / М. В. Головушкина, О. С. Воячек, С. В. Трякина. – Пенза : Информационно-издательский центр ПГУ, 2010. – 197 с.
6. **Головушкина, М. В.** Mini-dictionary for Lawyers : справочное руководство к учебному пособию «English for lawyers» / М. В. Головушкина, О. С. Воячек. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2011. – 83 с.
7. **Головушкина, М. В.** Английский язык для юристов-заочников : учеб. пособие / М. В. Головушкина, О. С. Воячек. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2011. – 101 с.
8. **Dickens, Ch.** Bleak House / Ch. Dickens ; Web edition. – Global Grey, 2013. – URL: <http://www.globalgrey.co.uk/Books/Classics/Bleak-House.pdf>
9. **Пуленко, Г. А.** Воспитание правового сознания будущих юристов в процессе изучения иностранного языка : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Пуленко Г. А. – Ростов н/Д, 2009. – 157 с.

References

1. Belonozhko V. Yu. *Pravo i obrazovanie* [Law and education]. 2009, no. 3, pp. 159–165.
2. Levitan K. M. *Yuridicheskiy perevod: osnovy teorii i praktiki: ucheb. posobie*. [Juridical translation: basic theory and practice: tutorial]. Moscow: Prospekt; Ekaterinburg: Izdatel'skiy dom «Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya», 2011, 352 p.
3. Shrayber E. G. *Vospitanie sovesti, spravedlivosti i otvetstvennosti u budushchikh yuristov na urokakh angliyskogo yazyka (v ramkakh formiruyushchego eksperimenta)* [Fostering of conscience, justice and responsibility in future lawyers at English language lessons]. Available at: <http://do.gendocs.ru/docs/index-327237.html>
4. Rivlin G. *Understanding the Law*. Fifth Edithion. Oxford University press, 2009, 389 p.
5. Golovushkina M. V., Voyachek O. S., Tryakina S. V. *English for lawyers*. Penza: Informatsionno-izdatel'skiy tsentr PGU, 2010, 197 p.
6. Golovushkina M. V., Voyachek O. S. *Mini-dictionary for Lawyers: spravochnoe rukovodstvo k uchebnomu posobiyu «English for lawyers»*. Penza: Izd-vo PGU, 2011, 83 p.
7. Golovushkina M. V., Voyachek O. S. *Angliyskiy yazyk dlya yuristov-zaochnikov: ucheb. posobie* [English language for extramural students of law faculties: tutorial]. Penza: Izd-vo PGU, 2011, 101 p.
8. Dickens Ch. *Bleak House*. Web edition. Global Grey, 2013. Available at: <http://www.globalgrey.co.uk/Books/Classics/Bleak-House.pdf>
9. Pulyenko G. A. *Vospitanie pravovogo soznaniya budushchikh yuristov v protsesse izucheniya inostrannogo yazyka: dis. kand. ped. nauk: 13.00.08* [Fostering legal consciousness of future lawyers in the process of English language learning: dissertation apply for the degree of the candidate of pedagogical sciences]. Rostov-on-Don, 2009, 157 p.

Головушкина Марина Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра английского языка, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: marina52004@mail.ru

Golovushkina Marina Vladimirovna
Candidate of pedagogical sciences,
associate professor, sub-department
of English language, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Воячек Ольга Станиславовна
старший преподаватель, кафедра
английского языка, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: voachek@mail.ru

Voyachek Olga Stanislavovna
Senior lecturer, sub-department of English
language, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 372.881.111.1

Головушкина, М. В.

**Нравственный аспект языкового образования будущих юристов
(на материале английского языка) / М. В. Головушкина, О. С. Воячек //**
Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные
науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 247–255.

ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ: ДИАГНОСТИКА (ЧАСТЬ I)

Аннотация.

Актуальность и цели. Модернизация высшего образования в условиях вхождения России в глобальное образовательное пространство и переход российского образования на компетентностный подход привели к изменениям в организации образовательного процесса и переориентации на формирование и развитие компетенций. Это должно сопровождаться изменением способов оценки образовательных результатов обучающихся. Цель работы – обосновать квалифицированное применение оценочных средств для исследования компетенций как результата образования.

Материалы и методы. В работе использовался метод сравнительного анализа документов, а именно диагностических методик для измерения компонентов общекультурных компетенций.

Результаты. Подобраны и проанализированы методики, позволяющие оценить динамику формирования и развития общекультурных компетенций в процессе обучения иностранному языку, проследить направление личностного развития студентов: «Изучение самооценки личности», «Выход из трудных жизненных ситуаций», «Восприятие индивидом группы», «Методика оценки способов реагирования в конфликте», тест-опросник способности к эмпатии. Охарактеризованы особенности каждой из методик и обосновано их соотношение с компонентами общекультурных компетенций.

Выводы. Проведенный анализ использования оценочных средств показал, что оценка компонентного состава компетенций может показать наличие, отсутствие и степень выраженности компонентного слагаемого компетенции; причины, определяющие наличие, отсутствие и степень выраженности компонентного слагаемого; значение полученных данных в целостной картине компетенции личности.

Ключевые слова: общекультурные компетенции, диагностические методики, обучение иностранному языку.

О. П. Mikhanova

COMMON CULTURAL (BASIC/KEY) COMPETENCES: ASSESSMENT (PART I)

Abstract.

Background. The higher education modernization process in Russia and competence-based education resulted in changes of the education results assessment. The aim of the work is to analyze some techniques and methods for the common cultural (basic/key) competences assessment.

Materials and methods. The author used a method of comparative analysis of documents, namely, diagnostic methods for estimating components of common cultural competences.

Results. The author has found out some techniques and tests as well as researched and matched them to the common cultural (basic/key) competences components. These tests and techniques can help to monitor the dynamics of the common cultural (basic/key) competences development and students' personal development.

Conclusions. The results obtained show the opportunity to see both the existence and lack of the common cultural (basic/key) competences components.

Key words: common cultural (basic/key) competences development, techniques and methods for the common cultural (basic/key) competences assessment, foreign language teaching.

На современном этапе модернизации российского высшего образования общекультурные компетенции признаются одним из важных результатов профессионального образования, его качества, поскольку развитие личности, ее успешная социализация и адаптация к условиям окружающей действительности – неотъемлемая часть любой профессиональной деятельности.

Изменения в организации образовательного процесса и переориентация на формирование и развитие компетенций должны сопровождаться также и изменением способов оценки образовательных результатов обучающихся. Успешное решение проблемы оценки, как известно, существенно зависит от адекватности оценочных средств. Поскольку компетенция – сложное и объемное качество личности, которое не поддается прямой диагностике, ее отдельные компоненты, такие как знания и умения, могут быть диагностированы (Ю. Г. Татур).

Как показывает практика оценочно-диагностической работы, квалифицированное применение оценочных средств для исследования компетенций зависит от знаний специалистами компонентного состава компетенций, на оценку которых направлены соответствующие методики.

Конечным результатом проведенной оценки компонентного состава компетенции с использованием оценочных и диагностических средств будет:

- описание или анализ выраженности качеств личности, соотнесенных с компетенцией и ее компонентным составом;
- оценка исходной (на момент оценки) степени выраженности компетенции, а также прогноз возможности и целесообразности ее формирования;
- разработка рекомендаций по педагогической коррекции и развитию личности относительно сформированности компонентов общих компетенций.

Процедура выявления показателей сформированности общекультурных компетенций представляет собой изучение и анализ их проявлений, обобщение показателей на основе комплекса объективных критериев, по которым можно судить о ходе и результатах формирования и развития общекультурных компетенций в процессе изучения иностранного языка. Природа формируемых в рамках нашего исследования компетенций, особенности их компонентного состава таковы, что в условиях высшего профессионального образования совокупности знаний, которые, как правило, освоены обучающимися в системе среднего (полного) общего образования, достаточно для формирования соответствующих способов деятельности. Учитывая, что некоторые компоненты общекультурных компетенций начинают формироваться задолго до поступления в вуз (мы начинаем учиться общаться и сотрудничать еще в детстве, в семье, с друзьями; читаем, пересказываем прочитанное, пишем сочинения, другими словами, работаем с информацией и т.п.) и всю жизнь формируются, развиваются и совершенствуются, поэтому на начальном этапе эксперимента нам важно было определить стартовые показатели сформированности общекультурных компетенций (компонентов их состав-

ляющих). Опираясь на мнение ряда ученых (А. М. Князев, Е. В. Земцова, С. Н. Палецкая и др.), мы выбрали методики для диагностики личностных качеств (характерных черт). Студент выбирает варианты ответов на вопросы, которые позволяют исследователю соотнести их с индивидуальными особенностями и предпочтениями обучающихся в связи с компетенцией.

Для оценки социальных компетенций также возможно применение субъективных методов экспертной оценки (диагност сам субъективно по определенной системе шкал признаков оценивает поведение испытуемого или продукты его деятельности) – метода наблюдения. Метод наблюдения – это профессионально-ориентированное восприятие обучающихся в деятельности, фиксирующее внешние проявления компетенций; наблюдение продолжительного процесса, в котором проявляется компетенция. Избирательность фиксации результатов, предполагающая регистрацию только тех показателей, которые важны для оценки конкретной компетенции личности, – также один из принципов этого метода.

В контексте данной статьи общекультурные компетенции представлены следующим образом:

1. Компетенции социального взаимодействия: умение общаться устно; умение сотрудничать; способность учитывать точки зрения и интересы Другого.

2. Компетенции самоорганизации и самоуправления: уверенность в себе; способность работать самостоятельно; способность адаптироваться в изменяющихся обстоятельствах (мобильность).

3. Компетенции самостоятельной познавательной деятельности: способность распознавать трудности и проблемы в знаниях и решать их.

Для проведения диагностики данных компетенций были подобраны методики, позволившие в дальнейшем проанализировать направление личностного развития студентов, оценить динамику формирования и развития общекультурных компетенций: «Изучение самооценки личности», «Выход из трудных жизненных ситуаций», «Восприятие индивидом группы», «Методика оценки способов реагирования в конфликте», тест-опросник способности к эмпатии.

Методика «Выход из трудных жизненных ситуаций» и «Методика оценки способов реагирования в конфликте» определяют типичные доминирующие у человека способы социального взаимодействия. Ключевыми компонентами в формируемых компетенциях являются понятия «умение» и «способность». Согласно «Словарю по образованию и педагогике» под редакцией В. М. Полонского (2005) [1], «умение – освоенный учащимися способ выполнения определенных знаний и навыков, сформированный путем регулярных упражнений и обеспечивающий возможность выполнения разного рода двигательных, сенсорных или умственных действий в привычных или новых условиях» [1]. Первое значение понятия «способность» в «Большом толковом словаре русского языка» определяется как «возможность, умение производить какие-либо действия, делать что-либо, осуществлять какую-либо деятельность» [2]. Таким образом, понятия «умение», «способность» и «способ» могут считаться синонимами в контексте нашего исследования, что облегчит процедуру диагностирования.

Одна из задач современного человека – «научиться жить вместе», а это означает научиться общаться, решать общие задачи, вступать в отношения, уметь строить и поддерживать их, т.е. взаимодействовать. Вопросы формирования компетентности социального взаимодействия в системе образования рассматриваются в работах целого ряда ученых – от документов ЮНЕСКО до специальных исследований, создания специальных, учитывающих ступень образовательной системы тренинговых программ [3]. Применительно к вузу целостная программа обучения общению через участие в социальном взаимодействии (для некоторых профессий типа «человек – человек», по Е. А. Климову) разработана Л. К. Гейхман [4]. Ею предложена последовательность освоения стратегий поведения при специальном обучении взаимодействию: сопротивление, избегание, приспособление, компромисс, сотрудничество (т.е. с последовательным возрастанием продуктивности взаимодействия). Другими словами, взаимодействие – одно из проявлений отношений между людьми, когда они, решая общие задачи, влияя друг на друга и дополняя друг друга, успешно решают эти задачи. При этом, естественно, происходят изменения в тех объектах, на которые направлено их взаимодействие, и в каждом из субъектов. Для организации совместных действий, позволяющих партнерам реализовать некоторую их общую деятельность, важно не только обмениваться информацией, но и планировать общую деятельность, организовывать «обмен действиями». Взаимодействие организуется в ходе совместной деятельности, по поводу ее, и именно в этом процессе людям необходимо общаться по поводу выработки форм и норм совместных действий. Условиями для того, чтобы взаимодействие состоялось и стало эффективным, являются: самостоятельность и активность его субъектов, их контакт, обратная связь и взаимодействие партнеров с помощью обмена информацией. Компетентность социального взаимодействия проявляется как субъектность в совместной деятельности и общении, способность самостоятельно развертывать сотрудничество. А показателями компетентности в сотрудничестве с другими людьми служат доверие, толерантность, эмпатия, рефлексия, умения партнерского взаимодействия. К последним можно отнести умения: осуществления совместных проектов, сотрудничества, разумного и мирного решения неизбежных конфликтов, понимания других и себя, адекватной оценки своих и чужих возможностей, преодоления различных барьеров общения.

Итак, проанализировав работы ряда исследователей [5], мы пришли к выводу, что компоненты компетенции социального взаимодействия в нашем исследовании (умение общаться устно, умение сотрудничать, т.е. совместно заниматься какой-либо деятельностью; способность учитывать точки зрения и интересы Другого) являются умениями партнерского взаимодействия.

На основе теста «Восприятие индивидом группы» [6] можно определить показатели сформированности компетенций социального взаимодействия. Восприятие индивидом группы представляет собой фон, на котором протекает межличностное восприятие, основу формирования и развития социальных универсальных компетенций. Выбранный тест позволяет выявить три возможных «типа» восприятия индивидом группы, где в качестве показателя типа восприятия выступает роль группы в деятельности воспринимающего: «индивидуалистический», когда индивид относится нейтрально к группе, уклоняясь от совместных форм деятельности и ограничивая контакты в обще-

нии; второй тип – «прагматический», когда индивид оценивает группу с точки зрения полезности и отдает предпочтение контактам лишь с наиболее компетентными источниками информации и способными оказать помощь; третий тип – «коллективистический», когда индивид воспринимает группу как самостоятельную ценность, при этом наблюдаются заинтересованность в успехах каждого члена группы и стремление внести свой вклад в жизнедеятельность группы. Таким образом, благодаря этому тесту можно отследить формирование и развитие такого компонента, как умение сотрудничать и способность учитывать точки зрения и интересы Другого.

С помощью методики оценки способов реагирования в конфликте (К. Н. Томас) [2] определяются типичные способы реагирования человека на конфликтные ситуации, выявляются тенденции его взаимоотношений в сложных условиях. Эта методика позволяет выяснить, насколько человек склонен, и склонен ли вообще, к соперничеству и сотрудничеству в коллективе сотрудников, студенческой группе или, наоборот, собирается обострить их. С помощью данной методики можно оценить степень адаптации каждого члена того или иного коллектива к совместной деятельности. Поэтому возможно также отследить развитие умения сотрудничать, умения общаться на основе выявления наиболее предпочитаемых форм социального поведения испытуемых в спорных ситуациях.

Формирование компетенций социального взаимодействия идет от эгоцентризма до принятия Другого (Л. К. Гейхман), его точки зрения, его личности. Поэтому, исследуя формирование и развитие компетенций социального взаимодействия, нельзя обойтись без определения показателей сформированности такого человеческого качества, как эмпатия, которое лежит в основе взаимоотношений людей. Для определения уровня эмпатических тенденций был применен тест-опросник способности к эмпатии (А. Меграбяна, Н. Эпштейна) [1]. Эмпатия (как сопереживание и сочувствие) является механизмом восприятия и понимания людьми друг друга при общении. Эмпатия предполагает эмоциональные непосредственные реакции на поведение других людей, сочувствие им, предугадывание их состояний. Эмпатия способствует идентификации (отождествлению) себя с человеком, находящимся в затруднительном положении, мысленной постановке себя на его место и оказанию на этой основе действенной помощи, пониманию различий между людьми, толерантности. Уместнее скорее говорить об интеллектуальной эмпатии, т.е. уважении и принятии чужой точки зрения в процессе общения, что в конечном итоге помогает развивать способность учитывать точки зрения и интересы Другого (компетенции социального взаимодействия).

Известно, что самооценка, по признанию психологов, представляет собой значимую часть самосознания личности и является одним из важнейших факторов ее развития. В структуре отношений личности самооценке принадлежит особенно важное место. Однако следует отметить, что самооценка не есть нечто данное, изначально присущее личности. Само формирование самооценки происходит в процессе деятельности и межличностного взаимодействия. Общество и круг общения (в студенческом возрасте мнение входящих в круг общения особенно важно) в значительной степени влияют на формирование самооценки личности. Кроме того, самооценка – регулятор поведения, деятельности и взаимоотношений с другими людьми. Таким обра-

зом, процессы самооценки, отслеживаемые в экспериментальной работе, будут относиться к активным проявлениям личности и отражать такие компоненты общекультурных компетенций, как умения партнерского взаимодействия, уверенность в себе, способность работать самостоятельно, способность адаптироваться в изменяющихся обстоятельствах (компетенции самоорганизации и самоуправления).

Говоря о компонентах компетенций самоорганизации и самоуправления, т.е. уверенности в себе, способности работать самостоятельно, способности адаптироваться в изменяющихся обстоятельствах (мобильность), необходимо отметить, что без этих умений формирование и развитие всех остальных компонентов компетенций невозможны. Уверенность в себе способствует партнерскому взаимодействию, решению проблем в учебной деятельности. Способность работать самостоятельно соотносится с компетенциями самостоятельной познавательной деятельности. Умение быть мобильным – это показатель и эффективного социального взаимодействия, и умения осваивать новые знания. Умение социально взаимодействовать, работать с информацией – это, безусловно, решение проблем, преодоление определенных трудностей. Поэтому методика оценки способов выхода из трудных жизненных ситуаций [7] была использована нами для определения показателей сформированности способности адаптироваться в изменяющихся обстоятельствах (компетенции самоорганизации и самоуправления) и способности распознавать трудности и проблемы в знаниях и решать их (компетенции самостоятельной познавательной деятельности). Данный опросник позволяет выявить доминирующий у человека способ решения жизненных проблем. Люди по-разному выходят из затруднительных жизненных ситуаций. Одни мирятся с проблемами, неприятностями, приспосабливаются к ним, предпочитают «плыть по течению», другие проклинаят судьбу, эмоционально разряжаются и в конечном счете также успокаиваются, фактически не решая никаких проблем, третьи замыкаются в себе и предпочитают «не видеть» проблем. На основании общей суммы баллов, набранных испытуемым, судят о типичных для него способах выхода из затруднительных ситуаций. Таким образом, уже доказано, что способность выходить из трудных жизненных ситуаций коррелирует с такими компонентами общекультурных компетенций, как способность адаптироваться в изменяющихся обстоятельствах (компетенции самоорганизации и самоуправления), способность распознавать трудности и проблемы в знаниях и решать их (компетенции самостоятельной познавательной деятельности).

Диагностический инструментальный для формируемых общекультурных компетенций представлен в таблице.

Проведенный анализ использования оценочных средств показал, что оценка компонентного состава компетенций может показать:

- наличие, отсутствие и степень выраженности компонентного слагаемого компетенции;
- причины, определяющие наличие, отсутствие и степень выраженности компонентного слагаемого;
- значение полученных данных в целостной картине компетенции личности.

Формируемые универсальные компетенции	Диагностические методики
<p>Компетенции социального взаимодействия:</p> <ul style="list-style-type: none"> – умение общаться устно; – умение сотрудничать; – способность учитывать точки зрения и интересы Другого 	<ul style="list-style-type: none"> – Включенное наблюдение; методика оценки способов реагирования в конфликте; – включенное наблюдение; методика изучения самооценки личности; тест «Восприятие индивидом группы»; методика оценки способов реагирования в конфликте; – тест «Восприятие индивидом группы»; методика оценки способов реагирования в конфликте; тест-опросник способности к эмпатии
<p>Компетенции самоорганизации и самоуправления:</p> <ul style="list-style-type: none"> – уверенность в себе; – способность работать самостоятельно; – способность адаптироваться в изменяющихся обстоятельствах (мобильность) 	<ul style="list-style-type: none"> – Методика изучения самооценки личности; включенное наблюдение; – включенное наблюдение; методика изучения самооценки личности; – методика изучения самооценки личности; методика оценки способов выхода из трудных жизненных ситуаций
<p>Компетенции самостоятельной познавательной деятельности:</p> <ul style="list-style-type: none"> – умение находить и анализировать информацию из различных источников; – способность распознавать трудности и проблемы в знаниях и решать их 	<ul style="list-style-type: none"> – Включенное наблюдение; методика оценки способов выхода из трудных жизненных ситуаций; – включенное наблюдение; методика оценки способов выхода из трудных жизненных ситуаций

Список литературы

1. Полонский, В. М. Словарь по образованию и педагогике / В. М. Полонский. – М. : Высшая школа, 2004. – 512 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2003. – 1536 с.
3. Проблемы качества образования : материалы XV Всерос. совещания. – М. ; Уфа : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – Кн. 5. Модульное представление социальных компетентностей в системе повышения качества образования. – 68 с.
4. Гейхман, Л. К. Интерактивное обучение общению (общепедагогический подход) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Гейхман Л. К. – Екатеринбург, 2003. – 39 с.
5. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / В. Д. Балин, В. К. Гайда, В. К. Гербачевский [и др.] ; под общ. ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб. : Питер, 2006. – 560 с. – (Практикум по психологии).
6. Бордовская, Н. В. Педагогика : учеб. пособие / Н. В. Бордовская, А. А. Реан. – СПб. : Питер, 2006. – 304 с.

7. **Немов, Р. С.** Психология : учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений : в 3 кн. Кн. 3. Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики / Р. С. Немов. – 4-е изд. – М. : ВЛАДОС, 2001. – 640 с.

References

1. Polonskiy V. M. *Slovar' po obrazovaniyu i pedagogike* [Dictionary of pedagogy and education]. Moscow: Vysshaya shkola, 2004, 512 p.
2. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great explanatory dictionary of Russian language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. Saint-Petersburg: Norint, 2003. – 1536 s.
3. *Problemy kachestva obrazovaniya: materialy XV Vseros. soveshchaniya* [Education quality problem: proceedings of XV All-Russian conference]. Moscow; Ufa: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2005. Bk. 5. Modular representation of social competences in the system of education quality improvement. 68 p.
4. Geykhman L. K. *Interaktivnoe obuchenie obshcheniyu (obshchepedagogicheskiy podkhod): avtoref. dis. d-ra ped. nauk* [Communication interactive teaching (common pedagogical approach): author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of pedagogical sciences]. Ekaterinburg, 2003, 39 p.
5. Balin V. D., Gayda V. K., Gerbachevskiy V. K. et al. *Praktikum po obshchey, eksperimental'noy i prikladnoy psikhologii* [General, experimental and applied psychology tutorial]. Saint-Petersburg: Piter, 2006, 560 p. (Psychology tutorial).
6. Bordovskaya N. V., Rean A. A. *Pedagogika: ucheb. posobie* [Pedagogy: tutorial]. Saint-Petersburg: Piter, 2006, 304 p.
7. Nemov R. S. *Psikhologiya: ucheb. dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedeniy: v 3 kn. Kn. 3. Psikhodiagnostika. Vvedenie v nauchnoe psikhologicheskoe issledovanie s elementami matematicheskoy statistiki* [Psychology: tutorial for pedagogical universities: in 3 books. Book 3. Psychodiagnostics. Introduction into scientific psychological research with elements of mathematical statistics]. Moscow: VLADOS, 2001, 640 p.

Миханова Ольга Павловна

кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра английского языка, директор
Центра повышения квалификации
и дополнительного образования,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: mikhanova@mail.ru

Mikhanova Ol'ga Pavlovna

Candidate of pedagogical sciences,
associate professor, sub-department
of English language, director of the Center
of quality improvement and additional
training, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 372.881.111.1

Миханова, О. П.

Общекультурные компетенции: диагностика (часть I) / О. П. Миханова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 256–263.

РЕЦЕНЗИИ

Сафронова, Ю. А. Русское общество в зеркале революционного террора, 1879–1881 годы : моногр. / Ю. А. Сафронова. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 376 с.

Отечественная историография последних десятилетий обогатилась многочисленными исследованиями, посвященными изучению феномена революционного террора второй половины XIX – начала XX в., как в общероссийском [1–7], так и локальном измерениях [8, 9]. Рецензируемая монография – итог работы над кандидатской диссертацией, защищенной в 2010 г. в Санкт-Петербургском Институте российской истории РАН Ю. А. Сафроновой, являющейся ныне координатором программы «Реформы и реформаторство в судьбах России» (Европейский университет в Санкт-Петербурге). Ряд положений исследования был воплощен в нескольких статьях, опубликованных в научных журналах и сборниках [10, 11]. Перед автором стояли достаточно сложные задачи. Солидные исследования, посвященные изучению революционного народничества и общественно-политического развития пореформенной России сформировали устойчивые традиции в российской историографии. Однако было бы неправомерным утверждать о заполнении всех лакун в постижении смыслов радикальных практик в переходные периоды отечественной истории. Ю. А. Сафроновой представлено свое видение образа русского общества в контексте потрясений последних лет правления Александра II.

В первой части монографии автором рассмотрено формирование информационного поля проблемы терроризма посредством анализа источников информации о террористических актах. Ю. А. Сафроновой внимательно изучена правительственная политика в сфере информирования подданных о действиях народовольцев. Ею сделаны выводы о достаточно слабой эффективности усилий должностных лиц, стремившихся активнее воздействовать на информационное поле посредством применения практики цензурных запретов. По мнению автора, причины подобной ситуации могут быть рассмотрены исходя из отсутствия разработанной и скоординированной пропагандистской политики (с. 70). Власть оказывалась в достаточно сложной ситуации. С одной стороны, замалчивать появление террора становилось невозможно, принимая во внимание различные обстоятельства, в том числе и возросшую роль печати в связи с проведением преобразований цензурного ведомства. С другой стороны, была признана сама опасность возможности «неверного прочтения» публикаций о фактах террора. В конечном итоге подобное положение порождало многочисленные перестраховки в действиях чиновников цензурного ведомства. Небезынтересно отметить, что в оценках глубины проблем в развитии России императорами Александром II и Александром III причины неурядиц в первую очередь объяснялись пробелами в религиозном, нравственном и семейном воспитании, а дефекты внутренней политики уходили на второе место.

Представляется значимым сюжет о роли Русской православной церкви в создании информационного поля. Стилистика обращения к пастве православного духовенства отражала особенности его мировоззрения и многовековых традиций взаимоотношения государства и Церкви. Как отмечает автор, совпадение убийства Александра II и последовавших за этим событием обрядов с Великим постом позволило проповедникам вплести первоапрельскую трагедию в канву евангельского мифа. Таким образом, император как Помазанник Божий был принесен в жертву ради искупления грехов русского народа (с. 92). Это подтверждается многочисленными свидетельствами. Так, корреспондент «Петербургского листка», беседуя с крестьянской депутацией, приводил эмоциональные впечатления прощавшихся со скончавшимся царем: «И лежит наш Царь-Мученик в гробу с кротким и любящим лицом, точно заснул он, батюшка. Образ Спасителя в руках у него, цветы вокруг головы, и сколько благодати на Его лице, столько доброты и любви, что будь каменное сердце, и то дрогнуло бы при виде этого мученика» [12].

На формирование общественного мнения, бесспорно, оказывали воздействие материалы судебных процессов. Именно они позволяют узнать из уст подсудимых мотивацию их действий, выявить особенности формулировок смягчающих вину обстоятельств из уст видных персон российской адвокатуры. Признавая, что голос общества, представленного на процессах присяжными поверенными, был слаб (с. 107), автор справедливо отмечает, что в своих речах они стремились переложить часть ответственности на общество, признавая тяжелое состояние последнего.

В этой связи уместно привести цитату из письма известного адвоката Л. А. Куперника к генерал-губернатору М. И. Черткову: «Преступники политические – большею частью фанатики, их смерть не пугает, они видят в ней венец мученичества и готовы на нее. Но каждая смертная казнь одного политического преступника вызывает ожесточение во всех близких ему по духу и крови, а в политических его единоверцах укрепляет те роковые мысли, которые все более и более обостряют кризис. Политические волнения, как бы ни были они, по-видимому, нелепы и безумны, имеют в корне какую-нибудь идею, а идеи вырубить невозможно. История показывает нам, что во все времена и у всех народов ничто не развивало так какой-либо, хотя бы самой странной, идеи, как смертная казнь ее последователей. Кровь есть самая лучшая почва в этих случаях» [13, с. 100].

Отметим и уместность изучения слухов как одного из каналов формирования общественного мнения. Исследователями указывалось на то обстоятельство, что уже к концу 1860-х гг. возможности диалога правящей элиты с населением оказались исчерпанными, и бюрократия вернулась к привычным каналам связи с подданными [14, с. 11]. В меняющейся обстановке слухи становились порождением страха за жизнь и привычный миропорядок. Опасение оказаться на месте совершения террористического акта обволакивало городскую среду, порождая постоянное напряжение в ней. Автор справедливо обращает внимание на распространение нервных потрясений и бреда, зафиксированных в печати тех лет (с. 173).

Весьма насыщена по содержанию и разнообразию сюжетов вторая часть монографии, в которой рассмотрены такие проблемы, как каналы коммуникации между властью и обществом; образы террористов и их влияние на

восприятие террора; Александр II как «мишень» для террористов; политическое убийство в глазах русского общества. Представляют особый интерес диаграммы, позволяющие составить представление о динамике поданных заявлений с выражением верноподданнических чувств, записок о борьбе с терроризмом и социальном статусе их авторов, а также о составе представителей чиновной иерархии, направивших свои предложения в столицу. Вне внимания автора не остались и сложности изучения данного вида источников. Эмоциональный накал мысли и чувств авторов записок 1879 г. постепенно сменяется большим рационализмом и взвешенностью суждений. Не всегда ими двигала обеспокоенность за судьбу страны, что отразило корыстные намерения, желание решить частные проблемы (с. 223).

Интересно наблюдение Ю. А. Сафроновой о восприятии террора в обществе. «Поиск причин появления в России террористов так или иначе приводил к рассмотрению внешних... материальных обстоятельств... Все это приводило к тому, что ответственность за террор прямо или косвенно возлагалась на правительство и его ошибочную внутреннюю политику» (с. 252–253). При этом осмысление мотивации террора укладывалось в весьма однозначную конструкцию, не позволяющую пристально рассмотреть глубинные причины роста радикализма в обществе и отмечающую просчеты в правительственной политике в качестве основной причины происходящего. Как оказалось (и это весьма точно отмечено Ю. А. Сафроновой), общество в условиях вакханалии террора осознало собственную слабость – не только перед лицом правительства, но и перед немногочисленными соотечественниками, решившими вмешаться в течение дел с помощью динамита (с. 351).

Думается, проблема системного исследования самоорганизации общества, способного разделить ответственность за судьбу своей страны, не утратила своей актуальности, а появление вдумчивых и основательных работ представителей новой генерации российских историков создает условия для продвижения вперед в научном поиске.

В. Ю. Карнишин

Список литературы

1. **Будницкий, О. В.** Терроризм и российское освободительное движение: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века) / О. В. Будницкий. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.
2. **Багдасарян, В. Э.** Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли / В. Э. Багдасарян, А. А. Бакаев ; под науч. ред. Н. Е. Толстой. – М. : ВНИИ МВД России, 2004.
3. Индивидуальный политический террор в России XIX – начала XX века : материалы науч. конф. (г. Москва, 24–25 марта 1995 г.). – М. : Мемориал, 1996.
4. **Щербакова, Е. И.** «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е гг. XIX века) : моногр. / Е. И. Щербакова. – М. : Новый Хронограф, АИРО-XXI, 2008.
5. **Пейч, Д. И.** Колыбель анархистского террора / Д. И. Пейч // Родина. – 2012. – № 12. – С. 109–111.
6. **Чудинов, С. И.** Феномен аберрационной совести в народническом терроризме / С. И. Чудинов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 1 (182). – С. 120–124.
7. **Чудинов, С. И.** Абберрация совести в революционном народничестве (на примере эсеровского терроризма) / С. И. Чудинов // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 381. – С. 160–166.

8. **Гончарова, Е. А.** Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904–1914 гг.: На материалах Саратовской губернии / Е. А. Гончарова ; под ред. А. В. Воронежцева. – Саратов : Научная книга, 2006.
9. **Квасов, О. Н.** Террористические тенденции в народническом движении второй половины XIX века / О. Н. Квасов // Народники в истории России : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Истоки, 2013. – Вып. 1. – С. 128–141.
10. **Сафронова, Ю. А.** Слухи во время террористической компании «Народной воли» 1879–1881 гг. / Ю. А. Сафронова // Слухи в России XIX–XX веков : сб. ст. – Челябинск : Каменный пояс, 2011. – С. 184–203.
11. **Сафронова, Ю. А.** «Нигилист» – «Преступник» – «Недоучка»: Образы террориста и их восприятие русским обществом 1879–1881 гг. / Ю. А. Сафронова // Вестник Пермского государственного университета. Серия «История». – 2010. – № 2. – С. 37–49.
12. Петербургский листок. – 1881. – № 16.
13. **Троицкий, Н. А.** Адвокат, прокурор и смертная казнь (Из прошлого русской адвокатуры) / Н. А. Троицкий // Правоведение. – 1970. – № 5.
14. **Карнишина, Н. Г.** Столица и провинция в России: взаимодействие и взаимовлияние в период системных реформ второй половины XIX в. / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (26). – С. 5–13.

References

1. Budnitskiy O. V. *Terrorizm i rossiyskoe osvoboditel'noe dvizhenie: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Terrorism and the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (the second part of XIX – early XX century)]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000.
2. Bagdasaryan V. E., Bakaev A. A. *Rossiyskiy revolyutsionnyy terrorizm cherez prizmu istoricheskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli* [Russian revolutionary terrorism through the prism of historical and sociopolitical thoughts]. Moscow: VNII MVD Rossii, 2004.
3. *Individual'nyy politicheskiy terror v Rossii XIX – nachala XX veka: materialy nauch. konf. (g. Moskva, 24–25 marta 1995 g.)* [Individual political terror in Russia in the XIX – early XX century: proceedings of the scientific conference (Moscow, 24–25 March 1995)]. Moscow: Memorial, 1996.
4. Shcherbakova E. I. «*Otshchepentsy*». *Put' k terrorizmu (60–80-e gg. XIX veka): monogr.* [“Dregs of society”. Path to terrorism (60s–80s of the XX century)]. Moscow: Novyy Khronograf, AIRO-XXI, 2008.
5. Peych D. I. *Rodina* [Motherland]. 2012, no. 12, pp. 109–111.
6. Chudinov S. I. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2010, no. 1 (182), pp. 120–124.
7. Chudinov S. I. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2014, no. 381, pp. 160–166.
8. Goncharova E. A. *Metody politicheskogo syska Rossii v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v 1904–1914 gg.: Na materialakh Saratovskoy gubernii* [Methods of political investigation in Russia in the struggle against the revolutionary movement in 1904–1914: by the materials of Saratov province]. Saratov: Nauchnaya kniga, 2006.
9. Kvasov O. N. *Narodniki v istorii Rossii : mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Narodniks in the history of Russia: interuniversity collected articles]. Voronezh: Istoki, 2013, iss. 1, pp. 128–141.
10. Safronova Yu. A. *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov: sb. st.* [Gossips in Russia of the XIX–XX centuries: collected articles]. Chelyabinsk: Kamenny poyas, 2011, pp. 184–203.

11. Safronova Yu. A. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»* [Bulletin of Perm State University. Series “History”]. 2010, no. 2, pp. 37–49.
12. *Peterburgskiy listok* [Petersburg leaflet]. 1881, no. 16.
13. Troitskiy N. A. *Pravovedenie* [Jurisprudence]. 1970, no. 5.
14. Karnishina N. G. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2013, no. 2 (26), pp. 5–13.

Карнишин Валерий Юрьевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
Отечества, государства и права,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)
E-mail: valerykarnishin@mail.ru

Karnishin Valeriy Yur'evich

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of history
of Russia, state and law, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, филологии, педагогики, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) и **английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисовочными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Обращаем внимание авторов на то, что перевод имен собственных на английский язык в списке литературы осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru). Для обеспечения единообразия указания данных об авторах статей во всех реферируемых базах при формировании авторской справки при подаче статьи необходимо предоставить перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык, или он будет осуществлен автоматически в программе транслитерации в кодировке BGN.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала «**Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки**» рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:

- **история**
- **филология**
- **педагогика**

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел./факс (841-2) 36-84-87; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «История. Общество. Политика», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Просвещение. Образование. Педагогика». Подписной индекс – 36967.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата «____» _____ 20__ г.